

Ф. Н. Самойлов

ПО СЛЕДАМ
МИНУВШЕГО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ф. Н. Самойлов

ПО СЛЕДАМ МИНУВШЕГО

*С предисловием
Е. М. Ярославского*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1954

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Книга Фёдора Никитича Самойлова относится к мемуарной литературе, которой мы не так богаты; а нужда в такой литературе очень большая, особенно в связи с огромным интересом к изучению истории СССР и истории партии большевиков.

Автор книги «По следам минувшего» связан с юношеских лет с нашей партией. Под руководством Коммунистической партии Ф. Н. Самойлов прошёл суровую школу борьбы. То, о чём автор рассказывает, он сам глубоко пережил. Он рассказывает о деятельности ивановской организации большевиков накануне и в период первой революции, о работе IV Государственной думы, депутатом которой он был, о суде над думской фракцией большевиков в период империалистической войны, о жизни в сибирской ссылке и встречах с И. В. Сталиным.

Читая эту книгу, действительно идёшь по следам минувшего. Она воскрешает в памяти факты героической борьбы партии большевиков за пролетарскую диктатуру. Она помогает более конкретно представить себе эту борьбу. Такие работы, как книга А. Е. Бадаева «Большевики в Государственной думе» и настоящая книга Ф. Н. Самойлова, передают современному читателю, родившемуся уже в период пролетарской диктатуры, «аромат эпохи», когда

партия боролась в подполье с многочисленными врагами пролетариата.

Автор принадлежит к поколению революционных рабочих, которые вошли в ряды организованного рабочего движения накануне первой русской революции. До этого он прошёл суровую школу трудовой жизни в бывшем Иваново-Вознесенском текстильном районе — «русском Манчестере», где эксплуатация рабочих была ужаснейшая, условия жизни исключительно тяжёлые. Обиций заработок семьи Самойловых, состоявшей из отца, матери и сына, работавших на ткацкой фабрике «Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры», составлял в 1901 г. в среднем 32—33 руб. в месяц; отец получал в среднем 16 руб., мать — 10, а сын, автор книги «По следам миновавшего», — 6 р. 50 к. в месяц, причём четвертую часть заработка поглощала оплата жалкой квартиры.

В то время мастер на фабрике большей частью работал на своего хозяина «не за страх, а за совесть». Он не только следил за производством, но наблюдал также и за политическими настроениями, за кругом интересов рабочих и работниц. Интерес к книге у кого-либо из рабочих вызывал уже подозрение. Поэтому, когда молодой текстильщик Фёдор Самойлов стал читать книги, это сразу заставило администрацию обратить на него внимание.

Уже в 1902—1903 гг. Ф. Н. Самойлов знакомится с деятелями ивановской социал-демократической организации и Северного комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Он быстро становится активным деятелем этой партии, распространяет листовки, ведёт устную агитацию. Слова большевиков падали тогда на подготовленную почву. Самойлов вспоминает, как среди революционно настроенных рабочих — а таких было немало на фабриках и заводах — распевали песню о царе-провокаторе:

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпииков,
Царь — изменник, провокатор,
Содержатель кабаков.
Победённый на Востоке,
Победитель на Руси,
Будь же проклят, царь жестокий,
Царь, забрызганный в крови!

Наступает 1905 год. В Иваново-Вознесенске вспыхнула знаменитая майская всеобщая стачка, которая сопровождала

лась многочисленными собраниями на реке Талке. Здесь рабочие проходили политическую школу в «свободном университете», как тогда называли эти собрания и враги и друзья. Это был действительно свободный социалистический университет на открытом воздухе, где лучшие ораторы иваново-вознесенской организации большевиков перед многочисленными собраниями излагали принципы марксистско-ленинской теории, излагали программу партии, разъясняли стратегию и тактику большевизма, учили рабочих организованно и дисциплинированно бороться. Именно в этот период возникает первый Совет уполномоченных, который был зачатком Совета рабочих депутатов.

Сам активный участник этой стачки, один из вожаков рабочих, Ф. Н. Самойлов подробно рассказывает о том, как протекала борьба, как хозяева добивались для защиты своих интересов присылки войск и расстрела безоружных рабочих. Арестованный в тот период в Иваново-Вознесенске и освобождённый по требованию рабочих, Ф. Н. Самойлов принимает участие и в декабрьском движении 1905 г. Он ведёт большую работу в союзе безработных и в профессиональной организации текстильщиков.

Ф. Н. Самойлов подробно описывает в своей книге деятельность виднейших работников ивановской организации: М. В. Фрунзе, О. А. Варенцовой, И. И. Короткова, Ц. С. Бобровской, «Отца» (Афанасьева), Дунаева и многих других. Он подробно описывает участие в выборах и обстановку выборов во II и III Государственные думы. Он рассказывает о партийной и профсоюзной работе в годы столыпинской реакции.

Иногда молодые товарищи неясно представляют себе или даже совсем не могут представить, каким образом в период реакции, когда большевистская партия не имела возможности открыто заявить, что тот или иной кандидат является именно её представителем,— всё же такие кандидаты выставлялись, и большевики вели агитацию за них и добивались их избрания.

В этой книге подробно рассказано, как происходили эти выборы. Так, например, при выборах в III Государственную думу во Владимире за день до выборов депутатов кадетская группа выборщиков устроила предвыборное собрание, пригласив на него и выборщиков от рабочих и крестьян. «На этом собрании,— рассказывает Ф. Н. Самойлов,— выступали представители буржуазных партий:

кадеты, октябристы и прочие монархисты. От второй курии городских избирателей выступал меньшевик. От крестьян выступал Хромов. Он заявил, что, как бы господа помещики ни старались одурачить крестьян, крестьяне всё-таки возьмут у них землю, что земля принадлежит крестьянам и они это хорошо знают и никогда не забудут. Рабочий-выборщик Воронин говорил, что только революционной борьбой рабочие и крестьяне смогут добиться своего освобождения. За эти слова он был остановлен председателем-кадетом, который заявил, что ни о какой борьбе вне степ Государственной думы он говорить на собрании не разрешает. Потом выступил я, указав, между прочим, что только такой борьбой, о которой не разрешает здесь говорить председатель, рабочие и крестьяне смогут улучшить своё тяжёлое положение. Конечно, я был немедленно остановлен председателем».

В период реакции ивановская организация в значительной степени была разгромлена. Отправлены были на каторгу т. Фрунзе и ряд других товарищей; многие получили ссылку, как т. Караваев. Начался разгром профессиональных союзов. Ф. Н. Самойлова снова арестовали, но он вскоре был освобождён.

В период нового революционного подъёма по рабочей курии Иваново-Вознесенска была выставлена кандидатура Ф. Н. Самойлова в IV Государственную думу.

Центральный Комитет большевистской партии, избранный на VI конференции в Праге в январе 1912 г., в избирательной платформе писал:

«Пять лет прошло со времени государственного переворота 3-го июня 1907 года, когда Николай Кровавый, царь ходынский, «победитель и истребитель» первой и второй Думы, отбросил в сторону свои клятвы, обещания и манифесты, чтобы вместе с черной сотней помещиков, вместе с октябристскими купцами привняться мстить рабочему классу и всем революционным элементам России, т. е. громадному большинству народа, за пятый год».

В этот период нового революционного подъёма партия большевиков возглавила массовое движение рабочих, она овладела всеми формами легального и нелегального движения рабочего класса. В числе активных деятелей партии в этот период выступал Ф. Н. Самойлов.

Буржуазия пустила в ход все средства для того, чтобы восстановить рабочих против Ф. Н. Самойлова, вплоть до

того, что в черносотенной газете «Ивановский листок» появилась клеветническая заметка о том, что «избранник т. С. растратил деньги союза ситцепечатников...»

Ф. Н. Самойлову нетрудно было доказать клеветнический характер этого заявления. И когда, несмотря на всю контрреволюционную агитацию против Ф. Н. Самойлова, последний был выбран депутатом в Государственную думу, «Ивановский листок» вынужден был напечатать «необходимые пояснения и извинения перед г. Самойловым».

Ф. Н. Самойлов подробно описывает деятельность большевиков в IV Государственной думе. В этой части он значительно дополняет то, что рассказано в прекрасной книге А. Е. Бадаева «Большевики в Государственной думе». Он описывает свои встречи с Лениным, борьбу против ликвидаторов, деятельность «шестёрки» большевиков, рассказывает о встречах со Сталиным, который, бежав из ссылки, жил одно время на общей квартире у Бадаева и Самойлова. В книге описывается арест Я. М. Свердлова и И. В. Сталина в 1913 г.

Несмотря на отдельные недостатки, работа большевиков в IV Государственной думе являлась образцом умелого сочетания легальной и нелегальной деятельности, образцом большевистской партийной дисциплины и партийного руководства парламентской группой, парламентской фракцией большевиков, образцом связи хотя и немногочисленной группы рабочих депутатов с массами, ибо руководили работой большевистской фракции Ленин, Сталин, Свердлов. Очень широко было использовано право запросов. Нередко Ленин и Сталин сами составляли для депутатов тексты этих запросов, тексты речей, которые депутаты должны были произнести в Государственной думе. Даже оказавшийся в думской фракции провокатор Малиновский вынужден был не раз содействовать успеху большевиков. Об этом Ленин писал в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»:

«Худшим было то, что в 1912 году в ЦК большевиков вошел провокатор, Малиновский. Он провалил десятки и десятки лучших и преданнейших товарищей, подведя их под каторгу и ускорив смерть многих из них. Если он не причинил еще большего зла, то потому, что у нас было правильно поставлено соотношение легальной и нелегальной работы. Чтобы снискать доверие у нас, Малиновский, как член Цека партии и депутат Думы, должен был

помогать нам ставить легальные ежедневные газеты, которые умели и при царизме вести борьбу против оппортунизма меньшевиков, проповедывать основы большевизма в надлежащем образом прикрытой форме. Одной рукой отправляя на каторгу и на смерть десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был другой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу»¹.

Ф. Н. Самойлов рассказывает о том, как осенью 1913 г. в Москве была организована большевистская газета «Наш путь», которая, несмотря на кратковременное существование, сыграла большую роль в жизни московских рабочих.

В книге т. Самойлова рассказывается о совещаниях социал-демократической рабочей фракции с партийными работниками заграницы с участием Ленина, а также описывается совещание в Финляндии.

В начале империалистической войны, в 1914 г., деятельность фракции была значительно затруднена. Большевистская партия осталась единственной партией, которая боролась против шовинистического угара, разоблачала хищнический характер начавшейся войны.

Ф. Н. Самойлов описывает совещание в Озерках, на котором произошёл арест думской фракции. Затем началось «следствие», был организован суд над большевистской думской фракцией и последовал приговор о ссылке её на вечное поселение в Сибирь с лишением всех прав.

В воспоминаниях о тюремном заключении автор приводит пример своих литературных опытов:

Вот открылась дверь тюремная,
Звук засова прогремел.
Одночка полутёмная
Мне досталась в удел...
Обстановка — три предметика,
Все железные они:
Койка, стол и табуреточка —
Все приделаны к стене.
И к осмотру в довершение
Оказалось, что в длину
Шесть шагов лишь в помещении
И четыре в ширину.

В книге описывается ссылка рабочих депутатов в Сибирь, жизнь в ссылке, совещание в селе Монастырском, на

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 28.

котором присутствовали товарищи Сталин, Свердлов, Спандарян и где депутаты впервые делали доклад перед партией о суде над ними и их поведении на суде. Фактически это был доклад думской фракции Русскому бюро ЦК, которое почти целиком находилось в ссылке и участвовало в совещании в селе Монастырском. На этом совещании, как известно, была вынесена резолюция, в основу которой легла чёткая сталинская оценка войны, целиком совпадавшая с ленинской оценкой.

Всякий, кого интересует история большевистской партии, кого интересует прошлое нашей великой социалистической Родины, кто хочет подробно знать путь, пройденный рабочим классом под руководством большевистской партии, с интересом и пользой прочтёт книгу Ф. Н. Самойлова «По следам минувшего».

Ем. Ярославский

1939 г.

ОТ АВТОРА

Материалом для настоящей книги о рабочем движении в Иваново-Вознесенске в начале XX столетия и о работе большевистской фракции IV Государственной думы служили мои (участника описываемых событий) воспоминания, беседы с товарищами по работе, а также архивные и опубликованные в печати материалы и документы.

Для первой части книги — периода моего детства — кроме личных воспоминаний я использовал беседы с моим отцом.

В остальных частях, посвящённых революционному движению, мною использованы наряду с личными воспоминаниями и воспоминаниями товарищей-современников также документы Историко-революционного архива (дело Московской судебной палаты № 182 за 1910 г. о членах профсоюза ситцепечатников Иваново-Вознесенска; часть дела № 191 об Иваново-Вознесенском союзе РСДРП; отчёт о судебном процессе социал-демократической рабочей фракции IV Государственной думы), газеты: большевистские — «Вперёд», «Пролетарий», «Правда»; буржуазные — «День», «Русские ведомости», «Правительственный вестник»; журнал «Образование».

ДЕРЕВНЯ И ГОРОД

(1880—1890 гг.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕРЕВНЯ. КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ. ДЕТСТВО. РАССКАЗЫ О ФАБРИКЕ

Маленькая убогая деревушка из восемнадцати крытых соломой крестьянских изб приютилась на берегу речки Безымянки, в двадцати километрах от фабричного города Иваново-Вознесенска, в стороне от больших и малых дорог. Деревушка затерялась в окружающих её больших лесах, принадлежавших помещикам и купцам. «Кругом в лесу,—жаловались мужики,— а дров нет».

Земли у крестьян было мало, да и та скудно родила. Источившая, сотни раз паханная песчаная почва требовала хорошего удобрения, а его не водилось: нехватка кормов не позволяла держать лишнюю скотину. Покосы приходилось покупать у помещика.

Крестьяне поголовно, за исключением нескольких мелких кустарей-сапожников, были бедняками и вести своё нищенское хозяйство без заработка на стороне не могли. Уходили на зиму в город, на фабрики. Почти каждая семья отпускала одного или нескольких работников в город на круглый год, спасая его заработком от окончательного разорения едва державшееся хозяйство. В деревню отходники приходили только по праздникам.

В семи километрах от деревни, в волостном селе, была школа. Но крестьяне, как правило, своих детей в школу не посылали — ходить было далеко, а дети не имели одежды

и обуви; иные чуждались школы из-за своей косности и темноты: «Незачем нам учиться-то, деды и отцы наши прожили свой век неучёными не хуже нас!»

Все в деревне были неграмотны, за исключением одного-двух самоучек, умевших читать святцы и псалтырь.

Мужики считали себя верующими, но в вопросы религии не вникали, обряды исполняли не очень аккуратно. Строго соблюдались только посты и постные дни. В среду и пятницу никто, кроме грудных детей, ничего «скоромного» не ел: питались исключительно хлебом и картошкой. Церковные службы крестьяне посещали редко. Молящиеся совершенно не понимали мудрёного церковнославянского языка, на котором совершались церковные службы. На этом же языке, по памяти, передавалось от поколения к поколению несколько молитв для «домашнего обихода». Содержание и смысл их мало кто понимал.

Так называемый «престольный праздник» всегда заканчивался всеобщим пьянством. Рано утром мужики, бабы и молодёжь ехали в приходское село Лежнево, выстаивали в церкви обедню, заказывали молебны. К обеду возвращались домой. Собирались гости: ближние и дальние родственники и просто друзья-приятели. Начинался обед, поздравления с праздником. Из-за стола вставали пьяными. Затем начиналось «отгащивание». К вечеру деревня перепивалась — вечно тихая и безлюдная улица оглашалась пьяными криками. Всюду галдели, спорили, ругались, орали песни осипшими голосами.

«Праздник» часто кончался большими или малыми драками. Подравшиеся собирались в кучу, выпивали «мировую» водку и... снова ожесточённо дрались. Так проходило два-три дня...

В «престольный праздник» многие пропивали заработки и доходы целых месяцев. Наступали будни — с большой головой, с унылыми подсчётами пропитого и с изнурительной работой.

В засуху звали попа, ходили с иконами по полям и молились о дожде. Если случалось, что вскоре после молебна выпадал дождь, говорили: «Слава тебе, господи, услышаны наши молитвы! Сжалился господь над нами, грешными, — послал дождичек!» А когда, несмотря ни на какие молебны, дождя не было, жаловались: «Плохи наши дела, не услышал наши молитвы господь. Не посылает нам дождичка. Много, должно быть, грехов на нас, грешных...»

Деревня верила в лешего, домового, ведьм, колдунов, чертей. Суеверия подкреплялись разными «фактами» и «случаями» с «бывальыми» людьми.

Крестьяне работали, как выючные животные, с утра до ночи, насколько хватало сил, ели впроголодь, а досуг заполняли пьянкой.

Представления о политике у наших крестьян были самые отсталые, первобытные. В деревне твёрдо верили, что «без бога свет не стоит, без царя земля не правится». Верили в басню, что «царя-освободителя» Александра II убили «господа-бары» за то, что он освободил крестьян от барской кабалы.

Урядников, становых и других царских слуг беднота, конечно, ненавидела за бесчисленные притеснения и поборы, но в открытую борьбу с ними вступала только в самых крайних случаях, когда какому-нибудь бедняку становилось уже невмоготу терпеть.

Жили мужики в тяжёлой нужде, в бесконечной заботе о хлебе, который доставался ценою непосильного труда, в заботе о том, чтобы прокормить скотину и себя, уплатить подати. Вокруг хлеба вращались все разговоры и помыслы, в особенности в годы плохих урожаев. Собирался ли деревенский сход, созванный старостой для обсуждения «мирских дел», сходилось ли несколько мужиков случайно — разговор заводился неизменно один и тот же: о хлебе, податях, о корме для скота.

* * *

Я родился и рос лет до шести в большой крестьянской семье, состоявшей из 12 человек.

Отец мой, Никита Никанорович, слыл за человека очень терпеливого. Он мало говорил и редко вмешивался в семейные дела, никогда ни с кем не ссорился и работал чуть ли не больше всех остальных, вместе взятых.

Моя мать, Дарья Михайловна, родом из соседней деревни, слыла умной, способной ко всякой работе женщиной. Она, хотя нигде этому не училась, умела шить и кроить верхнюю и нижнюю одежду. К ней даже соседи нередко приносили кроить разные вещи. Но она была пришлой в семье, чувствовала себя чужой, самой младшей и бесправной. Много пришлось терпеть ей от деспотизма отцовской родни.

Тяжело жилось крестьянским жепщинам, взятым мужем в чужую для них семью. Так велось, что невесткам наносились обиды и оскорбления и все помыкали ими, особенно в первые годы замужества.

Основным занятием семьи было, конечно, крестьянское хозяйство. Но прокормить всю семью крестьянским трудом пельзя было, своего хлеба нехватало; приходилось поддерживать хозяйство заработками на стороне. Отец, а позднее и мать являлись главными работниками, поддерживавшими семью заработками на фабрике.

Отец ещё с малых лет работал на фабрике в селе Лежнево. Он и жил там, а домой приходил только на праздники. Весь свой заработок он аккуратно отдавал семье. Позже на эту фабрику пошла работать и мать.

В нескольких местах нашей Владимирской губернии имелись текстильные фабрики, расположенные в сёлах, среди нищих и полуразорённых деревень. Деревня давала дешёвую рабочую силу, покорную и забитую. Приходя по праздникам домой, отец рассказывал о фабрике, сам подчас не понимая, какой дикой и варварской эксплуатации подвергались там люди.

Как взрослые, так и дети работали столько, сколько им приказывали хозяева,— по 17—18 часов в сутки. Работа на красильной фабрике, куда с детства ходил отец, была большей частью ручная. Ребятам наряду со взрослыми целые дни приходилось таскать мокрый крашеный товар с нижнего этажа на верхние. Работа эта, рассказывал отец, была очень тяжела даже для взрослых, а детям — совсем непосильна. Зарабатывал он тогда 2—3 руб. в месяц, а питаться приходилось только чёрствым хлебом, принесённым из деревни на целую неделю. У рабочих, в особенности у детей, от вечного недосыпания болели глаза, им всё время хотелось спать. Масса рабочих болела туберкулёзом и другими болезнями; многие умирали. Среди детей заболеваемость и смертность были особенно велики. Из работавших в таких каторжных условиях выживали только наиболее крепкие.

— За несколько лет,— рассказывал отец,— много детей умерло на моих глазах. Поступит, бывало, на фабрику приехавший из деревни мальчик или девочка, поработает некоторое время и начнёт худеть, бледнеть, потом кашлять, поработает, пока не свалится. Больного отправляют домой, а потом слышим — умер.

Мало того, что за 18-часовой рабочий день платили гроши, которых едва хватало на чёрный хлеб,— часто и эти деньги месяца по два не выдавали.

— Тогда,— рассказывал отец,— приходилось голодать по-настоящему, работать по целым дням вовсе не евши.

В таких случаях рабочие иногда отпраплялись в контору выпрашивать заработок. Обычно дело кончалось тем, что, ничего не добившись в конторе, рабочие расходились по домам. Бывало и хуже: подчас рабочих разгоняли угрозами и побоями. Но затем они снова возвращались на фабрику и, ропща в душе, терпеливо принимались за работу. Наполовину связанные с деревней, тёмные и неорганизованные рабочие не умели защищать свои интересы.

Один мой товарищ из крестьян Шуёйского района, Ивановской области, Иван Гаврилович Храмов, так описывает в письме ко мне жизнь фабричного люда в Иваново:

«Я в юности тоже немного работал на фабрике, в Иваново, у наследников А. Ф. Зубкова, на ситцевой переборке. Мне было тогда 14 лет. Это было в 1879 г. Время было глухое, революционного движения среди рабочих в то время не было и в помине; социал-демократической партии ещё не было. Работа на фабриках была тяжёлая, день долгий, пища скудная — постные щи да каша изо дня в день, в спальне грязь, вонь, на нарах — тучи клопов.

Нравы были дикие, темнота в умах непроглядная, развлечений никаких. Воскресный досуг девать некуда. Пойдём, бывало, в Иваново, посидим на базаре, поглазеем и побредём обратно в свою спальню, которая находилась на самом берегу Уводи, на сыром, болотистом месте. Я любил читать и читал хорошо, выразительно, но читать в то время было нечего, кроме сказок о Бове и Еруслане. Мне попалась книжка, довольно большая, о каких-то морских разбойниках, которую я читал вслух, собирая около себя толпу слушателей.

Меня так удручала обстановка жизни на фабрике, что я не вытерпел и покинул её, вернувшись в свою деревню».

Все взрослые нашей семьи, жившие дома, зимой работали на дому: ткали на ручном станке, мотали шпули. Материал брали в соседней деревне Марково у богатого

крестьянина, владельца нескольких ручных ткацких «заводов».

Надел земельный был на три души. Своего хлеба у нас хватало только до апреля, до пасхи. С весны до нового урожая хлеб приходилось покупать. Поэтому хозяйство наше держалось главным образом фабричным заработком отца и матери и работой на дому других членов семьи в зимнее время.

Трудились много, а жили, как большинство крестьянских семей, скудно.

Спали на лавках, на печке и на полу, на разостланных подстилках, подушки набивались мякиной или сеном. Покрывались одеялами, а подчас и просто верхней одеждой, о простынях понятия не имели.

Пищей нашей почти круглый год были кислые щи, подбелённые молоком, картошка, чёрный хлеб, иногда молоко или каша; мясо и белый хлеб бывали только раза два-три в год, по самым большим праздникам.

Мать в зимнее время работала вместе с отцом на фабрике. Мы, дети, жили с бабушками и тётушками и видели родителей только по праздникам.

Старшая бабушка редко бранила детей за шалости, а наказывала ещё реже. Вторая бабушка ругала и била часто, а меня, как старшего, в особенности. Она даже во время молитвы перед иконами не переставала на нас кричать:

— Федька, чорт водяной, перестань дурить! Петька, чтоб те провалиться сквозь землю!

«Воспитание» ребят заключалось в том, что бабушки и тётки да изредка видевшие нас отец с матерью иногда показывали нам, как молиться богу, креститься, заставляли заучивать некоторые знакомые им молитвы и рассказывали о «том свете», где за добрые дела пускают в «рай», а за грехи сажают в огонь, в «ад».

Водили нас в церковь причащать, не давали в посты и постные дни есть «скоромного» и кормили тем, что ели сами, т. е. хлебом, кислыми пустыми щами, картошкой и капустой.

Так росли мы «дичками», предоставленные самим себе, как в лесу деревья!

В семье все были неграмотными, кроме отца, научившегося самоучкой читать по складам псалтырь. Темнота, суеверие и внешняя религиозность, присущие всей дерев-

не, распространялись и на нашу семью. И у нас верили в разные дурные приметы: заяц перебежал дорогу — жди несчастья; попался навстречу поп — то же; собираясь в дорогу, помолись, а потом присядь, и т. д.

Вместе с тем наши бабки и тётушки знали много разных примет, подсказанных народным опытом и долгими наблюдениями над природой: по-своему предсказывали погоду, урожай и т. д. В день «святого Георгия» (в октябре) говорили: «Пришёл Егорий с гвоздём», это значит, начинает по ночам замораживать, «Никола с мостом» (в начале декабря) — реки замерзают так, что по ним ездят, как по мосту.

В день крещения (6 января) о морозах говорили: «Теперь трещи, не трещи — прошли водокрепци». И мы понимали, что первая холодная половина зимы уже кончилась.

В январе по календарю есть день «святой Ксении». Эту «святую» называли «Аксинья-полухлебница», потому что после этого дня до нового хлеба оставалось ещё полгода. Если в крещение мороз, то будет урожайный год. Коли Евдокия (1 марта) погожа, то всё лето пригоже. Пришёл «Василий-капельник» — ожидай оттепели. 4 марта называли днём «Герасима-грачевника», потому что в этот день прилетают грачи.

Весь день мы, дети, проводили на воздухе, забегая в избу лишь для того, чтобы поесть. В большой семье, где взрослых работников хватало, нам, детям, помогать старшим в работе не было нужды. До раздела семьи мы с братом свободно бегали и играли с мальчишками-сверстниками.

Зимой, несмотря ни на какие морозы и вьюги, мы целыми днями катались с горы на ледянках. Помню, дядя Андрей, будучи мальчиком лет 13—15, как только вечером придёт с работы от сапожника, так сейчас же берёт ледянку, сажает меня в неё и бегом мчится вдоль улицы на гору. Катались до наступления темноты и в снегу с ног до головы, усталые, промёрзшие, с красными от мороза лицами и заочневшими руками являлись домой.

В трескучие морозы мы часто щеголяли полураздетыми, в дырявых кафтанишках и худых валенках. А иногда, набегавшись, ложились спать не поужинав.

Зимой на улице играли в «шар», «голытьбу». В избе мы находились мало даже в самые сильные холода, так

как дома заняться было нечем,— не водилось у нас ни игрушек, ни, тем более, книжек.

Изредка, в длинные зимние вечера бабушка Февронья или тётка Елена потешали нас сказками «О волке, козе и козлятах», «О безногом медведе».

ГЛАВА ВТОРАЯ

КРЕСТЬЯНСКИЙ БЫТ. ХОЗЯЙСТВО. ДЕРЕВЕНСКИЕ КУЛАКИ — «ФАБРИКАНТЫ»

Деревня наша стояла в стороне от больших дорог, и новыми, изредка появлявшимися в ней людьми были только кустари — стекольщики, иконописцы-богомазы, подновлявшие старые иконы, дегтярники с бочками товарного (для сапог) и тележного (для смазывания колёс) дёгтя, горшечники, грушники, портные и попы, приезжавшие для поборов, да ещё нищие. Этим людом и ограничивалась связь деревни с окружающим миром.

Появление на улице грушника или горшечника вносило большое разнообразие в зимнюю скуку деревни. Как только на улице раздаётся: «По грушу, по грушу», деревня оживает. Старый и малый высыпают на улицу с тряпьем, с обломками железа, и все, у кого есть деньги, идут к грушнику за пареной грушей, грушевым квасом, мылом, дешёвыми пряниками и конфетами. Большой толпой окружают сани грушника и, торгуясь, долго шумят на всю деревню. То же самое бывало, когда приезжал горшечник. Услышав на улице зазыванье: «По горшки, по крышки», к возу быстро собирается народ. День после этого события заполняется разговорами о новых покупках.

Вот на улице раздаётся: «Вставлять стёкла!» Из изб выходят не только те, у кого окна разбиты, но и те, кто в стекольщике не нуждается. Когда стекольщик начинал работать, вокруг него всегда собиралась толпа, и к нему приставали с вопросами: кто он, откуда, как живут мужики у него на родине, почему он ходит со стёклами и т. д. То, что узнавалось от стекольщика, долго потом служило предметом споров и разговоров.

Богомазы ходили по избам и справлялись, нет ли для починки икон. Они осматривали висевшие в переднем углу

старые, потемневшие, с облупившейся краской иконы и уговаривали хозяев:

— Глядите, православные, как потемнела богородица-то, разве можно на такую молиться— бог накажет. Нужно починить, недорого возьму.

От ловких и навязчивых богомазов отделаться было трудно, приходилось отдавать им в ремонт и не очень ещё старые иконы.

С наступлением весны наша жизнь резко менялась. Мы целые дни проводили у передних стен избы, где пригревало солнышко и появлялась капель с застрех, а к вечеру подмерзали длинные ледяные сосульки.

Когда снег совершенно исчезал и на просохших местах начинала зеленеть первая травка, улица деревни оживлялась нашими ребячьими голосами. Мы целые дни, с утра до ночи, бегали раздетые и босиком, играли в бабки, в лапту.

Около «егорьева дня» (23 апреля) гоняли скотину. Корма в поле ещё не было, земля не окрепла после снега, и скотина вязла в грязи. Но зимние корма подошли к концу, и крестьяне были рады, что скотину уже можно выпустить из хлева. Сгон скотины — большое событие. Вновь наряженный пастух обходил деревню с иконой Георгия, который считался защитником скота от волков. Крестьяне, каждый у себя на дворе, с той же иконой в руках обходили свою скотину. Потом пастух проходил вдоль деревни, играя в рожок или, если рожка не было, хлопая длинным кнутом, крестьяне выпускали со двора скотину, изголодавшуюся за долгую зиму, худую, еле державшуюся на ногах.

Весна была самым голодным временем года для крестьянина, так как иссякали все зимние запасы, а до новых было ещё далеко. Но с июня становилось легче: скот хорошо кормился на полях и лугах, коровы давали молоко, и наше питание несколько улучшалось.

За купаньем, ловлей разными способами рыбы, беганьем в поле время летом проходило незаметно. Мы являлись домой только с наступлением темноты.

Начиналась ягодная пора. В лесу, на сечах, поспевала земляника, черника, потом малина. Приходили мы на сечу, когда солнышко едва показывалось из-за леса, ещё не сходила ночная прохлада, а трава была покрыта росой. Собирали ягоды вперегонки: кто скорее и больше наберёт.

Ягоды чаще всего продавали: или возили в город, когда выпадал подходящий случай, или же носили на варенье в соседнюю деревню Марково к богатому крестьянину-кулаку, владельцу нескольких ручных ткацких «заводов», Ивану Тимофеевичу Осипову.

Об Осипове мой отец рассказывал:

— У Осипова работало человек триста. У него было три «завода», оборудованных ручными ткацкими станками, в каждом по 20 станков; на дом крестьянам раздавалось пряжи станков на 100, и разматывало пряжу около сотни человек. Платил Осипов ткачам сдельно, за клуб (или основу) в 4 куса — по 75 аршин кусок — 4 руб. Работая по 16—17 часов в день, ткач в неделю вырабатывал 2 куса, т. е. получал 2 руб. в неделю. В то же время клуб в количестве тех же 4 кусков своей (купленной) пряжи при том же рабочем дне давал заработок 8 руб., т. е. вдвое больше. Таким образом, Осипову его «заводы» и раздача работы на дом давали не менее 100 процентов прибыли.

За размотку пачки пряжи на шпули платили 40 коп. (в пачке 40 кукол, в кукле 10 мотков). Пачку разматывали на шпули в среднем в 4 дня, зарабатывали в день по 10 коп.

С рабочими Осипов расплачивался главным образом товарами из своей лавочки, устанавливая на них такие цены, какие захочет. Например, муку он покупал по 70 коп., а продавал её по 1 р. 20 к. Таким образом, помимо того, что Осипов наживал с работавшей на него деревенской бедноты рубль на рубль своего оборотного капитала, он, расплачиваясь за работу продуктами, вторично грабил бедноту в своей лавочке.

В то время (лет 60 назад) в нашем районе только зарождалась текстильная промышленность. В городе машинное производство находилось в зачаточном состоянии, и ручные ткацкие заводы в деревне ещё не чувствовали на себе неумолимого бича конкуренции со стороны городских ткацких фабрик с паровыми двигателями. Деревенским иванам тимофеевичам предоставлялось широкое поле для самой чудовищной, неограниченной эксплуатации крестьянской бедноты.

Кулак Осипов, как и все деревенские колупаевы и разубаевы того времени, был большой ханжа и драл шкуру со своего ближнего не иначе, как с упоминанием имени

божьего. В каждый праздник он ездил на откормленных собственных лошадях со всей семьёй в церковь, ставил там толстые свечи, жертвовал на «храм божий»...

Но вернёмся к нашей жизни в деревне.

Вот уже сенокос, а за ним — жнитво.

Для деревни наступала страдная пора. В больших семьях сушкой и уборкой сена были заняты все взрослые и подростки, а в малых — и дети.

Жнитво — самая трудная работа. Жали главным образом женщины, девушки, подростки-девочки; мужчины жали только в тех семьях, где было мало женщин. Работали в поле от зари до зари, часов по 18 в сутки, под палящим солнцем, с согнутой спиной. Но как ни тяжела эта работа, а для бедноты жнитво — радостное время. Большинство крестьян во время жнитва уже молотили и возили зерно на мельницу. День, когда в первый раз пекли из новой муки хлеб, был большим, долгожданным праздником.

У нас, детей, в это время было одно дело: отнести косцам на луг обед. Тогда же поспевал зелёный горох. Ели мы его много, до боли в животе, но взрослые не препятствовали: наелся — с хлеба долой.

Как только убирали рожь, поспевало и яровое. Одновременно с его уборкой начиналась молотьба. Работа кипела и в поле и на гумне. Дети учились молотить лёгкими цепами.

Так однообразно из года в год шла наша жизнь, пока не умерла бабушка Февронья — глава нашей семьи. После её смерти семья распалась на две части.

Незадолго до смерти бабушки к нам пришёл солдат с большими усами. Солдат этот оказался братом моего отца — дядей Иваном, вернувшимся с военной службы. Через некоторое время дядя женился. В семье оказались две невестки, пошли ссоры и неприятности, которые после смерти бабушки Февроньи привели к разделу семьи: бабушка Акулина, тётка Елена и дядя Андрей остались с Иваном, а мы с отцом и матерью из семьи ушли. Для нас перенесли на новое место и «вычинили» заднюю избу, дали лошадь, корову; передняя изба, овин, сарай, амбар достались второй части семьи.

ПОСЛЕ РАЗДЕЛА СЕМЬИ.
МОЯ РАБОТА ДОМА И В ПОЛЕ. НИЩЕТА.
ПЕРЕЕЗД В ГОРОД

После раздела отец с матерью оказались самостоятельными хозяевами, независимость от дядей и тёток радовала их. Особенно довольна была мать, видевшая много обид и притеснений в большой семье.

Мы с братом тоже вздохнули свободнее. В общей семье присутствие бабушек и других старших держало нас под постоянным страхом; теперь мы знали только отца и мать.

Однако радость оказалась кратковременной. Скоро и мы, дети, почувствовали, как тяжело жить маленькой крестьянской семьёй. Нужда всё больше надвигалась на наше хозяйство, отец с матерью не управлялись с работой. Я подрос (мне было лет 7—8), и меня стали нагружать разной работой по хозяйству, иногда и непосильной.

Я ходил в стадо за лошадью, когда она была нужна, отводил её обратно, загонял на двор скотину, приносил в избу дрова для топки и т. п. Всё меньше времени оставалось для игр и забав.

Теперь отец работал на фабрике только зимой, а летом обрабатывал свой надел на полторы души и, кроме того, каждое лето нанимался пахать у других.

Зарабатывали ещё кое-что на возке камней в город для мостовых. Камни собирали на полях, рыли в оврагах, доставали со дна реки. Работа эта была трудная, а заработок давала грошовый. На своих полях и на полях ближайших деревень все камни уже давно были собраны, и за ними приходилось ездить далеко. Чтобы собрать и продать в городе один воз камней, приходилось терять два рабочих дня.

Запашка на полторы души при хорошем урожае обеспечивала хлебом и картошкой самое большое до масленицы (т. е. до февраля), в остальное время, вплоть до нового урожая, продукты приходилось покупать. Хозяйство держалось отцовским заработком на стороне.

Мать часто говорила отцу, что меня нужно отдать в школу. Но школа находилась далеко, обуви и одежды не было, да и малограмотный отец не считал учење особо

нужным делом. Школьной скамьи видеть мне так и не пришлось.

Дядя, брат матери, был единственным из всех наших родственников грамотным человеком. Он писал и показывал мне буквы, я их быстро выучил и довольно скоро стал читать по складам. Письмо мне давалось труднее, тем более что очень часто недоставало чернил, перьев, бумаги.

После рождения брата Ивана у меня явилась новая обязанность — нянчить ребёнка. Отец с матерью уходили в поле, а я оставался у люльки. В лучшие летние месяцы мне приходилось сидеть дома.

Когда брат Ваня подрос, меня стали брать в поле жать. Я страшно уставал от этой непосильной для меня работы. Сильно болели спина и ноги. Я пробовал жать сидя, но мать не позволяла:

— Это нехорошо,— говорила она,— соседи увидят и будут смеяться.

К вечеру я совершенно выбивался из сил, чуть двигался, а мать покрикивала:

— Жни, жни, жни!

Это «жни, жни» слышалось мне даже во сне.

* * *

Однажды зимой отец вернулся с фабрики в необычное время, в будний день.

— Плохи наши дела,— угрюмо сказал отец,— фабрика Бурылина сгорела.

Не спеша раздевшись, он сел на лавку и поник головой.

У побледневшей, печальной матери показались на глазах слёзы.

— Как будем жить, что теперь делать? — растерянно спросила мать.

— Не унывай, что-нибудь придумаем,— утешал отец,— авось, устроюсь на другую фабрику.

Но зимой было много безработных, и поступить на другую фабрику не удалось.

Мы очутились на краю нищеты и голода. Случайно отцу удалось наняться пилить дрова в лесу, и мы кое-как перебились до лета. На следующую зиму отцу посчастливилось поступить на фабрику, и работал он без перерыва весь год. Однако жить становилось всё труднее. Мать экономила на каждой корке хлеба, на спичках, керосине.

Скоро не на что стало приобретать самое необходимое из обуви и одежды. Питаться всё чаще приходилось чёрствым чёрным хлебом и постными кислыми щами, даже картошка водилась не всегда.

Не находя выхода из этого положения, отец с матерью стали поговаривать о переезде семьи в город Иваново-Вознесенск.

Мать первая стала настаивать на переезде. Она не знала, станет ли лучше, но хваталась за переезд, как утопающий за соломинку. Мы с братом тоже просили отца увезти нас в город. Жизнь в городе представлялась нам интересной и зажиточной. Но отец проявлял нерешительность: работая на фабрике с малых лет, он лучше нас знал городскую жизнь и понимал, что и там жить с семьёй нелегко.

После долгих колебаний отец, наконец, решился переехать в город. Осенью 1895 г., убрав маленький урожай, мы продали корову, заколотили свою избёнку и, попрощавшись с родными местами, уехали.

Нас, детей, подгоняло любопытство поскорей узнать городскую жизнь. Всё же, когда мы проезжали через наши поля и леса, безотчётная грусть невольно овладела и нами. Одетые в пёстрый наряд осени, родные леса тихо шумели под влажным ветром, медленно гнавшим обрывки серых облаков. Разноцветные листья, слетая с деревьев, нарядно застилали дорожки и тропинки. Щетинистые нивы напоминали о тяжёлом труде. Знакомые, исхоженные вдоль и поперёк места, казалось, упрекали нас за то, что мы их покидали.

— Куда это ты, Никита Никанорович? — спрашивали встречные знакомые крестьяне.

— В город, — отвечал отец. — Еду вот со всей семьёй попытать счастья, попробую пожить в городе, не будет ли лучше.

— А как же крестьянство-то, бросить, что ли, думаешь?

— Да, придётся уж, видно, бросить. Не хочется покидать деревню, да ничего не поделаешь. Жить стало совсем невозможно — нужда!

— В городе, думаешь, лучше будет?

— Будет ли лучше — не знаю, а здесь стало жить невозможно.

— Ну, поезжай с богом, Никита Никанорович, попробуй. Лучше не будет, так дорога в деревню не заказана.

Когда через 4—5 часов мы въехали в шумный город, то о деревне как-то сразу забыли.

Свернули мы на узкую, пыльную и вонючую улицу и скоро остановились у высокого деревянного забора, через который свисали пожелтевшие ветки растущей во дворе ивы. Отец вошёл в калитку, открыл ворота, и мы въехали во двор. Нас встретил худощавый, с проседью в волосах, хозяин дома Ф. Е. Сорокин, у которого отец снял квартиру.

Квартира эта представляла собою очень маленькую полутёмную хатку, пристроенную к хозяйскому дому. Она имела три маленьких окна, два из которых выходили на деревянный забор, а одно — на стену маленького флигеля. К боковой безоконной стенке хатки был пристроен узенький крытый дворик для дров. Двор порос низенькой и чахлой травой, примятой и пожелтевшей. Воздух на дворе портило отхожее место, пристроенное к забору.

Новое жилище было значительно меньше нашей деревенской избы. Обстановкой в новом нашем жилье должны были служить привезённые нами стол да две-три скамейки. Кроватей у нас в деревне не водилось, да и поставить их некуда было бы ни в деревне, ни на новой квартире.

На минуту стало жалко деревенской, хотя и постаревшей, но более светлой и просторной избы. Но раздумывать было уже поздно. Стали разгружать воз. Вместе с разным домашним хламом внесли в хату корзинку с курами — маленькую частицу брошенной нами родной деревни; мать не захотела расставаться с курами и взяла их в город.

Лошадь, привезшую нас, отец продал вместе с телегой на другой же день. С этого дня мы перестали быть «хозяевами», собственниками, и полностью очутились в новой обстановке — среди людей, не имеющих никаких средств производства, кроме своих рабочих рук.

Вскоре отец и мать поступили на ткацкую фабрику и стали работать ткачами. Мы, трое мальчиков, оставались дома, предоставленные самим себе. Мне тогда шёл уже тринадцатый год, брату Петру — одиннадцатый, а младшему, Ване, было около пяти лет.

В первое время мы знакомились с городом, с новой обстановкой: ходили в центр города, на базарные площади, осматривали магазины, высокие каменные дома, церкви и колокольню с часами; ходили к фабрикам, любовались извозчиками и полицейскими в форме.

В ГОСТИНИЦЕ.
ХОЗЯЕВА, СЛУЖАЩИЕ, ТОВАРИЩИ

Заработок отца и матери был очень мал — они вместе зарабатывали от 25 до 30 рублей. Жить на эти деньги семье в пять человек в наёмной квартире было очень трудно. Меня скоро отдали «мальчиком» в гостиницу — «с хлеба долой». Мне тогда было двенадцать с половиной лет. С этого возраста я и стал зарабатывать свой хлеб.

Гостиница находилась в центре города, на главной площади. Рядом была извозчичья биржа, где с утра до ночи стояло много легковых извозчиков. Против гостиницы возвышалось здание городской думы, влево — церковь, несколько правее — так называемые красные торговые ряды с большими и малыми магазинами. Дальше со всех сторон расположились магазины, лавки, парикмахерские, мелкие ремесленные заведения.

Гостиница имела два этажа и подвал. В первом этаже находились маленький зал с буфетом и несколькими столами для гостей и кухня; во втором этаже — два зала: «чистый» для гостей избранных и «чёрный» для извозчиков, рабочих и приезжающих из деревень крестьян. В верхнем этаже находились ещё бильярдная, два-три «отдельных кабинета» и комната хозяев. К задней стороне гостиницы был пристроен крытый двор со стойлами для лошадей, овощным подвалом и баней.

Служило в гостинице 11 человек — все мужчины; женщины хозяин не держал.

Внизу работали мальчишки 13—14 лет: Васька, Мишка, Пронька и я.

Мишка обслуживал посетителей нижнего этажа, где имелось шесть столов. Я вначале мыл посуду, а Васька помогал нам обоим. Наверху орудовало четверо взрослых: Максим, худой, чахоточный парень, обслуживал «чёрный» зал; Леонтий, крепкий чернобородый мужчина, подвизался в «чистом» зале; старичок лет за пятьдесят подавал в «кабинеты»; в бильярдной, как и полагалось, был маркёр. На кухне стряпали повар и его помощник, мальчик Павлушка. Безбородый, с крупным лицом парень Иван служил дворником.

Хозяев было трое: владелец гостиницы, Дмитрий Николаевич, угрюмого вида пожилой человек, с тройным подбородком, огромным брюхом, и два его сына — Алексей, высокий, худосочный, недавно вернувшийся с военной службы, и — прямая противоположность ему — здоровый, полный, всегда румяный Иван, парень лет двадцати.

«Сам» отличался свирепостью, часто распекал служащих за всякие, порой пустяковые, недочёты. Его очень боялись и, когда он появлялся в гостинице, старались всеми силами показать своё усердие в работе.

Помещения для спанья нам, мальчикам, не отводилось. После окончания работы мы спали наверху, в одном из залов, сбросив с нескольких столов скатерти и сдвинув столы в одно место; на таких «нарах» ложились все подряд.

Рабочий день в гостинице начинался в 5 часов утра, а кончался в 11 часов вечера. В эти 18 часов рабочего дня были небольшие перерывы, по несколько минут, на обед и чай. Гостиница открывалась в 6 часов утра. За час до открытия мы подметали полы, кипятили куб с водой и успевали выпить чаю. В будние дни работы было не очень много, утомляла только продолжительность рабочего дня. В базарные же (понедельник, четверг, воскресенье) и в праздничные дни, начиная с самого открытия гостиницы и до её закрытия, работать приходилось без малейших передышек, даже пообедать не удавалось — закусывали кое-как всухомятку, на ходу. Гостиница набивалась народом, у столов стояли непрерывные очереди, и, несмотря на все старания, мы не успевали обслуживать гостей и мыть посуду. Верхние служащие, гремя тарелками, ножами, вилками, непрерывно носились сверху вниз — в буфет, кухню и обратно. Шум, крики, пьяные разговоры, споры, ругань и песни оглушали.

От непрерывной беготни и суеты к полудню чувствовал усталость, а к концу дня изнемогал. Еле передвигая ноги, я дремал на ходу, наталкиваясь на встречных. Окрики хозяина не помогали; то же происходило и с другими мальчиками. После такого дня ужинать не хотелось, мучительно тянуло ко сну. Как только удавалось добраться до своих столов и лечь, мы немедленно засыпали. Но выспаться нам не давали: утром в обычное время являлся один из хозяев и будил: таскал нас за ноги, кричал и ругался. Мы тяжело поднимались и зевая принимались за работу. День за днём, месяц за месяцем — мы работали

круглый год без отдыха; только три дня в году мы отдыхали.

Гостиничная обстановка и торговля вином и водкой действовали разлагающе. Большинство служащих, взрослых и мальчиков, пили. «Верхние», выпив, нередко делали «полёты» с лестницы, сопровождавшиеся грохотом разбиваемых бутылок, чайников, стаканов. Иногда при падении ошпаривались кипятком, ушибались. Но хозяин жалел не пострадавших, а разбитую посуду. Часто напивались мальчики Мишка и Васька.

Повара менялись часто. Хозяин увольнял их большей частью за пьянство. Как редкое исключение попадались трезвые повара.

Вначале я, по деревенскому обычаю, старался соблюдать посты. Один из поваров поощрял меня, давал на обед в такие дни что-нибудь постное и хвалил хозяину:

— Вот,— говорил он,— Дмитрий Николаевич, этот мальчик очень хороший, религиозность имеет,— не как другие.

Хозяин был доволен:

— Молодец, Федёнка (так он меня называл). Постись, постись,— говорил он, поглаживая толстый живот.

В будние и небазарные дни гостей приходило немного. Во время перерывов мальчики сходились, чтобы поболтать, или читали какую-нибудь копеечную книжку. Книжки мы покупали в книжной лавочке рядом с гостиницей. Тратили на них «чаевые» монетки, перепавшие иногда от расшедрившегося «гостя». Покупали сказки и песенники, выбирали их по заголовкам и обложкам.

Однажды один из мальчиков, Пронька, отдал приехавшему навестить его брату хозяйский стакан. Об этом узнал хозяин; Проньку уволили и отдали под суд. В качестве свидетелей вызвали меня и Мишку. Перед нашим уходом к судье хозяин говорил нам:

— Смотрите, не укрывайте Проньку, говорите, как было, а то вас самих посадят в тюрьму.

Мне было жаль Проньку, и по дороге к судье я всё время думал, как бы сделать так, чтобы Проньку не посадили. Когда очередь дошла до нашего дела, судья сказал:

— Эх, мальчишки, мальчишки, по трактирам ходите, стаканы воруете!

Пронька вышел вперёд и громко заплакал. На вопрос судьи, признаёт ли он себя виновным, ответил, что при-

знаёт и больше этого делать не будет. Судья нас, свидетелей, отпустил, и мы ушли. Что потом произошло с Пронькой, посадили его в тюрьму или нет, я не знаю.

Один из поваров круто обходился со своим помощником Павлушкой, даже колотил его. Однажды Павлушка, спящая с полки большой мешок с крупой, рассыпал крупу на пол. Повар, сняв со стенки кнут, отстегал мальчика. Павлушка решил пожаловаться на повара в суд. Но прошение попало в руки хозяину, и жалобе не дали хода. Помню, на кухне в присутствии повара, Павлушки и других хозяин читал вслух жалобу и сильно ругал Павлушку. А повар говорил:

— Вот видите, Дмитрий Николаевич, каков парень-то! Развольничался!

Повар был злой и часто дрался без причины. Он бил мальчиков кулаками по голове просто ради развлечения. В этом занятии иногда помогал ему и хозяйский сын Иван. Происходило это так: Иван Дмитриевич посылал к повару кого-нибудь из мальчиков попросить для него кедровых орехов. Не подозревая ничего плохого, мальчик шёл к повару, но в ответ на просьбу неожиданно получал от него такие удары кулаком в темя, что из глаз искры сыпались. Эту «шутку» пришлось испытать и мне. Долгое время после этого я придумывал месть, но, конечно, ничего не придумал: стал только менее доверчив и осторожнее. Отец с матерью приходили ко мне один-два раза в неделю. Принесут бельё, посидят немного и уйдут. Я им рассказывал о своей тяжёлой работе, но, выдавшие виды в своей трудовой жизни, они не придавали значения моим жалобам.

— Везде тяжело,— говорил отец,— на фабрике тоже не легко, потерпи.

Как-то отец принёс мне книжку «В память коронавания Николая II» (на фабриках тогда всем рабочим раздавали такие книжки). В ней были портреты всех российских царей и князей. Дело происходило в будничный день, когда зал почти пустовал. После ухода отца хозяин увидал у меня книжку.

— Это у тебя, Фёденька, что за книжка? — спросил он.

— Отец принёс,— ответил я.

— А ну-ка, покажи мне.

Рассматривая её, он пустился в длинные рассуждения:

— Вот какие ты книжки читаешь! Молодец, читай, читай! Такие книжки худому не научат. Только бывают и плохие книжки, тех читать не надо.

— А какие же плохие-то? — спросил я.

— Это тебе знать не надо, — ответил он, — о них не стоит и говорить. Принеси-ка мне кипяточку.

Он замолчал, а я взял чайник и пошёл за кипятком.

После этого разговора с хозяином у меня иногда возникал вопрос: что же это за книжки, которые хозяин считал плохими?

В гостинице получалась газета «Московский листок». Она мне казалась скучной, и я читал её очень редко. В памяти осталось, как сын хозяина Алексей читал нам о ходынской катастрофе в Москве в день коронавания Николая II, когда в давке погибло более двух тысяч человек.

В гостиницу поступил поваром совершенно не пьющий молодой парень 25 лет, по имени Иван Петрович. Я скоро с ним подружился. Видя вокруг пьянство, он решительно советовал мне уйти из гостиницы куда-нибудь в магазин или на фабрику.

— Иначе, — говорил он, — ты тоже испортишься, сопьёшься, как все другие «мальчики».

ГЛАВА ПЯТАЯ

«МАЛЬЧИК» В МАГАЗИНЕ. ГОСПОДА ТОРГОВЦЫ. ХОЗЯЙСКИЙ РАСЧЁТ

Под влиянием дружбы с поваром и его советов во мне всё сильнее крепло желание оставить гостиницу с её кабацким чадом и перейти на другую работу. Я скоро убедил отца, и он взял меня из гостиницы, чтобы определить в какой-нибудь магазин. Это было весной 1896 г., когда мне минуло уже 14 лет.

Я поступил в маленький магазин В. Д. Рослякова в качестве «мальчика». Магазин, помещавшийся в «красных торговых рядах», торговал и «важными» товарами — музыкальными инструментами, обоями, револьверами, охотничьими ружьями, боевыми патронами и порохом, зеркалами, стенными часами и т. п.

Хозяйская семья состояла из семи человек: хозяина, его жены и пятерых детей. В магазине кроме меня наёмных не было; я выполнял работу и «мальчика» и приказчика. Дома в нерабочие часы, когда торговля не производилась, я ежедневно чистил всей хозяйской семье обувь и выполнял разные мелкие поручения: бегал за покупками, в аптеку и т. п.

В будни хозяин открывал магазин в 8 часов утра, а закрывал в 9 часов вечера. В базарные дни начинали торговать несколько раньше, а закрывали магазин в 11 часов вечера. В праздничные дни мы торговали с 12 дня до 4 часов вечера. Рабочий день был хотя и короче, чем в гостинице, но свободным я себя никогда не чувствовал — всегда находилось какое-либо дело дома у хозяина.

В мои обязанности входило: ходить за кипятком, мыть чайную посуду, подметать пол, открывать дверь входящим и выходящим покупателям, показывать требуемые товары, называть по указанию хозяина цены и торговаться до «седьмого пота», пока не удастся наиболее выгодно продать товар.

Хозяйка, Марья Николаевна, была сварливой и придирчивой женщиной; кухарки у неё менялись чуть ли не каждую неделю. Порой доставалось от неё и мне. Хозяин был большим плутом, не упускал случая надуть и ободрать простодушного покупателя. Вся хозяйская семья аккуратно ходила по праздникам к обедне, говела по постам. Они молились богу, в разговорах постоянно поминали его имя, но в то же время были прожжёнными плутами, жили по пословице «не обманешь — не продашь».

В базарные и праздничные дни в магазине, как и в гостинице, была давка и теснота. В эти дни помогали торговать старшие дети хозяина и сама хозяйка.

Утром, едва откроешь двери, входили покупатели. Около меня всё время стояла густая толпа. То и дело слышалось:

- Мальчик, покажи обои!
- Мальчик, почём эти часы?
- Подай вон то зеркало!

Я волчком вертелся, стараясь всех удовлетворить.

Зато по будням я большую часть дня стоял у дверей и скучал в ожидании покупателей. Стоишь часами у двери магазина в тёплый солнечный день, глядишь на надоевшую пыльную мостовую и думаешь — тоскуешь по родной

деревне... Сильно меня тянуло к родным полям и лесам, к зелёным берегам реки.

В праздничные летние дни в хорошую погоду вся хозяйская семья по окончании торговли ходила гулять в лес, за мельницу, в Сластиху. Ходил с хозяевами и я, но не для гулянья: нёс за ними продукты и посуду, кипятил на вольном воздухе чай, готовил закуску.

Однако я бывал счастлив и тем, что хоть с тяжёлой ношей, но всё же вырывался из душного города в лес, на зелёную траву, напоминавшую мне деревню. Сильно хотелось побегать и порезвиться, но при хозяевах это не позволялось, а одного меня отпускали в лес только на короткое время хозяйского чаепития.

В магазине большею частью приходилось иметь дело с крестьянами и крестьянками, купавшими обои и стённые часы-ходики, и с парнями, выбравшими гармоники. Обои и гармоники покупались главным образом на пасху и на другие большие праздники.

Гармоники часто покупали парни, ещё не умеющие играть. Они слыли у нас за очень выгодных покупателей, с которых за дрянную гармонику можно было содрать безбожную цену. Мой хозяин такими случаями пользовался. Однажды явились в магазин два деревенских парня и очень быстро, почти не торгуясь, купили понравившуюся им гармонику и ушли. Но через некоторое время, видимо поняв, что переплатили лишку, вернулись и заявили, что гармоника им не нравится, «у неё один клапан отыгрывает», поэтому они хотят вернуть покупку и получить обратно деньги.

Выслушав парней, хозяин нахмурился.

— Дайте-ка сюда гармонику,— сказал он, глядя на них исподлобья.

Они передали.

— Который клапан отыгрывает?— спросил он, пробуя клапаны.

— Вот этот,— смущённо указал один из парней.

Но всеклапаны оказались в порядке. Хозяин рассвирепел.

— Врёшь! — крикнул он и, подойдя вплотную к парням, всунул в руки одному из них гармонику, дал обоим по здоровой оплеухе, и не успели парни опомниться, как он их вытолкал из магазина. Не ожидавшие такого исхода дела ребята, почёсывая в затылках и растерянно озираясь по сторонам, ушли.

Для починки продававшихся стальных часов хозяин имел постоянного мастера. Это был какой-то самоучка, настолько «немудрящий», что после его починки часы, похोдив очень короткое время, останавливались, и «мастеру» приходилось снова их чинить. Со многими «исправленными» часами это происходило до тех пор, пока их не удавалось сплавить, продать.

«Мастера» этого хозяин держал из-за дешевизны, платил ему копейки, но над «мастерством» его сам любил издеваться. Принесёт, бывало, Поленов несколько штук починенных им часов-ходиков, развесит по стенкам, пустит, посмотрит — идут, и уходит. Придёт дня через два и видит — не ходят.

— Что, опять не идут? — спрашивает.

— Не идут, — отвечает хозяин. — Пока ты их пускаешь и смотришь на них, они хорошо идут, как уйдёшь, станут. Не хотят ходить без мастера — и шабаш.

— Что же с ними делать? — говорит мастер.

— А ты вот не уходи, стой и гляди на них, тогда уж обязательно пойдут.

В магазине среди прочих товаров имелись книги, преимущественно детские; многие из них манили своими яркими заголовками и картинками. В отсутствие хозяина я изредка их почитывал, но это не всегда благополучно шло. Неожиданно появившийся хозяин, увидев у меня книгу, кричал:

— Фёдор, здесь не читают, положи книжку и занимайся делом!

Друг с другом торговцы, владельцы лавок и магазинов, враждовали, радовались каждой беде соседа, каждому его промаху, боялись конкуренции, устраивали один другому гадости, но всё это скрывали за внешней приветливостью.

В «красных рядах» недалеко от нас торговали ещё два маленьких магазина музыкальными инструментами и другими, однородными с нашими товарами. Магазины принадлежали братьям Красковским. Мой хозяин их особенно не терпел, как своих конкурентов.

Вся окружающая меня среда состояла из торговцев, доверенных крупных торговых фирм и их семей. Все они были набожными ханжами и в большинстве продувными жуликами, жили застойным укладом, скучно и тупо; за внешней благопристойностью скрывали пьянство, обман, дикость и злобность.

Прожил я в магазине около полутора лет почти безотлучно.

К началу второго года работы в магазине у меня созрело твёрдое решение перейти на фабрику. Сначала отец колебался, говорил о вредном для здоровья фабричном воздухе, тяжёлой работе, но потом согласился и обещал похлопотать.

К тому времени мне исполнилось 15 лет. В мае или июне 1897 г. отец сообщил мне, что место на фабрике есть. Утром на другой день я заявил своему хозяину, что служить у него больше не хочу, и попросил выдать мне расчёт и паспорт.

Рассерженный хозяин выбросил на прилавок мой паспорт и крикнул:

— Возьми и убирайся!

— А расчёт? — спрашиваю я.

— Никакого расчёта не будет, — закричал он, — убирайся и не разговаривай!

Мне причиталось что-то около трёх рублей — месячное жалованье, сумма для меня в то время большая. Но скандалить я не решился и, взяв паспорт, обманутый и огорошенный, молча ушёл из магазина и больше туда уже не возвращался.

Так кончился период (около трёх лет) моей работы в качестве «мальчика» в гостинице и в магазине.

Через день или два после ухода из магазина мы с отцом явились в контору фабрики. Старший табельщик А. Матвеев сидел за столом и что-то писал.

— Здравствуйте, Андрей Григорьевич, — снимая фуражку и низко кланяясь, сказал отец, — вот привёл мальчика, вы обещали взять. Не откажите уж, будьте милостивы, хоть куда-нибудь.

Табельщик встал из-за стола.

— Ну-ка, покажи его.

Я пошёл ему навстречу.

— Где ты работал? — задал он мне вопрос.

— В магазине.

— А почему оттуда ушёл?

— Трудно очень — отдыха нет. Круглый год без праздников, — говорю я.

— Да-а, — протянул табельщик, — праздников там нет, зато работа нетрудная. Здесь труднее: шумно и воздух пыльный. Ну ладно, — согласился табельщик, — давай

паспорт и пойдём в контору. Будешь мерить миткаль на мерильной машине; когда привыкнешь и если довольны тобой будем, может, и другую работу дадим.

Мы с отцом пошли за ним и через несколько минут очутились в миткальной конторе, где стоял оглушительный лязг и грохот четырёх-пяти мерильных машин. В воздухе висела мелкая хлопчатобумажная пыль, в помещении даже при больших, светлых окнах было не очень светло. У прилавок и мерильных машин работало десятка два мужчин разных возрастов. От осевшей на их одежде и волосах пыли они выглядели серыми и невзрачными.

— Варсонофьич! — позвал табельщик, дойдя с нами до середины помещения.

От прилавка из дальнего угла вышел очень высокий, рябоватый, с большим носом и кудрявыми волосами мужчина и направился к нам.

— Вот тебе новенький, — сказал табельщик. — Поставь его мерить. Он жил в магазине и захотел на фабрику. Кто-то ему сказал, что здесь очень хорошо. Пускай узнает, как тут хорошо! — и, взглянув на меня, добавил: — Не робей, привыкнешь. Здесь, верно, не плохо, только надо слушаться старших. Пойдём, Никита, — закончил он, обращаясь к отцу.

Едва успели выйти из конторы отец со старшим табельщиком, как я уже встал у машины, и старший в отделении, Иван Варсонофьевич Курчаков, которому сдал меня старший табельщик, показал мне, как нужно заправлять в машину товар и как его мерить.

Сначала дело шло медленно, туговато. Стараясь всеми силами научиться обращаться с машиной, я первые часы моего рабочего дня на фабрике ничего вокруг себя не замечал. К концу дня, когда у меня дело стало понемногу налаживаться, я осмотрелся. Новая обстановка показалась мне невзрачной, и я приуныл. Когда после окончания работы я вместе с другими вышел на волю, то старался ободрить себя тем, что теперь смогу отдыхать в праздники и ежедневно с 8 часов вечера до 6 утра могу свободно располагать своим временем. Но от этого мне не стало легче. Первый день на фабрике подействовал на меня угнетающе.

Так я вступил в армию русского фабрично-заводского промышленного пролетариата, нещадно эксплуатировавшегося тогда владельцами предприятий.

НА ФАБРИКЕ. ПРАВЫ И ОБЫЧАИ.
ТЯЖЁЛАЯ ЖИЗНЬ. КНИГИ

Теперь из пятерых членов нашей семьи на фабрике работало трое: отец, мать и я. Наш общий заработок составлял 32—33 руб. в месяц. Отец получал в среднем 16 руб., мать — 10 руб., а я — 6 р. 50 к. Из этого заработка 7—8 руб. уходило на квартиру с отоплением и прочими хозяйственными расходами; остальное шло на питание и одежду.

Пища не улучшилась по сравнению с деревенской. Круглый год мы ели чёрный хлеб (белый пекли только по праздникам), щи из зелёной и кислой капусты, огурцы, иногда гречневую или пшённую кашу; мясо, молоко и масло мы видели только два-три раза в год, по самым большим праздникам.

Наше отделение на фабрике обслуживало основное ткацкое производство и отделялось от старого ткацкого корпуса коридором шагов в десять шириной. В ткацком корпусе находилось 1160 ткацких станков. В нашем отделении принималась ежедневная выработка ткачей, сортировалась, обмеривалась и укладывалась, прессовалась в кипы и отправлялась на отбельные и ситценабивные фабрики.

Несмотря на 12-часовой рабочий день и напряжённую работу, отделение нередко отставало от ткацкого корпуса, и тогда приходилось работать сверхурочные часы. В таких случаях работа начиналась в 6 часов утра, а кончалась в 10 часов вечера. От работы в помещении, густо насыщенном едкой хлопковой пылью, и недоедания большинство рабочих страдало лёгочными болезнями.

Условия работы в ткацком корпусе, где работали отец и мать, были не лучше. Здесь также от непрерывного оглушительного грохота ткацких станков и обилия хлопковой пыли большинство ткачей болело туберкулёзом и постепенно теряло слух.

Жизнь в городе становилась для нас всё тягостней; полуголодное питание и тяжёлые условия фабричного труда подкашивали силы; душная, пыльная и вонючая улица рабочего квартала, на которой мы жили, наводила тоску. Всё чаще и чаще нашей семье стала вспоминаться деревня.

Плохое забывалось, а хорошее ярко вставало в памяти. Постепенно у родителей созрело решение ехать обратно в деревню. Однако, прежде чем они решились покинуть город, прошло ещё около полутора лет; когда участь пролетария была испытана в полной мере, отец вместе с матерью и двумя моими младшими братьями уехали обратно в деревню. Я остался в городе один.

С какой радостью я бы отправился тогда вместе с родителями в деревню, о которой я так часто вспоминал!

Но я хорошо знал, что на маленьком клочке земли семья не сможет прожить без приработка на стороне; я должен был остаться в городе.

В праздники и каждое воскресенье я уходил в деревню. Это давалось нелегко, приходилось делать туда и обратно свыше сорока километров. Я всё ещё чувствовал себя в городе и на фабрике одиноким, получужим...

В отделении миткальной конторы было человек 30 рабочих и служащих: 6—7 браковщиков, 8 мерильщиков и складывальщиков, 5—6 таскальщиков, посыльный мальчик, прессовщик, подборщик и старший браковщик; пять мальчиков (четыре мерильщика и один посыльный) были в возрасте от 15 до 17 лет, остальные — взрослые рабочие. Зарплата выдавалась ежемесячно; все мальчики получали по 6 р. 50 к. в месяц, складывальщики — по 10 р. 50 к., браковщики — от 12 до 15 руб. (в зависимости от числа проработанных лет), таскальщики — от 12 до 15 руб., и старший браковщик получал самую высшую ставку — 17 р. 50 к.

В одном из углов помещения миткальной конторы, за стеклянной перегородкой, сидело 4—5 приказчиков — это была привилегированная группа «белоручек», державшихся особняком и мало сближавшихся с остальными. Они принимали и считали всю выработку старого ткацкого корпуса.

Большинство рабочих и приказчиков были малограмотными, значительная часть рабочих — совсем безграмотными. В первые годы моей работы проявление классового самосознания рабочих было крайне слабым. Люди ежедневно с утра до ночи терпеливо работали, жили в тяжёлой нужде и не выражали почти никаких признаков протеста или недовольства. Изю дня в день, из месяца в месяц тянулась наша серая, беспросветно однообразная, полуголодная жизнь. Только выпивки в воскресенье и в дни получек

разнообразили существование: в эти дни слабовольные и измученные люди зверски напивались, устраивали драки и безобразные скандалы, ночевали в «каталажках». В обеденные перерывы устраивались кулачные бои с рабочими соседних фабрик. Нередко и наши мальчики после обеденного перерыва приходили на работу с синяками и прочими «знаками боевого отличия».

Рабочий, вновь поступающий на фабрику или переходивший на более высокооплачиваемую работу, обязательно должен был выставить «магарыч», т. е. четверть ведра водки для всех работающих в отделении. Каждый мерильщик старался стать складывальщиком, складывальщик — браковщиком и т. д. Это удавалось только при помощи угощений, задабривания влиятельных лиц, вроде старшего браковщика и т. п. Одним словом, поводы к пьянкам находились всегда.

«Магарычи» шли обыкновенно по вечерам, после окончания работы, всем отделением — летом где-нибудь на реке, на открытом воздухе, а зимой в каком-нибудь кабаке или на квартире.

На следующий день многие не выходили на работу, другие опохмелялись и работали полупьяными.

В течение 4—5 лет моей работы на фабрике в нашем отделении никаких признаков рабочей организации, никаких связей рабочих с революционными кружками не наблюдалось. Рабочие были темны. Вымогательство со стороны «высших» по отношению к «низшим» и более слабым было в порядке вещей. Вновь поступившие мальчики за плохую работу на мерильных машинах подвергались побоям. Над простоватыми, вновь поступившими деревенскими парнями всячески насмехались. Происходили примерно такие сцены. Новичок, здоровый парень Капиша, стоит у чугунной колонны и разбирает кусок миткаля, готовясь заправить его в мерильную машину. Вдруг из-за машины складывальщик кричит:

— Капиша!

— Чего? — испуганно спрашивает парень.

— Поверни немного колонну.

Парень обхватывает колонну и старается изо всех сил повернуть её; ничего, конечно, не выходит.

— Не в ту сторону вертишь! — кричит складывальщик.

Капиша пробует вертеть в другую сторону. Окружающие не выдерживают — раздаётся громкий хохот. Капиша,

красный и потный, поняв, наконец, что над ним смеются, борча под нос какие-то ругательства, отходит от колонны.

Насмешки над новичками из деревни не только не вызвали ни с чьей стороны протестов, но составляли общую забаву и даровое зрелище.

На зиму мой отец, как и прежде, поступал на ткацкую фабрику. Семья же жила в деревне зимой и летом. Когда среднему брату, Петру, исполнилось пятнадцать лет, он тоже пришёл в город и поступил на ту же фабрику. С этого времени мы с братом постоянно работали в городе, а отец фабрику бросил — стал круглый год жить в деревне.

Жизнь не становилась легче, лишения не уменьшались. Я попрежнему мечтал бросить фабрику и переселиться в деревню. Но несбыточность этого желания была очевидной. Несколько скрашивала жизнь любовь к чтению, хотя читал я с грехом пополам. Я принадлежал к тем немногим рабочим, которые читали кое-какие книги. Читал я много, но без всякой системы, так как среди окружавших меня не было ни одного более или менее интеллигентного или хотя бы хорошо грамотного человека, который помог бы выбрать книгу, посоветовать, что читать.

Книги я брал в бесплатных библиотеках-читальнях. Помню, мы ходили в эти библиотеки после работы компанией, втроём или вчетвером. Брал я книги и домой; читал также во время обеденных перерывов на фабрике и по вечерам на квартире. На фабрике в часы обеда я забирался в шлихтовку¹, садился где-нибудь на окошко, вместо обеда выпивал стакана два-три чаю с чёрным хлебом, брал книгу и читал до возобновления работы.

В шлихтовке никто не мешал, и чтение подвигалось быстро; но вечером на квартире дело обстояло хуже. Дома было человек пятнадцать жильцов. Помещались все в одной, средней величины, комнате: мужчины и женщины, старые и молодые, холостые и женатые. Спали на полу подряд. Работали все на разных фабриках, в разных сменах, и в то время как «дневные», только что окончив работу, приходили на квартиру, другие, которым нужно было встать на работу в три часа утра, уже ложились спать. Чтобы не жечь много керосина, который хозяйка очень экономила, и не

¹ Шлихтовка — отделение ткацкой фабрики, где производится проклеивание основы перед ткачеством для придания ей большей гладкости и крепости.

мешать спать другим, только что пришедшие с работы «дневные», поужинав, тотчас ложились спать. При такой жизни люди круглые сутки только работали, ели и спали; ни для чего другого времени не оставалось. Я не мирился с таким положением и, придя усталый с работы, брал книгу, зажигал купленную на собственные деньги свечку и читал до тех пор, пока не начинали слипаться глаза.

Однажды произошёл неприятный случай. Разостлав себе постель на полу в одном из углов комнаты, поставив зажжённую свечку в угол, я лёг под одеяло и, загородив собою от других свет, стал читать. Незаметно я уснул, свечка догорела, и от огарка загорелся деревянный угол комнаты. Угол был гнилой и сырой,—подымился, подымился, да и потух. Хозяйка заметила обгоревший угол и читать при свечке запретила. Зато я добился права читать за столом с хозяйской лампой.

В такой обстановке я прожил шесть-семь лет.

С книгами легче было переносить тяжёлую действительность. Уносясь мысленно вслед за героями романов, я задумывался над их положением, искал для них выхода, а заодно старался придумать выход и для себя. Книги учили меня думать.

Вначале я читал таких авторов, как Жюль Верн, Майн-Рид и Купер, увлекался описаниями путешествий и приключений. Позднее я перешёл к русским классикам: Пушкину, Лермонтову, Гоголю. Читал также различные романы из приложений к «Ниве», «Родине» и другим журналам. Изредка в нашей бесплатной библиотеке я доставал научно-популярные книжки.

За пять-шесть лет я прочёл массу самых разнообразных книг, но не встретилось среди них ни одной, которая будила бы классовое самосознание. Так подбирались литература в бесплатных библиотеках. В библиотеке не было книг даже легальных прогрессивных писателей, как, например, Некрасова и др. За всё это время мне не попадалась также ни одна революционная нелегальная книга, брошюра или хотя бы прокламация, и, несмотря на мою большую, как мне тогда представлялось, начитанность, я в политическом отношении оставался почти таким же несознательным рабочим, как и мои собратья, среди которых я жил.

Однако чтением я значительно расширил общий свой кругозор. Это обстоятельство в дальнейшем сыграло большую роль. При знакомстве с партийными товарищами мне

легче было понять их и осознать своё положение подневольного раба капитала.

Я и раньше не раз слышал от товарищей, что есть какие-то люди, не признающие существования бога. Среди рабочих шла молва, что эти люди призывают бороться против царя. Но что это были за люди, почему они не признавали бога и были врагами царя, — никто мне доподлинно сказать не мог.

Однажды, помню, в ткацком корпусе арестовали рабочего-ткача. Жандармы подошли к его станку, обыскали и увели. После этого собралась в коридоре толпа рабочих. Кто-то говорил, что арестованный не признаёт царя и бога. Этот случай сильно возбудил моё любопытство; захотелось узнать побольше об этих непонятных людях. Но и на этот раз я ничего не узнал, только один из товарищей сказал, что это — политики и занимаются они политикой, а что за политика, — он объяснить не мог.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПАРТИЙНЫМИ РАБОТНИКАМИ. ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СОБРАНИЕ ИВАНОВСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ В МАЕ 1903 г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. РАБОТА В МАРКСИСТСКИХ КРУЖКАХ

Владимирская губерния занимает одно из первых мест в истории русского рабочего движения. Массовые стачки во Владимирской и Московской губерниях в 80—90-х годах прошлого столетия заставили царское правительство издать первые законы об условиях труда рабочих (законы 1882—1885 гг. об условиях женского и детского труда, закон 1886 г. о правилах внутреннего распорядка, о штрафах, о расценках и т. д.).

В 1900 г. в Ярославле был создан «Северный рабочий союз» (О. Л. Варенцова, М. А. Багаев, Н. Н. Кудряшов, Н. И. Кондратьев), который повёл борьбу с кустарничеством и экономизмом и развернул большую работу по

сплачиванию революционных сил вокруг ленинской «Искры».

Зимой 1902/03 г. на ткацкой фабрике «Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры» работал со мной рабочий Евтихий Арефьев. Видя, что я читаю книги, он не раз заводил со мной разговоры о том, что мне нужно бы почитать другие книги, в которых говорится о рабочей жизни, о нуждах рабочих, чего в книгах из бесплатных библиотек узнать нельзя.

Я, конечно, заинтересовался, где можно достать такие книги. Он ответил, что это трудно, но обещал мне помочь, как только представится случай.

Спустя некоторое время после этого разговора Арефьев пригласил меня к себе на квартиру, чтобы познакомить с его квартирантом, у которого можно было получить для чтения хорошие книги. У Арефьева я встретил молодого человека, лет 25, который назвался Красильниковым. В беседе со мной Красильников говорил о том, что положение рабочего класса очень тяжёлое, что необходимо улучшить условия труда. Добиться этого, говорил он, могут только сами рабочие путём организованной и решительной борьбы всего рабочего класса против хозяев-капиталистов и всех, кто их защищает.

У него я получил книгу Писарева, которую прочёл с большим интересом. Потом я взял у него ещё три-четыре книги того же автора и несколько других книг по различным вопросам. Первой нелегальной книжкой, полученной мной у него, была «Песни революции», которые я быстро заучил наизусть.

Так прошло месяца три: Красильников снабжал меня литературой и беседовал со мной о положении рабочего класса, о его борьбе за освобождение. Он рассказывал мне о том, как борются рабочие в других странах. Говорил, что русские рабочие тоже выходят на путь борьбы, но правительство не позволяет им открыто организоваться, и они организуются нелегально. Красильников был со мной знаком уже в течение продолжительного времени, но не спешил познакомить меня с другими своими товарищами. Однажды он совершенно неожиданно уехал, и долгое время я не имел о нём никаких вестей. Потом Арефьев сказал мне, что Красильников арестован, и больше я с ним никогда не встречался.

Арефьев, так же как и я, ни с кем из других партийных работников, кроме Красильникова, знаком не был. Он знал

Красильникова только как своего квартиранта и в организации не состоял. Таким образом, моя только что завязавшаяся связь с подпольной партией рабочего класса была прервана. Связь с партией мне удалось установить только в мае 1903 г.

Однажды работавший на нашей фабрике рабочий Малков (Смирнов) сообщил, что в один из ближайших дней, вечером в лесу, за речкой Талкой назначено собрание по вопросу о восстановлении социал-демократической организации в Иваново-Вознесенске, и пригласил меня принять участие в этом собрании, предупредив, что туда приглашаются только самые надёжные товарищи и что сообщение о собрании должно быть сохранено в полной тайне. Я с большой радостью согласился и с нетерпением ждал этого собрания.

Когда вместе с т. Смирновым я пришёл в указанное место, там уже собралось несколько незнакомых мне молодых людей. Вместе со мной и Смирновым присутствовало 7—8 человек. Один из них был по виду интеллигент, учащийся, остальные — рабочие. Вскоре собрание открылось, и товарищ, принятый мною за интеллигента, в небольшой речи изложил цель собрания. Он говорил о необходимости создания сильной социал-демократической организации для руководства борьбой рабочего класса. Слушали его с напряжённым вниманием, затаив дыхание, не пропуская ни одного слова. Больше в этот раз никто не выступал. После речи оратора было принято решение положить начало новой социал-демократической организации в Иваново-Вознесенске вместо разгромленной властями за несколько месяцев перед этим. Выбрали библиотекаря, секретаря, кассира и решили начать кружковые занятия.

В течение нескольких недель кружок собирался по вечерам в лесу, за станцией железной дороги. Когда кружок настолько вырос, что стало не безопасно собираться, он разделился на два. Кружками руководили тт. Юрик и Степан. В кружках рабочие знакомились с историей революционного движения в России и с началами политической экономии. Посещались собрания кружков очень аккуратно. День занятий для всех нас был как бы праздником, а самые занятия были настолько интересными, что ни у кого не возникало и мысли пропустить хотя бы одно собрание без уважительной причины.

На занятиях в кружке обычно читали книгу вслух; после прочтения главы или части книги обменивались мнениями по поводу прочитанного, а руководитель объяснял то, что было неясно. Занятия в кружке открыли передо мной новый мир, о существовании которого до вступления в организацию я почти ничего не знал. Я совершенно забросил посещение бесплатной библиотеки и отдался исключительно занятиям в кружке и чтению партийной литературы. Мы прочитали всю партийную литературу, какая имелась в маленькой нелегальной библиотечке нашей организации.

Помню, у меня тогда создалось отрицательное отношение ко всем легальным периодическим изданиям, — я их совершенно перестал брать в руки. Я верил только тому, что печаталось в «Искре» и в других партийных изданиях, которые попадали в организацию.

Собрания кружка по воскресеньям и другим праздничным дням мы часто устраивали у линии железной дороги, немного в стороне от гуляющей публики, а иногда и прямо у всех на виду, маскируя занятия игрой в карты и несколькими бутылками пива.

Литература, имевшаяся в библиотеке организации, делилась на легальную и нелегальную. Хранились те и другие книги отдельно у библиотекарей. Из легальных книг, помню, были в ходу следующие: Шпильгагена «Один в поле не воин», Фаресова «Десять месяцев в одиночном заключении», Францоza «Борьба за право», Швейцер «Эмма» (политический роман), Эмиля Золя «Углекопь», «Труд», Короленко «Сон Макара», рассказы недавно появившегося тогда Максима Горького, некоторые вещи Скитальца, «Политическая экономия» Железнова, «История французской революции» Минье и др.

Из нелегальных книг и брошюр имелись: «За веру, царя и отечество» (автора не помню), Ленина «К деревенской бедноте», Вильгельма Либкнехта «Пауки и мухи», Дикштейна «Кто чем живёт», «Хитрая механика» (автора не помню) и многие другие.

Летом 1903 г. социал-демократическая организация Иваново-Вознесенска значительно выросла; почти на всех фабриках и заводах города имелись её представители, через которых она связывалась с остальной рабочей массой.

Организация строилась приблизительно следующим образом. Город разделялся на несколько районов. Во главе организации стояла группа Северного комитета Российской

социал-демократической рабочей партии. Назначаемые ею и подчинённые ей непосредственно районные организаторы ведали партийной работой в районах. Кроме того, были фабричные и заводские организаторы, которые избирались заводскими ячейками. Собрание организаторов фабрично-заводских ячеек района выделяло из своей среды представителя в городской центр — группу Северного комитета.

Финансы организации складывались из членских взносов. Каждый член партии обязан был вносить 2 процента заработка в кассу организации. Из всей суммы членских взносов отчислялось, кажется, 10 процентов в кассу Северного комитета. Взносы поступали аккуратно: все понимали, что без средств организация существовать не может, поэтому в кассе имелись деньги не только для текущих организационных расходов, но и на содержание одного или двух профессионалов-революционеров. Листовки долгое время печатали на гектографе. Их, конечно, не хватало, а нужда в них была большая. Северный комитет помогал нам, как мог: снабжал листовками, газетой «Искра» и другой нелегальной литературой.

Организация продолжала расти — к концу лета 1903 г. занятия происходили уже в нескольких кружках. Появились новые руководители из рабочих. Правда, они не всегда были хорошо подготовлены к кружковой пропаганде.

В начале сентября было созвано в лесу за станцией железной дороги, близ речки Талки первое общее собрание всех организованных рабочих Иванова. Собралось около ста человек. Для меня это было первое массовое собрание людей, близких по духу. Оно крепко сохранилось в моей памяти. Собрание прошло с большим подъёмом, укрепило веру в успех дела и влило в нас новые силы, бодрость и энергию.

Присутствовавшие на собрании товарищи были полны сил и желания бороться до конца за великую цель освобождения рабочего класса и готовы были отдать жизнь в этой борьбе. Было ясно, что мы, рабочие, действительно — та сила, которая должна и может, освободившись сама от капиталистического рабства, освободить от него всех угнетённых и порабощённых.

В это время мы стали получать в большом количестве нелегальную литературу — ленинскую «Искру», листовки.

Помню, как однажды мне пришлось перенести очень много только что полученной нелегальной литературы с одной из конспиративных квартир на другую, так называемую «штаб-квартиру»¹, в которой жили Голубев («Красный»)², Мухины — мать с сыном, я и брат Пётр.

Эта вторая квартира находилась в противоположной части города, и мне пришлось тащить очень тяжёлую корзину с нелегальщиной через центр города. Несколько раз я останавливался для отдыха на виду у постовых городских, под самым их носом, рискуя быть задержанным.

Поздно осенью, когда собираться в лесу стало невозможно, занятия кружков были перенесены на квартиры. Один из кружков собирался в нашей «штаб-квартире». В этом кружке было несколько товарищей, из которых помню Степана, Василия³, слесаря В. Морозова⁴ и некоторых других.

В это время из многих промышленных городов и местечек России приходили известия об открытых демонстрациях рабочих и учащихся против царского правительства, о многолюдных шествиях по улицам с красными знамёнами. Мы, ивановцы, тоже мечтали об устройстве демонстрации и много говорили об этом. В. Морозов, мускулистый богатырь, говорил: «Если мы устроим демонстрацию, то знамя непременно понесу я; если казаки врежутся в толпу и попробуют отнять знамя, то меня сомнут не скоро, — я уж им живой в руки не дамся». Но демонстрации в этом году организовать не удалось.

В конце осени 1903 г. в Иваново-Вознесенске начались аресты членов нашей организации. Арестовали В. Иванова («Инквизитор»), В. Малкова (Смирнов), А. Полянина («Преподобный») и др. При обыске жандармы ничего серьёзного у арестованных товарищей не нашли, и их всех вскоре освободили.

¹ «Штаб-квартира» — место, где происходили явки, устраивались совещания и собирались марксистские кружки. — Ф. С.

² Погиб на Украине в 1920 г. — Ф. С.

³ Василий и Степан — рабочие-текстильщики. — Ф. С.

⁴ Погиб в октябрьских боях в Москве; похоронен в братской могиле у Кремлёвской стены. — Ф. С.

ЛИСТОВКИ И ПРОКЛАМАЦИИ.
ОТНОШЕНИЕ К НИМ РАБОЧИХ.
МАССОВКИ В ЛЕСУ.

ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С КАЗАКАМИ

Помимо кружковой работы мы усиленно занимались распространением прокламаций и другой нелегальной литературы среди неорганизованных рабочих на фабриках, заводах и в рабочих кварталах. Прокламации обыкновенно разбрасывали и расклеивали на фабриках и заводах в местах наибольшего скопления рабочих — в курилках, коридорах, а когда менялись смены, — раскладывали по ящикам, имевшимся у каждой пары ткацких станков. В рабочих кварталах листовки распространяли поздно вечером или же ночью. Квартал делился на участки между несколькими товарищами, каждый выбирал одну или две улицы и в назначенное время с пачками листовок за пазухой отправлялся в свой участок. Ворота домов в это время бывали уже везде заперты, и листовки бросали по нескольку штук через низенькие деревянные заборы, выходившие на улицу.

Листовки бросали всюду, где можно было предполагать, что они будут прочитаны теми, кому предназначены. Так, листовки клали в ящики, имевшиеся у каждого уличного колодца. Когда утром рабочие приходили за водой, то забирали с собой и листовки.

В дни распространения листовок в курилку часто приходил табельщик или кто-либо другой из фабричной администрации, которому доносили о расклеенных прокламациях, и срывал листовку со стены; но стоило администратору уйти, как на стене появлялась другая листовка. У администрации, фабричных шпииков и провокаторов в эти дни было много беготни и хлопот. Но распространители листовок попадались в их руки сравнительно редко — благодаря бдительности рабочих, которые во-время предупреждали наших товарищей об опасности. В рабочих кварталах наши распространители листовок были ещё неуловимее для охранников. Подчас случалось, что распространителя замечал ночной сторож или постовой городской, но пока он успевал дать свисток и поднять тревогу, на улице никого уже не было. Наш товарищ успевал скрыться.

На другой день после массового распространения прокламаций начинались обыски, аресты, допросы. Но листовки уже сделали своё — на фабриках и в рабочих кварталах царило оживление, шли споры между молодёжью и стариками, часто не сходявшимися в мнениях по поводу прочитанного. Старики, в особенности подмастерья, гравёры¹, раклисты² и другие сравнительно высокооплачиваемые категории, относились к листовкам с предубеждением. Широкая же масса рабочих чувствовала правду наших лозунгов и призывов и принимала листовки сочувственно. И только отдельные, особо забитые, тёмные рабочие, главным образом из стариков и новичков, недавно пришедших из деревень, были недовольны «безбожниками-политиками», что «мутят воду».

Мастера, подмастерья, табельщики и прочие, принадлежавшие к группе наиболее обеспеченных, к политике и революционному рабочему движению относились не только отрицательно, но подчас и враждебно. Они боялись нарушения установившегося течения жизни, в которой занимали более привилегированное положение, чем остальная масса рабочих: они были сыты и пользовались большими правами. Многие из них открыто поносили «забастовщиков», распространяя о них самые дикие сплетни, вплоть до того, что «забастовщики», мол, хотят восстановить крепостное право. С этими людьми было рискованно вступать в споры и пререкания. Всякого, кто пытался возражать им, они причисляли к разряду «забастовщиков» и доносили куда следует; в результате спорившего ожидало увольнение с фабрики или даже арест. Это были так называемые «языки», которых забитые рабочие очень боялись. Но случалось, что тот или иной рабочий, доведённый до крайнего озлобления, забывал страх, подстерегал такого ябедника и жестоко с ним расправлялся. Происходили подобные расправы и на самой фабрике.

Одним из очень важных средств агитации среди рабочих являлись массовки. Весной и летом 1904 г. массовки устраивались почти в каждый свободный от работы день. Приглашались, кроме членов организации, и сочувствующие надёжные рабочие, и потому массовки были многолюд-

¹ Мастер-художник по вырезыванию (гравированию) рисунка на металлических валах для печатания ситца.

² Старший рабочий при ситцепечатной машине.

ными. Устраивались они так. Дня за два до праздника руководящий центр организации назначал время и место массовки, устанавливал пароль. Об этом информировались районные организаторы, те в свою очередь информировали фабричных организаторов, а последние извещали членов фабрично-заводских ячеек. За несколько часов до начала массовки по пути к месту собрания в разных направлениях расставлялись патрули. По соображениям конспирации начинали собираться за несколько часов до назначенного времени, постепенно и небольшими группами. Патруль только тогда объяснял, как пройти на место, когда ему задавался условленный вопрос — пароль. Патрули оставались на своих местах и тогда, когда все собирались и собрание открывалось. На массовках в то время выступали главным образом партийные профессионалы. Настроение бывало всегда повышено-воинственное. Многие имели при себе оружие — если не револьвер, то кинжал или финский нож. О всяких тревожных явлениях патруль немедленно сообщал собранию, и собравшиеся переходили на другое место. Если появлялась опасность нападения казаков, массовка распускалась. Случалось, что казаки появлялись внезапно и патруль не успевал заранее предупредить собрание. Тогда давался сигнал выстрелом (патрули всегда имели револьверы); это означало, что опасность близка, и участники собрания быстро расходились.

О состоявшейся массовке на другой день становилось известно в городе и на фабриках. Среди рабочих шли оживлённые разговоры. Полиция обыкновенно узнавала о массовке только из этих разговоров, а её агенты всеми способами старались собрать сведения о том, кто был на массовке, что на ней говорилось и т. д.

Помню одну массовку, окончившуюся большим столкновением с казаками, в результате которого несколько человек было избито и арестовано. Летом 1904 г. устроили массовку в лесу, за мельницей Сластихой. Присутствовало несколько сот человек. Конспирация была соблюдена полная. Хотели уже открыть собрание, как вдруг со стороны мельницы раздались крики, призывающие на помощь. Собравшиеся большой толпой быстро двинулись к мельнице и там увидели, что несколько огородников, владелец мельницы и плотники, производившие ремонтные работы на мельнице, избивали двоих или троих товарищей, шедших

на собрание. Прибывшие участники массовки кинулись на выручку, произошла большая потасовка. В результате нападавшие обратились в беспорядочное бегство.

Происшествие казалось ликвидированным, и участники массовки вернулись в лес, чтобы начать собрание. Но в это время появился отряд казаков; казаки, с гиканьем ринувшись на собравшихся, пустили в ход нагайки. Застигнутые врасплох неожиданным налётом, участники собрания стали защищаться кто чем мог: палками, поленьями, хворостом. Казаки позорно бежали. Но через короткое время они вернулись в большем количестве, атаковали собравшихся со всех сторон и всех не успевших скрыться сильно избили, а многих арестовали и увели в город.

Как потом выяснилось, столкновение с огородниками произошло по следующей причине: один из группы товарищей, шедших на массовку, В. Голубев («Красный»), затеял спор с огородниками, а те пустили в ход кулаки. Он стал звать на помощь, и в результате произошла эта история.

По этому делу я вместе с братом Петром вызывался на допрос к жандармскому ротмистру. Это был первый допрос, которому я подвергся. Нас впустили в небольшую мрачную комнатку в полуподвальном помещении, в котором находилось тогда жандармское управление (на Базарной площади, в доме Глебова). Жандарм сказал с ядовито-вежливой улыбкой:

— Пожалуйста, подождите здесь, пока вас вызовут.

Оставшись одни, мы стали ждать. Время шло, а нас не вызывали.

Осмотрев комнату, мы стали сговариваться, как вести себя на допросе. Я, как старший, поучал брата, что нужно на все вопросы отвечать отрицательно. Мы успели уже обо всём договориться, а нас всё ещё не вызывали. Нам стало надоедать долгое ожидание. Наконец, явился тот же жандарм и пригласил меня на допрос.

За большим письменным столом сидел жандармский ротмистр, а с правой стороны — товарищ прокурора. Ротмистр предложил мне сесть, указав на стул против себя. Когда я сел, он предупредил меня, что я должен говорить только одну правду, так как, во-первых, всё сказанное должен буду подтвердить на суде под присягой, а, во-вторых, за ложное показание могу быть привлечён к судебной ответственности.

После такого вступления ротмистр приступил к допросу. Он спрашивал, давно ли я знаком с Голубевым, где и как познакомился, что за человек Голубев, о чём он говорил с нами в свободное от работы время, не говорил ли он о том, что рабочим живётся плохо и что они должны вести борьбу за улучшение своего положения, не приносил ли на квартиру прокламаций и нелегальных книг и брошюр. На все эти вопросы я старался отвечать ничего не значащими фразами, вроде того, что познакомился с Голубевым во время работы на фабрике в одном отделении; что человек он обыкновенный, как все, ничего особенного собой не представляет; в свободное от работы время разговоры у нас происходили на разные темы; говорил ли Голубев о тяжёлом положении рабочих и о необходимости бороться за улучшение своего положения — не слыхал; что касается прокламаций, я не знаю, что это за штука; нелегальных книг и брошюр также не видал.

После этого ротмистр начал мне объяснять, что такое прокламация: это, мол, такой листок, в котором говорится о тяжёлом положении рабочих, указывается, кто виноват в этом и как рабочие должны вести борьбу за улучшение своего положения. Я выслушал его и снова упорно отвечал, что ничего не знаю, никаких листовок не видал и в первый раз о них слышу. После этого ротмистр неожиданно спросил:

— А вот Василия Иванова вы, конечно, знаете? — и устремил на меня немигающие глаза.

Несмотря на неожиданность вопроса и испытующий взгляд ротмистра, я, нисколько не смущаясь, быстро ответил, что такого не знаю.

— Как, не знаю! — продолжал, попрежнему пожирая меня глазами, ротмистр. — Ведь он же постоянно бывал у вас на квартире!

Я повторил, что не знаю.

— Да не может быть! — снова сказал ротмистр. — Васю-то Иванова, длинного такого? Он всё время ходил к вам.

— Не знаю, — упорно продолжал я.

Тогда ротмистр предложил посмотреть на фотографическую карточку Иванова, может быть, мол, тогда вспомню. Он полез рукой в ящик стола за карточкой, но сидевший тут же за столом товарищ прокурора вдруг решительно сказал:

— Это бесполезно. Этого не надо, всё равно не узнаст.— И ротмистр, уже открывший ящик стола, снова закрыл его.

Во всё время допроса товарищ прокурора молчал, рисовал на бумажке какие-то фигурки карандашом и слушал, изредка лишь сосредоточенно поглядывая на меня из-под нахмуренных бровей. Ротмистр спросил, не могу ли я что-нибудь прибавить ко всему, уже мною сказанному. Я коротко ответил: «Нет»,— и на этом допрос закончился. Мне дали прочитать мои показания и подписаться. Затем ротмистр сказал, что я свободен, и я быстро вышел из кабинета. После меня вызвали брата, а я, выйдя на волю, стал его ожидать. Ждать пришлось недолго. Пётр скоро вышел и рассказал, как его допрашивали. Оказалось, что ему задавали те же самые вопросы, что и мне, и он отвечал на них приблизительно так же.

На этой же неделе вызывали и допрашивали хозяев нашей квартиры.

За время допросов на квартиру к нам несколько раз заглядывали жандармы: то приносили повестки о явке хозяев на допрос, то приходили за какими-то справками; поэтому квартира наша как конспиративная была провалена. В это же время произошло непонятное происшествие, не выясненное и потом. У нас пропал большой тюк нелегальной литературы. Случилось это так. В тревожные дни жизни организации, когда жандармы производили многих обыски, мы собрали всю нелегальщину, упаковали её и, как нам казалось, очень искусно спрятали во дворе под дровами, надеясь, что она будет там в полной безопасности. Когда миновали тревожные дни, мы решили снова взять литературу в квартиру. К нашему изумлению, под дровами её не оказалось.

Мы стали осторожнее и конспиративные собрания в квартире прекратили. Думали было переменить квартиру, но потом решили, что не стоит: всё равно после истории на Сластихе, арестов Голубева, Иванова и нашего допроса по этому делу мы были взяты жандармами «на заметку», и они, конечно, могли нас всегда найти. Мы прожили в этой квартире до зимы 1904/05 г., а потом разошлись в разные стороны. Я поселился на Голодаихе (так называлась одна из рабочих улиц).

Арестованных на массовке за мельницей Сластихой через несколько недель освободили.

В свободное от работы время у нас на квартире устраивались чтения вслух газет и книг. Между прочим, читали каждый день лево-либеральную газету «Северный край», выходящую тогда в Ярославле. В ней часто помещались фельетоны на политические темы в художественно-аллегорической форме.

По воскресным и другим праздничным дням в летние месяцы мы нередко группой в несколько человек ходили в деревню, где продолжали жить мои родители. Прогулки эти доставляли нам большое удовольствие. После душного и пыльного Иваново-Вознесенска мы с радостью дышали чистым воздухом, ходили по полям и лугам, свободно говорили и спорили по политическим вопросам и пели революционные песни, не опасаясь полицейских ушей.

Позднее, в 1905 и следующих годах, нередко по праздникам ходили большими группами и в другую деревню, находящуюся в 5—6 километрах от города. В эти дни там собиралось много партийных работников — рабочих и интеллигентов. Время проходило шумно и весело; молодёжь, составлявшая тогда подавляющее большинство организации, заводила различные игры, бегала вперегоночки, прыгала через препятствия, много пела. Здесь всегда чувствовалась товарищеская простота и близость родных по духу людей, спаянных единством убеждений и стремлением к общей цели.

1905 год
В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА.
ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ
1905 г. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ МАСС.
МАЁВКА. ПЕРВЫЕ СТАЧКИ ИВАНОВСКИХ
РАБОЧИХ

Русско-японская война, начавшаяся в январе 1904 г., не только не вызвала патриотического подъёма у трудящегося населения России, но, наоборот, подняла революционные настроения масс на небывалую до сих пор высоту.

В дни войны на улицах — на заборах и в некоторых книжных магазинах — появились размалёванные правительственные плакаты ура-патриотического содержания, повиннистические картинки и прочая продукция царского «агитпропа». Передовые рабочие, да и очень значительная часть остального населения города встречали эти плакаты холодно. Часто можно было услышать самые враждебные отзывы и ругательства по адресу виновников войны.

«Народные массы, — сказано в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — не хотели этой войны и сознавали ее вред для России. За отсталость царской России народ расплачивался дорогой ценой.

Большевики и меньшевики по-разному относились к этой войне.

Меньшевики, в том числе Троцкий, скатывались на позиции оборончества, то-есть защиты «отечества» царя, помещиков и капиталистов.

Ленин и большевики, наоборот, считали, что поражение царского правительства в этой грабительской войне

полезно, так как приведет к ослаблению царизма и усилению революции.

Поражения царских войск вскрывали перед самыми широкими массами народа гнилость царизма. Ненависть к царизму в народных массах с каждым днем росла. Падение Порт-Артура — начало падения самодержавия, писал Ленин.

Царь хотел войной задушить революцию. Он добился обратного. Русско-японская война ускорила революцию¹.

Наша организация распространяла листовки, разъяснявшие смысл событий на Дальнем Востоке с точки зрения передовой, революционной партии рабочего класса.

Листовки присылал главным образом Северный комитет; лишь некоторые из них печатались нашей организацией. Адресовались они к рабочему классу, крестьянству, ко всему населению. Устная агитация велась всеми членами организации, где только представлялась возможность.

Мы, революционные социал-демократы, ясно понимали, что в случае победы царского правительства в этой войне оно приобретёт более твёрдую почву под ногами и сильно упавший его авторитет может подняться снова, что отодвинет решительную схватку рабочего класса с царизмом на долгое время.

Вся оголтелая капиталистическая дворянско-помещичья клика напрягала силы, чтобы сделать войну популярной в народе. Но, как она ни старалась, патриотического подъёма в стране не получалось.

Между тем с Дальнего Востока всё чаще приходили вести о поражениях царской армии, о продажных, бездарных царских генералах, проигрывающих одно сражение за другим. Это усиливало революционное настроение как среди рабочих, так и среди большей части остального населения. Ненависть масс к прогнившему царизму росла. Наша организация проводила массовки и выпускала прокламации, разъяснявшие причины поражения царских войск и гибели русского флота.

В прокламациях говорилось, что теперь всякому должно быть ясно, что царское правительство не только враждебно рабочему классу, но вообще неспособно управлять страной. У него нет ни министров, ни генералов, способных

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 53—54.

к управлению и командованию армией. Когда генерал Стессель сдал японцам в конце 1904 г. крепость Порт-Артур, сторонники войны притихли перед массовым подъёмом революционного настроения в стране. С этого момента для всех стало ясно, что война проиграна и жертвы, понесённые армией, были напрасными.

Озлобление против виновников войны росло. Мы чувствовали, как крешет у нас под ногами почва; поднималась могучая сила народного гнева против вековых угнетателей и палачей.

Помню, в это время была в ходу среди революционно настроенных рабочих песенка, кончавшаяся так:

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпииков,
Царь — изменник, провокатор,
Содержатель кабаков.
Побеждённый на Востоке,
Победитель на Руси,
Будь же проклят, царь жестокий,
Царь, забрызганный в крови!

После убийства Плеве ¹ министром внутренних дел был назначен Святополк-Мирский. Он провозгласил политику «доверия к обществу». Буржуазная пресса начала кричать на все лады о наступившей якобы «весне» в политике правительства. Наша организация кроме листовок, разбрасывавших эту «весну», распространяла карикатурные фотографии Святополк-Мирского. Он был изображён с несколькими руками; в одной из них он держал бумагу о «доверии», в другой — нагайку, третья изображала «комбинацию из трёх пальцев» и т. д.

Несмотря на усиленную болтовню буржуазных газет, «весна», конечно, ни в чём не проявлялась. Попрежнему не разрешались собрания, преследования за забастовки продолжались.

Помню, в буржуазной газете «Русское слово» фельетонисты писали: не нужно забывать, что, мол, «весна» — всё же «октябрьская» и что ещё не исключена возможность возвращения «холодов». Поэтому особенно увлекаться предоставленной якобы «свободой слова» не следует. Словом, даже буржуазная пресса в «весну» верила с оглядкой.

¹ Министр внутренних дел, ярый реакционер, инициатор еврейских погромов. Убит в августе 1904 г.

Мы, социал-демократы большевики, чувствовали и ясно понимали, что положение рабочих не изменится к лучшему до тех пор, пока не будет свергнуто царское самодержавие, что наша главная задача — беспощадная борьба с самодержавным правительством вплоть до полного его уничтожения. В этом духе и велась наша устная и печатная агитация.

В тот период в нашей организации не было ни одного меньшевика. Меньшевики-интеллигенты, выступавшие несколько раз на собраниях бастующих рабочих на реке Талке во время всеобщей стачки в 1905 г., не имели успеха у рабочих. Из членов нашей организации, помню, только один В. Иванов стал проявлять меньшевистские склонности в конце 1905 или в начале 1906 г.

Однажды Иванов выступил на конспиративном собрании в лесу в защиту I Государственной думы. Он говорил, что мы должны поддержать Думу, потому что она всё же борется против правительства. Иванов явно подпевал меньшевикам, эсерам и кадетам. Впоследствии В. Иванов окончательно переметнулся от нас к меньшевикам, но в нашей организации он был одинок и никакой роли не играл.

Иваново-Вознесенск в то время был в числе «заштатных» городов. В «Правде» за 25 мая 1935 г. рассказывается, что представлял собой «русский Манчестер» в 1905 г.:

«В заштатном городе Владимирской губернии Иваново-Вознесенске было около 100 тысяч жителей. Ямы, Рылиха, Завертяиха, Голодаиха, Глинищево — так именовались жалкие, грязные пригороды, густо населённые рабочими... Город не имел ни водопровода, ни канализации. На заседании городской думы голова Дербенев, держа в руках планы и проекты будущего водопровода, спрашивал гласных:

— Ну, так как же, господа, поступить с этим вопросом?

— В комиссию, — раздаются недовольные голоса.

— Прошу слова! — кричит фабрикант Антон Гандурин. — Не нужен нам водопровод! Ни к чему он нам. Пусть там, в Лондонах и Парижах, пьют водопроводную воду... А нам хорошо и без водопровода...

Зато имелось 15 церквей и 300 кабаков...

На фабриках взятки брали все... Молодых рабочих мастера принуждали к сожительству. Дно реки Уводи часто бывало свидетелем трагического конца опозоренных рабочих.

Свыше одной трети рабочих на фабриках Иваново-Вознесенска составляли дети и молодёжь, не достигшая 20 лет. Раздетые, разутые мальчики и девочки подметали пол, вытирали шестерёнки.

Из тысячи детей в дореволюционном Иваново-Вознесенске умирало 570, не дожив до одного года».

Условия жизни рабочих на фабриках и заводах Иваново-Вознесенска ко времени революции 1905 г. были чрезвычайно тяжелы. Установленный законом 11½-часовой рабочий день фактически удлинялся фабрикантами иногда до 15 и больше часов. Нищенского заработка едва хватало на полуголодную жизнь и самую дешёвую одежду и обувь.

Нужно добавить, что наём рабочих (т. е. заключение договора о найме) происходил два раза в год — весной и осенью. На зимний сезон фабриканты снижали расценки.

Рабочих штрафовали и увольняли за самые незначительные проступки, подвергали всяческим обидам и притеснениям. Фабричная администрация безнаказанно издевалась над бесправными рабочими. Жаловаться было некому; так называемые «независимые» посредники между рабочими и фабрикантами — фабричные инспектора — фактически всецело находились в зависимости от фабрикантов и всегда держали их руку.

Жилищные условия рабочих были ужасающие. Материалы обследования (земская статистика) дают такие цифры: на площади в 3 квадратных сажени жило от 5 до 20 человек.

Ещё в 1894 г. заболеваемость на каждые сто рабочих доходила до 297 случаев, т. е. на каждого рабочего приходилось до трёх заболеваний в год.

Туберкулёз среди ткачей являлся самой распространённой болезнью. Масса рабочих болела почти поголовно; лечения не было. Отпуска больным давались в очень редких случаях, да и то большей частью лишь тогда, когда болезнь принимала совершенно неизлечимую форму. Но больной рабочий почти никогда не мог воспользоваться предоставленным отпуском, так как, по общему правилу, отпуска давались без сохранения заработка, и больному приходилось предпочитать голодному «отдыху» непрерывную работу до полного истощения сил или до смерти прямо за станком.

В начале 1905 г. я понёс тяжёлую утрату: в возрасте 20 лет умерла от туберкулёза моя жена, работавшая на одной из ткацких фабрик города.

Я много думал над этим тяжёлым событием в моей жизни. Ещё более усилилась моя ненависть к главным виновникам наших бед и несчастий, ещё настойчивее я почувствовал необходимость усилить борьбу с врагами. Раз виновником во всех наших несчастьях является царское самодержавие и капитализм, рассуждал я, значит, всю силу нашей злобы и ненависти нужно направить против них. Я снова с головой ушёл в партийную работу: был районным организатором, членом городской группы Северного комитета РСДРП.

Тяжёлый урок, который получили от царского правительства петербургские рабочие 9 января 1905 г. во время мирного шествия к царскому дворцу, вызвал, как и по всей России, небывалый подъём революционного гнева среди всех иваново-вознесенских рабочих. Наша организация распространяла листовки с подробным разъяснением политического смысла январского расстрела рабочих. По инициативе Иваново-Вознесенской партийной организации были предприняты попытки устроить и в Иваново-Вознесенске политическую стачку, но она не удалась.

Один из руководителей стачки на механических заводах рассказывал, что 16 января городской партийный центр собрал в селе Богородском организаторов заводских ячеек. После доклада о событиях 9 января было решено утром 17 января начать на заводах забастовку. Товарищам, выделенным для руководства забастовкой на заводах, были розданы отпечатанные на гектографе требования общеполитического характера.

Утром 17 января рабочие завода Анонимного общества бросили работу и вышли за ворота. Немедленно прибыли казаки; они зверски избили и разогнали рабочих. Руководителей забастовки избили и отправили в тюрьму.

На собрании бастующих один из руководителей стачки призывал рабочих пойти на фабрику Полушина, чтобы и там снять рабочих с работы. Пошло около половины собравшихся. Несмотря на сопротивление полиции и сторожей, они ворвались во двор полушинской фабрики, а затем и в корпуса и остановили работу. Часть отделений

(печатные машины, каландры, заварка и др.) стала, и рабочие начали выходить во двор. В это время явилась сотня казаков во главе с полицмейстером. Один из наших дружинников, т. Станко, выстрелил в полицмейстера. Пуля застряла в шинели и не ранила его; тогда рассвирепевший полицмейстер дал распоряжение избивать бастующих нагайками. Началась жестокая расправа. Арестовано было человек 35—37. Избитые, окровавленные, они были настолько обессилены, что почти не могли идти, но их продолжали избивать по дороге в тюрьму и в самой тюрьме.

Одни из пострадавших рабочих рассказывал: когда фабрика остановилась и рабочие начали выходить из корпусов, из одного отделения выбежал старик лет шестидесяти, совсем седой. Он держал в руках красную тряпку и пытался прикрепить её в виде флага на распорку; старик не знал, что всё уже кончено, что зачинщики арестованы. Не успел старик оглядеться, как на него налетел казак, зацепил за шею арканом и, раздетого, босого, поволок, нещадно избивая. Казак часто натягивал аркан, приподнимал старика на воздух и отпускал лишь для того, чтобы старик не задохнулся совсем. В тюрьму старик был доставлен без памяти. Так его и бросили в камеру.

Полиция смогла сорвать стачку лишь с помощью прибывших в город крупных воинских частей.

Также была разгромлена и стачка бастовавших в это же время рабочих Кохмы.

После этой неудавшейся стачки преобладающей темой разговоров среди наших рабочих был вопрос о всеобщей забастовке, почва для которой быстро созревала. Этому помогали газетные вести о новых стачках в стране.

Накануне 1 мая нашей партийной организацией было разбросано по городу много листовок, а 1 мая за городом в лесу была организована массовка, в которой участвовало около 200 человек. На массовке была принята резолюция с призывами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует Учредительное собрание и 8-часовой рабочий день!», «Долой войну!», «Свобода политическим заключённым!», «Да здравствует российская революция!». Всё это способствовало созреванию массовой стачки, которая началась в середине мая. Накануне стачки (за неделю или две) в Иваново-Вознесенск приехал для работы партийный профес-

сионал Михаил Васильевич Фрунзе. Он был командирован Московским комитетом партии. Фрунзе сразу же влился в состав Иваново-Вознесенской группы Северного комитета партии и вместе с Афанасьевым стал во главе руководства городской партийной организации. Михаил Васильевич проживал в Иваново-Вознесенске нелегально, постоянной квартиры не имел и ночевал то в одном, то в другом месте у товарищей. Его часто можно было встретить в пригороде Рылиха, на квартире члена Городского комитета С. Балашова (по кличке «Странник»). Одевался он под слесаря. Носил сильно потёртую блузу, сверху поношенный тёмный пиджак и такие же брюки и выглядел заурядным рабочим-металлистом.

Вот что говорил о партийной работе в Иваново-Вознесенском районе сам Фрунзе в своей автобиографии:

«В начале 1905 г. стал работать в Иваново-вознесенском промышленном районе. Был одним из организаторов и руководителей известной стачки текстильщиков в 1905 г., охватившей весь промышленный Иваново-вознесенский район. Был делегатом IV Объединительного съезда РСДРП в Стокгольме от Иваново-вознесенского комитета. Был организатором Иваново-вознесенской окружной организации, а затем Иваново-вознесенского союза РСДРП, охватывавшего как городскую Иваново-вознесенскую организацию, так и весь Иваново-вознесенский промышленный район (Иваново-Вознесенск, Шуя, Кинешма, Тейково, Родники, Юрьевец, Южа и пр.)»¹.

6 и 7 мая ткачи фабрики Бакулина и рабочие типографии Соколова предъявили экономические требования своим хозяевам. 10 мая бросили работу ткачи фабрики Дербенева и выдвинули перед хозяевами 19 экономических требований. Прибывший фабричный инспектор посоветовал стать на работу, потому, мол, что «за вами другие фабрики не пойдут». Фабричная администрация в этот момент не ожидала серьёзной вспышки стачечного движения и не была к ней готова.

Ещё до начала стачки мы обсуждали на конспиративных собраниях предложенные городским комитетом и группой Северного комитета требования рабочих владельцам предприятий.

¹ М. В. Фрунзе, Избранные произведения, Восиздат, 1950, стр. 50—51.

Накануне стачки группа Северного комитета РСДРП, руководившая тогда Иваново-Вознесенской парторганизацией, распространила среди рабочих воззвание, в котором говорилось:

«Нехватает сил больше терпеть! Оглянитесь на нашу жизнь, до чего довели нас наши хозяева! Нигде не видно просвета в нашей собачьей жизни!

Довольно! Час пробил!

Не на кого нам надеяться, кроме как на самих себя. Пора принятаться добывать себе лучшую жизнь! Бросайте работу, присоединяйтесь к нашим забастовавшим товарищам. Выставляйте 26 требований, изданных нашей группой. Присоединяйте к ним кроме того свои местные частные требования. Собирайтесь для обсуждения ваших нужд в городе и за городом».

9 мая 1905 г. в лесу собралась партийная конференция с участием представителей беспартийных рабочих. Представители предприятий доложили о настроении рабочих. Стало ясно, что недовольство рабочих велико и почва для стачки вполне подготовлена. Было принято решение начать стачку 12 мая. Партийная конференция рассмотрела и утвердила требования стачки. Основными из них были: 8-часовой рабочий день, а перед праздниками время работы не должно быть больше 6 часов; отмена ночных и сверхурочных работ; единый годовой срок найма; заработная плата не ниже 20 руб.; отмена штрафов; полная оплата за время болезни; отпуска роженицам с сохранением полной заработной платы; ясли для детей рабочих; создание паритетной комиссии по разбору конфликтов между рабочими и хозяевами и по приёму и увольнению рабочих; улучшение жилищных условий и медпомощи; пенсии потерявшим трудоспособность; ликвидация тюрем при фабриках и фабричной полиции; невмешательство начальства в дела рабочих во время стачек; свобода собраний; бастующие не могут быть арестованы и уволены; полная заработная плата за время стачки; свобода стачек и союзов; всеобщее обязательное бесплатное образование. Кроме этих требований, на митинге бастующих единогласно было принято требование немедленного созыва Учредительного собрания.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИХ
РАБОЧИХ. СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.
«СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» НА ТАЛКЕ.
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
В ПЕРИОД СТАЧКИ

Утром 12 мая на всех фабриках и заводах работа шла обычным темпом. Около полудня рабочие фабрики Бакулина бросили работу и вышли за ворота. Я работал тогда на ткацкой фабрике «Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры». Мы, члены партийной организации, собравшись группой в несколько человек, разда два-три ушли на разведки, чтобы узнать, что делается на других фабриках. Заглянули на фабрику Бакулина: рабочие, бросив работу, большой толпой стояли у ворот и шумно разговаривали. На небольшом расстоянии от них, как раз против фабрики, в полном боевом порядке стоял отряд казаков.

В статье, напечатанной в № 3 журнала «Образование» за 1906 г., об этом начальном моменте стачки говорится:

«Наскок полицеймейстера Кожеловского, пустившего испытанное полицейское средство — «запорю, расходишь», — был отпарирован рабочим Д.¹ указанием на 106 № «Северного края», где был напечатан какой-то указ, якобы разрешающий сходки. «Разве дядя Иван (Кожеловский), — сказал Д., — выше царя?» Сам Кожеловский опешил от такого удара и забыл обидеться на «дядю Ивана»».

Среди собравшихся рабочих вдруг разнёсся слух, что какие-то личности, появившиеся неизвестно откуда, ходят среди бастующих и на спинах наиболее видных руководителей стачки незаметно делают отметки мелом. Все быстро и тревожно начали озираться и переходить с места на место, разыскивая этих загадочных лиц, чтобы расправиться с ними. Но никого не нашли. Возможно, что этот провокационный слух пустили агенты полиции с целью внести замешательство в ряды бастующих.

¹ Под инициалом «Д.» разумеется один из руководителей забастовки, Дунаев. — Ф. С.

Когда мы вернулись на свою фабрику из последней разведки, было уже около четырёх или пяти часов вечера. Рабочие ещё продолжали работать. Несмотря на приподнятое, явно забастовочное настроение, поднять рабочую массу на забастовку оказалось нелегко. Все члены организации на фабрике ходили по корпусам и агитировали за забастовку, но рабочие не решались бросать работу.

Наконец, мы узнали, что к задним воротам фабрики подошли забастовавшие рабочие соседних ткацких фабрик Зубкова и Полушина и требуют, чтобы мы немедленно присоединились к ним. Тогда мы более решительно приступили к делу и стали всюду громко кричать: «Бросай работу! Да здравствует стачка!». Рабочие быстро, как по команде, остановили станки в двух ткацких корпусах и в прядильном корпусе и густой толпой стали выходить на широкий двор фабрики. А там, за задними воротами, ткачи двух соседних фабрик требовали открыть ворота.

Когда мы, группа партийцев, во главе громадной толпы ткачей и прядильщиков подошли к воротам, там уже находились двое полицейских и несколько сторожей. Полицейские стояли у самых ворот в решительной позе, с явным намерением никого не пропускать. Не доходя нескольких шагов до полицейских, мы остановились в нерешительности. Несколько секунд длилось молчание. Полицейские не двигались с места. Наконец, я и некоторые другие пошли на полицейских. Вслед за нами двинулась и вся толпа. Полицейские были отброшены. Ворота открылись. Бастующие соседних фабрик быстро соединились с нами, и мы двинулись через двор всей массой к другим, так называемым верхним воротам.

В это время кто-то из товарищей передал, что я должен немедленно явиться на конспиративное собрание. Я быстро направился туда. Собрание происходило в лесу, около реки Талки. Когда я пришёл, там уже были товарищи Терентий, Марта и многие другие. Обсудили положение и приняли ряд решений по вопросу руководства стачкой.

Между тем забастовавшие рабочие со всех фабрик и заводов двинулись на главную городскую площадь, по городской улице. Здесь после краткой речи кого-то из товарищей постановили немедленно разойтись по домам, а на другой день снова собраться тут же к десяти часам утра.

На следующий день уже с девяти часов бастующие густыми толпами потянулись из всех рабочих кварталов на

главную городскую площадь. Около десяти часов вся площадь и значительная часть прилегающих к ней улиц были сплошь запружены рабочими. В центре площади, как раз против здания городской управы, собралась вся городская социал-демократическая организация, окружённая живой стеной рабочих. В городе всё остановилось, перестали дымить фабричные трубы, промышленная жизнь замерла. Все лавки и магазины закрылись. Рабочие стали хозяевами положения; власти и фабриканты были бессильны.

В корреспонденции, напечатанной в большевистской газете «Пролетарий», так описывалось начало иваново-вознесенской стачки:

«У нас творятся небывалые дела. В 1 час 12-го мая стали 4 фабрики: Бакулина, Бурылина, Никанора Дербенева и Маракушева. К вечеру стали решительно все фабрики. К утру побросали работу заводы, железнодорожное депо, типографии Ильинского, Соколова и др., бросили работу ремесленники, землекопы,— остановилась вся рабочая жизнь, закрылись магазины. С утра 13-го, насколько глаз хватал, перед управой была переполнена площадь: ждали главного фабричного инспектора. Требования рабочими были представлены еще раньше по отдельности каждой фабрикой: везде подавалась бумажка с 27 гектографированными требованиями, изданная Иваново-вознесенской группой Северного комитета нашей партии. Требования эти, под руководством группы, были выработаны 9-го мая в лесу 50 рабочими со всех фабрик, где была решена всеобщая забастовка»¹.

На площади стало уже тесно, а люди продолжали прибывать. Было тихо. Собравшиеся вели себя очень спокойно и мирно. Из окон городской управы выжидающе поглядывали толстые красные физиономии.

По донесению губернатора министру внутренних дел, число забастовавших в первый день составляло 40 тысяч человек.

Около 11 часов один из товарищей принёс табуретку и поставил её в центре нашей группы партийцев. Поднялся Е. Дунаев, и мгновенно наступила тишина. Взоры всех обратились на оратора. Осмотрев громадную толпу, Дунаев после паузы, длившейся несколько секунд, произнёс

¹ «Пролетарий» от 17(3) июня 1905 г.

короткую речь. Он говорил о необходимости бороться до тех пор, пока наши требования, которые мы предъявляем фабрикантам и заводчикам, не будут удовлетворены. Он призывал держать себя как можно спокойнее: не шуметь, не кричать, никого не трогать.

— Напрасно эти люди закрыли свои лавочки и магазины, — говорил он, — мы не воры, не грабители, не жулики какие-нибудь, а честные рабочие, труженики, никогда не жившие на чужой счёт или чужим трудом. Всю свою жизнь мы содержим своим собственным трудом множество всяких эксплуататоров и дармоедов, праздных бездельников. Поэтому пусть люди, закрывшие лавки и магазины, не меряют нас на свой аршин; пусть они знают, что честные труженики — рабочие — совсем не то, что они.

Когда Дунаев кончил говорить, в толпе пронёсся гул одобрения. После этого по инициативе социал-демократической организации было предложено произвести сборы в пользу бастующих. Кандидатами в сборщики предложили надёжных товарищей, 10—15 человек. Единодушным поднятием рук собрание их утвердило. В число этих сборщиков попал и я. Мы сейчас же приступили к сбору, разойдясь по разным направлениям. Прошло не мало времени, пока мы обошли всю громадную толпу, собирая в фуражки трудовые медяки, мелкие серебряные монеты, а иногда и мелкие бумажки. Я обходил не только бастующих рабочих, но и всех владельцев лавок и магазинов, которые после речи Дунаева вновь открыли торговлю. Они тоже бросали мне в фуражку разную мелочь, но делали это очень неохотно. Многие из них с тревогой спрашивали:

— Когда же это всё у вас кончится?

— Что это? — спрашивал я их в свою очередь.

— Да вот это самое, — продолжали они, кивая головой на собрание, — забастовка-то ваша, что ли?

— Да ведь она же только что началась, а вы хотите, чтобы она кончилась, — отвечал я.

— Но это беспорядок, — не унимались они.

— А когда хозяева с нас три шкуры дерут, это порядок? — задавал я им вопрос, уже начиная волноваться. — Вот как только хозяева удовлетворят наши требования, так и кончим забастовку.

После этого спрашивавшие угрюмо замолкали и уходили в свои лавочки.

Когда все сборщики вернулись, у каждого оказалась почти полная фуражка медяков, серебряных монет и мелких бумажек. Этим было положено начало стачечной кассе.

Кроме Дунаева на собрании выступали другие товарищи: они говорили о требованиях, выдвинутых рабочими, объясняли, почему надо бороться за эти требования.

Казаки и полицейские вели себя спокойно. Собрание закончилось поздно вечером; на другой день решили собраться снова. Тотчас же после собрания мы пошли на конспиративную квартиру и подсчитали собранные деньги. В стачечной кассе уже было несколько сот рублей.

«Первый митинг перед думой, — говорит в своих воспоминаниях М. В. Фрунзе, — привёл в неопикуемый страх как местную буржуазию, так и местную полицию».

В город прибыл губернатор. Вместе с другими царскими чиновниками он беспокойно смотрел из окон городской управы на затопившее городскую площадь море голов. С первых же дней стачки губернатор начал стягивать в Иваново-Вознесенск войска, подробно информируя центральную власть о создавшемся положении. Вот его первая телеграмма:

«12-го сего мая в городе Иваново-Вознесенске забастовали рабочие на всех фабриках. Рабочие держат себя спокойно, вследствие чего мною сего числа выслан один батальон нижних чинов от квартирующих в городе Владимире войск. Для наблюдения и распоряжений отправляюсь в город Иваново-Вознесенск сегодня ночью, передав управление губернией вице-губернатору, действительному статскому советнику Сазонову.

Имею честь довести об этом до сведения вашего высокопревосходительства»¹.

На другой день собрание на площади возобновилось. Одновременно в разных частях площади были организованы выступления видных членов социал-демократической организации, разъяснявших предъявляемые хозяевам требования. Потом начались выступления общего характера: говорили о тяжёлом положении рабочего класса, о причинах этого и необходимости решительной борьбы за улучшение своего положения. На площади стояли казаки в

¹ Донесение владимирского губернатора министру внутренних дел от 13 мая 1905 г. № 2970.

полном вооружении. Во время речей агитаторов из окон городской управы смотрели представители власти и какие-то хорошо одетые барыни и господа.

На трибуну вышел рабочий грязновской фабрики т. Лакин¹ и, сделав внушительный жест по направлению к управе, начал декламировать «Размышления у парадного подъезда» Некрасова. Голос у него был громкий, и его декламация произвела сильное впечатление. Собравшиеся были в восторге, зато все выглядывавшие из окон управы физиономии моментально исчезли, окна закрылись и долгое время не открывались. Тов. Лакин был одним из руководителей забастовки и впоследствии приобрёл большую известность среди рабочих как пламенный и талантливый оратор и оргайзитор.

В первые дни стачки подъём настроения у рабочих был очень велик, число бастовавших увеличивалось с каждым днём. К бастующим рабочим текстильных фабрик и механических заводов присоединялись всё новые группы рабочих из мелких мастерских. Вновь включившиеся в стачку шли прямо на площадь, вливались в общую массу и через своих руководителей в простых и бесхитростных словах говорили о своём тяжёлом положении и о своих требованиях. Слушая жуткие рассказы рабочих мелких предприятий о бесчеловечной эксплуатации их хозяевами, толпа глухо волновалась, одобрительно приветствовала всех вновь вливающихся в её ряды и обещала им свою братскую поддержку.

В дни стачки фабрикант Бурылин в письме своему родственнику писал: «То, что произошло за три дня, не поддаётся описанию. Невиданная картина событий... Я лишний кучера, сам кипячу чай, с фабрики последнего сторожа сняли, сам охраняю фабрику. Начальство растерялось... Чувствуется в городе двоевластие...»

Через несколько дней власти предложили бастующим прекратить собрания на площади, «чтобы не нарушать уличного движения». С этого времени собрания происходили близ станции железной дороги, у опушки леса, на реке Талке.

Старший фабричный инспектор Владимирской губернии Свирский от имени владельцев предприятий и вла-

¹ Был убит черносотенцами в 1905 г. в г. Ундол, Владимирской губернии.— Ф. С.

стей предложил бастующим разбиться по фабрикам и вести переговоры с каждым владельцем отдельно; но это наглое требование мы тотчас же отвергли.

14 мая бастующие избрали 150¹ депутатов для ведения переговоров с представителями власти и для руководства стачкой. Это было сделано с ведома и согласия губернатора, давшего гарантию неприкосновенности личности рабочих депутатов. Выборы депутатов (уполномоченных) производились по фабрикам под руководством местных партийных ячеек. Особых инструкций от группы Северного комитета на этот счёт не было, и вопрос о составе Совета уполномоченных она не обсуждала. Когда при встрече с М. В. Фрунзе я сообщил ему, что меня и С. Балашова («Странник») рабочие нашей фабрики избрали депутатом, Михаил Васильевич недоумевающе спросил:

— Как же, Архипыч¹, ведь вы оба члены группы, а кто же будет работать в группе?

В ответ на моё замечание, что нам рабочие доверяют и выбрали единогласно и что мы сумеем работать в Депутатском собрании и в группе, Фрунзе, подумав, сказал:

— Пожалуй, так лучше, — через вас группа будет теснее связана с собранием депутатов, а через него и с рабочей массой.

15 мая губернатор телеграфировал министру внутренних дел:

«Сегодня состоялась сходка многотысячной толпы по чисто экономическим вопросам, без политической окраски, что, видимо, разочаровало агитацию. Решено выбрать депутатов для переговоров с фабрикантами. Порядок не нарушался. Штаб округа присылает вторую сотню, два батальона пехоты.

Губернатор. *Леонтьев*².

15 мая в мешанской управе состоялось первое заседание рабочих депутатов, на котором был избран президиум. Так образовался Совет уполномоченных, вошедший в историю как Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов.

Этот первый Совет рабочих депутатов возник как орган, руководящий экономической стачкой. Его первоначальная

¹ Моя тогдашняя партийная кличка. — Ф. С.

² Центроархив, отдел департамента полиции, 1905 г., д. № 4, ч. 80, л. 100.

роль ограничивалась ведением переговоров с властями и фабрикантами и общим руководством экономической борьбой ивановских рабочих. Но по естественному ходу борьбы рабочего класса начавшаяся на экономической почве всеобщая стачка ивановцев очень скоро приняла политическую окраску, как это видно хотя бы из требования созыва Учредительного собрания, единогласно принятого бастующими на многотысячном митинге уже на третий день стачки, 15 мая.

Было ли Иваново-Вознесенское депутатское собрание настоящим Советом рабочих депутатов в подлинном смысле этого слова? При решении этого вопроса долгое время приходилось руководствоваться только воспоминаниями участников стачки да небольшим количеством второстепенных архивных документов. Основные документы-протоколы, несмотря на все старания, не найдены (по словам участников событий, они были увезены одним из руководителей стачки за границу и там затерялись).

В настоящее время обнаружены важные архивные документы, освещающие этот вопрос.

На первом заседании Совета рабочих депутатов Иваново-Вознесенска присутствовали старший фабричный инспектор Владимирской губернии Свирский и два его помощника. Обсуждались экономические и политические требования, предъявленные бастующими владельцам предприятий и властям.

Много говорилось на этом заседании о введении 8-часового рабочего дня. Все ораторы горячо доказывали необходимость во что бы то ни стало добиться проведения в жизнь этого требования, и только Е. Дунаев во время обсуждения этого вопроса вдруг бросил несколько слов о том, что в крайнем случае временно мы, мол, могли бы удовлетвориться и 9-часовым днём. Но это предложение встретило решительный отпор. Решение о введении 8-часового рабочего дня было принято единогласно.

На этом заседании представители фабричной инспекции, как и в первые дни забастовки, предлагали рабочим разбиться по фабрикам и предъявлять требования отдельно каждому владельцу предприятия. Это предложение и здесь встретило решительное возражение и было единогласно провалено. Решения по всем вопросам, обсуждавшимся на этом собрании, принимались единогласно, без особых споров.

Представители фабричной инспекции делали вид, что соблюдают беспристрастность третьей, незаинтересованной стороны. Но после провала их предложения разбиться по фабрикам настроение у инспекторов изменилось, как они ни старались это скрыть. Представители фабричной инспекции стали ещё более нервничать после того, как Совет рабочих депутатов отказал какому-то представителю власти в просьбе напечатать срочную бумагу в одной из бастующих типографий. Просьбу эту инспекция сильно поддерживала.

На первом же заседании Совета были рассмотрены требования рабочих, которые затем были отпечатаны на гектографе социал-демократической организацией, причём сверху листа значилось: «Российская социал-демократическая рабочая партия» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Помню, когда мы подали эти требования директору нашей фабрики, он решительно отказался их принять — на том основании, что они исходят от социал-демократической партии, а не от рабочих его фабрики. У нас с ним по этому поводу возник спор. Мы настаивали на принятии требований в таком виде, а он упорно отказывался их принимать, заявляя, что партия социал-демократов незаконна и выступать от имени рабочих официально не может. Но в конце концов он вынужден был уступить и принял требования рабочих в том виде, в каком мы их ему предложили.

В первые дни заседания Совета происходили в мещанской управе, полиция им не мешала. Потом полиция потребовала представлять ей протоколы для просмотра. Совет категорически отказался. После этого заседания в помещении мещанской управы были запрещены, и Совет рабочих депутатов перенёс их на берег реки Талки, где ежедневно устраивались собрания всех бастующих рабочих. В заседаниях Совета всегда активно участвовал М. В. Фрунзе.

С первых же дней возникновения Совета власти вступили с ним в переговоры по разным вопросам, относящимся к стачке, и тем самым фактически признали в Совете орган законного представительства бастующих рабочих.

В первые же дни собраний на Талке рабочие каждой фабрики и завода помимо общих требований выработали дополнительные требования частного характера, касающиеся устройства прачечных, бань и пр.

По утрам, до начала митинга, собирался городской комитет партии с партийным активом и намечал порядок дня Совета уполномоченных.

Собрания на Талке происходили ежедневно с десяти часов утра. Порядок ведения их был примерно следующий. Утром, часов в девять, собирался пленум Совета уполномоченных. Заседания пленума происходили у лесной сторожки, на небольшой лужайке, отделённой от места общего собрания рабочих рекой Талкой, которая в этом месте делает крутой изгиб, образуя небольшой полуостров в виде полукруглой площадки, поросшей густой зелёной травой. На пленуме обсуждались все вопросы по руководству стачкой и выработывался порядок дня общего собрания бастующих. Присутствовали на пленуме только члены Совета и представители партийной организации. Посторонняя публика не допускалась, за исключением случаев, когда нужно было сделать важное и срочное сообщение.

Ежедневно к концу пленума Совета уполномоченных на Талку собиралось несколько тысяч бастующих. Тогда пленум закрывался. Депутаты шли к трибуне, на место общего собрания (трибуной служила бочка), и собрание открывалось речью кого-нибудь из депутатов или партийных работников: рабочих информировали о ходе забастовки, о переговорах с хозяевами, о сношениях с властями и т. п. Дальше шло краткое обсуждение практических вопросов, касающихся текущих дел стачки, и голосовались внесённые от имени Совета предложения. А затем обычно выступал кто-нибудь из партийных работников с большой агитационной политической речью на тему о положении рабочего класса, о причинах его бесправия и экономической нужды и о путях устранения их. Ораторы рассказывали также о развитии рабочего движения у нас и за границей, о политических партиях, о профессиональных союзах, говорили и на другие темы, будившие сознание рабочих; собрание превращалось в своеобразный свободный рабочий университет. Бастующие слушали эти речи с большим вниманием, часто прерывая их возгласами одобрения и аплодисментами. За первым оратором выступал второй, третий, и собрание продолжалось до тех пор, пока слушатели не утомлялись; тогда пели революционные песни, и собрание закрывалось.

В первые же дни стачки Совет уполномоченных потребовал от властей закрыть все казённые винные лавки на

всё время стачки. Это требование было удовлетворено. В городе в это время наблюдался порядок, какого ещё не было никогда до забастовки: не видно было льяных, не наблюдалось ни драк, ни скандалов, ни азартных игр, которые Совет также воспретил.

Но несмотря на большой революционный подъём, вначале в выступлениях на этих собраниях не было решительных призывов к вооружённой борьбе; большинство бастующих всё ещё жило иллюзией, что можно добиться чего-нибудь мирным путём.

Однажды Ф. Кукушкин (по кличке «Гоголь») ¹ после коротенькой речи крикнул с трибуны: «Долой самодержавие!» Собрание запротестовало, и немалого труда стоило его успокоить. После этого случая нам стало особенно ясно, что бастующих нужно ещё готовить к борьбе, воспитывать в политическом отношении и что подход к ним должен быть умелый и осторожный.

Во время митингов на Талке нередко наблюдались случаи враждебной агитации среди бастующих; находившиеся среди рабочих депутаты и члены партии, тут же вмешиваясь в разговоры, направленные против стачки, разоблачали врагов.

Наиболее видными и популярными депутатами являлись Е. Дунаев, Н. Грачёв (секретарь Совета), М. Лакин, Д. Шорохов, Косяков, В. Морозов (Ермак), К. Макаров, Н. Жиделёв, Д. Черникова, Сарамантова (Марта), П. Козлов (Толстой), Царский.

Для переговоров с фабрикантами и властями в качестве уполномоченных Совета ходили чаще всех Косяков и Грачёв.

Однажды к губернатору пришли несколько человек, уполномоченных Советом рабочих депутатов для выяснения положения, создавшегося в связи с упорной неуступчивостью хозяев. Делегаты прождали губернатора долго в приёмной, их никто даже не пригласил сесть.

Наконец, вышел губернатор в сопровождении нескольких приближённых. Поздоровались и собрались уже приступить к деловому разговору, как вдруг раздался оглушительный раскат грома и сверкнула яркая, ослепительная молния. Губернатор и вся его свита усиленно закрестились.

— А мы, — рассказывал один из делегатов, — и глазом не моргнули, никто и не подумал креститься. Мы

¹ Впоследствии оказался провокатором. — Ф. С.

стоим спокойно, глядим, как они крестятся, а некоторые из нас даже не удержались от иронической улыбки. «Неужели вы не верите в бога?» — воскликнул губернатор, удивлённый нашим поведением. Тогда бывший в числе делегатов т. Косяков ответил ему, что нам, мол, бояться грозы нечего, видали всякие грозы, а вот если нам угрожает голод, то его побаиваемся — с ним мы очень хорошо знакомы и знаем, что он страшнее всякой грозы и от него откреститься невозможно. Не отвечая Косякову, губернатор привёл какую-то выдержку из басни Крылова. Тогда т. Косяков ответил ему басней же Крылова «Свинья под дубом».

— После этого настроение начальства сильно изменилось в худшую для нас сторону, — передавал другой делегат. — Никаких частных разговоров, не имеющих прямого отношения к делу, уже больше не было. После краткого ответа губернатора, что он ничего сделать не может, что хозяева вправе уступать нам или не уступать, мы, как и всегда это случалось, ушли от начальства ни с чем.

На собраниях и в переговорах с властями особенно часто выступал рабочий Евлампий Дунаев. Он пользовался огромной популярностью среди бастующих. Говорил он простым языком, понятным широкой рабочей массе. К вопросам подходил умело и освещал их толково и понятно. Выглядел он как самый заурядный рабочий: худощавый, среднего роста, одетый всегда в синюю поношенную блузу или такого же цвета простую рубашку. Своей ясной и простой речью он внушал рабочим особое доверие; они чувствовали, что это свой человек. Власти считали Дунаева одним из видных главарей забастовки и принимали все меры к его аресту, но вследствие хорошей конспирации им это не удавалось. Однажды на общем собрании на Талке явился рабочий и рассказал, что его арестовали, приняв за Дунаева, и продержали несколько дней под арестом, пока не узнали, что Дунаев продолжает ежедневно выступать на собраниях бастующих.

* * *

17 мая хозяева через фабричную инспекцию прислали ответы на требования рабочих. Каждый хозяин отвечал отдельно, и ответов этих, заклеенных в конверты, набралось масса. В момент получения этих ответов происходило об-

шее собрание бастующих; один из партийных работников т. Терентий, взяв всю эту кучу конвертов с хозяйскими ответами в охапку, поднялся на трибуну и, показывая их, сказал: «Вот сейчас мы, наконец, получили от хозяев ответ на наши требования. Посмотрим, что они, «кормильцы» и «благодетели» наши, нам пишут», — и объявил перерыв собрания.

Для рассмотрения хозяйских ответов на требования рабочих экстренно созвали пленум Совета. Ответы на все требования были отрицательные, если не считать согласие хозяев на отдельные ничтожные прибавки да удовлетворение ими отдельных мелких требований, касающихся баш и прачечных на фабриках. О политических требованиях хозяева говорили, что направлены они не по адресу, что удовлетворение их не от них зависит.

В качестве примера привожу в выдержках один из документов, содержащий требования рабочих и ответы хозяев.

«ТРЕБОВАНИЕ РАБОЧИХ ФАБРИКИ Т-ВА КУВАЕВСКОЙ СИТЦЕНАБИВНОЙ МАНУФАКТУРЫ¹»

Требования рабочих

1. 8-часовой рабочий день.
3. Отмена сверхурочных работ.
5. Минимум (не менее) заработной платы для обоих полов 20 руб. в месяц.
7. Отпускать рожениц за 2 недели до родов и на 4 недели после родов с сохранением заработной платы.

Ответ хозяев

1. Перемен продолжительности рабочего дня в настоящее время произведено не будет, так как этот вопрос рассматривается в государственном порядке.
3. Сверхурочные работы в настоящее время отменены быть не могут.
5. Исполнено быть не может.
7. Женщины по случаю родов освобождаются на месяц с выдачей из конторы пособия в размере 3 руб. сверх выдач из штрафного капитала, впредь до издания закона по этому поводу.

¹ Центрархив, отдел промышленности, д. 177.

8. Устроить ясли при фабриках для грудных детей и отпускать матерей через каждые 3 часа на полчаса для кормления детей.

10. Уничтожение штрафов за прогул.

12. Постоянные выборные комиссии от рабочих и администрации в равном числе для установления правил внутреннего распорядка и разрешения всех недоразумений между рабочими и администрацией.

14. Уничтожение обысков, унижающих достоинство рабочих.

22. Уничтожение фабричной полиции, тюрем при фабриках (кутузок).

23. Начальство и войска не должны вмешиваться во время забастовки в дела рабочих, иначе в противном случае ручаться нельзя.

24. Право свободно собираться и обсуждать свои нужды, объединяться в союзы, чтобы можно было свободно писать о нуждах рабочих в газетах.

26. Полная заработная плата за время забастовки.

28. Плата квартирных денег одинокому в размере 3 руб., семейному — 6 руб.

30. Устройство рабочих касо взаимопомощи.

31. Установление празднования 1 мая и 19 февраля.

8. Устройство яслей на фабрике находим крайне затруднительным, против же кормления матерями грудных детей на фабрике препятствий никаких не имеем.

10. Принято быть не может.

12. Принято быть не может.

14. К сожалению, обыски уменьшены быть не могут. Обыски женщины должны производиться женщинами же.

22. Не подлежит нашему обсуждению.

23. Не подлежит нашему обсуждению.

24. Не подлежит нашему обсуждению.

26. За время забастовки никакой платы произведено не будет даже тем рабочим, которые оставили работу вследствие угроз других рабочих.

28. Принято быть не может.

30. Обсуждению нашему не подлежит.

31. Празднование 1 мая и 19 февраля ввиду большого числа у нас праздников находим неудобным»¹.

¹ После отказа фабрикантов удовлетворить требования рабочих губернатор телеграфировал в министерство внутренних дел:

«Вчера мирное настроение Иванова изменилось благодаря отказу фабрикантов в уступках, недопущению вице-губернатором манифестации [на] площади, отказу устройства рабочей милиции. Ожидаются беспорядки. Штаб округа на мою просьбу услышать

От хозяев механического завода Дюсиметьер последовал следующий лаконический ответ:

«Всё, что при настоящих условиях можно было дать в смысле увеличения заработка и улучшения быта рабочих, было уже сделано. Всё, что дано, представляет предел уступок; перейти этот предел нельзя, так как предприятие сделалось бы убыточным».

После рассмотрения ответов хозяев было решено стачку продолжать, политические требования были посланы министру внутренних дел. Под ними подписались депутаты, точно указав свои профессии.

Вот этот документ:

*«Его высокопревосходительству
господину министру внутренних дел
от рабочих города Иваново-Вознесенска,
Владимирской губернии.»*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, рабочие иваново-вознесенских фабрик и заводов, на наших общих собраниях, происходивших 16—22 мая с. г. в городе и за городом, постановили:

1. Восьмичасовой день работы для нас необходим.

Мы не можем изматываться на работе, мы не можем жить без отдыха, точно на каторге, мы не можем ждать; поэтому мы требуем, чтобы государственная власть немедленно ввела в законодательном порядке восьмичасовой рабочий день на фабриках и заводах. Иначе сокращение рабочего дня, достигнутое от фабрикантов, через некоторое время может быть взято ими обратно.

2. Мы требуем, чтобы фабричный инспектор не вмешивался в действия выборной комиссии, решающей недоразумения между рабочими и фабричной администрацией. Иначе члены комиссии будут находиться под его давлением и не смогут пользоваться доверием со стороны рабочих.

3. Мы требуем уничтожения фабричной полиции и тюрем при фабриках.

наличность казаков отказал. Наличие войск [в] Иванове два батальона пехоты, полторы сотни казаков, что мало для города [в] 16 квадратных вёрст, [с] 80 тысяч жителей. [В] Шуе, Тейкове забастовки продолжаются, ожидается [в] Кохме. Губернатор *Леонтьев* (Центроархив, отдел департамента полиции, д. 4).

4. Начальство и войска не должны вмешиваться во время забастовок в дела рабочих.

5. Мы требуем, чтобы государство установило законодательным порядком пенсию рабочим, потерявшим трудоспособность вследствие слабости и болезней, в размере двух третей заработка.

6. Одновременно с этим мы заявляем, что комиссия по рабочему вопросу, составленная из чиновников и фабрикантов, не может разрешить эти вопросы в интересах рабочего класса и что только народные представители, созванные на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, сумеют удовлетворить наши нужды.

7. Для того, чтобы можно было свободно обсуждать нужды рабочего класса, мы требуем свободы печати.

8. Господин начальник Владимирской губернии разрешил нам во всё время стачки собрания.

Считая свободу собраний первым условием для успешного отстаивания своих интересов, мы заявляем, что этой свободой мы будем пользоваться и впредь и надеемся, что ни полиция, ни войска не будут нам препятствовать в осуществлении этого законного и необходимого нам права.

Председатель (*подпись*).

Секретарь (*подпись*).

Подписали выборные депутаты от рабочих иваново-вознесенских фабрик и заводов (следует 151 подпись)¹.

В конце мая к бастовавшим ивановцам примкнули рабочие Шуи (9 048 человек), затем рабочие Тейкова (9 127 человек). Забастовали фабрики в селе Юже (6 127 человек), Гродзилове (1 805 человек) и некоторые другие. В этот период в Ивановском районе насчитывалось около 70 тысяч бастующих. Все они держали связь с Ивановским Советом, получали от него советы и указания. Таким образом, Ивановский Совет фактически руководил стачечным движением всего района.

Техника в социал-демократической организации была налажена в этот момент недурно. Мне поручили снабжение типографии бумагой, краской и прочими материалами. Типография находилась на окраине города, по Большому Лежневскому тракту. Бумагу, краску и прочее я покупал в магазине Ильинского и при помощи нескольких това-

¹ Центроархив, отдел департамента полиция, д. 2746.

ришей обходными путями доставлял в типографию. В типографии ежедневно печатались бюллетени о ходе стачки, которые распространялись на общих собраниях; эти бюллетени имели большое агитационное значение.

Вот первый из бюллетеней.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи-рабочие!

Для того, чтобы осведомить всех товарищей о ходе стачки, Иваново-Вознесенская социал-демократическая группа решила издавать ежедневные бюллетени. Бюллетени начали печататься со вчерашнего дня.

Вчера на Талке после 1-го часа дня по обыкновению собралась толпа рабочих около 15 000, на собрании обсуждался вопрос о том, как вести стачку дальше. Собравшиеся товарищи единогласно согласились с тем, что необходимо вызвать наших фабрикантов и местных властей для того, чтобы объяснить с ними лицом к лицу и потребовать у них окончательного ответа, — удовлетворят ли они требования рабочих. До сих пор стачка шла мирно, и рабочие заявили, что они также будут вести её и дальше. Но так как г. губернатору угодно было спрятать своё прекрасное лицо от взоров рабочих, то они решили взглянуть на него сами, поэтому сегодня, 23-го мая, в 12 часов дня предполагается мирное шествие всей массы рабочих на площадь. За порядком будет наблюдать охранная дружина, состоящая из рабочих, которых изберёт депутатское собрание. Таким образом, мирные руки, привыкшие к труду, не прольют ничьей крови, если же она несмотря ни на что будет пролита, то её прольют те люди, которые уже не раз проливали народную кровь в других местах России. Помните, товарищи, что в данное время мир или война с капиталистами зависит не от нас, мы сделали всё, чтобы избежать беспорядков, и если они произойдут, то всем ясно, кто в них настоящий виновник — мы или власти.

В настоящее время происходит всеобщая забастовка в Шуе, Тейкове, Лежневе, ожидается в Серёде, Кохме и других местах. Таким образом, товарищи, вы видите, что не вы одни поднялись на защиту своих прав, вслед за вами поднялись рабочие почти всей Владимирской губернии.

Так не падайте же духом, товарищи, и смело идите под знаменем социал-демократии на борьбу за лучшую жизнь и за лучшее будущее, которое сулит нам грядущее царство социализма.

Да здравствует социализм!

Да здравствует Росс[ийская] Соц[иал]-Дем[ократиче-ская] Раб[очая] Партия!»¹

Вопреки запрещению властей, 23 мая на городской площади по постановлению Совета вновь состоялось собрание бастующих под лозунгом: «Работы, хлеба!» Возвращаясь с площади на Талку, демонстранты выкинули красный флаг и пели «Смело, товарищи, в ногу...» Это была первая демонстрация с красным знаменем за всё время стачки.

Владельцы предприятий исчезли из города. На фабриках остались только управляющие, директора и другая администрация, с которой рабочие и вступили в переговоры через своих депутатов. На одном из собраний на Талке по предложению Совета было решено отправиться на фабрики с требованием уплаты заработка за время стачки. Но, когда рабочие депутаты явились на фабрики, администрация ответила им, что хозяев нет и никому по этому вопросу полномочий не оставлено. На многих фабриках произошли большие споры. В результате на другой же день губернатор издал приказ, в котором угрожал «принять меры против лиц, позволяющих себе угрозы и шум во время переговоров с фабричной администрацией по вопросу об уплате за время стачки».

Хозяева всё же решили выдать рабочим некоторую сумму, правда, очень маленькую, кажется, по одному рублю на человека. В течение стачки такие выдачи производились раза два или три.

Популярность стачки и авторитет Совета рабочих депутатов росли с каждым днём и распространялись далеко за пределы города. К нам в Совет поступали разнообразные просьбы и жалобы от рабочих ближайших городов и местечек о притеснениях со стороны хозяев. Важно отметить, что в Совет поступали жалобы и от крестьян на притеснения со стороны помещиков и различного сельского начальства. Так, например, шуйские крестьяне прислали ходочков с жалобой на незаконные действия лесничего. Дру-

¹ «Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 г.», Соцэкгиз, 1935, стр. 39—40.

гне десять ходочков крестьян просили дать указания, «как отобрать землю и земских начальников уничтожить». Обращались в Совет крестьяне Муромского и других уездов.

Интересно приветствие крестьян Муромского уезда: «Мы, муромские крестьяне трёх деревень, услышали, что в Иваново идёт забастовка. Мы слышали, что рабочие добиваются улучшения своей жизни, и мы радуемся, что рабочие добиваются этого».

Нередко приезжали делегаты от рабочих из разных местностей губернии за советами и со всякого рода жалобами на хозяев. Их приглашали на заседания Совета, выслушивали, давали необходимые указания, советы, а иногда посылали с ними на место кого-нибудь из депутатов или партийных работников для организации стачки. В Совет рабочих депутатов приходили ходоки рабочих Шуи, Тейкова, Лежнева, Родников и других промышленных пунктов Ивановского района.

В буржуазных газетах («Русское слово», «Русские ведомости» и др.) много писалось тогда о событиях в «русском Манчестере», как они называли Иваново-Вознесенск. Газеты эти освещали стачку по-разному: одни, как «Русское слово» и «Русские ведомости», печатавая длинные статьи о стачке, лебезили, «одобряли» выдержку, дисциплину и прочее, но не одобряли неумеренность таких требований, как требование Учредительного собрания и пр.; другие, как «Русский листок», ругались и всячески клеветали на бастующих.

После какой-то особенно гнусной статьи, напечатанной в этой газете, Советом было решено объявить ей бойкот. На общем собрании т. Самохвалов, по кличке «Рядовой», прочитав эту статью, разорвал газету и внёс предложение никогда никому не покупать и не читать её. Это предложение приняли единогласно. С этого момента газета «Русский листок» исчезла из обращения среди бастующих; бойкот для неё, очевидно, оказался чувствительным, так как она вскоре стала выходить под другим названием — «Русский голос».

Полиция продолжала внешне вести себя спокойно, но за руководителями стачки следила и исподтишка даже охотилась на них. Некоторые товарищи подверглись аресту ещё в первые недели стачки, но были через некоторое время освобождены. Эти аресты озлобляли бастующих и

постоянно способствовали ещё большему росту классового сознания. Когда кто-нибудь из товарищей после двух- или трёхнедельного ареста появлялся на трибуне, ему устраивалась восторженная встреча.

22 мая Совет послал вице-губернатору заявление о создании рабочей милиции. Вот это заявление:

«Мы, рабочие и мастера города Иваново-Вознесенска, на собрании 20-го мая 1905 г. единогласно постановили: для поддержания порядка на улицах города во время стачки, который может нарушиться чёрной сотней и хулиганами — ничего общего с нами, рабочими, не имеющими; для того, чтобы по нашему уговору действовать согласно и встать на работу не раньше, чем на это согласятся все рабочие гор. Иваново-Вознесенска; а также во избежание столкновений между работающими и бастующими товарищами, — постановили устроить милицию из среды себя, т. е. охранную стражу из рабочих, которая должна следить за порядком в городе и не допускать отдельные фабрики с мастерскими и заводы работать прежде, чем мы не решили стать всем на работу.

Действиями этой милиции руководят депутаты, избранные нами для переговоров с администрацией и фабрикантами.

При этом считаем нужным напомнить, что в случае, если членам нашей милиции помешают исполнять данные ей поручения, то мы при всём желании сохранить порядок — не можем ручаться за его сохранение.

Председатель *(подпись)*.

Секретарь *(подпись)*.

Иваново-Вознесенск, 21 мая 1905 г.»¹

Несмотря на отказ вице-губернатора, милиция всё же была создана.

Совет поручил милиции наблюдать за порядком в городе и не допускать к работе штрейкбрехеров. В первые недели забастовки около фабрик по утрам расставлялись назначаемые Советом патрули милиции для проверки, не идёт ли кто-нибудь на работу. В патруле по поручению Совета приходилось неоднократно бывать и мне. Рано утром,

¹ Архивный отдел Ивановского УНКВД, фонд канцелярии владимирского губернатора, т. I, л. 134.

когда только всходило солнце, стоишь, бывало, на главной дороге, ведущей к фабрике, и смотришь, не покажется ли где штрейкбрехер. Но проходит час, другой — кругом всё тихо и безлюдно. Стоят замолкшие корпуса-гиганты фабрик и заводов, расположенные по обоим берегам протекающей через город реки Уводи. Не дымят их громадные трубы, не слышно обычного шума и трескотни ткацких станков.

Много накопилось горечи в сердцах рабочих от всяческих обид и притеснений в течение десятков лет. Трудна борьба с неравными по силе врагами — капиталистами: приходится и голодать и терпеть нужду во всём самом необходимом. Но не гнутся ивановские рабочие. Нет штрейкбрехеров, безлюдье кругом полное...

Однажды во время дежурства пришлось встретиться с полицмейстером города Иваново-Вознесенска Кожеловским, впоследствии стрелявшим в рабочих. Солнце было уже высоко, кругом обычная тишина и безлюдье. Патрульные стояли на берегу крутого оврага близ фабрики «Компани», когда по дороге из местечка Дмитриевки показался полицмейстер. Его фигуру все мы хорошо знали. Ехал он в пролётке с кучером и вооружённым охранником и направлялся к нам. Мы сделали вид, что не обращаем на него внимания. Не доезжая до нас нескольких десятков шагов, он сказал:

— Что? Сторожите, чтобы не дать желающим стать на работу? Силой заставляете бастовать? Напрасно смотрите: не пойдут фабрики! Не бойтесь, они теперь уже не завертятся! Скоро сами будете просить, чтобы их пустили, да нет уж, нет, не завертятся они! Долго не завертятся! Вот побастуйте теперь, побастуйте!

Мы ничего не ответили, делая вид, что это к нам не относится, и он уехал. Потом стало известно, что нас, рабочих, хозяева хотят «взять измором», искусственно затягивая стачку.

Время шло, а фабриканты молчали. Нужда среди бастующих росла и становилась всё более невыносимой. Вначале, кроме нескольких сот рублей, собранных нами в первый день стачки, в кассе Совета ничего не было. Потом стали поступать деньги, собранные рабочими других городов и промышленных местечек. Организовали комиссию по выдаче пособий. За время стачки, насколько помню, поступило около пятнадцати тысяч рублей. Количество

нуждающихся росло, и так как всех удовлетворить было невозможно, комиссии приходилось строго отбирать особо нуждающихся в пособиях. Пособия выдавались не деньгами, а чеками и талонами общества потребителей, и нуждающиеся получали пособия продуктами.

Кооператив «Единение — сила» сыграл большую положительную роль в стачке, оказывая продовольственную помощь бастующим; он был бельмом на глазу у полиции. Полиция решила помешать кооперативу; под предлогом, что бастующие рабочие, приходившие к лавочке кооператива за продуктами, якобы мешают производить торговлю, полиция направила к лавочке казаков, которые зверски избивали рабочих.

«Университет» на Талке продолжал существовать. Результаты его политико-воспитательной работы сказывались всё более заметно. Те самые рабочие, которые в начале стачки и слушать не хотели революционных призывов: «Долой самодержавие!», «Да здравствует вооружённое восстание!» и т. д., теперь, после прохождения «первоначального курса политической грамоты», шумно аплодировали горячим политическим речам, направленным против царского самодержавия. Теперь рабочие с большим подъёмом пели революционные песни.

Наиболее популярными песнями на Талке были «Нагайка», «Дубинушка», «Машинушка», «Трепов генерал»; их распевали бастующие рабочие. Вот слова «Нагайки» — песни, сложенной народом в 1905 г.:

Нагайка, ты нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной!
На жалобы и стоны
Голодных тёмных масс
Один ответ у трона —
«Пороть нагайкой» нас.
Нагайкой не убита
Живая мысль у нас.
Уж скоро паразитам
Придёт последний час.
Нагайки свист позорный
Забудем мы тогда,
Когда пойдём упорно
Под знаменем труда.

Однажды в связи с этой песней произошёл интересный эпизод. Возвращавшаяся с собрания группа дружинников

столкнулась с двумя казаками. В короткой схватке казаки были разоружены, у них были отобраны и нагайки. На следующем собрании Евлампий Дунаев запел песню «Нагайка», дирижируя настоящей казацкой нагайкой. Это вызвало общее веселье, остроты по адресу опростоволосившихся казаков и смех. В этот день «Нагайку» пели с особым воодушевлением.

Часто пели «Машинушку». Песня заканчивалась гневными пророческими словами:

Но страшись, грозный царь!
Мы не будем, как встарь,
Терпеливо сносить своё горе.
Точно в бурю волна,
Просыпаясь от сна,
Люд рабочий бушует, как море.
Твой роскошный дворец
Мы разрушим вконец!
И лишь пепел оставим от трона,
А порфиру твою мы отнимем в бою
И порежем себе на знамёна!
Фабрикантов-купцов,
Твоих верных сынов,
Мы, как тучи, развеем по полю,
И на место вражды
Да суровой нужды
Установим мы братство и волю!

В этих босвых песнях революции рабочий люд черпал энергию, упорство и волю к борьбе, веру в неизбежную победу рабочего дела.

Политико-воспитательная работа парторганизации не ограничивалась дневными, открытыми митингами на берегу Талки. По вечерам, а иногда и поздно ночью устраивались для более узкого круга партийных и беспартийных активистов конспиративные собрания в лесу, у костра, где слушались доклады по политическим и общественным вопросам. На этих собраниях обычно присутствовали все партийные руководители, и в оживлённом обмене мнениями незаметно проходила ночь.

Власти не могли не замечать этого. Они понимали, что на Талке в течение долгого времени ведётся противоправительственная агитация. И они решили положить конец этому путём расправы со стачечниками.

РАССТРЕЛ НА ТАЛКЕ. СТАЧКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

2 июня было расклеено постановление губернатора, согласно которому собрания рабочих на Талке категорически воспрещались. Вот текст этого губернаторского объявления:

«Ввиду ежедневно доходящих до меня от самих же рабочих сведений, что лица, собирающиеся на реке Талке, не ограничиваясь обсуждением своих чисто фабричных нужд, занялись вопросами государственного значения, причём отдельные лица позволяют себе явно возмутительные речи против правительства, я не нахожу далее возможным допускать многолюдные собрания на реке Талке, а также и в других окрестностях города и предупреждаю, что виновные в нарушении сего распоряжения будут подвергаться законной ответственности»¹.

Власти сбросили маску «третьей стороны» в «споре» рабочих с фабрикантами и заводчиками и запрещением собраний пытались разбить нашу сплочённость и организованность.

Состоялось конспиративное собрание депутатов и партийных работников, на котором решили, несмотря на запрещение, всё же собраться в обычное время на Талке. Об этом решении было устно передано бастующим. Перед собранием, утром 3 июня, дружинниками была произведена разведка леса, окружавшего место собрания бастующих; были обнаружены в разных местах в засаде большие группы казаков и драгун. Часов около 11 у опушки леса, близ лесной сторожки, на противоположной обычному месту собраний стороне Талки, собралось около трёх тысяч рабочих. Все сидели на земле и ждали, когда подойдут остальные, чтобы открыть собрание. Люди продолжали прибывать.

Но вот со стороны станции показался большой отряд казаков с полицмейстером Кожеловским во главе. Собравшиеся продолжали спокойно сидеть, зорко наблюдая за движением казаков. Казаки подъехали к небольшому мостику, перекинутому через Талку. После минутной остановки у моста они быстро двинулись через него.

¹ Архивный отдел Ивановского УНКВД, фонд канцелярии губернатора, т. I, л. 187.

Переправившись через реку, казаки снова на мпнугу остановились. На попытку некоторых членов Совета повести переговоры полицмейстер ответил ругательствами и угрозами. Он три раза подряд крикнул: «Расходись! Расходись! Расходись!», в этот же момент скомандовал: «Казачки, вперед!» и сам первый ринулся на толпу. За ним, пришпорив лошадей, с криком и гиканьем устремились казаки.

Люди уже были на ногах и стали отступать, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее и, наконец, лавиной бросились в лес по разным направлениям. Большая часть двинулась к линии железной дороги. Мы, депутаты, пробовали остановить этот стихийный поток, так как в лесу можно было не без успеха сопротивляться конным казакам. Но дикий вой, ругательства и гиканье пьяных казаков производили своё действие. По отступающим казаки дали несколько залпов из винтовок. Тогда отступление приняло панический характер. А залпы продолжали следовать один за другим.

Я каким-то образом очутился в толпе тех, которые двигались к железнодорожным путям. С чувством огромного озлобления я вместе с другими товарищами принялся собирать камни на линии железной дороги, намереваясь организовать сопротивление шайке негодяев. Казаки продолжали стрелять по бегущим через железнодорожную насыпь, «снимая» их оттуда пулями; бегущих охватила паника, и я понял, что сделать ничего нельзя, что нужно уходить. Примкнул к группе товарищей, направлявшихся в лес, влево от железной дороги. Шли мы лесом долго, пока не добрались до сторожки, находившейся на довольно большом расстоянии от Талки.

В сторожке уже было несколько человек. Мы вошли, чтобы попросить напиться. Но находившийся в это время на дворе сторож вдруг вбежал в сторожку и схватил со стены револьвер. На сторожа в один момент набросились несколько человек и обезоружили его. Он смотрел на нас зверем. Мы вначале думали, что он принял нас за грабителей, и начали ему объяснять, кто мы, сказали, что ничего худого ему не желаем и не сделаем. Но он продолжал смотреть на нас враждебно, и мы пошли дальше. Шли опять долго лесом, пока не пришли в село Богородское. Там встретили нескольких товарищей и, немного отдохнув, направились в город.

Был поздний вечер, когда мы прибыли в город. В небе было зарево, пахло гарью. В местечке Ямы горели ткацкая фабрика Гандуриных и лесной склад Ивана Гарслина. А в следующие дни в окрестностях уже горели дачи городского головы Дербенева и его брата, дачи фабрикантов Фокина и Бурылина. В этот же вечер разгромлено было несколько винных лавок, порвано много телефонных и телеграфных проводов. На улицах валялись вывороченные телеграфные столбы. Телеграфное и телефонное сообщение было прервано. Толпы озлобленных рабочих избивали попадавшихся им полицейских.

Было ясно, что для вооружённого выступления рабочих, доведённых до крайности зверским расстрелом, недоставало только оружия. В городе носились слухи о большом количестве убитых и раненых, и всюду слышалась ругательства и угрозы по адресу виновников дикой расправы с бастующими.

Губернатор в этот же день доносил в Питер министру внутренних дел:

«С утра [в] Иванове толпа буйствует. Рабочие бросают ножи, камни, стреляют, бьют стёкла домов. Телеграфные, телефонные провода оборваны, подожжена фабрика Гандурина. Вице-губернатор, находящийся [в] Иванове, свидетельствует об очень возбуждённом настроении. Прошу штаб округа добавить батальон пехоты, три сотни казаков, кавалерии.

Губернатор *Леонтьев*¹

Жестокая расправа царских властей с безоружными не только не устрасила бастующих, но, наоборот, усилила решимость бороться, укрепила ненависть к господствующим классам. Попытка властей расстрелом собрания бастующих прекратить стачку привела к обратным результатам.

На другой же день, 4 июня, по решению группы Северного комитета РСДРП было созвано нелегальное заседание Совета уполномоченных, на котором выяснилось, что казаки, стрелявшие в рабочих, получили распоряжение стрелять в ноги. Сколько было убитых — выяснить не удалось. Было много раненых. В больницы направлялись только тяжело раненные, а легко раненные прятались по

¹ Центрархив, отдел департамента полиции, д. 4, ч. 30, л. 135.

квартирам, боясь преследования властей. Из попавших в больницу тяжело раненных запомнились двое: т. Картаев и одна работница. У них были перебиты коленные суставы, и они несколько месяцев пролежали в больнице.

На этом заседании Депутатского собрания было решено призвать рабочих к продолжению стачки, чтобы показать палачам рабочего класса, что воля рабочих бороться до конца за свои требования этим расстрелом не сломлена и что, какие бы меры насилия и разбоя правительством ни предпринимались, борьба будет продолжаться до тех пор, пока будут удовлетворены требования рабочих.

В день расстрела было арестовано около пятидесяти человек, в том числе многие депутаты, а также секретарь Совета рабочих депутатов Грачёв.

Вскоре социал-демократическая организация выпустила листовку с описанием зверской расправы казаков с безоружными рабочими и с призывом к рабочим продолжать борьбу за свои справедливые требования. Автором листовки был т. Терентий. Оригинал её я тогда отнёс в нашу типографию. В ней говорилось:

«Мы, рабочие фабрик и заводов г. Иваново-Вознесенска, собравшись на общее собрание 13 сего июня, постановили заявить:

Начавши 12-го мая всеобщую забастовку, мы в числе прочих требований выставили требования невмешательства военной силой полиции в дела рабочих, в противном случае за последствия мы не ручались. Три недели продолжалась мирно наша борьба, порядок в городе был образцовый; три недели мы пользовались свободой собраний, слова, союзов, печати, стачек, неприкосновенностью личности. С первых же дней, кроме вопросов чисто экономических, мы все обсуждали вопросы политические, так как одно с другим связано непосредственно. Вопросы политического характера обсуждались открыто на площади, и мы все единогласно поднятием рук в присутствии владимирского губернатора ещё 15-го мая приняли требование Учредительного собрания, выбранного на основе всеобщего, прямого, равного для всех и тайного избирательного права. Мы все считали, что несправедливо, если в это Собрание будут выбираться только богатые.

Несмотря на то, что все три недели мы все обсуждали вопросы политического характера,— нас не трогали,

никого из нас не арестовали, 3-х арестованных по нашему требованию выпустили.

Но вот 2-го июня вывешивается неожиданное объявление губернатора, которым нам запрещается собираться на Талке — последнее место, где мы могли беседовать. Основанием запрещения послужило то, что мы якобы начали последнее время обсуждать вопросы политического характера. Да ведь мы же обсуждали и голосовали эти вопросы с первого же дня! Недоумевая, в чём дело, мы всё-таки собрались 3-го июня на Талке. Здесь уже были казаки».

Дальше листовка рассказывает о расстреле. В конце листовки говорится:

«Чувства обиды, злобы, мести глубоко затаились в сердце у каждого. До тех пор они не изглажаются, пока мы не отомстим. Пока виновные не потерпят должного возмездия, невинные не будут освобождены и не падёт с них обвинение. Мы требуем все освобождения наших томящихся в злой неволе братьев. Говорят, у них были или они распространяли прокламации. Да у кого их не было? Кто их не распространял? Мы ничего в них кроме правды не видим. Нам говорят, что арестованы за то, что произносили политические речи. Но мы все были согласны с ними. Мы все говорили то же самое. Мы слышали, что по поводу 3 июня назначено следствие — будет суд. Но мы видим по началу, каков будет этот суд: пострадавшие томятся в заключении, их же обвиняют, виновники гуляют. Мы требуем настоящего суда над виновниками 3 июня; мы требуем открытого, гласного народного суда при условии полной свободы устного и печатного обсуждения всего происшедшего. Иначе мы будем считать суд не судом, а комедией, шемякинским судом.

Чувство обиды никогда не уляжется в нас. Никто из нас не поручится тогда за неприкосновенность насильников, за порядок и спокойствие.

*Иваново-Вознесенская группа
Северного комитета 1905 года».*

Около этого времени мне пришлось перевозить типографию с одной квартиры на другую. Это было уже во второй половине июня 1905 г. Типография помещалась тогда на одной из улиц рабочего посёлка Хуторово. По конспира-

тивным соображениям её следовало перевезти в другую часть города. Ехать нужно было через центральные улицы и через главный, Туляковский, мост реки Уводи. Сложив весь шрифт в большой мешок, я взвалил его себе на плечи, а помогавшая мне работница взяла другие типографские принадлежности, и мы вышли на улицу. Мешок с шрифтом весил свыше трёх пудов; пройдя с ним около половины улицы, я понял, что мне его до места назначения ни в коем случае не донести. И, действительно, скоро я почувствовал, что силы начинают мне изменять, и сказал об этом своей спутнице.

В это время мы находились близ городского кладбища, у линии железной дороги. С меня давно катился пот. Спутница предложила пойти к кладбищу, чтобы немного отдохнуть там. Подойдя к ограде кладбища, я опустил свой мешок на землю и почувствовал, что дальше нести его не смогу. После непродолжительного отдыха мы решили взять извозчика, что было небезопасно: показывать новую квартиру извозчику и ехать через весь город не следовало. Но иного выхода я не видел. С большим трудом добрались до первого попавшегося извозчика, взвалили на пролётку наш груз и поехали.

Опасность положения заключалась ещё и в том, что меня как депутата и члена Совета знали рабочие и очень многие из граждан. Часто попадавшиеся нам навстречу пешеходы здоровались и, видя меня на извозчике с мешком и с незнакомой женщиной, недоумевающе смотрели нам вслед, переговариваясь между собой. А на Туляковском мосту встретилась большая компания, в которой оказалась группа хорошо знающих меня рабочих. Они стали расспрашивать, откуда и куда я еду. Не отвечая на вопросы, я крикнул извозчику, чтобы он погонял. Не доезжая до квартиры, я расплатился с извозчиком, и с большим трудом, наконец, мы добрались до места назначения.

Новая квартира находилась на Сенной улице, против фабрики Бурьлина. Наше путешествие, сделанное днём на виду у всех, не давало никакой уверенности в безопасности новой квартиры, и мы думали, что придётся, вероятно, в самое ближайшее время подыскивать новое место для типографии. Однако наблюдения в течение продолжительного времени не обнаружили признаков, которые свидетельствовали бы об опасности со стороны полиции.

Новая квартира оказалась вполне надёжной. Полиция, повидимому, занималась тогда розыском того, что от неё было далеко скрыто, а то, что делалось на глазах, под самым её носом, она не замечала.

Как я уже говорил, первые же дни после расстрела на Талке показали, что настроение у значительной части бастующих в пользу продолжения стачки, несмотря на сильнейшую нужду и голодовку, сильно поднялось. В лесу часто происходили конспиративные собрания депутатов и всех организованных рабочих. Устраивались также общие собрания остальных бастующих.

Видя небывалую силу, стойкость и организованность многотысячной массы бастующих и бессилие властей, совещание городской думы, иваново-вознесенских торговцев и домовладельцев обратилось к властям и фабрикантам с просьбой «принять меры к прекращению рабочего движения». Но, помня события после расстрела 3 июня, перетрусившие «отцы города» указывали на «недействительность репрессивных мер». Они просили это сделать «не подавлением движения силой, а путём добровольного соглашения сторон».

Даже губернатор в своём допесении начальнику департамента полиции Трепову от 16 июня вынужден был признать факт чрезмерной эксплуатации рабочих, приведшей к стачке. Обвиняя фабрикантов в отсутствии у них «экономической и нравственной (?) связи со своими рабочими», он писал:

«Забастовка в городе Иваново-Вознесенске 12 мая первоначально возникла на экономической почве, так как материальное положение рабочих и оборудование фабрик по сравнению с другими фабричными районами и прочими фабриками губернии стоят гораздо ниже (средний заработок, дороговизна жизни в городе, квартирный вопрос и многое другое). Ивановские фабриканты благодаря успешному и быстрому развитию промышленности в городе в течение последних тридцати лет крайне легко нажили себе громадные состояния и привыкли благодаря пришлому контингенту рабочих смотреть на них, как на безответную и исключительно от них зависящую рабочую силу. Не имея экономической и нравственной связи со своими рабочими, ивановские фабриканты, почившие на лаврах и убеждённые в своём всеисилии, были всегда менее предусмотрительны (за исключением некоторых) в улуч-

шения быта своих рабочих и потому всегда были лакомым кусочком для происков социал-демократической партии и агитаторов из своих же рабочих»¹.

Учитывая крайнее озлобление рабочих против непосредственных виновников расстрела, власти решили сманеврировать: из двух зол они выбирали меньшее — палача-полицейстера Кожеловского удалили, и он исчез с нашего горизонта. Губернские власти стремились свалить с себя ответственность за свои распоряжения на их исполнителей; они поставили вопрос о привлечении Кожеловского, командовавшего расстрелом, к ответственности. На запрос обеспокоенного департамента полиции вице-губернатор Владимирской губернии ответил телеграммой:

«Прокурор возбуждает обвинение только против полицейстера за то, что он скрыл 3 июня поданное ему письменное прошение о разрешении собраться депутатам рабочих»².

Но, видимо, высшие власти не одобрили привлечения к ответственности полицейстера, и он отделался только снятием с должности.

По делу о расстреле рабочих производилось расследование, как это было видно из допросов товарищей, арестованных во время событий 3 июня. Уже по циничному названию дела легко было предугадать, в каком направлении его попытаются вести: оно было названо «делом по обвинению бастующих рабочих в вооружённом сопротивлении властям и неподчинении законным распоряжениям последних». Но, понятно, у властей не было никаких материалов о вооружённом сопротивлении рабочих властям. Наоборот, по имевшимся тогда у нас сведениям, все данные следствия говорили о виновности полицейстера в зверском расстреле безоружных рабочих. А расстрел рабочих был им произведён, само собою разумеется, если не по распоряжению, то с полного согласия вышестоящих представителей власти. Дело о расстреле 3 июня расследовалось также неофициально группой московских присяжных доверенных, представители которой приезжали в Иваново-Вознесенск, опрашивали многих потерпевших

¹ «Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 г.», стр. 18.

² Центрархив, отдел департамента полиции, д. 4, ч. 30, л. 173.

рабочих и членов Совета рабочих депутатов и собрали большой материал, который изобличал настоящих виновников расстрела.

В это время большая часть бастующих, связанных с деревней, разбрелась на полевые работы; это несколько облегчало их нужду. Пролетарская часть бастующих, не связанная с землёй, острее чувствовала лишения, и чем дальше, тем сильнее. Эта часть рабочих и обращалась главным образом за помощью в кассу Совета рабочих депутатов.

Вначале владельцы предприятий тешили себя надеждой, что кровавая расправа на Талке дезорганизовала бастующих и «образумила» их. 9 июня с утра на фабриках и заводах долго гудели гудки, зазывая рабочих стать на работу. Но из этого ничего не вышло.

В городе кроме казаков в это время находились части драгун. Отряды этой «кавалерии» постоянно рыскали по окрестным лесам, разыскивая нелегальные собрания, но обнаружить что-либо им почти никогда не удавалось: казаки следили за собраниями, а за ними следили все бастующие и, как только замечали опасность, немедленно сообщали об этом собравшимся. Так продолжалось до 11 июня. В эти дни в городе были запрещены скопления бастующих. А затем власти снова разрешили собираться на Талке.

«Разрешение снова собираться было объявлено губернатором довольно оригинально,— рассказывает один из членов Совета.— Был задержан какой-то член Совета, приведён к губернатору Леонтьеву и тот его начал допрашивать: «Почему рабочие собираются тайно и не обратятся ко мне за разрешением?» Арестованный предложил ему вывесить объявление об этом. «Как же мне разрешить, когда меня об этом не просят?» — ответил Леонтьев, но потом сказал: «Раз депутат просит, то можно будет разрешить»».

Таким образом, появилось объявление о разрешении собираться на Талке, сроком на два дня. Двухдневные разрешения повторялись несколько раз, пока через свою делегацию рабочие не потребовали вовсе отменить запрещение собираться без разрешения.

В корреспонденции, напечатанной в № 10 «Пролетария» за 1905 г., сообщалось о настроении бастующих спустя несколько дней после расстрела 3 июня:

«Иваново-Вознесенск. 10 и 11 июня прошли спокойно; рабочие тайным образом продолжали сходитьсь; поджоги и разгромы казенных лавок несколько уменьшились; только в местечке Ямы жители сшибли с лошади урядника; он взял в обе руки шашку и револьвер, но толпа смяла его и побила. 11 числа по всем направлениям города ездили казаки с извещением, чтобы рабочие сошлись на Вознесенской площади по приглашению губернатора. Но так как народу сошлось много, а площадь тесная, то губернатор сделал предложение идти на Талку. И тут же расклеили объявление, что рабочие могут сходитьсь на Талке 11 и 12 числа, только с условием, чтобы не обсуждать противоправительственных вопросов. Губернатор дал честное слово и перекрестился на церковь, что больше никого не тронут. Пришедши на Талку, рабочие решили послать губернатору заявление, чтобы первым долгом освободили арестованных товарищей, позволили впредь собираться каждый день во время забастовки, а после забастовки позволили бы собираться открыто всем рабочим, когда будет нужно, с предупреждением полицмейстера. Губернатор разрешил собираться еще 13 и 14 числа; освободили 22 человека, взятых на Талке 3-го числа...».

Около этого времени т. Грачёв, я и другие товарищи от имени Совета рабочих депутатов ходили к фабричному инспектору в связи с упорной неуступчивостью хозяев. Мы хотели выяснить, какую роль в этом вопросе играет инспекция и какую помощь мы можем ждать от неё.

В беседе с нами фабричный инспектор заявил, что инспекция, несмотря на всё её желание помочь рабочим, сделать ничего не может, что хозяева имеют законное право не соглашаться на предъявленные им требования, и предлагал Совету рабочих депутатов подумать о прекращении стачки, так как рабочие сильно изголодались. Он рисовал нам мрачные картины этого голода. Мы отвечали, что такими картинками следует пугать сытых фабрикантов и заводчиков, а рабочие потому и бастуют, что не хотят голодать. Дальше он говорил, что уступчивость или неуступчивость фабрикантов несколько не зависит от инспекции и что поэтому она совершенно бессильна сделать что бы то ни было в этом отношении. В разговоре фабричный инспектор коснулся вопроса «психологии толпы», которая сама, мол, не мыслит, а мыслит за неё те, которые

ею руководят, и что от них-то и зависит всё. Этим он давал понять, что прекращение стачки зависит от Совета рабочих депутатов. Видя бесполезность такой болтовни, мы прервали её и ушли от инспектора ни с чем.

Фабриканты сделали попытку раздробить силы бастующих. Было вывешено объявление о том, что гравёры, раклисты, мастера и прочие высокооплачиваемые рабочие должны собраться на ярмарочной площади для выработки соглашения и своих особых требований и что с ними фабриканты будут вести переговоры отдельно. Это собрание состоялось под охраной казаков и полиции. Совет послал туда нескольких депутатов для выступления. Кроме того, на собрание явилось много стойких товарищей из бастующих рабочих. В результате затея фабрикантов провалилась, и посланные Советом товарищи привели на Талку всех собравшихся на ярмарочной площади. Стачка продолжалась.

Собрания у Талки происходили регулярно, в таком же порядке, как и раньше, до расстрела 3 июня.

На первом собрании, состоявшемся после двухнедельного вынужденного перерыва, присутствовало около 40 тысяч человек. Это собрание показало, что, несмотря на небывалую продолжительность стачки, настроение рабочих оставалось твёрдым; после ряда выступлений наших товарищей решено было стачку продолжать. «Университет» на Талке возобновил свою работу. Снова с импровизированной трибуны полилось свободное, ничем не ограниченное рабочее слово, снова в установленные часы ежедневно собирался Совет рабочих депутатов, а вслед за ним открывалось общее собрание.

По решению конференции партийных групп, входивших в состав Северного комитета, все партийные группы, и Иваново-Вознесенская в том числе, с 1 июля были преобразованы в самостоятельные комитеты.

В отчёте Иваново-Вознесенской группы на этой конференции, напечатанном в № 10 «Пролетария», говорится следующее:

«Положение дел к 1 июля. Ц[ентральная] группа состоит из 4 местных рабочих (за отъездом провалившихся во время стачки). Районных комитетов 6 (из них один женский и один в Кохме), от 5—6 раб[очих] в каждом. Фабричных комитетов (чел[овека] по 4) около 15—20. Пропагандистов и агитаторов нет. Организованных рабочих

около 600 чел[овек]. Бюджет 80—100 р., исключительно из 2% отчислений рабочих. Имеется боевая группа. Организованная окружная организация охватывает Шую (с 25 тысяч раб[очих], 30 орг.), Кохму (8 тыс., 80 орг.), Тейково (10 тыс., 20 орг.); Середу (6 тыс., 30 орг.), Вичугский район (около 30 тыс., 30 орг.). Всего организовано около 200 человек. Делегат сделал подробный отчет о ходе иваново-вознесенской стачки, которой руководили с.-д. (через депутатов, из которых $\frac{2}{3}$ были с.-д.), и им удалось придать ей яркополитический характер.

После преобразования Иваново-Вознесенская группа Северного комитета была переименована в Иваново-Вознесенский комитет РСДРП. В него вошли гг. М. Фрунзе (Трифонич), Терентий, Дунаев, Ф. Афанасьев (Отец), С. Балашов (Странник), я и некоторые другие.

Материальное положение бастующих по мере продолжения борьбы с каждым днём становилось всё более тягостным. Для того чтобы воздействовать на власти и заставить их оказать давление на хозяев, Совет по предложению городского комитета социал-демократической организации решил устроить демонстрацию на площади перед зданием городской управы.

На общем собрании бастующих это предложение городского комитета было принято: решено было пойти на площадь и там в присутствии властей требовать хлеба, работы и человеческих условий жизни.

Демонстрация состоялась 23 июня.

Перед тем как пойти на площадь, созвано было конспиративное собрание нашей боевой дружины, в состав которой входили все члены социал-демократической организации, имеющие оружие. Присутствовало около 30 человек, вооружённых револьверами разных систем. Обсуждался вопрос, как должна вести себя боевая дружина на площади, если казаки или другие охранники пустят в ход нагайки или вообще попробуют учинить насилие над демонстрантами. Было решено: дружинники должны по возможности незаметно разместиться сзади казаков; если последние окружают толпу и попробуют применить нагайки, то по данному начальником дружины знаку дать залп из револьверов и, если потребуется, стрелять и дальше по команде начальника дружины.

Рабочие пришли на площадь в количестве нескольких тысяч человек и тотчас были окружены казаками. Мы,

дружинники, немедленно разместились сзади казаков. Один из руководителей дал знак садиться, и вся масса собравшихся села на камни мостовой. После этого поднялся Дунаев и, обращаясь к собравшимся, с большим подъёмом произнёс краткую речь, в которой, между прочим, сказал:

— Мы не можем дальше вести себя спокойно, видя, как голодают наши дети, в то время как виновники этого голода, наши хозяева-владельцы предприятий, будучи сытыми, не хотят пойти на облегчение наших страданий. Мы больше не можем терпеть этого издевательства. Мир или война! Работы! Хлеба!..

Эта речь произвела на толпу сильное впечатление, подняла её босвой дух. Из толпы неслись крики одобрения оратору и ругательства по адресу хозяев.

В это время вышел полицмейстер и тоже обратился к рабочим с речью. Он говорил, что власти не виноваты в неуступчивости хозяев, что хозяева имеют законное право не соглашаться на требования рабочих, а он, полицмейстер, не может их заставить удовлетворить эти требования и что, кроме того, требования слишком велики и удовлетворить их хозяевам трудно. Но он сделает всё от него зависящее, чтобы повлиять на хозяев.

— А теперь,— сказал он в заключение,— вы должны немедленно разойтись, чтобы не мешать правильному движению на улицах.

Казаки всё время находились в боевой готовности, вооружённые винтовками и нагайками, но вели себя спокойно, не двигаясь с места. Мы, дружинники, сидели сзади казаков на мостовой, крепко сжимали рукоятки револьверов и готовы были каждую минуту по команде начать стрельбу. Но этого не потребовалось.

После переговоров с представителями власти было решено покинуть площадь и снова отправиться на Талку. Толпа двинулась на Шереметьевскую улицу. Здесь мы развернули красное знамя, запели революционные песни и в таком порядке шли до самой Талки. Наша демонстрация произвела в городе сильное впечатление.

Мостовая на площади после нашего ухода оказалась сильно испорченной: во многих местах она была изрыта и покрыта кучами булыжника — это рабочие готовились к самозащите на случай нападения казаков.

Исполняющий должность полицмейстера доносил губернатору:

«Имею честь донести Вашему Превосходительству, что 23 сего июня на р. Талке было рабочих до 7 тыс. человек. Толпа эта с реки Талки вся подошла к городской управе, где оратор Дунаев заявил, что не он привёл народ, а народ сам потребовал от него и других депутатов вести его к управе. При Дунаеве был Грачёв и другие. Народ встал сначала на колени¹, а затем сели передние ряды и заявили: «Просим хлеба, денег и работы», далее разбирали исключительно бедственное состояние рабочих, создавшееся продолжительной забастовкой, обвиняя в последней самих фабрикантов, не желающих пойти на более существенные уступки. Дунаев закончил речь словами: «Мир или война», добавив, что если фабриканты не придут в Иваново для переговоров и не пойдут на уступки, то они, депутаты, сдерживавшие до сего времени наголодавшуюся, озлоблённую толпу, не ручаются за последствия. К народу выходили гг. Свирский — фабричный инспектор, иваново-вознесенский полицмейстер, владимирский полицмейстер, шуйский исправник. Администрация призывала народ к порядку, объясняла полученные ответы фабрикантов и предупреждала не собираться в городе и что ответ фабрикантов и доверенных будет им дан на р. Талке.

Дунаев и другие просили потребовать от фабрикантов прибытия их в Иваново для переговоров или обязать к тому доверенных. Рабочие со словами «пойдём на Талку» направились из города по Соковской улице и, выкинув красные флаги, прошли местечко Ямы толпой до полутора тысяч человек на р. Талку; пели песню «Воля» с припевом «Пора народу завоёвывать себе свободу». Ночь на 24 сего июня прошла спокойно».

После демонстрации депутатское собрание обратилось к губернатору с заявлением, в котором указывало, что сдерживать дальше бастующую массу оно не в силах и слагает поэтому с себя всякую ответственность за могущие произойти эксцессы. И действительно, бастующие были доведены до полного отчаяния, и вечером того же дня стихийно начался разгром магазинов и лавок. Растаски-

¹ В действительности на колени никто не становился, а все организованно сели на мостовую. — Ф. С.

вались главным образом съестные припасы: мука, крупа, сахар и пр. Было разгромлено также несколько казённых винных лавок.

Разгром продолжался дня два.

В связи с этими событиями Трепов телеграфировал владимирскому губернатору: «Не вмешиваясь в договорные отношения рабочих и фабрикантов Иваново-Вознесенска, о каковых отношениях должно быть вывешено к сведению рабочих объявление, настоятельно рекомендую Вашему Превосходительству не допускать сходок на Талке или других местах. Порядок надлежит восстановить во что бы то ни стало, а равно охранять все фабрики, промышленные и торговые заведения и частное владение. При всякой попытке к нарушению порядка принимать все меры репрессий, предоставленные положением усиленной охраны. При неуспехе — передать власть военному начальству на предмет восстановления и поддержания порядка силой оружия. Нахожу, что дальнейший произвол и беспорядки недопустимы. Если встретится затруднение в наряде войск, сообщите командующему войсками, потребовав от него необходимое количество. Желательно, чтобы распорядительные действия исходили непременно от вас.

Товарищ Министра *Д. Трепов*».

Монархическая газета «Новое время» писала о положении, создавшемся к этому времени:

«Вот уже более шести недель, как продолжается забастовка рабочих всех здешних фабрик и заводов. Первым днём забастовки было 12 мая, и с того времени делались лишь незначительные попытки возобновить работы, но и это оказалось безуспешным: главари забастовки никого из рабочих не допускают стать на работу, пока не достигнется между сторонами, т. е. между рабочими — с одной и фабрикантами — с другой, полного соглашения.

Если присмотреться ко всему тому, что проделывается здешними забастовщиками, то придёшь к заключению, что здесь забастовкою руководят умелые головы. Здесь видна система. Так, рабочие, начав забастовку, избрали из своей среды депутатов, всего до 150 человек, которых и уполномочили вести переговоры как с фабрикантами, так и с властями. Первым действием депутатов было ходатайство перед властями о закрытии винных лавок, пивных,

трактиров с крепкими напитками и т. п. на всё время забастовки, чего они и добились. Эта мера дала рабочим многое: во-первых, они не тратят на выпивку, сберегают средства на более продолжительное время забастовки, долее смогут выдержать «осаду забастовки»; во-вторых, трезвые забастовщики не позволяют себе учинять излишних бесчинств, беспорядков и насилий и т. д.». «Если что забастовщики до сих пор лишнее и позволили, — говорилось далее в газете, — то всё это они оправдывают одним, отместкою за расстрел бастовавших рабочих на реке Талке 3 июня».

А между тем стачка продолжалась, ей не было видно конца. Владельцы предприятий упорствовали, не хотели идти ни на какие уступки. Некоторые из них, вроде Мефодия, Гарелина, Фокина и др., говорили, что лучше выбросить в реку деньги, чем повысить заработок хотя бы на несколько процентов. Исключение составили владельцы ситцепечатной фабрики — Грязновы, которые, наконец, прибавили к заработной плате несколько процентов и пошли на некоторое сокращение рабочего дня, а также удовлетворили большую часть требований, относящихся к внутреннему распорядку фабрики, как то: об образовании смешанной паритетной комиссии для приёма и увольнения рабочих, об отмене обысков и пр. Владельцы этой фабрики считались «либералами», но и эти «либералы» пошли на уступки, сломленные упорством рабочих, после того как возобновились собрания на Талке.

По поводу прибавок Грязнова другие фабриканты послали губернатору следующее заявление:

«Узнав, что правление Покровской мануфактуры Грязнова желает действовать самостоятельно и вызывает сегодня заведующего Попова и депутатов рабочих в Москву, а также зная намерения правления делать дальнейшие своеобразные и невозможные для всех остальных уступки, мы находим, что такие действия могут совершенно испортить всё дело и затянуть забастовку вновь на продолжительное время, а поэтому просим Ваше Превосходительство в защиту всей промышленности запретить Грязнову принимать в течение забастовки не согласованные с другими фирмами меры и не допустить отправки депутатов в Москву»¹.

¹ Центрархив, отдел департамента полиции, д. 4, ч. 30, т. 2, л. 49.

Но вместе с тем к этому времени уже становилось ясно: стачка вследствие окончательного истощения средств у рабочих долго продолжаться не может. Нужно добиться удовлетворения хотя бы некоторой части требований, дабы бастующие не раскололись на отдельные группы и не была нарушена сплочённость и организованность рабочей массы. Возник вопрос: как быть с грязновцами, стать им на работу или нет? Этот вопрос на собрании Совета рабочих депутатов вызвал оживлённый обмен мнениями. До этого момента для нас, руководителей стачки, было ясно, что с отдельными фабрикантами на переговоры идти нельзя, что вести переговоры Совет рабочих депутатов может только от имени всей массы бастующих с представителями всех хозяев, дабы не нарушить общей солидарности бастующих. Этого правила Совет придерживался всё время. Некоторые грязновцы-депутаты высказывались за то, чтобы Совет разрешил им стать на работу.

— Этим,— говорили они,— мы вызовем раскол среди хозяев, ибо когда наша фабрика будет пущена, то остальные фабриканты из боязни потерять заказы, могущие перейти с их фабрики на нашу, скорее пойдут на уступки.

Большинство же Совета высказывалось за то, чтобы тактику не менять. Пусть грязновцы продолжают бастовать до тех пор, пока не пойдут на уступки и остальные фабриканты. В этом духе Совет принял решение, которое было утверждено в тот же день общим собранием бастующих. Грязновцы должны были вместе с остальной массой рабочих продолжать стачку ещё некоторое время; но вопрос этот по их настоянию вскоре пересмотрели. Грязновцам разрешили встать на работу с обязательством, однако, отчислять некоторый процент из заработка в пользу продолжающих бастовать, что они аккуратно и делали.

Через несколько дней сдали свои позиции и другие хозяева: на ряде фабрик были вывешены объявления о некоторых уступках и небольших прибавках к заработной плате.

Перед Советом возник вопрос о прекращении стачки. Мы хорошо понимали ничтожность экономических завоеваний стачки; зато её воспитательное, моральное и политическое значение было огромно: за два с половиною месяца «университет» на Талке двинул далеко вперёд классовое самосознание широких рабочих масс, до неузнаваемости выросших за это время. Учитывая все эти обстоятельства,

Совет рабочих депутатов постановил стачку прекратить. На общее собрание в этот день явилось около 40 тысяч человек. После оглашения постановления Совета общее собрание его одобрило и вынесло следующее, посланное потом фабрикантам постановление:

«Общее собрание бастующих рабочих, собравшись на реке Талке, постановило заявить господам фабрикантам через старшего фабричного инспектора г. Свирского:

Ввиду действий правительственной администрации, явно направленных всецело на защиту фабрикантов и против рабочих, что, между прочим, выразилось в избиении наших голодающих товарищей, пришедших за помощью в отделение Общества потребителей; ввиду того, что в город прибыло большое количество войск, ввиду того, что 47 дней забастовки истощили наши силы, повторяем, что все эти условия мешают нам продолжать стачку. На основании всего этого мы заявляем, что с 1 июля мы решили стать на работу, с тем чтобы, подкрепив свои силы, вновь начать борьбу за свои права и те требования, которые нами предъявлены фабрикантам в начале забастовки— 12 мая 1905 г.

«Талка». Общее собрание бастующих рабочих»¹.

На этом собрании было решено всей массой приступить к работе на другой день, но не разрозненно, не побеждёнными и разбитыми, а победителями, сознающими силу своей солидарности и организованности. Затем с пением революционных песен рабочие разошлись с этого собрания на Талке в сильно приподнятом настроении.

На деле приступить к работе всей массой, в организованном порядке не удалось, и на большинстве фабрик рабочие ещё довольно долго не принимались за работу. Полностью стачка закончилась только в середине августа.

Приводим корреспонденцию об этих днях, помещённую в «Пролетарии»:

И в а н о в о - В о з н е с е н с к. С 1 июля рабочие решили приступить к работе. В 1-ый день проработали очень недолго и ушли по домам, а на другой день работа произ-

¹ Центрархив, отдел департамента полиции, д. 4, ч. 30, т. 2, л. 60.

водилась в полном порядке, но, тем не менее, разошлись раньше обыкновенного. 4 июля, когда рабочие пришли на работу, они не были допущены на фабрики. Администрация просила, чтобы все рабочие собрались в 10 часов к своим фабрикам. В 10 часов на глазах рабочих было вывешено объявление о том, что хозяева не желают делать никаких уступок рабочим, что самовольное прекращение работ не может быть далее терпимо и что, если кто желает работать на старых условиях, пусть заявит об этом фабричному инспектору и, кроме того, пусть даст расписку в этом. А затем заявлялось, что фабрики будут закрыты, если рабочие не приступят к работам до 11 июля. Рабочие сильно были возмущены этим объявлением и решили ни в каком случае не уступать до тех пор, пока хозяева не удовлетворят все их требования. На угрозу же закрыть заводы потребовали полного расчета с платой за время забастовки и за две недели вперед; потребовали также, чтобы объявление было утверждено старш. фабр. инспектором и губернатором. Напрасно депутаты старались убедить рабочих согласиться на требования хозяев, напрасно они говорили, что масса не в силах больше бороться, что необходимо подкрепить свои силы, что касса уже пуста, — ничто не могло повлиять на рабочих: они категорически заявили, что работать не станут, а тех, кто примется за работу, будут снимать силой. Высказывались даже подозрения, что депутаты подкуплены хозяевами. Депутатам ничего, в конце-концов, не оставалось, и они пошли за массой»¹.

Стачка всё же привела к некоторому улучшению экономического положения ивановских рабочих: повышению заработной платы (не выше 20% заработка), улучшению санитарных условий (устройство прачечных и бань там, где их не было, и упорядочение их там, где они были). На фабрике Грязновых, как указывалось выше, была создана паритетная комиссия для приёма и увольнения рабочих и служащих и для улаживания конфликтов; было выплачено также за время забастовки (приблизительно месячное жалованье). Кроме того, все фабриканты и заводчики согласились уплачивать небольшую сумму квартирных денег (от одного до двух рублей в месяц).

¹ «Пролетарий» от 14 (1) сентября 1905 г.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ. ДОПРОС У ПОЛИЦМЕЙСТЕРА.
ОСВОБОЖДЕНИЕ ПО ТРЕБОВАНИЮ РАБОЧИХ.
НА ФАБРИКАХ ПОСЛЕ СТАЧКИ

После собрания на Талке, перед началом работ, были созваны собрания рабочих у своих фабрик. Такое собрание произошло и на ткацко-прядельной фабрике «Компаний», близ ворот фабрики, у полицейской будки, на широкой зелёной площадке.

Мы открыли собрание около 11 часов утра, когда собралась уже не одна тысяча человек. Руководителями его были С. Балашов (Странник), А. А. Тарасов и я,— выступали мы все. Настроение было бодрое; чувствовалось, что рабочие результатами стачки всё же довольны, несмотря на незначительность достигнутого. Мы говорили о том, что дала нам только что окончившаяся стачка, чему она нас научила, как мы должны вести борьбу за улучшение нашего положения в дальнейшем. Во время моей речи в толпе вдруг произошло смятение. Вслед за этим меня и моих товарищей окружил отряд так называемых «жёлтых» казаков. Оказавшийся между ними «компанийский» полицейский надзиратель, подойдя ко мне сзади и взяв за плечи, крикнул казакам: «Вот этого — взять!» Потом он указал и на остальных товарищей, руководивших собранием; казаки тотчас же окружили нас плотным кольцом и повели.

Толпа, ошеломлённая этим внезапным налётом, начала угрожающе шуметь, но сделать ничего не могла. Нас быстро увели по направлению к городу. По адресу казаков из толпы неслись громкие ругательства.

Когда мы находились уже на таком расстоянии, что с места собрания нас не стало видно, казаки начали ругаться, угрожая отрубить нам головы; они обнажили шашки и размахивали ими над нашими головами. Мы шли молча. Казаки продолжали издеваться. Я не выдержал и заметил им, что мы законные представители рабочих и что они, казаки, не имеют никакого права нас оскорблять. В ответ посыпалось ещё больше оскорблений и угроз. После этого никто из нас на все их провокации уже не отвечал.

Дойдя до городской унравы, казаки остановились. А затем вскоре нас повели к тюрьме.

В тюрьме нас тщательно обыскали, затем переписали и заперли всех в одну камеру. Это был мой первый арест. Когда двери камеры закрылись, я стал осматривать помещение. Камера оказалась довольно просторной, с чёрным асфальтовым полом и грязновато-серыми стенами. Через небольшое окошко под потолком, с двумя толстыми железными решётками и остеклённой рамой, проникал тусклый полусвет. Большие нары занимали почти половину камеры; они тянулись от двери до противоположной стены.

Спустя некоторое время мы громко запели революционные песни. К камере подошло несколько конвойных солдат и через маленькое окошечко в двери поочерёдно стали с большим вниманием и любопытством нас рассматривать. Всё время, пока мы пели, солдаты стояли и слушали.

Вечером к нам посадили какого-то босяка-оборванца, который, как только закрылась за ним дверь, спокойно оглядел нас и тотчас же лёг на нары, очевидно хорошо ему знакомые, и быстро заснул.

Обсудив положение, мы пришли к выводу, что наш арест не пройдёт полиции даром, что наши избиратели — рабочие не будут молчать. Мы были почти уверены, что долго под арестом не просидим, и в бодром настроении поздно вечером расположились на нарах. Но не успев ещё как следует заснуть, я тотчас же вскочил от сильного зуда на спине и боках, — я был осыпан клопами.

Рано утром мы вызвали старшего надзирателя и заявили, что в таком клоповнике больше сидеть не намерены ни одного дня и требуем немедленно перевести нас в другую камеру. Он обещал наше требование удовлетворить.

Через некоторое время нам принесли передачу, в которой оказались чай, сахар и другие продукты; мы убедились, что за стенами тюрьмы товарищи заботятся о нас.

Скоро к нам вошёл старший надзиратель и предложил немедленно выйти.

— Куда? — спросили мы, думая, что нас переводят в другую камеру.

— На волю, — ответил он.

Недоумевая, мы вышли, а только что полученную передачу отослали товарищам, сидевшим в других камерах.

Со двора тюрьмы под конвоем пеших полицейских мы были отправлены в городскую управу. Там нас, каждого в отдельности, вызвал к себе полицмейстер. Когда я вошёл,

он встал со своего места, спросил мою фамилию и, когда я назвал себя, произнёс: «Ага!»

Потом, указывая на кучу бумаг, лежавшую на столе, он спросил:

— Это у вас отобрали вот эти прокламации?

— Да, — ответил я.

— Откуда вы их взяли? — продолжал он.

— Насобирал на Талке.

— На Талке? А кто их распространял там?

— Не знаю...

— Я вам покажу прокламации! — вдруг закричал он.

— А вы на меня, пожалуйста, не кричите! — возвысил голос в свою очередь и я.

После этого он, смерив меня глазами, сказал:

— Если вы будете бунтовать рабочих и ещё раз попадёте мне в руки вот с этими прокламациями, то я вам на вашей собственной спине таких прокламаций напишу, что всю жизнь их не забудете!

— А вы не страшайте, пожалуйста! — уже спокойнее сказал я, начиная понимать, что меня освобождают.

Но он меня не слушал и, садясь на своё место, значительно тише сказал:

— Ступайте, вы свободны!

Я быстро повернулся и вышел.

Такой же примерно разговор произошёл у полицмейстера и с остальными моими товарищами, после чего их также освободили. Мы вместе вышли из городской управы и направились прямо к нашей фабрике, будучи убеждены, что освобождены мы не иначе, как по требованию рабочих.

Мы не ошиблись. Когда мы вошли во двор фабрики, там у главной конторы происходило собрание рабочих. Тут были ткачи и прядильщики всех трёх корпусов фабрики. Наше возвращение рабочие приветствовали громким «ура». Всюду виднелись бодрые и радостные лица, улыбавшиеся нам.

Поблагодарив товарищей за поддержку, мы рассказали им о своих приключениях, а от них узнали следующее. После того как нас арестовали, рабочие нашей фабрики решили к работе не приступать до тех пор, пока мы не будем освобождены. 26 июля, за два-три часа до нашего освобождения, обе смены ткачей и прядильщиков нашей фабрики собрались у главной конторы и предъявили требование директору, который тотчас сообщил об этом

полицмейстеру. Полицмейстер приехал на фабрику и, по-советовавшись с директором, быстро уехал, после чего нас освободили. Факт нашего освобождения ещё раз убедил рабочих в силе сплочённости и организованности.

Аресты произошли и на некоторых других фабриках. Так, на ситцепечатной фабрике Куваева член Совета т. Радостин (Монах) и др. в первые дни после начала работ были арестованы и высланы во Владимир. Отсидев там месяц в тюрьме, они прибыли в Иваново-Вознесенск и снова поступили на фабрики.

Иваново-Вознесенский комитет РСДРП по окончании забастовки обратился к рабочим с воззванием, в котором была дана оценка результатов всеобщей стачки:

«Товарищи, стачка кончилась. Мы опять принимаемся за свой тяжёлый труд. Фабриканты ликуют, — они думают, что сломили нашу солидарность; они думают, что победили, что мы сдались, считая себя побеждёнными. Но так ли, товарищи? Побеждёнными ли мы возвращаемся на наши фабрики и заводы, могут ли наши враги торжествовать свою победу? Нет, товарищи, ошибаются наши враги, рано торжествуют свою победу. Товарищи, пусть малого мы добились. Пусть не все наши требования удовлетворены. Но зато пусть всякий себя спросит, что было до забастовки и что теперь. Не раскрыла ли нам глаза забастовка? Не сплотила ли она нас, показав, какую силу мы представляем, если мы действуем дружно? Научила она нас также тому, что вступать в борьбу можно подготовившись. Нужно организовать, нужны средства, чтобы выдержать эту борьбу...

Товарищи, многому другому научила нас стачка...

Разве не прозрели мы там, разве не пробудились, разве не увидели мы ясно, кто наши враги, кто держал нас до тех пор в темноте, и кому выгодна была наша темнота? Разве не увидели мы, кто помогает нашим врагам — хозяевам, разве не увидели мы, для чего нужны царю войска и полиция, и чьи интересы они защищают, и против кого он посылает наших мужей, братьев, сыновей? А, ведь, солдаты — это наши мужья, братья, сыновья.

Это такие же рабочие, и все они оторваны от семьи, от сохи и от станка. Беря их, якобы для защиты русской земли от неприятеля, царь посылает их против нас, беззащитных, заставляя их стрелять в нас за то, что мы хотели улучшить наше положение, за то, что наши более сознательные

товарищи хотели открыть нам глаза, хотели разъяснить наше положение, хотели пробудить в нас человеческое достоинство.

Товарищи, этого боялись наши враги, им невыгодно, чтобы мы пробудились; они знают, что мы не захотим так жить, как доселе. Они знают, что и мы захотим жить тогда по-человечески. И вот за это посылают солдат стрелять в нас, и те бессознательно, запуганные дисциплиной, идут.

Многому научила нас эта забастовка.

Поняли мы, что при теперешних порядках мы никогда не сможем улучшить своё положение, никогда не сможем бороться с капиталистами. Мы поняли, товарищи, что власть находится у царя, который только и думает о капиталистах. Он даже разрешил караул поставить около фабрик и домов хозяев, часовые охраняют фабрикантов, как царей. Вот, товарищи, для чего нужна армия правительству.

Товарищи, до тех пор мы не сможем улучшить наше положение, пока не будет политической свободы, пока политическая власть не перейдёт ко всему народу.

Поэтому забастовка научила нас требовать «Долой самодержавие» и «Да здравствует демократическая республика». Забастовка показала нам также, что добиваться политической свободы нужно с оружием в руках.

Научила она нас, что только тогда, когда мы будем организованы и вооружены, мы силой сможем добиться наших прав. Потому мы и кричали: «Да здравствует вооружённое восстание!» Только добившись силой свободы, только тогда, когда у нас будет свобода слова, печати, союзов, когда наши представители в Учредительном собрании будут отстаивать наши интересы, интересы всего рабочего класса, только тогда, когда не будет постоянных армий — войска, которое посылают расстреливать безоружных рабочих, только тогда мы сможем улучшить наше положение, только тогда мы сможем добиться восьмичасового рабочего дня и отстаивать наши интересы, борясь с нашими врагами — капиталистами. Боритесь до тех пор, пока не добьёмся такого порядка и строя, когда не будет ни богатых, ни бедных, когда фабрики, заводы и земля не будут принадлежать кучке паразитов и богачей. Тогда все фабрики, земля и заводы будут принадлежать всем, все одинаково будут трудиться и одинаково делиться плодами своего труда.

Такой порядок, такой строй называется социалистическим.

Товарищи, чтобы добиться этого, нам нужна политическая свобода.

Вот чему нас научила забастовка. Пусть же ликуют враги и думают, что мы побеждены.

Товарищи, мы уже принялись за свой тяжёлый труд на фабриках и заводах.

Принялись готовиться к другой борьбе, более серьёзной, на жизнь и на смерть — за свободу.

Товарищи, ободряйте же малодушных товарищей, учитесь, организуйтесь, и когда наступит час, тогда весь русский народ восстанет с оружием в руках под красным знаменем социал-демократической рабочей партии. Товарищи, примкнём же ко всему русскому рабочему движению под знаменем РСДРП, которое поведёт нас на твердыни царизма, на последний штурм. Долой самодержавие, да здравствует вооружённое восстание! Долой милитаризм, постоянные войска! Да здравствует восьмичасовой рабочий день, да здравствует РСДРП! Да здравствует социализм!

М. В. Фрунзе, оценивая значение стачки ивановских рабочих, писал: «Работа, проделанная партией в смысле политического воспитания рабочей массы за время стачки, была положительна... В результате стачки произошло идейное освобождение рабочего класса и властительницей дум в районе окончательно становится наша партия».

Значение этой стачки и деятельность Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов очень высоко оценивается в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

«Стачка закалила рабочих. Она показала образец мужества, стойкости, выдержки, солидарности рабочего класса. Она послужила настоящей школой политического воспитания иваново-вознесенских рабочих.

В период этой забастовки иваново-вознесенские рабочие создали Совет уполномоченных, который был фактически одним из первых Советов рабочих депутатов в России»¹.

Так окончился этот этап героической борьбы иваново-вознесенских рабочих, которой руководила большевистская

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 57.

партийная организация через депутатов, избранных ба-
стующими рабочими.

Настроение рабочих после стачки, несмотря на пере-
сённые ими тяжёлые лишения, было боевым. Стачка зака-
лила их. Прежняя приниженность и забитость рядового
рабочего исчезли. Особенно это было заметно в отноше-
нии рабочих к чинам фабричной администрации — не
стало низкопоклонства и робости, наблюдавшихся до
стачки. Смелые разговоры и споры рядовых рабочих с
табелыщниками, подмастерьями, мастерами и даже управ-
ляющими стали обычными явлениями. Авторитет «царя и
бога» — управляющего, директора — и прочих лиц выс-
шей фабричной администрации сильно пошатнулся; уже
не было мёртвой тишины и суетливой торопливости в от-
делениях при известии, что «директор идёт», и незаметно
стало трусливого отвешивания поясных поклонов при каж-
дом его появлении.

В свою очередь фабрично-заводская администрация,
начиная от низших и кончая высшими её представителями,
коренным образом изменила своё отношение к рабочим. На-
чальники уже не позволяли себе в разговоре с рабочими
ни презрительного высокомерия, ни грубых окриков и
угроз, обычных до стачки; а о низших администраторах и
говорить нечего — эти не только перестали проявлять
свою власть, но и всеми силами старались втереться в
доверие к рабочим, доказывали, что они «такие же рабочие,
как и все остальные», что их, как и всех других, эксплуа-
тируют хозяева и если им приходится иногда делать не-
приятности рабочим, то происходит это не по их воле,
ибо они «только выполняют распоряжения высшего на-
чальства», сами же стоят всецело на стороне рабочих.

Само собой разумеется, что это была только показная
демократия. Как высшая, так и низшая администрация,
за очень редким исключением, осталась прежней; стоило
только измениться политическим условиям, как она снова
показывала свои зубы. Рабочие очень хорошо знали цену
этого «рабочелюбия»; они, конечно, не питали никакого
доверия к администрации и относились иронически ко
всем её заигрываниям.

Членов Совета рабочих депутатов, несмотря на пре-
кращение существования Совета с момента окончания
стачки, рабочие попрежнему продолжали считать своими
депутатами и попрежнему доверяли им выступать в

качестве своих представителей во время всяческих мелких конфликтов с администрацией. Фабрично-заводская администрация, так же как и во время стачки, вынуждена была мириться с этим.

Полиция после неудачной попытки арестовать депутатов также не особенно беспокоила нас.

Массовки социал-демократической организации устраивались почти каждый праздничный день, а иногда и в рабочие дни. Они были очень многолюдны, так как на них всегда приглашались кроме членов организации сочувствующие. Выступали кроме партийных профессионалов и многие рабочие. Массовки затягивались почти всегда далеко за полночь. В прохладные ночи разжигались костры, народ рассаживался вокруг них и долгими часами слушал ораторов. Здесь, в лесу, вдали от бдительной охраны «порядка», каждый чувствовал себя в родном и боевом коллективе совершенно свободным. В промежутках между речами ораторов собравшиеся пели революционные песни, стреляли из револьверов, хотя это не всегда сходило благополучно.

Однажды в сентябре в лесу «Жары», вправо от большого Лежневского тракта, собралось очень много народу. Настроение было приподнятое. После одной особенно горячей речи наша боевая дружина дала несколько револьверных залпов, которые ещё больше подняли настроение собравшихся. Запели революционные песни. Неожиданно наши патрули сообщили, что нас окружают казаки. Что делать? Быстро решили уйти в деревню Воробьёво. Собравшиеся разошлись по разным направлениям: одни пошли в Воробьёво, другие — в соседнюю деревню Глинищево, а часть отправилась прямо в город через поле, надеясь в почной темноте проскользнуть мимо казаков. Этот манёвр не удался: многие из шедших по последнему пути были зверски избиты казаками.

Впоследствии выяснилось, что казаки приехали на выстрелы: не будь их, массовка окончилась бы благополучно. Были и другие случаи нападения казаков на рабочих — участников массовок. Но казакам ни разу не удалось атаковать массовку внезапно, устроить массовые избиения и аресты, как это случалось раньше.

Обычно в час выхода рабочих с фабрик и заводов партийная организация устраивала митинги-летучки. Назначенный для выступления товарищ отправлялся к воротам

фабрики или завода и ждал, когда рабочие большой толпой начнут выходить за ворота. В этот момент двое или трое других товарищей поднимали оратора на руки или на плечи, и он, приглашая рабочих остановиться, произносил краткую речь, затем быстро смешивался с толпой и в большинстве случаев благополучно уходил. Другие товарищи тут же распространяли листовки и затем так же быстро смешивались с толпой. Эти летучки поднимали дух рабочей массы и давали политические темы для самых оживлённых разговоров и споров. Полиции они причиняли много хлопот и беготни; летучки устраивались прямо на её глазах, на видном месте, и тем не менее полиция ничего не могла поделать.

Нелегальная литература — листовки и мелкие брошюры — в это время распространялась в большом количестве. Листовки не только разбрасывались на предприятиях и в рабочих кварталах, но нередко раздавались по рукам совершенно открыто, когда рабочие, окончив работу, шли с фабрик. Так было около оврага, где сходились дороги с нескольких фабрик. Рабочие охотно брали листовки и брошюры, быстро прятали их в карманы и уходили.

О политическом росте ивановских рабочих в течение этого периода можно судить по резолюции, принятой на массовке в лесу 7 сентября 1905 г. по поводу погрома, устроенного на Кавказе.

В этой резолюции, напечатанной в газете «Пролетарий» № 20, говорилось:

«Мы, рабочие — социал-демократы г. Иваново-Вознесенска, собравшиеся сегодня, 7-го сентября, на общую сходку в количестве 2 000 ч[еловек], обсудив последние события в Баку и на Кавказе в связи с общим положением страны, пришли к следующим заключениям:

Принимая во внимание, что, во 1-х, настоящее бедственное положение страны является результатом преступной политики царского правительства, упорно борющегося за свое никому не нужное существование; во 2-х, что сущность этой политики состоит в подавлении всяких попыток со стороны рабочего класса улучшить свое положение; в 3-х, что употребляемые для этого правительственные средства, как то: натравливание несознательных масс на интеллигенцию, возбуждение национальной вражды между народностями, населяющими Россию, устраиваемые с

этой целью погромы и избиения, являясь гнусными по своему существу, показывают в то же время бессилие царского правительства, — мы выражаем свое презрение этой отвратительно-гнусной политике и заявляем, что лишь немедленное уничтожение царского самодержавия и замена его демократической республикой, т. е. самодержавием народа, может вывести страну из настоящего гибельного положения и даст нам, пролетариям, возможность свободно вести борьбу за лучшее будущее, за социализм. Ввиду того, что самодержавие царя может быть уничтожено лишь всенародным восстанием, мы, рабочие Ив[аново]-В[ознесенска], заявляя о своей готовности к открытой вооруженной борьбе, призываем наших товарищей рабочих всей России сплотиться в единую могучую силу под красным знаменем социал-демократии для нанесения последнего решительного удара царскому самодержавию. Долой самодержавие! Да здравствует вооруженное восстание! Да здравствует временное рев[олюционное] правительство! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм! Да здравствует РСДРПартия!»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЦАРСКИЙ МАНИФЕСТ. НАШИ ДЕМОНСТРАЦИИ. ЧЕРНОСОТЕНЦЫ ЗА «РАБОТОЙ». РАССТРЕЛ БЕЗРАБОТНЫХ

Царский манифест 17 октября 1905 г. застал меня в больнице чернорабочих. Утром 18 или 19 октября дежурный фельдшер Дьяченко пришёл ко мне в палату с сияющим лицом, держа в руках газету.

— Ну, поздравляю вас с конституцией! — сказал он, обращаясь ко мне. — Наконец, дожили, мечты претворяются в действительность!

Я поднял на него недоумевающие глаза и спросил, в чём дело. В ответ он подаёт мне «Русское слово» и говорит: — Читайте!

Я беру газету и быстро читаю манифест, в котором царь оповещает своих подданных о «неслыханной смуте» в

стране и о «даровании населению гражданских свобод», о созыве «доверием народа облечённых народных представителей» и пр. Помолчав несколько секунд, спрашиваю Дьяченко:

— А что это, по-вашему, значит?

— Как что значит! — говорит он. — Разве вы не понимаете, что у нас нет уже самодержавия? Царь сам отказывается от него и даёт конституцию.

— Ну, — говорю я, — это ещё бабушка надвое сказала, даст или нет царь конституцию. Во всяком случае «дать» её он может, только уступая силе, а этой силой является революция.

Для меня стало ясно, что в стране произошло что-то необычайное. Повидимому, революционная волна поднялась на небывалую высоту, соображал я. Поэтому нам, социал-демократам, необходимо быть настороже и во всеоружии, чтобы не дать себя поймать ни на какие удочки, которые непременно будут расставляться врагами. Я решил в тот же день из больницы уйти и принять участие в партийной работе. Врач говорил, что необходимо ещё полежать несколько дней; но в такой момент оставаться в больнице я не мог и настоял, чтобы меня выписали в тот же день.

Перед выходом из больницы я зашёл в хирургическое отделение, где лежал рабочий В. Г. Картаев, тяжело раненный в ногу во время расстрела рабочих на Талке 3 июня. У него была раздроблена кость коленного сустава. Когда я вошёл, он лежал на койке кверху лицом, вытянув ноги. Простреленная нога была забинтована и лежала на особой деревянной подставке. Он был бледен, как бумага. Липо осунулось, глаза горели лихорадочным огнём. За время пребывания в больнице он перенёс несколько тяжёлых операций, обессиливших его до крайней степени. В беседе с т. Картаевым я высказал своё мнение о манифесте. Он согласился со мной. Беседа эта несколько оживила его, на бледном, измученном лице показалась слабая улыбка.

Когда я вышел на улицу, всюду наблюдалось оживление. Часто встречались небольшие группы и отдельные рабочие с газетами, оживлённо беседовавшие о «небывалом событии». В городском комитете социал-демократической организации я встретил двух молодых товарищей-интеллигентов. Они радовались: наконец-то, мол, настал и на нашей

улице праздник... Высказывалось мнение, что правительство теперь с нами справиться не сможет, что революция неизбежно пойдёт дальше царского манифеста и сметёт монархию без остатка.

На другой день вечером состоялся первый большой митинг на площади перед клубом, так называемым театром «господ приказчиков». На митинг собралось много тысяч рабочих и других граждан города; над собравшимися развевались красные знамёна, а светивший у входа в клуб фонарь был обёрнут в красную материю. Повсюду виднелись яркочерные платочки на головах женщин и девушек-работниц и красные бантики на костюмах мужчин. Настроение было радостное и торжественно-праздничное. Председателем митинга был избран старейший член социал-демократической партии, член городского комитета Ф. Афанасьев (Отец). Открывая собрание, он говорил с большим подъёмом и радостью о большой победе революции, о мощной силе рабочего движения, заставившей «перепуганного самодержца российского» пойти на уступки народу и издать манифест.

На другой и в последующие дни по улицам ходили толпы демонстрантов с красными знамёнами; на перекрёстках и площадях толпы останавливались, и партийные агитаторы произносили речи. Но многие из нас тогда ещё не отдавали себе полного отчёта в совершившемся и не предвидели событий, которые произошли через несколько дней. А эти события показали, что царский манифест был новой уловкой царя, ловушкой, расставленной им для легковых. Царь хотел выиграть время, чтобы разделаться с революцией.

Проходя мимо казарм, многие товарищи (Мякишев¹ и другие) обращались к солдатам, произносили горячие речи, призывая их не идти против восставшего народа и отказаться, если начальство прикажет, стрелять в народ. Солдаты молчали. Молчали и их начальники. И непонятно было: заставляло ли рядовых солдат молчать стеснявшее их присутствие начальства, или же их поведение объяснялось темнотой и непониманием. Так или иначе, но большинство солдат не принимало участия в происходящих событиях.

¹ Убит в период гражданской войны на восточном фронте. — Ф. О.

В демонстрациях кроме социал-демократов участвовали главным образом рабочие. Вначале наиболее обеспеченные рабочие фабрик (подмастерья, гравёры, ракллисты и пр.) относились к событиям отрицательно.

— Зачем нам наша политическая свобода? — говорил мне однажды один ткацкий подмастерье. — Бастовали мы два с половиной месяца, изголодались до невозможности, а вы снова нас тащите на улицу!

Около 20 октября освободили из тюрьмы некоторых арестованных товарищей. В их числе и т. Григория (Мандельштама). Утром 22 октября партийным комитетом был назначен у городской управы митинг. Перед митингом на заседании комитета между нами, членами его, были распределены темы для выступлений. Я взял тему о безработице. Когда мы пришли на площадь, она уже была вся занята народом, развевался лес красных знамён. Среди них было одно чёрное с надписью: «Слава павшим борцам за свободу». Говорили Балашов и Григорий. Мне говорить не пришлось, так как после первых речей на трибуну поднялся вышедший из городской управы помощник полицмейстера и начал говорить, что никакие беспорядки полицией допущены не будут, и в заключение потребовал, чтобы мы покинули площадь.

После этого мы решили пойти к тюрьме, в местечко Ямы (так назывался один из пригородов, населённый главным образом рабочими), чтобы потребовать освобождения ещё находившихся там политических. Вся масса с пением революционных песен двинулась через Приказный мост, по Соковской улице, к тюрьме. Однако по пути значительная часть идущих начала отставать, и на тюремную улицу пришли немногие, главным образом члены социал-демократической организации. На некотором расстоянии от тюрьмы нам преградил дорогу отряд казаков («жёлтых» — астраханцев), выстроившихся в шеренгу. Мы остановились. Ф. Афанасьев и ещё один товарищ начали переговоры с казаками. После переговоров, тянувшихся минут 30—40, нам стало ясно, что казаки будут защищать тюрьму и что договориться с ними нам не удастся.

Решили идти на Талку, чтобы там провести митинг. По пути к Талке, переходя через Шереметьевскую улицу, мы натолкнулись на черносотенную манифестацию, которая двигалась от центра города к вокзалу. Манифестация

эта состояла из разношёрстной толпы, примерно человек в сто, которые оглушительно орали «ура». Впереди несли портрет Николая II, а сзади орущей толпой двигался отряд вооружённых казаков. В наших рядах произошло некоторое замешательство. Видя вооружённых казаков, демонстранты побежали в разные стороны, а часть черносотенцев вместе с казаками кинулась за бегущими. У нас было отнято одно из знамён, и некоторые из наших товарищей получили удары нагайками и кулаками. После этого столкновения до Талки дошло всего несколько десятков человек — только члены социал-демократической организации.

Мы ещё не успели дать себе ясного отчёта в происшедшем, как со стороны станции, быстро двигаясь прямо на нас, показалась толпа черносотенцев с отрядом казаков в арьергарде. Мы перешли Талку по узенькому мостику и сгруппировались на другом берегу, у лесной сторожки. Черносотенцы вместе с казаками остановились на противоположной стороне, против мостика. В это время от нашей группы, как и у Ямской тюрьмы, отделились Ф. Афанасьев и ещё один товарищ и перешли мостик. Это произошло быстро и совершенно неожиданно—никто из нас не предлагал послать парламентёров, товарищи пошли по своей инициативе. Все мы с напряжённым вниманием ждали, что произойдёт с ними, и, волнуясь, смотрели на тот берег.

Едва наши товарищи очутились на другом берегу, как были окружены черносотенцами, которые с дикими криками накинулись на них и начали избивать, а казаки, выстроившись в полукруг около этой шайки негодяев, избивавших двух безоружных людей, одобрительно покрикивали. Через несколько минут Отец уже лежал на земле, а другой товарищ, каким-то чудом вырвавшись из кольца погромщиков, стремительно перебежал на нашу сторону. Тогда казаки повернули лошадей и быстро двинулись обратно к станции железной дороги. За ними побежала и вся толпа черносотенцев.

У спасшегося товарища оказалась сильно разбитой голова, из виска текла кровь, он был весь окровавлен, а Отца мы подняли мёртвым. Когда его принесли к сторожке, выяснилось, что у него пробит череп тупым оружием. Тело Отца мы молча отнесли в лес и разошлись, когда стемнело.

Нам было очень тяжело. Мы хотели кинуться на помощь товарищам, но наше бессилие против вооружённой силы было совершенно очевидным. У нас имелось всего два-три револьвера. Стрелять из них без промаха на расстоянии, которое отделяло нас от казаков, было невозможно. Казаки же из своих винтовок могли перестрелять нас всех. Невыносимо мучила кипевшая в нас злоба. В особенности сильно волновался М. В. Фрунзе. С револьвером в руках, он порывался бежать к мостику, чтобы помочь товарищам, но мы все считали это безумием и, преградив ему дорогу, насильно удержали его от шага, который послужил бы лишь причиной новых тяжёлых потерь.

Утром 23 октября после бессонной ночи я вместе с несколькими товарищами направился на площадь к городской управе, где, по полученным нами сведениям, происходило собрание монархистов. Не дойдя до улицы Пески, мы увидели «патриотическую манифестацию», которая двигалась через Туляковский мост. Во главе манифестации шли попы с крестами и кадилами, над ними развевались церковные хоругви и несколько больших трёхцветных флагов. Несли иконы и портрет Николая II. В петлицах у всех манифестантов виднелись белые бантики. Попы пели «Спаси, господи, люди твоя», а остальная толпа орала на все лады «ура» и «Боже, царя храни».

Манифестация, пройдя мост, повернула на Георгиевскую улицу и двинулась по направлению к управе. Мы повернули туда же, чтобы узнать, что эта черносотенная банда будет делать. На Георгиевской улице группа товарищей сообщила нам, что на площади избивают депутатов, евреев и забастовщиков; бьют и тех, кого подозревают в сочувствии к забастовщикам, и тех, кто не имеет белых ленточек в петлицах. Товарищи настоятельно предложили нам вернуться обратно.

С площади в это время доносился дикий вой, стоны избиваемых. Мы повернули обратно на Голодаиху (рабочий квартал, где я тогда жил). Хозяйка квартиры встретила меня известием, что ищут депутатов и, когда находят, то избивают не только их самих, но и хозяев квартиры. Дрожая от страха, она просила, чтобы я ушёл и не возвращался, пока всё не успокоится. Я отправился на одну из главных улиц этой части города — Новодмитриевскую. Здесь тоже орудовали черносотенцы. Они громили квартиры и избивали всех, казавшихся им подозрительными.

И происходило всё это под охраной казаков, с благословения «духовных» и при участии полицейских властей.

Положение было серьёзное. Этот погром застал нас врасплох, мы не были к нему подготовлены и не могли оказать необходимого сопротивления черносотенцам. Многие из нас даже не знали, где находятся руководители нашей организации. Я и некоторые другие товарищи только позднее узнали, что в наиболее острый момент погрома они находились на «Сахалине» — одном из пригородов Иваново-Вознесенска. Я решил с одним из товарищей отправиться в деревню Дьяково, где тогда было несколько человек, входивших в социал-демократическую организацию. Раньше мы нередко ходили туда по праздникам. Там мы встретили всего лишь двух-трёх наших товарищей, но и они не знали, где находятся остальные. Известно было только, что в городе происходит погром.

В Дьякове мы переночевали и утром 24 октября снова отправились в город, чтобы выяснить, как там обстоит дела. По пути мы встретили нескольких крестьян, шедших из города. Они сообщили очень тревожные вести о продолжающихся погромах. Помню, один из них в ответ на наши вопросы с нескрываемым злорадством говорил, что теперь, мол, всех забастовщиков и депутатов перебьют и переловят. «Наконец-то,— говорил он,— взялись за них как следует! Давно бы так нужно было!» Ясно было, что это кулак, сочувствующий черносотенцам.

Чем ближе мы подходили к городу, тем более тревожные вести слышали от встречных. Вот уже показался город. Шум и гул доносились оттуда. Не доходя до первых окраинных улиц, мы повернули вправо и через ярмарку двинулись в пригород Глинищево, к жившему там т. Сычу, которого и застали дома. Он сообщил, что погром в городе продолжается, что громилы ходят по квартирам и разыскивают депутатов и забастовщиков. Наши были, кажется, во-время предупреждены, и, по его сведениям, больших жертв нет. Он сказал, что адрес его мало кому известен, и предложил нам остаться. Мы просидели у т. Сыча до вечера, но, когда стемнело, всё же пошли в город, на свои квартиры.

Были уже густые сумерки, когда я пробирался через окраины города на свою Голодаиху. Шум в городе несколько утих, но временами ещё слышались крики и рёв погромщиков. На Новодмитриевской улице, у одной из

казёнок (винных лавок), я наткнулся на большую толпу. В центре её какой-то тип пьяным, осипшим голосом во всю глотку ругал евреев, депутатов и забастовщиков. Окружающая его пьяная толпа бессмысленно галдела на все лады. На других улицах были такие же толпы, но мне удалось пройти благополучно.

Хозяйка квартиры рассказывала, что за мной вечером и ночью приходили погромщики и требовали, чтобы она сказала, где я, угрожая в противном случае с ней расправиться. Она опять просила меня как можно скорее уйти. Но идти было некуда, и, несмотря на её просьбы, мне пришлось остаться ночевать на квартире. В случае нападения я решил заципаться, чем попало, но живым в руки не даваться. Однако ночь прошла спокойно, за мной больше не приходили. Хозяйка до утра ожидала «гостей» и не спала, чтобы предупредить меня в случае опасности. Утром 25-го в городе уже было сравнительно тише, погром продолжался только в отдельных местах. Я решил отправиться в свою деревню.

В деревне ходили самые фантастические слухи о событиях в городе. Говорили, что в городе ловят «политиков», отпускают только тех, на ком есть крест, а не имеющих креста убивают, и за это не судят. Уверяли, что в городе убивают каких-то «поликарпов» за то, что они снимали с себя кресты. А что за люди «поликарпы» и «политики», зачем они сняли с себя кресты, кто их ловит и убивает, — этого никто не понимал.

Когда я рассказал крестьянам правду о городских беспорядках, многие начали соглашаться: «Да, да, это ты правильно говоришь!» Другие слушали и молчали, и видно было, что они либо не понимали меня, либо не верили. Да и те, что соглашались и поддакивали, как только расходились, снова принимались распространять нелепые слухи и сплетни. Темна и невежественна была тогда наша деревня!

Некоторые крестьяне болтали всякую чушь о «политиках» и депутатах без озлобления против них. Кривотолпки вызваны были темнотой, неграмотностью. Да откуда было и взяться озлоблению, когда во всей деревне из 18 дворов не было ни одного сколько-нибудь зажиточного хозяйства. Подавляющее большинство были бедняками, не имевшими возможности прожить без заработка на стороне, и почти из каждого дома кто-нибудь, а иногда и несколько человек постоянно работали на фабриках. Поэтому

сознание у крестьян было полупролетарским; они чувствовали, что «политики», «депутаты-забастовщики» по меньшей мере им не враги. Кроме того, здесь ещё не появлялись заезжие «агитаторы» — мастера погромных дел, которые, пользуясь темнотой крестьян, могли бы сбить их с толку.

Деревня наша представляла тогда вполне надёжное место, и мы с одним товарищем спокойно отсиживались там около недели, пока не миновал острый момент.

Когда пришли успокоительные сведения из города, мы немедленно отправились туда, и я, наконец, подробно узнал о событиях, происшедших за время моего отсутствия. Погром был заранее организован при участии властей и духовенства. В числе руководителей погромщиков были: торговец мясом С. Мужжавлев, известный вор и конокрад Григорий Шахнин, священник Крестовоздвиженской церкви Александр, член городской думы А. Селивановский и ещё ряд торговцев и попов.

Духовенство «воодушевляло» погромщиков и принимало самое активное участие во всех «патриотических» манифестациях. Попы служили молебны о «даровании победы государю-императору над внутренним врагом», произносили в церквях и на собраниях погромные речи. Рядовая «шпана» вербовалась из ломовых извозчиков, лавочников, всякого рода босяцкого отребья, воров и жуликов; среди них было очень незначительное число самых отсталых и невежественных рабочих да часть наиболее материально обеспеченных мастеровых и фабричной администрации.

Организовалась вся эта черносотенная банда, как я уже говорил, с благословения и при энергичной поддержке полиции и духовенства, получивших директивы свыше, по заранее выработанному плану. Громилы были уверены в полной своей безнаказанности и, не встречая никакого сопротивления с нашей стороны, проявляли большую решительность. Они дошли до такой наглости, что решили остановить фабрики и заводы.

Для массы рабочих погром явился полной неожиданностью. Когда толпы погромщиков начали врывать на фабрики и заводы, рабочие в первое время растерялись и не смогли оказать погромщикам почти никакого сопротивления, тем более, что последних почти везде сопровождали отряды казаков. Большинство фабрик и заводов

было остановлено, многих членов социал-демократической организации черносотенцы зверски избили. Так, например, на ситцепечатной фабрике Грязнова избили двух товарищей. Одного из них ударил обухом провокатор В. Делюсин ¹, по кличке Окаянный, пролезший в социал-демократическую организацию. Он был одним из руководителей погрома.

Избивали передовых рабочих и на некоторых других предприятиях.

Небезинтересная история произошла с т. Казуевым ². Он жил в Боголюбовской слободке, бывшей, кстати сказать, одним из главных мест наших конспиративных собраний и явочных квартир. Полиция давно знала его как одного из активнейших революционеров. Понятно, что погромщики одной из своих жертв наметили и т. Казуева.

Днём 23 или 24 октября, т. е. в самый острый момент погрома, большая толпа под охраной казаков двинулась в Боголюбовскую слободку. Лавочка отца Казуева в этот момент была открыта, и Казуев-отец находился в ней. Приближающихся погромщиков он заметил ещё издалека, сразу понял, что они идут к нему, и решил в случае нападения защищаться.

Когда погромщики подошли к лавочке на расстояние нескольких сот шагов, он, засучив рукава, вышел на крыльцо и закричал им:

— Ну-ну, подходите! Посмотрим, чья возьмёт! Будем защищаться всем, что у нас имеется! Всё пустим в ход: и ружья и бомбы... Подходите!

Из всех соседних домишек высыпали жители и собрались любопытными группами. Заметив это, Казуев закричал им:

— Эй, соседи, уходите, уходите скорей! Иначе могут быть невинные жертвы!

Услышав эти крики и видя решительность Казуева, погромщики остановились в замешательстве, а потом стали удирать. Казаки оказались похрабрее. Они поехали вперёд, и начальник отряда крикнул Казуеву, что погрома он не допустит, а только произведёт у него обыск. Казуев

¹ Расстрелян при советской власти. — Ф. С.

² Казуев был членом партии и членом боевой дружины. Он жил в доме своего отца, имевшего маленькую бакалейную лавочку. (Повешен во Владимирской тюрьме за вооружённое сопротивление при аресте.) — Ф. С.

милостиво разрешил обыск, но заявил, что если начнут громить, то он будет защищаться «до последней капли крови».

После этого казаки вошли вместе с Казуевым в лавочку и потребовали, чтобы он указал, где находятся бомбы. Он ответил, что бомб у него нет.

— Как нет? Ты ведь сейчас кричал, что будешь бросать бомбы? — заорал начальник отряда.

— Да так и нет, — ответил Казуев, — если не верите, то ищите.

Казаки обыскали весь дом, но не нашли не только бомб, но вообще ничего запрещённого. Ограничившись составлением протокола, они вынуждены были уехать ни с чем.

В местечке Хуторово толпа погромщиков напала на группу товарищей. Некоторым из них удалось скрыться, а двое — В. Морозов и Красильщиков — были окружены. Безоружный Красильщиков был убит. Морозов имел браунинг и обладал большой физической силой. Он вырвался из рук погромщиков и долго бежал, отстреливаясь. Одно из наиболее ретивых преследователей, владельца мучной и бакалейной лавки Кирсанова, он убил наповал. После этого в толпе бандитов произошло замешательство, и Морозову удалось бы скрыться, но он расстрелял все патроны, и черносотенцы, не слыша выстрелов, кинулись его догонять, быстро настигли и стали зверски бить всем, что попало под руки. Окровавленного и потерявшего сознание Морозова полиция отправила сначала в тюрьму (там его опять били), а потом в больницу чернорабочих. Несмотря на то, что он был в бессознательном состоянии, во время переезда в больницу полицейские продолжали его избивать. Очевидцами этого зверства были некоторые служащие больницы. На больничную койку Морозов был положен в ужасном виде, сплошь покрытый ранами, почти без признаков жизни.

Однако необыкновенное здоровье и молодость взяли своё. Морозов не умер, как ни тяжело были увечья, нанесённые ему погромщиками и полицейскими. По выздоровлении он был осуждён на каторгу, где и пробыл до революции 1917 г. С каторги он два раза пытался бежать.

22 октября толпа погромщиков пыталась ворваться в больницу, чтобы добить тех рабочих и депутатов, которые полуживыми были привезены туда. Больничная администрация разбежалась, остались только двое — врач и фельдшер. Они распорядились закрыть все ворота и за-

держали толпу погромщиков уговорами. Между тем в больнице поднялась паника. Некоторые больные бежали, другие бросались из окон... Через некоторое время прибыла полиция и оттеснила толпу.

Во время погрома черносотенцы убили нескольких видных партийцев, многие были сильно избиты; погромщики избивали людей и не связанных с революционным рабочим движением.

Уже после того, как погром стал затихать, 16 ноября, на станции железной дороги убили молодую партийную работницу Генкину, незадолго перед тем освобождённую из Нижегородской тюрьмы. Это была преданнейшая партии революционерка, совсем ещё молодая девушка — ей не было и двадцати лет. Она приехала в Иваново-Вознесенск из Петербурга с серьёзным партийным поручением — привезла револьверы.

На станции Иваново Генкина была выслежена шпионами и жандармами, натравившими на неё толпу погромщиков. Негодяи зверски убили её.

Корреспонденция в № 24 «Новой жизни» об этом рассказывает следующее:

«Избиение было самое зверское. Женщина с вокзала была доставлена уже мёртвой, изуродованной до неузнаваемости, в чернорабочую больницу.

У покойной вся голова и лицо в глубоких ранах, нанесённых ей, видно, крючками и железными палками ломовых извозчиков. Я насчитал их до пятнадцати...

О покойной пока установлено только, что она Ольга Михайловна Генкина. Передают, что ехала она из Петербурга и что при ней было много денег, но неизвестно, с какими целями и к кому она ехала...

Одновременно с ней сделался жертвой черносотенцев мужчина, доставленный с слабыми признаками жизни в больницу, который назвал себя Семёном Кривым. Он до сих пор не приходит в сознание и едва ли оправится. Очевидцы передают, что избиение на вокзале происходило при полном бездействии полиции и жандармов. Энергичное же содействие переодетой полиции несомненно. Теперь на вокзале разгуливают казаки и вооружённые железными палками черносотенцы, — вероятно, для «охраны». Жизнь приезжающих буквально в опасности. Трудно себе представить даже военное положение с более жестоким режимом и полицейским произволом.

Своеобразная резко классовая группировка местного населения содействует этому как нельзя лучше. С одной стороны, полное единение крупных фабрикантов с охранителями, «жёлтыми» казаками и чёрной сотней, являющейся в их руках орудием противодействия социал-демократической организации, а на другом полюсе — десятки тысяч рабочих, рабов капитала, ютящихся в загородных лачужках. «Общества» интеллигенции или других промежуточных слоёв здесь нет — стесняться, значит, некого.

Спустя несколько дней после этого печального события т. Григория (Мандельштама), арестованного полицией, вывели под конвоем казаков на базарную площадь. Долгое время его водили по мясным рядам с криками:

— Вот, мясники, смотрите: это руководитель забастовщиков, революционер, не признающий царя, призывающий рабочих к беспорядкам!

Мясники были в большинстве ярые погромщики и черносотенцы. Но на этот раз провокация успеха не имела; мясники, видимо, уже в достаточной степени «отвели душу» в первые дни погрома, в котором они активно участвовали. Может быть, поэтому, несмотря на все старания охранников, они не пошли на новое преступление.

Тогда же произошёл следующий случай с М. В. Фрунзе. Он отправился в лес на конспиративное собрание. Проходя через Витовский бор, близ фабрики Витовых, он был задержан отрядом казаков. При обыске у него нашли оружие, и это привело казаков в неопишемую ярость; казаки тут же начали его избивать нагайками, а потом привязали к седлу и заставили всю дорогу до тюрьмы бежать за лошадью. В тюрьме надзиратели избили его ещё сильнее и только после этого, вконец измученного, израненного и окровавленного, заперли в камеру. Затем Фрунзе выслали в Казань, откуда он в тот же день бежал.

* * *

На другой день после возвращения из деревни мы с товарищем Ф. В. Колесниковым¹ явились к директору фабрики инженеру-технологу Н. И. Волохову. Поздоровавшись, я сказал, что мы явились на работу. Окинув нас

¹ Ныне живёт в Иванове, старый большевик-пенсионер.

пренебрежительным взглядом и не отвечая на наше «здравствуйте», он ответил, что мы должны были явиться во-время, а теперь он принять нас не может. Я заметил, что он, очевидно, знает, почему мы не могли явиться раньше.

— Вы обязаны были явиться, остальное меня не касается, — грубо ответил он.

Это меня вывело из равновесия. Теряя «приличный» тон, я задал ему вопрос:

— А скажите, пожалуйста, почему вы во время стачки внезапно куда-то исчезли, и мы, депутаты, желавшие говорить с вами от имени бастующих, не могли вас найти? Появились вы только тогда, когда прошёл острый момент озлобления рабочих.

Мой вопрос возымел магическое действие. Директор быстро вскочил с места и закричал:

— Ну, ладно, будет! Довольно! Ступайте на свои места и принимайтесь за работу!

Моё появление на фабрике было встречено рабочими с удовлетворением, многие открыто и громко радовались, видя меня целым и невредимым. На фабрику вернулись также С. Балашов, А. Тарасов и многие другие товарищи.

За время нашего отсутствия погромщики кое-кого на фабрике избили, а одного рабочего в новом ткацком корпусе сбросили с лестницы второго этажа. К счастью, он отделался лишь небольшими ушибами.

Погром кончился, и настроение рабочих, упавшее было в дни погрома, снова поднялось. Их воля к борьбе не была сломлена.

* * *

Многие из старых иваново-вознесенских партийных работников вынуждены были из-за полицейских преследований оставить Иваново-Вознесенск. Е. Дунаев — популярнейший во всём районе вожак рабочих, руководитель всеобщей стачки, также покинул город и по распоряжению наших партийных органов выехал в Москву. Позднее он работал в Нижнем-Новгороде и в других местах.

Первое время после погрома члены партийной организации были несколько растеряны. Но вскоре мы оправились, и работа организации быстро наладилась. Часто происходили городские конференции в Боголюбовской

слободке, у т. Калашникова¹ — Отца, как мы назвали его после погрома, в память убитого Ф. Афанасьева.

Вскоре после погрома мы получили из центра оружие. Основная ещё во время летней стачки боевая дружина нашей организации выросла в большую, внушительную и не плохо вооружённую силу. Во главе её стояли тогда тт. Уткин (Станко)², Уралец и Костя (фамилий их не помню). Это были хорошие, честные товарищи, преданные делу партии.

Всех дружинников тогда насчитывалось около сотни. Дружина делилась на десятки, во главе каждого из них стоял начальник, подчинявшийся руководящему штабу. На обязанности дружины лежала охрана митингов, мас-совок и летучек от нападения казаков и черносотенцев. Боевая дружина вместе со штабом подчинялась непосредственно городскому комитету.

В связи с подготовлявшимся в Москве вооружённым восстанием Ивановская парторганизация ставила вопрос об организации восстания и в Иваново-Вознесенске. Поэтому ивановским дружинникам вначале было запрещено ехать в Москву, но затем часть их во главе с товарищем Фрунзе и Станко поехала на помощь московским рабочим.

Фрунзе и Станко прибыли в Москву накануне восстания. Во время восстания Фрунзе командовал отрядом дружинников, действовавшим на Сухаревке против Спасских ворот.

Некоторые боевики первое время были настолько озлоблены против погромщиков, что не могли спокойно и дисциплинированно вести работу по директивам городского комитета РСДРП. Они не могли сдерживать свой гнев и подчас действовали на свой риск и страх. Например, т. Станко однажды произвёл несколько выстрелов в окна иваново-вознесенской казармы, где помещались «жёлтые» казаки. Казаки эти отличались особой свирепостью, под их охраной банды черносотенцев производили погром, под их же охраной толпа негодяев убила на Талке Отца — Ф. Афанасьева.

Эта стрельба произвела среди казаков и полиции большой переполох. Тов. Станко устраивал и другие нападения на полицейских, счастливо избегая ареста.

¹ Умер во Владимирском центральном.— Ф. С.

² Погиб в царской каторжной тюрьме.— Ф. С.

Когда в городе утихло, мы похоронили Ф. А. Афанасьева. Гроб с его телом хранился долгое время в надёжном месте. В день похорон он был принесён к лесной сторожке на берегу реки Талки. Это была та самая сторожка, близ которой летом 1905 г. в течение почти двух с половиной месяцев ежедневно собирались многотысячные митинги бастующих рабочих. Могила Отца была вырыта у того места, откуда 3 июня 1905 г. казаки во главе с полицмейстером Кожеловским стреляли в собрание бастующих рабочих. На похоронах присутствовало несколько десятков товарищей, на могиле говорились речи. Первым выступил С. Балашов. После речей спели наш революционный похоронный марш «Вы жертвою пали» и разошлись.

Через некоторое время полиция узнала местонахождение могилы Отца. Гроб с его телом полицейские вырыли и перенесли на Гарелинское кладбище.

После погрома фабрично-заводская администрация, шпики и провокаторы подняли голову и вели себя вызывающе. Главари погрома создали в городе черносотенную «самодержавно-монархическую партию», руководимую несколькими попами и крупными торговцами. В эту «партию» входила всякая рвань и шпана из подонков тогдашнего «общества», казаки, полицейские, шпики, кое-кто из фабрично-заводской администрации.

Эта черносотенная организация часто устраивала митинги на городской площади и шествия по городу с национальными флагами и портретом царя. Черносотенцы избивали прохожих, казавшихся им подозрительными, нападали на квартиры передовых рабочих, устраивали обыски.

Во время митингов черносотенцев все присутствовавшие на площади должны были снимать шапки и стоять с обнажёнными головами, иначе могли подвергнуться самой варварской расправе. Этому же черносотенцы требовали от всех проходящих по улицам города во время их манифестаций.

* * *

В декабре 1905 г. в лесу, за Талкой, было устроено собрание безработных. Для охраны этого собрания явилось несколько дружинников. Было спокойно и тихо, и ничто, казалось, не предвещало опасности. Но не успели ещё открыть собрания, как издали раздавался крик:

«Казак!» Собравшиеся, по словам участника, не сразу слышали предупреждение, и, пока они осматривались вокруг, со стороны леса показался отряд казаков. Казаки заехали в тыл собравшимся и подошли так близко, что бежать было уже поздно. Раздалась стрельба из винтовок — это казаки стреляли по бросившимся в разные стороны рабочим. Один из дружинников, Костя, засел между деревьями и стал отстреливаться из револьвера. Другой товарищ, недавно вернувшийся из ссылки, Кирякин, одетый в тяжёлую шубу и большие валенки, бежать не мог и, видя неизбежность ареста, пошёл прямо к казакам. Но не успел он перейти через реку, как был тяжело ранен казачьей пулей и упал. Остальные разбежались. Отстреливавшегося Косте также удалось скрыться. Кирякин, доставленный в больницу, скоро скончался от полученной раны.

Расправа казаков с безработными вызвала среди рабочих ещё большее озлобление.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКАЯ ОКРУЖНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. ПЕРВЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЯЧЕЙКИ. КАМПАНИЯ БОЙКОТА I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. БЕЗРАБОТИЦА

Социал-демократические организации во всех промышленных пунктах Иваново-Вознесенского района выросли и окрепли в горячей стачечной и революционной борьбе летом 1905 г. Утверждённый в июле 1905 г. Центральным Комитетом партии Иваново-Вознесенский городской комитет социал-демократической организации уже не справлялся с руководством партийной работой во всём округе. Он с трудом обслуживал только одну городскую Иваново-Вознесенскую организацию.

На состоявшейся в Шуе в конце 1905 г. (в ноябре или декабре) окружной конференции было вынесено решение создать самостоятельную окружную социал-демократическую организацию, объединяющую Шуую, Кохму, Лежне-

во, Тейково, Горки Шорыгинские, Гаврилов посад, Родники и Середу. Для руководства этой организацией был создан окружной Иваново-Вознесенский комитет РСДРП, утверждённый вскоре Центральным Комитетом партии. Центр новой социал-демократической организации находился в Шуе.

Окружная организация ко второй половине 1906 г. усилилась и окрепла. В её рядах насчитывалось больше членов, чем в городской организации.

Обе эти организации — городская и окружная — каждая в отдельности повели усиленную партийную работу не только среди рабочих, но и среди крестьян. В нашем районе имелся большой процент крестьян-полупролетариев, работавших на фабриках и заводах, но ещё связанных с деревней. Много было и крестьянской бедноты, не работавшей на фабриках, но стоявшей на пути к пролетариату.

В конце лета 1906 г. создались первые чисто крестьянские социал-демократические ячейки в Васильевской волости Шуйского уезда и в Парской волости Юрьевецкого уезда. Обе организации имели свои подпольные типографии, выпускавшие немало листовок; они часто устраивали массовки и митинги, проводили кампанию бойкота I Государственной думы.

На основе решения Всероссийской партконференции¹ о бойкоте I Государственной думы городская организация повела усиленную устную и печатную агитацию за бойкот. Когда рабочие, окончив работу, выходили из фабричных коридоров, устраивались митинги-летучки.

На одной из таких летучек во дворе фабрики «Компани» какой-то черносотенец выступил и сказал, что в Думу нужно послать депутата, потому что «этого желает сам батюшка-царь». Но рабочим выбрать депутата не следует, потому что рабочие ничего в этом не понимают. Начальство знает это дело лучше нашего, и надо просить, чтобы оно назначило депутата по своему усмотрению. Отвечая ему, я разъяснил рабочим, что депутат не может быть назначенным, что это должность выборная. Когда я стал доказывать необходимость бойкота Государственной думы, полицейский надзиратель, стоявший в стороне у стены, быстро подошёл и со словами: «Слезай с бочки» схватил

¹ Первая конференция РСДРП; происходила в Таммерфорсе 12—17 декабря 1905 г.

меня за полу пальто и стащил на землю. У меня мелькнула мысль, что я арестован, но надзиратель, стащивший меня с «трибуны», отошёл на своё прежнее место. После этого инцидента никто больше не выступал, и я вместе с другими рабочими благополучно вышел за ворота фабрики.

«Либеральная» буржуазия из партии кадетов в то время вела усиленную кампанию за участие в выборах Государственной думы. Однажды в саду графа Шереметьева, в клубе приказчиков, кадетами было устроено предвыборное собрание, на котором должен был выступить специально приехавший для этой цели их лидер Пётр Струве — бывший «легальный марксист» и будущий министр белогвардейского правительства барона Врангеля.

Кадетские руководители собрания послали нашей социал-демократической организации большое количество билетов. К назначенному времени наши товарищи, настроенные против участия в Думе, явились в клуб. В помещении уже находилась кадетствующая публика, и, как полагалось, «для поддержания порядка» присутствовал полицейский надзиратель с городовыми.

Струве, выступивший первым, много говорил о достоинствах «представительного строя», о прекрасных качествах «просвещённого» парламентаризма. Его часто прерывали всевозможными репликами, криком и шумом.

После Струве под условным именем Алексеева выступил один из наших партийцев. Но его за «резкие выражения» с первых же слов остановил полицейский надзиратель. Мы громко запротестовали. Надзиратель начал угрожать закрытием собрания. Мы зашумели ещё сильнее. Струве взял слово и, стараясь успокоить собравшихся, между прочим, обронил словечко, что он «тоже был когда-то марксистом». В ответ на это послышалось:

— Зачем же ты убежал от нас? Или у буржуев-то теплее служить?

— Конечно, теплее. Вон какое у него брюшко выросло, что в длину, что в ширину — один размер!

Когда собравшиеся несколько успокоились, снова выступил Алексейев, но за «резкие выражения» его опять остановил надзиратель. Последовали новые, ещё более решительные и шумные крики протеста, и надзиратель громко объявил, что он закрывает собрание.

Таким образом, собрание было сорвано. По выходе из помещения нас встретили «жёлтые» казаки, стоявшие в

большом количестве вокруг здания театра. Дело обошлось, однако, без арестов.

После столь неудачного опыта кадеты не устраивали больше в этот период предвыборных собраний в нашем городе.

Кампания бойкота виттевской думы среди революционно настроенных широких рабочих масс имела большой успех. Но бойкот, проведённый после поражения декабрьского восстания, не мог сорвать эту Думу, хотя значительно подорвал авторитет Думы и ослабил веру в неё у части населения. Поэтому бойкот I Думы в 1906 г. оказался неудачным.

Борьба рабочих продолжалась, но это был ряд отдельных разрозненных восстаний, стачек рабочих. На этот раз победителем был царь, и царские опричники — полицейские и казаки нагнали с каждым днём. Чтобы не допустить устройства митингов-летучек при выходе рабочих с фабрик и заводов, у фабричных ворот часто появлялись отряды казаков. К этому же времени для охраны летучек и для охраны от арестов выступавших на них товарищей являлось и несколько наших дружинников.

Однажды зимой 1905/06 г. (в декабре или январе — точно не помню), когда одна смена кончала, а другая начинала работу, к воротам фабрики Бакулина подъехали и стали в боевом порядке казаки. Около ворот уже стояло в разных местах несколько наших дружинников. Какому-то казаку показался подозрительным один дружинник. Подъехав к нему, казак потребовал, чтобы тот показал документы. Дело дружинника могло кончиться скверно: он был с оружием и нужных документов, конечно, не имел; ему, несомненно, угрожал арест с очень тяжёлыми последствиями. Но в этот момент раздался револьверный выстрел, за ним другой, третий — и пошла стрельба. Убитый наповал казак упал с лошади, остальные, припширив лошадей, в панике ускакали от ворот.

Кто из дружинников убил казака — тот ли, к которому опричник придрался с требованием документов, или другой, точно не помню, но так или иначе выстрел этот дал возможность всем дружинникам своевременно скрыться. Через некоторое время казаки, уже вооружённые винтовками и в большом количестве, снова вернулись на место происшествия, но никого из «виновных» и вообще из наших товарищей не нашли. Тогда казаки арестовали «по подо-

зрению» несколько совершенно не причастных к делу лиц. Вскоре арестованные были освобождены, а «виновных» так и не удалось обнаружить.

Весной 1906 г. меня вместе со многими другими товарищами, бывшими членами Совета рабочих депутатов (человек десять), уволили с фабрики. Мне пришлось «погулять» без работы довольно долго, так как, куда бы я ни приходил наниматься на работу, всюду мне отказывали, как только узнавали, кто я и где работал. Между тем моё материальное положение стало критическим. Родные из деревни помочь не могли, так как сами нуждались в поддержке. Потеряв надежду отыскать работу в Иваново-Вознесенске, я вместе с другими уволенными с разных фабрик за забастовку подумывал уже уехать в другой город. В это время на фабрике Грязнова (большая ситцепечатная мануфактура) объявили о наборе второй смены рабочих, и я решил сделать последнюю попытку остаться в Иваново-Вознесенске. Когда я пришёл к воротам фабрики, там уже стояла громадная толпа безработных. Люди стояли такой плотной стеной, что пробраться к калитке, где должен был начаться набор, было невозможно. До начала набора оставалось ещё несколько часов, а толпа уже давно теснилась у ворот фабрики в ожидании выхода управляющего. Каждый всеми силами старался пройти вперёд, поближе к желанной калитке. Давка была невообразимая. Попытки отдельных товарищей установить что-нибудь вроде очереди ни к чему не приводили: большинство не шло ни на какие уговоры и убеждения, каждый, нажимая на соседей, старался пробраться вперёд.

Я с некоторыми другими товарищами влился в толпу и стал ждать. Так прошёл час, другой. Солнце уже высоко поднялось на безоблачном небе и сильно жгло голову. Было жарко. Лица людей обильно покрылись потом, было трудно дышать, кружилась голова.

Но вот скрипнула и открылась калитка. Все моментально с силой устремились к ней. Несколько человек, стоявших впереди, так крепко застряли в калитке, что некоторое время не могли ни попасть во двор, ни выбраться обратно. Когда «пробку вышибли», началось нечто совершенно неописуемое: послышались стоны, крики и ругательства людей, сдавленных живыми тисками. Многие, кто половчей, буквально пошли по плечам толпы и первыми попали к калитке.

Между тем за калиткой, в маленьком коридорчике, управляющий фабрикой уже производил набор. Он учинял каждому допрос, и поэтому приём подвигался медленно. Толпа неистовствовала.

Набор продолжался уже довольно долго, а число людей, жаждущих работы, всё увеличивалось. Мои бока были изрядно помяты, а калитка всё ещё была далеко. Но вот и я около калитки. Открываю её и, войдя в узкий коридорчик, останавливаюсь перед управляющим фабрикой, человеком средних лет, высоким, широкоплечим, с небольшой чёрной бородой. Он устремляет на меня острый, пристальный взгляд.

— Где работал раньше?

— У «Компании», — отвечаю я и жду, что он скажет тоже, что мне говорили везде: «Взять не могу». Но слышу дальше:

— Когда и почему уволился?

— С пасхи, вместе со всеми рабочими (в то время на пасху на всех фабриках и заводах рассчитывали рабочих, а после пасхи вновь набирали); потом работал с отцом в лесу, пилил брёвна, опоздал на несколько дней на фабрику, и место моё уже было занято, — отчеканиваю я, не моргнув глазом.

Он некоторое время молчит, потом спрашивает, что я могу делать, и, взяв мой паспорт, отмечает на нём: «В служебную палатку». Затем бросает мне: «Идите во двор», и зовёт следующего.

Во дворе уже находилось несколько десятков рабочих, принятых на работу. Я присоединился к ним. Наконец, пришёл табельщик и направил нас по назначению, каждого в своё отделение. Так я поступил снова на работу и остался в Иваново-Вознесенске.

Фабрика Грязнова, на которую я поступил, считалась до октябрьского погрома и царского манифеста о свободах «передовой», а её владельцы слыли либералами. Теперь же, в мае 1906 г., было не то. «Либерализм» владельцев фабрики сильно выцвел, полинял, и отношение к рабочим со стороны фабричной администрации стало более строгим, а порой и прямо беспощадным. Всякие «языки» — шпики, усердные доносчики и подхалимы, члены иваново-вознесенской чёрной сотни пользовались у администрации покровительством и привилегиями. Такой «шпаны» на фабрике было немало, и она ревностно проявляла своё усердие.

Произошло немало всяческих изменений во внутренней жизни фабрики. Так, например, из имевшейся при фабрике библиотеки изъяли не только революционные (были даже и такие до погрома), но и все более или менее либерально-прогрессивные книги.

По доносам черносотенцев увольнялось немало членов партийной организации и сочувствующих беспартийных. Нашим партийным товарищам приходилось вести себя очень осторожно и долгое время всячески скрывать свои убеждения. Но и черносотенцы действовали осторожно и не столько из соображений тактических, сколько из-за трусости. Несмотря на то, что обстановка им благоприятствовала, они всё же боялись нас.

В суровой палатке, куда я поступил на работу, насчитывалось несколько десятков рабочих-браковщиков, нашивальщиков, таскальщиков и др. Работа здесь была тяжёлая. Несмотря на вентиляцию, воздух сильно насыщался хлопчатобумажной пылью. Пыль вызывала непрекращающийся кашель и чихание.

Браковщики (человек семь) в этом отделении причислялись к категории квалифицированных. Их работа состояла в просмотре получаемого с ткацких фабрик сурового материала. Обнаружив брак, они посылали материал обратно на ткацкие фабрики. Браковщики получали высшую в этом отделении ставку — от 67 до 90 копеек в день, смотря по давности работы на фабрике. Все остальные считались чернорабочими и получали меньше.

Скоро я узнал, что старший браковщик Малков, он же и заведующий браковкой, и браковщик Гусев были отъявленными черносотенцами. Только один из браковщиков был вполне свой человек, сочувствующий партии. Остальные — рядовые беспартийные рабочие, в большинстве своём тоже сочувствовали революции. Но все вели себя очень осторожно и старались не проявлять открыто своих симпатий. Несмотря на то, что черносотенцев здесь работало мало, рабочие были терроризованы их доносами. Видя это, я первое время также старался вести себя осторожно и в присутствии Малкова и Гусева держался как беспартийный. Со всеми остальными я вёл себя более свободно, хотя вначале тоже был очень сдержан. Но «шила в мешке не утаишь» — рабочие меня быстро раскусили и начали обращаться ко мне, как к партийному, за разъяснением всяких вопросов. Вскоре я перестал скрывать от них свои

взгляды, продолжая всё же держаться настороже в отношении Малкова и Гусева. Но и они проведали о моей партийности, хотя и не подавали виду.

На фабриках и заводах Иваново-Вознесенска с незапамятных времён существовал обычай «магарыча». С этим вредным пережитком старины мы, социал-демократы, пытались бороться, но попытки эти в большинстве случаев успеха не имели, как и вообще борьба с выпивками (очень уж сильно укоренилась водка в тогдашней жизни рабочего); у громадного большинства рабочих в свободные от работы часы было тогда одно пристанище — кабак. Некоторые из товарищей видели в обычае «магарыча» даже положительные стороны: у рабочих, мол, нет возможности побеседовать «по душам», собрания запрещены, а на нелегальные массовки в лесу понадал лишь очень незначительный процент беспартийных. Здесь же, на «магарычах», бывали все, за исключением очень малого числа пьющих.

И вот на такой «магарыч» пришлось пойти и мне. Происходил он на лугу, у городского кладбища. Вместе с рабочими здесь присутствовали и черносотенцы Малков и Гусев и заведующий всем суровым отделением Федулыч. Все трое показали, что они «выпить не дураки». Они раньше других здорово опьянели, и языки у них развязались. Старший из них, Федулыч, подсел ко мне и начал такой разговор:

— Послушай, брат, что это ты дурачком-то прикидываешься, уж не думаешь ли нас провести?

— А что? — спрашиваю я, насторожившись.

— Да чего ты нам втираешь очки и разыгрываешь какую-то казанскую сироту, — я ведь вижу, что ты за птица. От «Компании» уволен за забастовку, я это хорошо знаю, и ты, брат, меня не проведёшь.

— Ну, так что же такое, — сказал я, начиная волноваться, — за забастовку, так за забастовку, вам-то какое дело?

— Как какое мне дело? — отвечает он, повышая голос. — Я старший над всем отделением и должен следить, чтобы в моём отделении забастовщиков не было.

— Ну так что же вы теперь со мной сделаете? — говорю я, повышая в свою очередь голос.

— А вот я тебя переведу в крахмальные барабаны ¹,

¹ Одна из самых грязных и плохо оплачиваемых работ.

а если что будет замечено, так тебя и совсем выпроводят за ворота.

Я уже дальше сдерживать себя не мог и раздражённо, повысив голос, сказал:

— Как! Вы пьёте моё вино, опиваете меня, да ещё и угрожаете со мной расправиться! А попробуйте это сделать!

— Ну и что ты мне сделаешь, если я попробую? — крикнул так же громко и он.

— А вот попробуйте привести свои угрозы в исполнение, тогда узнаете, — продолжаю я. — Вы думаете, я не могу вам отомстить? Сумею это сделать, очень даже сумею, и в ваши крахмальные барабаны я не пойду, а лучше уйду с фабрики, но тогда вам это даром не пройдёт, так и знайте.

В это время остальные участники «магарыча» притихли, кроме наших голосов ничего не было слышно. Все они окружили нас.

Федулыч был человек, от которого все они полностью зависели. Стоило ему только захотеть, и любой из них мог очутиться за воротами, в армии безработных. Поэтому никто не только никогда не вступал с ним ни в какие пререкания, но постоянно старался всячески его задобрить. И вдруг нашёлся храбрец, осмелившийся говорить ему прямо в глаза, что он его не боится. Все рабочие, повидимому, решили, что мне не сдобровать, и молча ждали конца нашего поединка. Браковщик, сочувствующий партии, осторожно делал мне руками и глазами какие-то знаки, которые я понимал как приглашение кончить спор. Он делал это из боязни за мою судьбу. Но я решил, что мне всё равно не сдобровать, и шёл на всё.

После моих последних слов Федулыч как-то сразу затих и некоторое время сидел молча, глядя на меня налившимися кровью глазами. Потом вдруг быстро подошел ко мне ближе и, хлопнув меня по плечу, «дружелюбным» тоном сказал:

— Ну ладно, ладно, чего ты так разошёлся, я ведь только пошутил. Зачем нам ссориться-то, мы ведь с тобой земляки.

— Все мы земляки, на одной земле живём, — ответил я.

— Нет, нет, я серьёзно, — продолжал он, — мы с тобой одной волости, моя деревня от твоей всего в четырёх верстах. — Он назвал свою деревню.

— Ну так что же, — отвечал я, — тем хуже: от таких «земляков», которые шпионят за нами и выбрасывают нашего брата с фабрик, избавь нас бог!

— Да ладно же, земляк, говорю тебе, что пошутил. Давай вот лучше выпьем и забудем всякие споры, чего нам делить-то, — заискивающе продолжал Федулыч.

— Что можно забыть, а что, бывает, и нельзя, — говорю я непримиримым тоном, а рабочие уже наливают водку.

Я прекратил спор, и «магарыч» закончился благополучно.

На другой день многие вышли на работу, как в таких случаях обычно бывает, с головной болью. Некоторые рабочие высказывали опасения, что мне после вчерашней истории с Федулычем не поздоровится, но на деле вышло обратное. Сразу видно стало, что Федулыч струсил. При встрече со мной он первый снял фуражку, здороваясь, как с «земляком», спросил, не обижаюсь ли я за вчерашнее, и снова уверял, что он только пошутил. С этого дня он всегда ещё издали снимал шапку и, здороваясь, с улыбочкой называл меня или «господин депутат», или «господин социал-демократ». Примеру Федулыча стали следовать и оба его сподручные — Малков и Гусев, всегда внешне выражая мне какое-то особое почтение.

После этой истории я стал вести себя свободнее. В присутствии всех рабочих отделения вступал с Малковым и Гусевым в большие споры по разным политическим вопросам, а в очень скором времени стал открыто руководить рабочими своего отделения.

В партийной ячейке нашей фабрики теперь уже не было старых руководителей, завоевавших популярность во время летней стачки 1905 г. Многие из них ушли с фабрики, вынужденные скрываться от преследований полиции, и в ячейку теперь входило немало вновь поступивших на фабрику товарищей. Кроме меня, в неё входили Трубочкин, Гандурин¹ и др.

Фабрика стояла на окраине города, у леса, и летом собрания ячейки устраивались в лесу. Там же нередко созывались районные и общегородские собрания и большие массовки. В этом лесу мы нередко хранили полученную для распространения нелегальную литературу. По вечерам оттуда зачастую доносилось на фабрику пение революционных песен.

¹ Старый большевик — персональный пенсионер, живёт в Москве.

При фабрике имелась столовая, которой рабочие были недовольны. Решили поставить перед администрацией вопрос об улучшении пищи. Представителем от сурового отделения для переговоров с администрацией рабочие выбрали меня. Когда мы, уполномоченные от всех отделений фабрики, собрались в прихожей директора и в ожидании его прихода стояли большой группой, рассуждая о предстоящих переговорах, сюда забегали под разными предлогами «мелкие сошки» из администрации, желая узнать, в чём дело. Заглянул и Федулыч. Увидев меня, он сразу изменился в лице и, как-то особенно волнуясь, быстро скрылся. Повидимому, он перетрусил, предполагая, что дело пахнет забастовкой, которой он очень боялся: он понимал, что в случае забастовки с ним либо расправятся сами рабочие, либо он лишится должности по требованию рабочих. Переговоры кончились успешно, мы достигли соглашения с администрацией.

После этого случая Федулыч и его единомышленники поняли, что имеют дело с одним из руководителей рабочих, за которого рабочие в случае надобности могут постоять. С этого момента моё положение на фабрике упрочилось. Настроение рабочих к тому времени уже значительно улучшилось, страх перед террором черносотенцев исчез. Члены городской черносотенной организации окончательно потеряли свой вес не только в глазах рабочих, но в значительной степени и у высшей администрации фабрики. Администрация, как и в прежние, предреволюционные времена, стала всячески заигрывать с рабочими, внешне проявляя свою «терпимость» по отношению к передовой, сознательной их части. На фабрику даже приняли обратно некоторых руководителей летней стачки 1905 г.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ БЕЗРАБОТНЫХ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ

С начала 1906 г. в Иваново-Вознесенском районе усилилась безработица, приняв большие размеры. Партийный комитет поручил члену партии Д. И. Шорохову организовать безработных. В конце мая или в начале июня Шороховым было созвано в лесу собрание группы безработных.

Избрали делегацию для посылки к полицмейстеру с требованием организовать общественные работы.

Когда делегаты от имени нескольких сот безработных предъявили свои требования, полицмейстер сначала кричал на них, угрожая арестом и высылкой, но в конце концов, видя, что его угрозы должного впечатления на делегатов не производят, пообещал снестись с городской управой и выяснить, чем она может помочь. После долгой волокиты требования безработных были удовлетворены: городская управа предложила завалить большой овраг на одной из улиц близ дома фабриканта Гандурина.

Сначала, согласно заключённому между безработными и городской управой договору, работало человек около 300, а потом даже около 400.

Работа шла всё лето вплоть до осени, и городской управе пришлось выплатить безработным порядочную сумму. Тогдашним «отцам города», т. е. фабрикантам и крупным торговцам, из которых состояла городская управа, это было очень не по нутру. Они неоднократно поднимали вопрос о прекращении работ, но работающие отказывались бросить работу, и городская управа вынуждена была платить им. Дело окончилось тем, что по распоряжению полицмейстера безработных разогнали казаки.

Весною того же года, спустя некоторое время после опубликования царским правительством так называемых «временных правил о профессиональных обществах и союзах» (4 марта 1906 г.), наша партийная организация пришла к выводу о необходимости создания профессиональных союзов.

Первое время партийцы относились к этому вопросу различно. Одни находили, что за организацию союзов следует взяться серьёзно и немедленно, другие смотрели на это дело иронически, не придавая вопросу серьёзного значения или относясь к нему прямо отрицательно на том основании, что у нас и так мало сил и их надо беречь для настоящей революционной работы, а не распылять. Но большинство стояло всё же за организацию союзов. Несколько товарищей-учредителей (К. Гандурин и др.) выработали, согласно упомянутым выше «временным правилам», устав «Профессионального общества рабочих ситцепечатных фабрик города Иваново-Вознесенска». В начале лета 1906 г. этот устав был подан на утверждение в существовавшее при губернаторе «губернское по делам об обществах

и союзах присутствии». Профессиональные организации рабочих не имели тогда права называться союзами: царское правительство боялось даже самих слов «союз рабочих». Поэтому профессиональные союзы и должны были называться «профессиональными обществами».

Несмотря на то, что устав общества выработывали в самом строгом соответствии с «правилами», губернское присутствие немало времени водило за нос учредителей, придираясь к отдельным пунктам устава.

Несколько раз устав присылался обратно для исправления. Волокита с утверждением устава тянулась около трёх месяцев. Наконец, в августе или сентябре устав был утверждён, и учредители приступили к непривычной легальной работе в профессиональном движении.

На первом организационном собрании выбрали правление союза, в которое вошли К. Гандурин, я и ряд других членов партии, и союз начал свою работу.

Сначала правление помещалось у так называемого Приказного моста, в убогой лачуге, без прихожей и даже без крыльца, с какой-то прямо наружу выходящей лестницей, по которой ходили с риском упасть и сломать себе шею.

В уставе говорилось, что цели союза состояли в защите правовых и экономических интересов своих членов, в содействии их умственному и профессиональному развитию и оказании им материальной помощи. В этих целях союз имел право приобретать движимое и недвижимое имущество, заключать всякого рода дозволенные законом сделки и договоры, открывать бюро для оказания юридической помощи членам союза, входить в соглашения с владельцами предприятий о нормировании заработной платы, рабочего дня и т. д. и т. д. и следить за выполнением их обеими сторонами, выдавать денежные пособия во время безработицы, болезни и в прочих случаях, создавать клубы, библиотеки, читальни, организовывать публичные лекции, читки, собеседования и т. д.

Вступительную плату вначале установили 50 коп. Потом, для того чтобы облегчить вступление в члены союза широким рабочим массам, снизили до 25 коп. Ежемесячный взнос определили в 2 процента с заработка, причём за время болезни и безработицы члены союза от денежных взносов освобождались. Для вступления в союз требовался возраст не ниже 17 лет и рекомендация трёх чле-

нов союза. Правление состояло из лиц, выбравшихся общим собранием членом союза в составе не менее трёх человек и стольких же кандидатов. Общее собрание созывалось не менее двух раз в год, в экстренных случаях — по требованию одной десятой части членом союза или секретаря союза. Для ревизии дел союза избиралась ревизионная комиссия в составе не менее трёх человек.

Рабочие приходили на собрания в таком большом количестве, что в помещении нехватало места, хотя здание городской мещанской управы на Негорелой улице вмещало несколько тысяч человек. Многим приходилось стоять у открытых дверей и окон.

К назначенному часу всегда являлся наряд городских во главе с каким-нибудь околоточным надзирателем или полицейским приставом для «контроля». Старший полицейский чин садился поближе к столу президиума, рядовые полицейские размещались у стен или по сторонам собравшихся, часть — около своего начальства. Затем председатель правления обращался к собранию с предложением избрать из среды собравшихся председателя¹.

Выбирали всегда кого-нибудь из партийных товарищей, который открывал собрание и предоставлял слово желающим говорить. Произносились горячие агитационные речи о необходимости организации рабочих для борьбы с капиталом. Ораторы касались всех сторон жизни рабочего, сравнивали положение российского пролетариата с положением пролетариата других стран, где у него были общественные организации. Рассказывали об организованной борьбе рабочих со своими хозяевами-капиталистами, призывали следовать этим примерам, создавать пролетарские организации для борьбы за своё освобождение и т. д.

В России до революции 1905 г. рабочие были совершенно бесправны: политические, профессиональные и какие-либо другие организации царскими законами не разрешались. На этих вопросах всегда останавливались наши агитаторы.

Несмотря на присутствие на общих собраниях представителей полиции, партийные работники до конца использовали легальные возможности, вели усиленную револю-

¹ По уставу члены правления председательствовать на таких собраниях не имели права.

ционную пропаганду. Профессиональные союзы широко использовались партийной организацией в целях политического, революционного воспитания масс.

Разумеется, в присутствии представителя полиции нашим агитаторам приходилось держаться так называемых «законных» рамок, чтобы полицейский контроль не придирался и не мешал вести собрание. Но всё же полиция часто придиралась к какой-нибудь, по её мнению, «незаконной» фразе и требовала от председателя немедленно лишить слова оратора, угрожая в противном случае закрыть собрание.

Виднейшими агитаторами на таких собраниях были два члена правления союза: К. Гандурин и В. Иванов. Особенно большим успехом пользовались выступления Гандурина. Рабочий-металлист, тогда ещё молодой член нашей партии, Гандурин быстро выдвинулся своими блестящими способностями агитатора и руководителя как в партийной организации, так и в нашем союзе. Его называли «союзным генералом». Он был хорошо марксистски подкован. Сам рабочий, он отлично знал психологию и язык рабочей массы и в своих речах умело подходил ко всем наиболее важным вопросам жизни рабочего. Его речи производили на слушателей огромное впечатление. Во время его выступлений всегда бывала полнейшая тишина. Шумными аплодисментами собравшиеся встречали его появление на трибуне и провожали по окончании речи.

На следующий день после собрания отчёты о его выступлениях печатались в местной газете «Ивановский вестник».

Общие агитационные собрания, на которые благодаря талантливым агитаторам всегда являлось большое количество рабочих; имели очень важное значение для союза. Число членов союза быстро возрастало. Союз приобретал всё большую и большую популярность в рабочих массах. Через несколько месяцев после организации союз ситцепечатников насчитывал тысячи членов, в кассе его накопилась порядочная сумма денег, и правление переехало в другое, более удобное помещение на той же улице, у Покровской церкви, в дом Бобковых.

К этому времени организовались ещё два союза: ткачей и прядильщиков и торгово-промышленных служащих. Они также поместились в этом доме. Квартира состояла из четырёх комнат средней величины; три из этих комнат были

заняты правлениями союзов, а четвёртую занимал сторож.

Таким образом, союзы, организованные и существовавшие каждый самостоятельно, были объединены территориально. Это обстоятельство помогло им выработать единую программу работы, облегчило постоянную связь с партийными органами и обеспечило наибольшую возможность использовать союзы в интересах партии. Правления союзов ткачей и ситцепечатников были почти поголовно большевистскими; в правление союза торгово-промышленных служащих тоже входило много партийных товарищей. По составу правлений союзов можно было считать организациями, всецело находившимися под непосредственным влиянием и руководством социал-демократической партии. Партия полностью использовала их легальное положение, устраивала в помещениях союзов всевозможные собрания, совещания, явки и пр. Однако расположение квартиры у Приказного моста оказалось наруку и полиции. Территориальное объединение правлений союзов позволило охране установить надзор не только за союзами, но также и за партийной организацией, ибо связь между ними, конечно, была полиции совершенно ясна. По вечерам, а иногда и днём, идя в правление или выходя из него, нередко приходилось видеть на противоположной стороне улицы шпиков. Но и мы в свою очередь не дремали и, следя за шпиками, предупреждали друг друга о грозившей опасности.

В первое время полицейская слежка была не особенно строга и мало заметна. Но чем больше возрастало количество членов союза, чем заметнее профсоюзы росли и крепли, превращаясь в большую революционную силу, тем строже становился надзор за ними и учащались полицейские придирки на общих собраниях. В помещения правлений союзов стали заглядывать сначала отдельные полицейские чины по разным якобы делам, а потом уже начали являться целые наряды городских во главе с приставом или с полицмейстером в поисках нелегальных партийных работников.

Однажды, явившись с нарядом городских, полицмейстер, обращаясь к техническому секретарю нашего союза М. Кудрину, спросил:

— Что, к забастовке готовитесь? Подготавливаете почву для неё?

— Да, ведём агитацию за стачку, но вот рабочие что-то мало поддаются, трудно их раскачать, господин полицмейстер, — шутя ответил ему Кудрин.

— Ага! Так, так! — закричал в ответ полицмейстер, топая ногами. — Ну, попробуйте, попробуйте, забастуйте. Тогда будут арестованы все до одного, а вы первый.

В один из нерабочих дней несколько членов правления союза ситцешечатников сидели за столом в нашем помещении и о чём-то беседовали между собой. Вдруг открывается дверь, и на пороге её появляется полицмейстер, маленький человечек, в сапогах с невероятно высокими каблуками, вооружённый револьвером и пашкой. Сделав по направлению к нам несколько шагов, он остановился посередине комнаты и сказал:

— Здравствуйте, господа!

— Здравствуйте, — ответили мы, спокойно сидя на своих местах.

— Что, делами занимаетесь? — продолжал он, стоя перед нами.

— Да, занимаемся, — снова ответили мы.

— Что же вы работаете так много? Сегодня праздник и хороший день, надо бы отдохнуть и погулять, а вы всё работаете да работаете. Вам жалованье что ли платят в союзе-то вашем или уж вы просто из любви к искусству занимаетесь здесь?

— Из любви к искусству, — отвечаем мы в том же тоне.

Полицмейстер оказался в дурацком положении: мы, простые фабричные рабочие, сидели за столом, а он, глава полиции, стоял перед нами и задавал нам никчёмные вопросы. Он, очевидно, ожидал, что мы пригласим его сесть, а мы, кратко, небрежно, с иронией отвечая на вопросы и насмешливо глядя ему в лицо, и не думали применить «обычай гостеприимства». Он понял наши мысли и вдруг заговорил в повышенном тоне:

— Вы чего же так на меня смотрите, или мой полицейский мундир не нравится? Подождите, господа, скоро это время пройдёт. Пройдёт, пройдёт это время, когда смотрят с таким презрением на полицию. Скоро она заставит себя уважать. Это время, господа, наступит скоро, очень скоро!

Мы ничего не ответили, а он повернулся и быстро вышел из комнаты. Когда дверь за ним закрылась, все рас-

смесялись. Зачем приходил к нам полицмейстер, мы так и не узнали. Предполагали, что он просто шёл мимо и решил по пути заглянуть к нам в надежде встретить кого-нибудь из «подозрительных», разыскиваемых полицией партийцев.

После этого полицмейстер больше не делал таких неожиданных визитов, но зато время от времени в помещении союза производились полицейские облавы.

Однажды полицейская облава застала в комнате союза ткачей совещание руководящей группы стачечного комитета, в котором участвовали О. А. Варенцова (Екатерина Николаевна), Бобровская (Ольга), Константин (партийная кличка, настоящей фамилии товарища сейчас уже не помню) и кто-то ещё.

Арестован был только Константин, а другим удалось ускользнуть. Бобровская прошла в соседнюю комнату, где помещался сторож, и на вопросы полиции, кто она, ответила, что она сторожиха, а Варенцовой удалось пробраться в нижний этаж, где жили её родственники или знакомые.

В другой раз, во время одной из полицейских облав, был арестован В. Иванов (Инквизитор), незадолго перед тем откуда-то приехавший.

Только на фабрике Грязнова администрация признала союз законным представителем рабочих и не отказывалась иметь с ним дело. Отношение к нам хозяев всех других фабрик и заводов вначале было безразличным. Лишь в отдельных случаях они серьёзно считались с союзом как с определённой реальной силой. Так, во время разбора одного конфликта на фабрике Бурылина фабричная администрация согласилась на посредничество нашего союза при переговорах. Помню, что в связи с этим владелец фабрики даже прислал свою лошадь за представителем правления нашего союза. Но это было ещё в то время, когда влияние революционного подъёма 1905 г. было сильно и с нами волей-неволей приходилось считаться не только буржуазии, но и властям. Позднее, когда наступило революционное затишье и власти, применяя всевозможные репрессии против рабочего движения, сильно «распоясались», осмелели и хозяева: их отношение к нашему союзу стало явно враждебное. Членов союза преследовали и даже увольняли с фабрик.

Союз имел библиотеку, в которой было довольно большое количество хорошо подобранной марксистской литературы — брошюр и журналов. Библиотекарь и его помощник, выделенные из членов или кандидатов правления,

раздавали эти книги членам союза. Время от времени союз устраивал публичные лекции на темы, близко затрагивающие интересы рабочих. Эти лекции всегда привлекали большое количество рабочих и, конечно, имели немалое воспитательное значение.

Сначала в наш союз входили все рабочие и мастеровые ситцепечатных фабрик нашего города без различия профессии. Через некоторое время из союза выделились кузнецы, слесари, токари и другие рабочие механических цехов и организовали свой самостоятельный союз металлистов Иваново-Вознесенска. Таким образом, в городе оказались четыре профессиональных союза.

Профессиональные союзы, несмотря на неблагоприятные условия работы в обстановке упадка революционного движения, росли и крепли. Но широко организованного стачечного движения в этот период в Иваново-Вознесенске не было, и члены союза не получили боевого крещения. Ограничиваясь лишь агитационно-просветительной деятельностью — легальными массовыми агитационными собраниями, лекциями, библиотечной работой и оказанием материальной помощи нуждающимся безработным членам, союзы копили силы для предполагавшейся в недалёком будущем большой схватки — областной стачки текстильщиков.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ СОЮЗ РСДРП.

АРЕСТ М. В. ФРУНЗЕ.

ВЫБОРЫ ВО II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ.

ОБЛАСТНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

В конце осени 1906 г. по инициативе Иваново-Вознесенского городского и окружного комитетов была созвана районная партийная конференция из представителей всех имевшихся тогда в районе социал-демократических организаций (Иваново-Вознесенска, Шуи, Кохмы, Лежнева, Южи, Тейкова, Гаврилова посада, Середы и Родников). Конференция решила объединить все организации района в одну под названием Иваново-Вознесенский союз РСДРП. Все

перечисленные выше местные организации вошли в союз как автономные единицы. Для идейно-политического руководства был избран из представителей этих организаций руководящий центр — Союзный совет, который должен был собираться раз в месяц. Для ведения текущей работы Союзный совет из своего состава выделил Исполнительное бюро в составе пяти человек.

Реорганизация произошла в момент наивысшего роста численного состава партийных организаций района. Общее количество членов, вошедших в новую районную социал-демократическую организацию, доходило тогда до 5 тысяч.

Реорганизация имела очень большое значение для объединения, сплочения и наиболее целесообразного использования партийных сил всех местных организаций. В союз вошла социал-демократическая организация крупного промышленного пункта Родники, которая находилась раньше в сфере костромских социал-демократических организаций, но тяготела к Иваново-Вознесенску и всё время поддерживала с ним связь.

В Союзный совет входили 25—30 человек: М. В. Фрунзе, О. А. Варенцова, И. И. Коротков, В. Голубев, К. Гандурин, Лукичёв и др.

В Исполнительное бюро Союзного совета входили Фрунзе, Варенцова, Бобровская и др.

После реорганизации партийная работа пошла ещё интенсивнее. Но через несколько месяцев начались аресты, и виднейшие работники организации группами и поодиночке начали выбывать из строя.

В марте 1907 г. происходили выборы делегатов на Лондонский съезд нашей партии.

Делегатами прошли, конечно, одни большевики (М. Фрунзе, К. Гандурин, И. Коротков, В. Голубев и др.), ибо о меньшевиках вообще в организации почти не было слышно. Делегаты все поехали на съезд, и только М. В. Фрунзе перед самой поездкой был арестован и на съезд не попал. Арестован он был в Шуе на конспиративной квартире. При обыске у него нашли два винчестера, браунинг, маузер и большое количество патронов к ним, гектограф с принадлежностями, 16 экземпляров устава Шуйской социал-демократической организации, протокол Объединительного съезда партии и разную переписку.

Фрунзе до ареста работал в Шуйской организации несколько месяцев. Как замечательный оратор и самоотвер-

женный, неутомимый партийный работник, он приобрёл большую популярность в рабочих массах. Весть об его аресте подняла на ноги всех шуйских рабочих. Фабрики одна за другой останавливались, и вскоре у полицейского управления собралась большая толпа, требовавшая освобождения арестованного. Рабочие очень беспокоились за его жизнь, так как ходили слухи, что он сильно избит, и из толпы то и дело раздавались голоса, требовавшие немедленно показать им арестованного, чтобы убедиться в его целостности и невинности.

Дважды пытались рабочие подойти к шуйской тюрьме, требуя освобождения т. Фрунзе, и только полученная из тюрьмы записка от т. Фрунзе с решительной просьбой не идти на ненужные жертвы удержала их от столкновения с полицией. В тот же день около полудня на Ильинской площади был устроен большой митинг, где члены Шуйской социал-демократической организации произносили горячие агитационные речи о тяжёлом положении рабочих, о гонениях против вождей рабочего класса и о необходимости организовать для решительной борьбы за освобождение от гнёта царского самодержавия. Собравшиеся горячо встречали выступавших, пели революционные песни.

Полиция растерялась и не принимала никаких мер. Рабочие разошлись только поздно вечером.

В этот же день был арестован известный в Шуе партийный работник т. Гусев; при аресте он был зверски избит полицией.

Ввиду решительных протестов и массовых выступлений рабочих против арестов их руководителей и расправы с ними в Шуе из Владимира были срочно вызваны воинские части. Под охраной солдат Фрунзе и Гусева в этот же вечер отправили во Владимир. Несмотря на усиленный конвой, рабочие, собираясь маленькими группами, провожали высылаемых до вокзала.

* * *

В конце 1906 г. началась избирательная кампания во II Государственную думу.

Теперь, когда изменилась обстановка и революционное движение пошло на снижение, большевики подвергли пересмотру вопрос о бойкоте Государственной думы. Тактика бойкота, проводившаяся в отношении I Государственной думы, была заменена теперь широким участием в выборах.

Ленин писал:

«История показала, что когда собирается Дума, то является возможность полезной агитации изнутри нее и около нее; — что тактика сближения с революционным крестьянством против кадетов возможна внутри Думы»¹.

Большевики решили принять участие в выборах, использовать их для широкой устной и печатной агитации. Депутатом во II Государственную думу от рабочих Владимирской губернии был выбран выдвинутый партийной организацией рабочих Н. А. Жиделёв, известный среди иваново-вознесенских рабочих. Он был членом Совета рабочих депутатов во время всеобщей стачки в Иваново-Вознесенске летом 1905 г.

Выборы депутата от рабочей курии прошли во Владимирской губернии всецело под руководством социал-демократических организаций. Для организационной работы по проведению выборной кампании партийной организацией был создан специальный небольшой коллектив. Во время выборов кадеты провокационно выставляли своих кандидатов от рабочих и пытались развалить дисциплину в рядах рабочих-выборщиков. Конечно, кадеты не имели никакого успеха, дисциплина оказалась крепкой. Однако среди крестьян кадетам удалось кое-чего добиться.

В период выборной кампании городская партийная организация систематически устраивала митинги у ворот фабрик и заводов, когда рабочие шли с работы. Один из митингов у фабрики Дербенева закончился перестрелкой с полицией. Митинг был организован для рабочих двух соседних фабрик; первыми должны были выйти рабочие фабрики Дербенева, а потом рабочие фабрики Бакулина.

В назначенное время на место митинга явилось несколько дружинников, вооружённых револьверами. Когда собрались рабочие фабрики Дербенева, появилась и полиция. Врезавшись в толпу, полицейские старались пробраться к трибуне. Дербеневские рабочие в это время начали расходиться, а бакулинские ещё только выходили со своей фабрики к месту митинга. У трибуны осталось всего несколько десятков человек. Полицейские стремились захватить оратора и других товарищей, находившихся у трибуны, рабочие стали разбегаться, полицейские открыли стрельбу по убежавшим, а находившиеся

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 121.

у трибуны дружинники стали стрелять по полиции. Во время перестрелки был убит один полицейский. Дружинники благополучно скрылись от преследования.

В феврале 1907 г. наша городская социал-демократическая организация устроила грандиозные проводы отправлявшемуся в Петербург депутату Н. А. Жиделёву. За несколько часов до отхода поезда все фабрики и заводы в городе остановились; рабочие густыми массами двинулись к вокзалу. Через короткое время всю площадь перед зданием вокзала и значительную часть прилегающих к ней улиц сплошь заняли рабочие, собравшиеся проводить своего депутата.

Перед вокзалом в центре митинга с импровизированной трибуны были прочитан наказ рабочих своему депутату. Потом выступали члены партийной организации и т. Жиделёв. Присутствовавшие представители власти, казаки и полицейские вели себя спокойно, арестов не было, и после отхода поезда рабочие без всяких инцидентов разошлись по домам.

В конце 1906 г. началось стачечное брожение. На отдельных предприятиях по разным, иногда маловажным поводам вспыхивали стачки. Часто происходили так называемые итальянские забастовки¹. Стачки, охватившие не только Иваново-Вознесенск, но и весь наш текстильный район, проходили стихийно, неорганизованно. Профессиональные союзы во всех крупных промышленных пунктах нашего района поставили себе задачу при участии партийной организации овладеть этим движением, ввести его в определённое русло и придать ему более организованный характер.

Для этой цели в начале зимы 1906/07 г. была созвана (нелегально) районная партийная конференция, на которой обсуждались вопросы о задачах профсоюзов и об организации областной стачки текстильщиков.

Скоро началась подготовка конференции профессиональных союзов текстильщиков всей Московской области, и в начале февраля 1907 г. в Москве состоялась первая областная конференция союзов рабочих, занятых обработкой волокнистых веществ.

¹ Во время этих забастовок рабочие аккуратно к установленному времени приходили на фабрику, но к работе не приступали и в установленное для окончания работы время уходили домой.

На этой нелегальной конференции присутствовали представители около десяти союзов, насчитывавших свыше 10 тысяч членов. Всех представителей было тридцать. Конференция избрала областное бюро профессиональных союзов.

Представитель Иваново-Вознесенского союза ситцепечатников сообщил: союз возник по инициативе городского комитета социал-демократической партии летом 1906 г. Устав союза «обкарнало» губернское по делам об обществах присутствие, вычеркнув из него пункт о «членах-сотрудниках» и некоторые другие. Фабриканты, за исключением Грязнова, отказались иметь дело с союзом. Правление союза сократило вступительные взносы с 50 до 25 коп.; это содействовало росту союза. Безработным членам выдано пособие в размере 5 руб. и по 1 руб. каждому неработающему члену семьи. Рабочие, организованные в союзы, явочным порядком провели окончание работ перед праздниками: для денных в 2 часа, а для сменных в 6 часов. Минимальная заработная плата рабочих-ситцепечатников составляла $39\frac{1}{4}$ коп. в день, максимальная — $82\frac{1}{2}$ коп. Гигиенические и санитарные условия жизни и работы отвратительные, в казармах и артельных кухнях страшная грязь.

Представитель Иваново-Вознесенского союза ткачей сообщил, что союз возник в сентябре 1906 г. Рабочий день после летней всеобщей стачки 1905 г. сокращён до 10 часов, но заработная плата сильно отстаёт от поднявшихся цен на продукты. Квартирные и санитарные условия жизни рабочих ужасны. Зачастую в одной небольшой комнате живут 15 человек, грязь и теснота, плата — рубль в месяц за квадратный аршин пола на человека. Докладчик сделал вывод, что рабочий платит за самую худшую квартиру дороже всех прочих классов.

Из докладов с мест выяснилось, что охрана труда на фабриках поставлена очень плохо, машины не ограждены, рабочие часто получают увечья. Врач, устанавливающий причины увечий, состоит на службе у хозяина и, определяя размер вознаграждения пострадавшим рабочим, больше заботится об интересах хозяев, чем рабочих. Медицинская помощь поставлена плохо, лекарства приготавливаются грязно. Есть врачи, которые всех больных лечат только касторкой да порошками от кашля.

На конференции чётко определилось, что повсюду социал-демократические организации были душой профессиональных союзов, их руководителями и организаторами.

Выступавшие отмечали, что областной печатный орган профессионального движения «Рабочий союз» не популярен, рабочие его не читают.

Представитель Кохмского союза рассказал, что решение об организации союза было вынесено на многолюдном рабочем митинге. Из устава союза губернским присутствием также вычеркнут ряд пунктов. Так, например, вычеркнут пункт о помощи во время стачек со следующей мотивировкой: «Хотя временными правилами о союзах и не предусматривается, в каких случаях союз может выдавать денежные пособия, тем не менее выдача пособий во время стачки признаётся безусловно вредной и ведёт к нарушению общественного порядка и спокойствия».

* * *

После пасхи 1907 г. на фабрике Грязнова несколько сократилось производство, и администрация наметила к увольнению около 300—400 рабочих. Партийная ячейка и профсоюз повели кампанию за сокращение количества рабочих дней в неделю и за оставление всех рабочих на фабрике. В результате количество рабочих дней было сокращено, кажется, до четырёх в неделю и увольнений не последовало. А через месяц фабрика снова работала полным ходом.

1 мая 1907 г. в лесу, по дороге к деревне Балино, состоялась большая массовка. Сразу же после открытия массовки налетел отряд казаков. При их появлении, как и всегда бывало в таких случаях, все бросились врассыпную. Казаки многих избили нагайками, многие попали в находившееся поблизости болото и вернулись в город мокрые и продрогшие. Сушились и отогревались в помещении союзов. Некоторые тяжело избитые, как, например, Ц. С. Бобровская, были отправлены в больницу. На другой день глуповатый полицмейстер расклеил объявление, в котором предлагал «явиться в полицейское управление владельцам утерянных на массовке и собранных казаками галош, зонтиков и пр.».

Начавшаяся ранее кампания за областную стачку летом развернулась ещё сильнее. Профессиональные союзы устраивали большие легальные агитационные собрания, на которых в присутствии полиции рабочие призывались решительно готовиться к стачке. На собраниях кроме проф-

союзных легальных работников выступали нередко под видом членов союзов и видные партийные нелегальные работники, которых разыскивала полиция.

Партийная организация устраивала массовки и выпускала прокламации. Широко развернулась агитация.

Момент для стачки в экономическом отношении был благоприятный: фабрики шли полным ходом, заказов у фабрикантов было много. Политическое положение оказалось иным: был несомненный упадок революционного настроения в рабочих массах, реакция уже высоко поднимала голову. Заседавшую в Питере Государственную думу правительство терроризировало и запугивало. В конце мая министр внутренних дел Столыпин потребовал от Думы выдачи депутатов социал-демократов для суда над ними. Не дождавшись от трусливого контрреволюционного большинства Думы ответа на своё требование, он разогнал Думу и арестовал всю социал-демократическую фракцию. 3 июня был издан новый избирательный закон, отдавший судьбу Государственной думы в руки дворян-помещиков и крупных капиталистов.

Такое политическое положение в стране показывало, что время для стачки очень неподходящее.

Тем не менее состоявшаяся в Москве в июне 1907 г. вторая областная конференция профессиональных союзов вынесла решение начать стачку текстильщиков Московской области. После окончания конференции был арестован К. Гандурин. Наш союз потерял своего самого видного и популярного руководителя и агитатора. Просидев около трёх месяцев в московской тюрьме, Гандурин был освобождён; он приехал в Иваново-Вознесенск, поступил на фабрику Грязнова и снова начал работать в союзе. Но вскоре его опять арестовали и на этот раз выслали в административном порядке в Вологодскую губернию.

После решения второй областной профсоюзной конференции кампания за стачку усилилась. В Москве, Орехово-Зуеве и некоторых других местах стачка началась. Готовились и иваново-вознесенцы. Был уже избран стачечный комитет, в который вошло много видных партийных работников. Но в это время приехал представитель Московского областного бюро социал-демократической партии, который должен был руководить забастовкой. Он сообщил, что стачка в области провалилась и если иваново-вознесенцы всё же хотят бастовать, то пусть имеют в виду, что стачка

будет иметь лишь местное значение, что на поддержку области в данный момент рассчитывать нельзя. Помню, на собрании в лесу по этому поводу выступали представители всех союзов (в их числе и я), согласившиеся с мотивами представителя областного бюро. Лишь некоторые члены партии возражали нам и упрекали в срыве стачки: профессионалисты, мол, «легализовались», и им больше по духу мирная работа. Тем не менее большинство решило отложить стачку до более благоприятного момента.

Неудача областной стачки быстро отразилась на работе профессиональных союзов. Интерес к ним со стороны рабочих начал понижаться, число членов союза стало убывать; общие собрания посещались всё меньшим количеством рабочих, со стороны полиции усилились придирки и надзор за союзами.

Однажды летом 1907 г. мы спали в маленьком сарайчике во дворе квартиры Соловьёва. Лёгкий, прохладный ветерок продувал ветхие стены сарайчика. После жаркого, солнечного дня он принёс приятную вечернюю свежесть. Кругом всё было спокойно и тихо, лишь изредка доносилось пение какой-нибудь подгулявшей компании из ближайшего рабочего квартала Рылихи.

Далеко за полночь за стенами сарайчика вдруг послышались голоса, раздался сильный шум, скрип и хлопанье калитки. Мы поднялись с нар и быстро направились к двери. В этот момент в дверь сарайчика раздался сильный стук, и грубый голос снаружи крикнул: «Эй, отпирайте!» Дверь была не заперта, и в сарайчик ввалилась толпа полицейских с околоточным надзирателем. Сейчас же были зажжены свечи; обращаясь к Соловьёву, надзиратель спросил:

— Вы Соловьёв?

— Да, — ответил тот.

— У вас сейчас будет произведён обыск, — продолжал надзиратель и предъявил Соловьёву соответствующую бумажку.

Мы с В. Ивановым, очевидно, были хорошо известны этому надзирателю, так как, обращаясь к нам и назвав нас по фамилиям, он спросил:

— А вы как попали к Соловьёву?

Иванов ответил, что он пришёл к нему как к товарищу; я сказал, что квартиру у Соловьёва, и надзиратель оставил нас в покое.

Полицейские занялись обыском, шарили на нарах, под нарами, во всех углах и щелях и под крышей сарайчика (потолка не было). В одном углу лежала большая куча разного деревянного материала — обрезки от брёвен, жерди и пр. Полицейские стали разгребать эту кучу и разглядывать, нет ли чего под ней. Тогда Иванов сказал:

— Смотрите, господа, поосторожней, тут есть бомбы.

Услышав это, наклонившийся полицейский быстро вскочил и отодвинулся. Иванов, сидя на нарах, насмешливо улыбался, а надзиратель, посмотрев на Иванова, сказал:

— Не боимся, господин Иванов, не боимся, нас запугать трудно, — и, обращаясь к полицейским, крикнул: — ищите, ищите там!

Ободрённые словами своего начальника, перетрусившие было городовые снова начали разгребать кучу, но, как ни старались, ничего в сарайчике не нашли. Затем была обыскана вся квартира, сени, чердак и двор. Нашли только одно какое-то письмо из Костромы невинного содержания.

После ухода полиции мы долго смеялись над шуткой Иванова и уснули, когда сквозь щели сарайчика начал пробиваться свет утренней зари.

Осенью 1907 г. социал-демократическая организация предприняла кампанию за устройство однодневной стачки протеста против суда над арестованной царским правительством социал-демократической фракцией II Государственной думы. Эта кампания успеха большого не имела, ибо настроение рабочих продолжало понижаться: Бастовали только рабочие фабрики Грязнова и, кажется, фабрик Бакулина и Бурлыгина. На фабрике Грязнова, где я тогда работал, стачка прошла организованно. Несмотря на уговоры и даже угрозы со стороны администрации (колорист М. Н. Крылов на призыв рабочих к стачке угрожал остановкой фабрики), рабочие бросили работу единодушно, и стачка прошла удачно.

Во время митингов-летучек, устроенных возле фабрики, некоторые товарищи были арестованы.

ПАРТИЙНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РАБОТА В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ (1908—1912 гг.)

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ВЫБОРЫ В III ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Зиюня 1907 г., одновременно с разгоном II Государственной думы, которая не оправдала ожиданий царского правительства и оказалась слишком «левой», был издан новый избирательный закон о созыве III Думы, сводивший избирательные права трудящихся до минимума. По этому закону подавляющее большинство мест в Думе отдавалось помещикам и крупной буржуазии. Кавказ, Средняя Азия и другие окраины этим избирательным законом были почти лишены представительства и признаны «политически незрелыми». Так, вместо 25 депутатов Кавказ по новому избирательному закону мог послать только 10, а Средняя Азия, пославшая в первые две Думы 21 депутата, новым избирательным законом была вовсе лишена этого права. Избирательное право для рабочих было крайне ограничено: участвовать в выборах мог рабочий, проработавший не менее 6 месяцев на одном предприятии. Этот ценз был установлен ещё законом 2 декабря 1905 г. и закреплялся избирательным законом от 3 июня 1907 г. Переловым рабочим не всегда удавалось проработать на одном предприятии полгода без перерыва. Они были на виду у полиции и на плохом счету у фабрично-заводской администрации, их часто увольняли, и они скитались с предприятия на предприятие, с одной фабрики на другую. Следовательно, наиболее сознательная часть

рабочих всегда была под угрозой лишения избирательного права.

Царское правительство боялось молодёжи. Участвовать в выборах могли мужчины лишь не моложе 25 лет. Женщины вовсе были лишены избирательных прав.

Число городов, непосредственно выбиравших в Думу, было сокращено с 26 до 7. Избирательные права предоставлялись рабочим только в крупнейших промышленных губерниях: Московской, Петербургской, Владимирской, Екатеринбургской, Харьковской и Костромской. Рабочие же России в целом избирательных прав не получили.

«Выборы» по этому новому закону устанавливались многостепенные: помещики и буржуазия имели две степени, т. е. сначала выбирали выборщиков, а потом эти выборщики на общем губернском собрании выбирали депутатов. Выборы от рабочих были трёхстепенные, т. е. сначала выбирали уполномоченных от рабочих предприятий, уполномоченные, съезжаясь в губернских городах, выбирали выборщиков, и последние на общем губернском собрании выборщиков всего населения принимали участие в выборах депутатов. Царское правительство делало всё, чтобы не допустить в Думу «крамольников» и «бунтовщиков», каковыми оно считало рабочих. Рабочий класс в 1905 г. показал, что он глубоко ненавидит царский строй и успешно ведёт против него борьбу.

В деревне царской России существовала видимость крестьянского «самоуправления» — волостной сход, состоявший из так называемых «десятидворников» (от 10 дворов — 1 представитель). Волостные сходы находились под надзором и влиянием царских земских начальников и деревенских богатеев. Для выборов в Государственную думу волостные сходы избирали уполномоченных на уездный съезд. Уездный съезд уполномоченных выбирал выборщиков, а эти последние на общих съездах губернских выборщиков участвовали в выборах членов Государственной думы. Таким образом, выборы от крестьян были четырёхстепенные.

В Польше допускались к выборам землевладельцы, имеющие не менее 100 десятин, а в Сибири — 300 десятин. Число членов Государственной думы, избираемой сроком на пять лет, не должно было превышать 524 человек.

Помещики и крупная буржуазия по этому закону имели 4249 выборщиков, всё остальное население России —

2 962 выборщика, т. е. почти в полтора раза меньше. Один голос помещика (по этому закону) равнялся 3 голосам буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Так-же было «равноправие верноподданных».

Царская Россия была тюрьмой народов. Царизм беззащитно проводил зверскую политику национального угнетения. Например, все «бродячие инородцы», как было сказано в законе, т. е. трудящиеся тех национальностей, которые не вели оседлого образа жизни, лишались избирательных прав. В Государственную думу могли быть избраны только лица, владеющие русским языком. Таким образом, трудящиеся угнетённых национальностей уже по одной этой причине не могли быть избраны в Думу.

За три дня до открытия I Государственной думы, 24 апреля 1906 г., правительство, чтобы обезопасить себя от принятия Думой негодных ему законов, опубликовало положение о Государственном совете. По этому положению Государственный совет превращался во «вторую палату» (верхнюю) и получал большие законодательные права, чем Государственная дума. Государственный совет составлялся наполовину из выбранных и наполовину из назначенных царём лиц. Царь назначал председателя и заместителя председателя Совета. Состав членов Государственного совета был махрово-контрреволюционным. В число его членов входили: от землевладельцев (неземских губерний) — 26 человек, от дворянских обществ — 18, от учреждений торговли и промышленности — 12, от духовенства — 6 и т. д. Срок полномочий устанавливался на 9 лет. Через каждые три года одна часть избранных членов переизбиралась.

Реакционный Государственный совет стоял всецело на стороне царского самодержавия. Он неизменно тормозил утверждение даже тех законов, которые вырабатывала буржуазно-помещичья Государственная дума.

Так выглядел избирательный закон пресловутой царской конституции, представлявший собой уродливую карикатуру на избирательное право.

III конференция РСДРП, происходившая 21—23 июля 1907 г. в Финляндии, высказалась за участие в выборах в III Государственную думу. Выборы предоставляли партии возможность легального общения с широкими народными массами. Иваново-Вознесенская партийная организация

широко использовала выборную кампанию, так же как и выборы во II Думу, для широкой устной и печатной агитации. В результате уполномоченными по выборам в Государственную думу от рабочих фабрик и заводов Иваново-Вознесенска прошли в подавляющем большинстве большевики, за исключением двух-трёх беспартийных и одного кадета (кажется, с фабрики Гарелина).

В протоколе собрания рабочих фабрики Грязнова для избрания уполномоченных по выборам в III Государственную думу было записано следующее:

«1907 г. сентября 8 дня в 12 часов дня мы, мастера-вые и рабочие фабрики Товарищества Покровской мануфактуры П. Н. Грязнова, имеющие на основании именного Высочайшего указа от 3 июня 1907 г. и означенные в списке, вывешенной конторою Товарищества в отведённой для выборов столовой, право быть выборщиками для выбора одного уполномоченного в губернский съезд выборщиков в Государственную думу, собравшись в количестве 116 человек, производили закрытой баллотировкой выборы трёх выставленных нами кандидатов: Самойлова Фёдора Никитина, Воробьёва Андрея Михайлова, Потехина Николая Андреева, причём большинством голосов 68 против 46 при 2 воздержавшихся избранным уполномоченным на губернский съезд по выборам в Государственную думу оказался Самойлов Фёдор Никитин, крестьянин дер. Гомыленок, Лежневской волости, Ковровского уезда, 25 лет»¹.

В октябре, дня за два до выборов, 165 уполномоченных от рабочих съехались во Владимир для избрания 6 выборщиков. По приезде они разместились в номерах разных гостиниц, поближе к большой чайной так называемого Народного дома. Утром накануне дня выборов значительная часть уполномоченных собралась в чайном зале этого дома; тут мы познакомились между собой. Оказалось, что большинство — большевики и сочувствующие партии. Тут же быстро избрали представителей для посылки к губернатору за разрешением устроить предвыборное собрание. В число избранных вошли Ворониц, я и др.

Губернатор нас принял, но в просьбе решительно отказал.

¹ Протокол цитируется по копии, находящейся в личном архиве автора.

— Зачем вам это собрание,— сказал он,— у вас ведь там, наверное, все социал-демократы. Нет, я разрешить вам собраться не могу.

— Но как же нам быть, господин губернатор,— говорили мы,— нужно же нам познакомиться между собой, чтобы наметить кандидатов и чтобы знать, за кого голосовать.

— Это меня не касается. Как хотите, так и голосуйте, а разрешить собрание я вам не могу. Идите к полицмейстеру, это его дело, а я не могу, не могу,— и с этими словами он ушёл к себе в кабинет.

Мы понимали, что дело безнадёжное, что если губернатор не разрешил, то уж от полицмейстера тем более ждать нечего, но всё же решили пойти к владимирскому полицмейстеру.

Как мы и ожидали, полицмейстер ответил тоже категорическим отказом. Когда мы с Ворониным указали ему на распоряжение правительства, согласно которому тогда разрешались предвыборные собрания, и заявили, что его отказ незаконен, он, стуча себе в грудь кулаком, громко закричал:

— Никаких я законов не знаю! Вот вам закон: я — закон! Никаких собраний не разрешаю! И боже вас сохранит собраться тайно: все будете арестованы и жестоко полатитесь за это.

Мы молча повернулись и вышли от него. В чайной Народного дома нас уже ждали уполномочившие нас на переговоры. Когда мы рассказали о наших неудачах, они сильно заволновались, посыпались вопросы: как быть, что делать?

Было решено вечером устроить нелегальное собрание уполномоченных, о чём и оповестили съехавшихся.

Против этого решения была лишь небольшая группка беспартийных, которые на предложение пойти на нелегальное собрание удивлённо спрашивали:

— Как на нелегальное? Ведь это запрещено, ведь нас могут арестовать!

— Ну, этого бояться нечего. Если взялся выполнять обязанности уполномоченного рабочих, так надо выполнить их, рискуя быть арестованным,— отвечали мы.

Но они категорически не согласились идти на тайное собрание.

Место собрания поручено было подыскать местным, владимирским, товарищам. И вот, когда стало темнеть,

уполномоченные маленькими группками потянулись к реке Клязьме.

Лесов близ Владимира нет, и собрание должно было происходить у реки Клязьмы, в каком-то небольшом кустарнике.

Нас собралось много. Воронин, Лукичѳв, я и некоторые другие выступали с речами о текущем моменте, о событиях за время революции и нашем отношении к Государственной думе.

После речей наметили кандидатов в выборщики. По тогдашнему избирательному закону требовалось шесть человек от губернии. Собравшиеся уполномоченные в большинстве своём были незнакомы между собой. Намечая кандидатов из среды партийных товарищей, приходилось отчасти руководствоваться произнесѳнными ими на этом собрании речами. Окончательное утверждение кандидатов в выборщики было возложено на созданный для руководства выборами небольшой партийный коллектив.

После речей собравшиеся спокойно разошлись. Власти прозевали собрание, а провокаторов, должно быть, не было.

Среди уполномоченных мы произвели денежные сборы в пользу привлечѳнного тогда к суду члена социал-демократической фракции разогнанной II Государственной думы Н. А. Жиделѳва, депутата от рабочих нашей губернии. Сбор производился по подписному листу.

В этот же вечер руководивший выборами коллектив наметил в окончательной форме список кандидатов в выборщики. От Иваново-Вознесенска в этот список вошли Воронин, Лукичѳв и я.

Утром на другой день, уже перед самыми выборами, полиция по каким-то соображениям разрешила нам собраться часа на два. Когда мы собрались, в помещение прибыли представители власти — полицейский пристав с отрядом городовых.

Выступали на этом собрании Воронин, Лукичѳв, я и др. В помещении, где происходило собрание, всё время находился пристав, а у входных дверей стояли полицейские. Выступать приходилось с большой осторожностью, так как пристав придирался к каждому не понравившемуся ему слову. Всё же собрание прошло довольно хорошо и без особых инцидентов, не считая небольших пререканий между приставом и выступавшими ораторами.

Вскоре после этого собрания открылось и собрание всех уполномоченных от рабочих Владимирской губернии. Оно происходило в большом помещении, так называемом зале дворянского собрания, под председательством городского головы города Владимира, как это полагалось по тогдашнему избирательному закону.

На этом собрании уполномоченные должны были избрать выборщиков.

Подавляющее большинство уполномоченных, как я уже указывал выше, составляли большевики. Беспартийные, сочувствующие нашей партии, были в меньшинстве. Представителей от других партий не было. Из беспартийных только несколько человек согласилось на предложение председателя баллотироваться. Все намеченные накануне кандидаты были избраны подавляющим большинством голосов.

Таким образом, на первых двух ступенях выборов уполномоченных и выборщиков наша партия одержала блестящую победу. Оставалось пройти третью и последнюю ступень — из шести выборщиков выделить одного депутата, члена Государственной думы. Но это не представляло труда. Теперь, когда все шесть выборщиков были большевики, дело уже могло считаться решённым: в Думу пройдёт тот, кого пошлёт партия; остальные, подчиняясь партийной дисциплине, обязаны были снять свои кандидатуры.

После выборов шести выборщиков уполномоченные от рабочих разъехались по местам, а избранные шесть человек обязаны были через неделю снова быть во Владимире на общем собрании всех губернских выборщиков для избрания депутатов.

В это время я был председателем правления союза ситцепечатников. Мне часто приходилось сталкиваться с полицмейстером, который то отказывался прислать полицию к указанному времени на собрание членов союза, потому что у него якобы не было свободных полицейских, и собрание поэтому не могло состояться, то чинил всяческие другие препятствия работе союза. Между тем в связи с общим упадком рабочего движения союзы наши слабели. Видя это, полицейские всё больше нагнали. У многих членов правления нашего союза полиция начала производить обыски, а некоторых и арестовывать (были арестованы К. Гандурин и В. Иванов).

В октябре, за несколько дней до моего отъезда на выборы, у меня также произвели обыск. Была тёмная октябрьская ночь. В маленьком, с тремя окошечками, старом деревянном домике все спали после трудового дня глубоким сном. Вдруг раздался настойчивый стук в окошко. В домике все сразу проснулись, открыли дверь. В квартиру ввалилось человек 8—10 полицейских во главе с полицейским надзирателем Простосердовым.

После вопроса: «Здесь ли квартирует Самойлов?» мне предъявили бумажку от жандармского начальства с предписанием произвести у меня обыск.

Полицейские осмотрели мой небольшой сундучок с книгами и тщательно обыскали весь домик; кроме нескольких легальных книг они нашли подписной лист по сбору пожертвований в пользу т. Жиделёва.

Этот документ был единственным «преступным» материалом, обнаруженным у меня при обыске. Полицейский надзиратель при составлении протокола учинил мне по поводу подписного листа целый допрос. Он спрашивал, известно ли мне, что сбор пожертвований в пользу «государственного преступника» Жиделёва есть преступление? Я отвечал ему, что не вижу ничего преступного в том, что представители рабочих губернии оказали помощь своему депутату, хотя и арестованному. Затем он спрашивал, кто был инициатором этого дела. Я отвечал, что не знаю. Он высказал предположение, что инициатором был я, так как у меня найден подписной лист, и добавил, что за это мне придётся строго отвечать.

На другой день я спросил юрисконсульта нашего союза, что значит этот обыск у меня, председателя правления союза. Не есть ли это начало решительного похода против союза со стороны полиции? Он ответил, что вернее всего обыск является формой «предвыборной полицейской агитации». Я посмеялся и успокоился.

Через несколько дней после обыска я вместе с С. А. Ворониным и Лукичёвым снова поехал во Владимир на выборы.

Во Владимире за день до выборов депутатов кадетская группа выборщиков устроила с разрешения начальства предвыборное собрание, на которое получили приглашение явиться и мы, рабочие-выборщики, а также и выборщики-крестьяне.

На этом собрании выступали представители кадетов, октябристов и др. От второй курии городских избирате-

лей выступал меньшевик. От крестьян выступал Хромов. Он заявил, что, как бы господа помещики ни старались одурачить крестьян, крестьяне всё-таки возьмут у помещиков землю. «Земля,— говорил Хромов,— наша, крестьянская, мы её обрабатываем, мы ею и владеть будем». Рабочий-выборщик Воронин говорил, что только революционной борьбой рабочие и крестьяне смогут добиться своего освобождения. За эти слова он был остановлен председателем-кадетом, который заявил, что ни о какой борьбе вне стен Государственной думы он говорить на собрании не разрешает. Потом выступил я, указав, между прочим, что только такой борьбой, о которой не разрешает здесь говорить председатель, рабочие и крестьяне смогут улучшить своё тяжёлое положение. Конечно, я был немедленно остановлен председателем. Дальше говорили остальные наши товарищи, выборщики от рабочих губернии.

На этом собрании у меня и Воронина произошёл любопытный разговор с одним дворянским выборщиком, каким-то князем. Князь этот заявил нам откровенно, что мы, рабочие, добиваясь улучшения своего положения, вполне правы, так мы и должны делать. Но они, дворяне-помещики, идут и всегда будут идти против нас, и иначе не может быть. У нас противоположные интересы и, значит, мол, борьба и борьба. «Мы всегда против вы»,— выразился этот князёк.

Тогдашний избирательный закон обязывал выбрать в Думу депутата и от рабочей курии; поэтому общее собрание губернских выборщиков обязано было выбрать одного из нас шестерых. Все шесть выборщиков, как уже сказано выше, были социал-демократы большевики, и это обеспечивало проведение большевика-депутата от рабочих Владимирской губернии. Задача партии состояла только в том, чтобы из шести выборщиков-большевиков провести в Думу того, кого она считает нужным. Для этого надо было поставить дело так, чтобы рабочие-выборщики могли из своей среды выбрать депутата вне зависимости от помещичье-буржуазного большинства общего собрания губернских выборщиков, т. е. выставить кандидатуру одного товарища по указанию партийных органов.

Это всецело зависело от нашей партийной дисциплинированности.

На заседаниях руководившего выборами бюро, так же как и во время выборов во II Государственную думу,

между иваново-вознесенцами и орехово-зுவцами происходили споры о кандидатах. Орехово-зுவцы предлагали своего кандидата, а иваново-вознесенцы — своего. В конце концов все согласилось на С. Воронина, кандидате от Иваново-Вознесенска.

Остальные пятеро должны были снять свои кандидатуры на общем собрании губернских выборщиков.

Оставалось только строго провести наш план в жизнь.

На другой день, когда должны были состояться выборы, в большом зале дворянского собрания собралось свыше 80 (кажется, 88 или 89) выборщиков от всех групп населения Владимирской губернии (всего было 5 курий: рабочая, крестьянская, землевладельческая, первая и вторая курии городских избирателей).

В процессе выборов выяснилось, что не только у рабочих-выборщиков, но и у помещиков и буржуазии было достигнуто заранее полное согласие о кандидатах в Думу.

Когда дошла очередь до наших выборщиков, то на вопрос председательствующего о желании баллотироваться все выборщики, кроме намеченного парторганизацией, отказались от баллотировки. В Думу был избран выставленный партией кандидат — т. Воронин ¹.

С крестьянами дело обстояло плохо. Их выборщиков было одиннадцать, из которых только один приемлемый — трудовик Хромов. Мы пробовали собирать крестьян-выборщиков и агитировать за то, чтобы они провели в Думу Хромова. Но из этого ничего не вышло. В подавляющем большинстве крестьянские выборщики были кулаками. Каждый из них мечтал пройти в Думу, и все они баллотировались. Таким образом, выборы своего депутата, не в пример нам, рабочим-выборщикам, они всецело предоставили на усмотрение черносотенного дворянско-помещичьего и буржуазного большинства собрания. В результате от крестьян прошёл какой-то кулак Бурлаков, кандидат правых.

¹ С. А. Воронин происходил из крестьян Шуйского уезда Владимирской губернии. До избрания в III Государственную думу работал на фабриках Иваново-Вознесенска. В ранней молодости т. Воронин вступил в местную социал-демократическую организацию, был выслан за это и жил некоторое время в Самаре. По истечении срока депутатских полномочий т. Воронин поселился на родине, в деревне, и занимался сельским хозяйством до первой мировой войны. В 1915 г. он погиб на русско-австрийском фронте. — Ф. С.

От губернии нужно было избрать всего шесть депутатов: по одному от каждой избирательной курии и шестого от общего собрания губернских выборщиков.

В разгаре борьбы при выборах этого шестого депутата между разными политическими группами заключались всякие блоки и соглашения. Но эти соглашения ни к чему не привели.

Шестым депутатом прошёл какой-то поп. Этим выборы и закончились.

В 1925 г. я обратился к Хромову с письмом, в котором просил написать, что он помнит о выборах в III Государственную думу. Хромов в письме от 20 декабря 1925 г., между прочим, писал:

«Собирались мы, крестьяне и рабочие, в коридоре Народного дома, где была чайная, рассаживались за столы, требовали чаю, чтобы не привлечь чьего-нибудь внимания, и обсуждали кандидатуру крестьянина, за которого должны подавать голоса крестьяне и рабочие в избирательном собрании. Каждому крестьянину хотелось быть членом Думы, чтобы получить хорошее по тому времени жалованье и пользоваться почётом. О своей пригодности и ответственности перед избирателями мало думали.

Сидя за чаем, мы производили голосование, кажется, раза два или три. После долгих споров и уговариваний рабочими был намечен Ершов. Помню предвыборное собрание в городской думе, куда явились кадеты, крестьяне и рабочие. Собрались также октябристы и монархисты; у них было своё собрание, на которое нас не пустили. На их собрании присутствовал и крестьянин Ковровского уезда, некто Бурлаков, которого этот блок выдвинул и провёл в Думу. На нашем собрании в городской думе было немного народу. Выступали с речами кадеты, от рабочих — вы, Воронин; от крестьян — я, Ершов и ещё кто-то. После моего выступления рабочие уговаривали Ершова снять свою кандидатуру, выставив мою, но Ершов отказался от этого.

Большинство в избирательном собрании состояло из октябристов и монархистов, и только в результате их раскола был избран кадет Черносивтов. Наши крестьянские кандидатуры были провалены. Этому немало способствовали и сами крестьяне.

...Избранный в Думу крестьянин Бурлаков едва ли получил хоть один крестьянский голос и прошёл вопреки желанию крестьян-делегатов. Мы были возмущены, что

этот предатель крестьянских интересов ни разу не явился к своим товарищам-крестьянам на собрание. Мы в первый раз его увидели на самом избирательном собрании в день выборов.

Это был человек в суконной поддёвке, средних лет, похожий на подрядчика или мелкого торговца, сторонившийся нас».

Воспоминания Хромова характеризуют ту обстановку, в которой происходили выборы.

Как видно из самого существа думского избирательного закона, царское правительство держало курс на самую чёрную реакцию.

Первым человеком в Думе стал А. И. Гучков, крупный промышленник, купец, прожжённый политикан, человек, глубоко ненавидящий народные массы.

От Киевской губернии прошёл В. Шульгин, махровый черносотенец, который ненавидел все угнетённые национальности России, который благоговел перед царём и был полон звериной ненависти к рабочим и крестьянам.

Родзянко — екатеринославский помещик, владевший десятками тысяч десятин земли, считавший, что народ надо держать в узде, не давать ему воли.

Сладкоголосый кадет Маклаков, продажный адвокат, защищавший в судах всех преступников, лишь бы они платили ему хорошие деньги; брат царского министра, мало чем отличавшийся от своего брата.

Черносотенный мерзавец Пуришкевич — бессарабский помещик, травивший в Думе рабочих депутатов, вне Думы организовавший погромы угнетённых национальностей, рабочих и крестьян. Отъявленный монархист, защищавший неограниченное самодержавие.

Его друг и соратник — Марков второй, заявлявший, что он «на мушку возьмёт весь рабочий класс России».

Милюков — вождь кадетской партии, один из самых видных вождей империалистической буржуазии.

Характеризуя Милюкова и Гучкова как выразителей интересов господствующих классов, В. И. Ленин писал, что «они — представители и вожди всего класса помещиков и капиталистов. Они *связаны* интересами капитала. Капиталисты не могут отказаться от своих интересов, как не может человек сам себя поднять за волосы»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 326.

А. Ф. Керенский — будущий «шут на тропе», человек, пришедший в Думу на плечах обманутых им крестьян. Красной и лжец, прикрывший своё контрреволюционное путо громкими фразами о защите народных интересов.

Вот люди, игравшие «первую скрипку» в Государственных думах.

В день отъезда в Государственную думу выбранному нами т. Воронину городская социал-демократическая организация устроила проводы, на которые явилось много рабочих. За несколько часов до отхода поезда площадь перед вокзалом сплошь заняли рабочие. Один из членов нашей социал-демократической организации прочитал «Наказ рабочих своему депутату», на который отвечал т. Воронин. После него выступало ещё несколько товарищей. Полиция не вмешивалась, и проводы прошли хорошо.

Воронин очень редко делал в организации доклады о Думе, и среди некоторых товарищей наблюдались отзовистские настроения. Эти настроения нашли своё отражение в решении Иваново-Вознесенского горкома об отзыве социал-демократической фракции из Государственной думы. Однако на ближайшей партийной конференции городской комитет взял своё решение обратно.

Отзовистские настроения в Иваново не были устойчивы и вытекали не из принципиальных позиций «отзовизма», представители которого требовали прекращения всякой работы партии в легальных организациях, а вызывались недовольством рабочих недостаточно твёрдым проведением партийной линии социал-демократической фракцией III Думы.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

МАССОВЫЕ АРЕСТЫ. РАЗГРОМ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО СОЮЗА РСДРП

Арестованные в конце марта 1907 г. в Шуге Фрунзе и Гусев обвинялись в принадлежности к социал-демократической партии и в покушении на убийство урядника, имевшем место незадолго до их ареста. Поэтому кроме

обвинения по 102-й статье, каравшей за принадлежность к противопривительственной партии, их обвиняли ещё в преступлении, каравшемся смертной казнью. Вслед за Фрунзе и Гусевым было арестовано много других товарищей, входивших в разные местные и центральные органы Иваново-Вознесенского союза РСДРП. Таким образом жандармы смастерили большой процесс.

Отобранный у Фрунзе при обыске материал совершенно ясно устанавливал его принадлежность к социал-демократической партии и его руководящую роль в ней. Отрицать это было невозможно. На допросе Фрунзе назвал своё настоящее имя, признал свою принадлежность к партии и рассказал, что он входил в руководящий орган Иваново-Вознесенской районной организации — в Союзный совет и в его исполнительное бюро. Ему ставилось в вину, между прочим, руководство избирательной кампанией во II Государственную думу, во время которой он сам выступал на предвыборных собраниях и составлял речи для кандидата в эту Думу Н. А. Жиделёва.

Руководящая роль Фрунзе в Ивановской и Шуйской парторганизациях, где он работал с 1905 по 1907 г., была исключительно велика, и арест Фрунзе явился для нас тяжёлым ударом.

Работая в Ивановском окружном комитете, Фрунзе был неутомим и неуловим для полиции. Чтобы не попадаться лишний раз на глаза её агентам, он часто ходил пешком от Шуи до Иванова (35 километров), нередко тяжело нагружённый нелегальной литературой. И часто, в то время когда шпики подстерегали его на станциях железной дороги, он спокойно шагал по шпалам и просёлкам в Иваново или обратно в Шую.

В связи с выборами во II Государственную думу Фрунзе организовал захват типографии для печатания избирательной листовки.

17 января 1907 г. Фрунзе явился в типографию с отрядом, который он создал из надёжных дружинников, занял все выходы, расставил посты у телефона и обратился к рабочим типографии с яркой речью. Типографские рабочие, воодушевлённые его речью, за несколько часов набрали и отпечатали несколько тысяч экземпляров листовок. После этого Фрунзе спокойно вышел вместе со своими товарищами из типографии, забрав с собой отпечатанные листовки. Вопреки всем стараниям полиции никто из

участников захвата типографии не был арестован. Листовки были своевременно распространены в Ивановском районе.

3 августа 1907 г. в Кохме был арестован И. Уткин (Станко), игравший руководящую роль в боевой дружине Иваново-Вознесенской социал-демократической организации. При аресте у него нашли браунинг с патронами. На допросе он признался в принадлежности к социал-демократической организации, но отрицал принадлежность к боевой дружине. Его дело присоединили к делу Фрунзе и Гусева.

В конце 1907 и в начале 1908 г. среди партийных работников Иваново-Вознесенска, Шуи и Кохмы были произведены многочисленные аресты. В числе арестованных были О. А. Варенцова, Чельшев и многие другие. При аресте у некоторых из них была найдена нелегальная литература и разная переписка. 8 января 1908 г. в Иваново-Вознесенске, в одном из рабочих кварталов, в доме Никифорова, полицией было арестовано собрание комитета 4-го района городской социал-демократической организации. При аресте полицией были найдены прокламации, партийные чековые книжки и неоконченный протокол заседания. На допросе все, кроме Я. Родионова, отрицали принадлежность к партии. Только Родионов заявил, что он член партии и что все найденные в доме полицией документы принадлежат ему. Он сознательно взял всю вину на себя с целью выгородить остальных.

24 апреля в Иваново-Вознесенске, в доме Сергеева, полицией была взята подпольная социал-демократическая типография с только что напечатанной прокламацией «К крестьянам», набор второй первомайской прокламации и 5 — 6 пудов шрифта. Был арестован П. Сулкин (Виктор), работавший наборщиком в этой типографии. В то же время в Иваново-Вознесенске арестовали видного партийного работника т. Андроникова (Пётр). Ему было предъявлено обвинение, что он написал черновик первомайской прокламации, найденной в типографии. По делу этой типографии тогда же был арестован В. Калашников. При аресте у него были отобраны резолюции Союзного совета о Государственной думе и о задачах в ней социал-демократической фракции.

Кроме перечисленных товарищей в Иваново-Вознесенске и его районах в разное время было арестовано ещё несколько человек. Все — за исключением очень немногих,

которых вследствие полного отсутствия улик жандармам не удалось привлечь по этому делу, — вместе с Фрунзе и Гусевым обвинялись в принадлежности к Иваново-Вознесенской районной организации РСДРП. Часть из них, кроме того, была обвинена в принадлежности к боевой дружине этой организации и в покушении на представителей полиции. Всего было около 40 обвиняемых.

Дознание тянулось свыше двух с половиной лет. За это время несколько раз дело назначалось к слушанию, но откладывалось вследствие происходивших всё новых и новых арестов. Сидевшие во владимирской тюрьме в ожидании суда товарищи несколько раз выступали с протестами. Многие из арестованных заболели чахоткой. Дело всё тянулось, и только в феврале 1910 г. оно было назначено к рассмотрению в выездной сессии Московского военного окружного суда во Владимире.

На этот суд привезены были не все арестованные. Любомиров и Саввин умерли в тюрьме, Уткин (Станко) к моменту разбирательства дела тяжело заболел чахоткой, и его дело выделили. Он так и умер в тюрьме, не дождав-шись суда.

Все подсудимые, за исключением А. Сквородина (Быстрый)¹, вели себя выдержанно и стойко.

В своей речи прокурор отказался от обвинения более чем 10 человек за недоказанностью вины. В результате суда 9 подсудимых, в том числе и Фрунзе, были приговорены к 4 годам каторги каждый. Некоторые судились ещё за экспроприации и были приговорены к вечной каторге (Коняев и др.); четверо — к ссылке на поселение (Караваяев и др.); Баранов из Шуи — к году крепости; Гусев был приговорён к каторжным работам.

Оправдано по этому процессу было свыше 20 человек.

Многие из оправданных вышли из тюрьмы слабыми и больными.

Уже во время нахождения на каторге Фрунзе был вновь привлечён по делу о вооружённом сопротивлении полиции. Его судили и приговорили к смертной казни. Но ввиду полного отсутствия улик, явного нарушения ряда процессуальных норм приговор военным судом был кассирован. Назначили новый суд. Фрунзе вновь был приговорён

¹ После Великой Октябрьской социалистической революции выяснилось, что Сквородин был провокатором. — Ф. С.

к смертной казни, которая затем была заменена каторжными работами (6 лет каторжных работ в добавление к прежнему сроку наказания). Фрунзе отбывал каторгу в течение 8 лет во владимирской, николаевской и александровской каторжных тюрьмах, а затем, в конце 1914 г., был выслан на поселение в Верхоленский уезд Иркутской губернии.

За время предварительного дознания по этому делу, под влиянием всё усиливающейся царской реакции, полицейского террора начался отход от партии неустойчивых элементов. Уходили из партии временные попутчики революции, главным образом интеллигенты. Вследствие арестов, тюремных заключений, ссылок руководящих и рядовых членов партии работа партийных организаций ослабла.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ПОХОД ПРОТИВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ. МОЙ АРЕСТ. ПОД ГЛАСНЫМ НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ. ПРОВАЛ ВТОРОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ

Однажды меня вызвали к полицмейстеру. Явившись к назначенному времени, я подошёл к столу и спросил, зачем меня вызвали. Не отрываясь от своего дела, полицмейстер бросил:

— Вы председатель союза ситцепечатников Самойлов?

— Да, — ответил я.

— Подождите немного, — сказал он, — приглашая меня сесть, и снова углубился в свои дела.

Постояв несколько минут, я начал тихо прохаживаться вдоль кабинета. Полицейстер сидел, уткнувшись в свои бумаги, потом, вскинув вдруг на меня глаза, громко сказал:

— Господин Самойлов, что это вы, на бульваре, что ли, находитесь?

— А что, господин полицмейстер?

— Да вот рассказываете тут, стучите и топаете.

— А разве я вам мешаю? Если мешаю, могу уйти, — говорю я.

Он встал и, повышая голос, крикнул:

— Не забывайте, вы находитесь в кабинете полицмейстера и должны вести себя прилично, а не рассказывать и не топтать.

— Что вам от меня нужно, господин полицмейстер? Я, кажется, веду себя достаточно прилично, а вот вас я просил бы меня долго не задерживать: у меня, так же как и у вас, есть свои дела,— говорю я.

— А вот скоро у вас не будет никаких дел, союз ваш уже закрыт господином губернатором. Да-с! Вот вам и дела, сейчас вот вам об этом сообщат,— ответил он тем же повышенным тоном.

После этого он позвал какого-то служащего и приказал ему принести отношение губернатора. Полицмейстер прочитал мне бумагу, в которой говорилось, что «деятельность союза ввиду его противозаконного, вредного характера приостанавливается, о чём и доводится до сведения правления названного союза».

Прочитав, полицмейстер с торжествующим видом предложил мне расписаться в том, что я слышал распоряжение губернатора и обязуюсь довести его до сведения правления союза.

После этого, продолжая смотреть на меня взглядом торжествующего победителя, он почти весело произнёс:

— Вот и всё-с! Вы свободны-с!

Ничего не отвечая на его последние слова, я быстро вышел из кабинета. Это произошло в 10 часов утра, а вечером в этот же день мною было созвано экстренное заседание правления. После моей информации о создавшемся положении правление решило делегировать меня к губернатору для ходатайства о разрешении вновь открыть союз. Впредь до моего возвращения работу союза решили приостановить.

Взяв отпуск на фабрике, я поехал во Владимир и на следующий день явился к губернатору. В приёмной губернатора, когда я предъявил свои бумаги, меня сначала обыскали, а потом попросили подождать. Прошло около часа, пока губернатору доложили обо мне. В кабинет к себе он меня не позвал, а в сопровождении двух каких-то штатских сам вышел ко мне в прихожую.

Это был седой старик, жёлтый и сморщенный, с какими-то крестами и медалями на груди.

— Кто тут Самойлов? — крикнул он слабым старческим голосом.

— Я, господин губернатор,— сказал я, вставая и делая, к нему несколько шагов навстречу.

Сопровождавшие его двое штатских в это время пристально устремили на меня глаза.

— Вы председатель союза печатников? — задал мне вопрос губернатор.

— Ситцепечатников, господин губернатор, — поправил я его.

— Ну да, печатников, — снова повторил он, видимо, не понимая разницы между этими двумя словами. — Ну что вам нужно? Что вам нужно? — сказал он снова.

— Я уполномочен правлением нашего союза просить вас отменить ваше постановление о закрытии союза. Кроме того, мы хотели бы узнать причину закрытия, — сказал я.

— У вас на собраниях произносятся преступные, противозаконные речи, выступают социал-демократы и ведут противоправительственную агитацию, — сказал он.

— Помилуйте, господин губернатор, наши собрания проходят всегда в присутствии полиции, которая строго следит за всеми речами и не допускает ничего противозаконного; говорим мы там только то, что разрешено законом.

— А у меня вот есть сведения, что там у вас, на этих ваших собраниях, говорят социал-демократы, — говорит он снова.

— Я не знаю, господин губернатор, — отвечаю я, — может быть, среди членов нашего союза и есть социал-демократы, но на собраниях у нас никакой незаконной агитации не ведётся, и причины для закрытия нашего союза мы не видим. У нас три с половиной тысячи членов союза, и все они очень взволнованы и недовольны его закрытием. Поэтому от их имени я прошу вас разрешить нам снова открыть союз.

Он помолчал немного, потом сказал:

— Ну, хорошо, я наведу справки ещё раз о вашем союзе, а потом вам отвечу, а вы пока поезжайте.

— А через сколько времени, господин губернатор? — спрашиваю я.

— А вот как только расследую, так и отвечу, — сказал он в заключение и, быстро повернувшись, в сопровождении своих «телохранителей» ушёл в кабинет.

Выходя от губернатора и обдумывая его слова, я пришёл к выводу, что союзу, возможно, будет разрешено существовать ещё некоторое время.

Приехав в Иваново-Вознесенск, я опять созвал заседание правления. После моего доклада о результатах поездки

к губернатору было решено ждать, пока будет произведено обещанное губернатором «расследование» деятельности союза.

Чтобы не возбудить какого-либо подозрения, мы всё это время не устраивали никаких собраний, и работа союза была полностью приостановлена. Прошло около месяца, пока получили ответ.

В первых числах декабря через полицию на моё имя была получена повестка от губернатора, в которой мне предлагалось немедленно явиться к нему. Сообщив об этом членам правления, я снова поехал во Владимир.

Во время пути, раздумывая над губернаторским вызовом, я сделал вывод, что мои первоначальные предположения о благоприятных результатах ходатайства оправдались; полиция тогда с нами не любила «нянчиться», и если нам в чём-либо отказывали, то отказывали прямо и решительно, с окриками и угрозами.

В приёмной губернатора я сообщил, что явился по его вызову. Меня снова обыскивали, но несколько вежливее, чем в прошлый раз, и ждать пришлось недолго. Принял он меня в прихожей, куда, как и в первый раз, вышел в сопровождении тех же двух «телохранителей».

— Вы от печатников? — спросил он, когда я поднялся со стула и сделал два шага к нему навстречу.

— От ситцепечатников, господин губернатор, — снова поправил я его, как это было и в первую мою поездку.

— Ну да, от печатников, я и говорю, — повторил он опять. — Ну вот что: ваш союз я открываю, — продолжал он дальше, — и вы можете приступить к своему делу, но помните, за вами будут строго следить, и если опять что-нибудь будет замечено, то союз будет снова закрыт, и уже навсегда, а все виновные, замеченные в противозаконных действиях, будут строго отвечать перед законом. Помните главное: никакой политики в вашем союзе быть не должно, и вы должны всегда твёрдо стоять за веру, царя и отечество и внушать это всем своим товарищам. — При этих словах он несколько раз легонько хлопнул меня по плечу.

— Господин губернатор, — прервал я его, — это уже вопрос политический, а наш союз политикой не занимается и, как вы сами сейчас говорили, не должен заниматься.

— Да, да, да, — оборвал он меня, — политики в вашем союзе быть не должно, я вот открываю его и посмотрю, и

если что будет замечено, все, все вы будете строго отвечать. А теперь идите и передайте это своим товарищам.

— Когда же, господин губернатор, можно будет открыть действия союза? — спрашиваю я.

— Это будет сообщено через полицию, — ответил он.

— А как скоро? — снова задаю я вопрос.

— Скоро, скоро, идите с богом, держите себя смирно и спокойно и внушайте то же самое вашим товарищам, членам вашего союза.

Чувствуя, что «наша взяла», я в хорошем настроении вышел от губернатора, а когда по приезде в Иваново-Вознесенск сообщил товарищам о результатах поездок в губернию, это настроение передалось и им.

Хотя угроза губернатора закрыть союз, «если что будет замечено», ясно говорила о том, что жизнь союза зависела всецело от усмотрения властей, тем не менее на этот раз мы торжествовали победу над местной городской полицией. Полицмейстер потерпел неудачу в своих доносах губернатору.

Через несколько дней меня вызвал полицмейстер и прочитал мне полученную из губернии официальную бумагу об открытии союза. Вид у него был недовольный, угрюмый; прочитав бумагу, он сказал:

— Радуетесь своим успехам, довольны, что открыли союз? Ну, смотрите, при вторичном-то закрытии будете отвечать. Да, да... будете отвечать. Да ещё как!

— Что вам угодно от меня, господин полицмейстер? Чего вы меня пугаете? — прервал я его.

— Я ничего, я только предупреждаю вас, чтобы вы знали, — отвечал он.

— Я это знаю, господин полицмейстер, — сказал я и вышел от него.

В декабре союз возобновил свою деятельность. Но упадок настроения в рабочих массах сказывался всё сильнее: несмотря на устраиваемые нами собрания и прочие агитационные мероприятия, число членов союза уменьшалось.

После ряда обысков, произведённых жандармами в помещении правления союза в марте 1909 г., наш союз был снова закрыт, и жандармский ротмистр Орловский приступил к дознанию по делу «о преступных деяниях членов правления союза».

В апреле и мае были привлечены по этому делу Кудрин, я и др.

Полиция некоторое время меня не беспокоила. Но вот, когда в лесу зацвели черёмуха и рябина и весна вступила в свои права, на фабрику Грязнова, где я работал, однажды явился известный в городе жандарм Яичкин и вручил мне повестку от жандармского ротмистра. Мне предписывалось немедленно явиться на допрос.

С этой повесткой я пошёл к управляющему фабрикой и попросил у него отпуск для явки на допрос.

— А надолго? — спросил управляющий, когда я показал ему повестку.

— Вероятно, на несколько часов.

— А вас не заберут? — снова спросил он.

— Не знаю, думаю, что нет, — ответил я.

Когда я вошёл в кабинет к ротмистру, он, узнав, кто я, предложил мне сесть к столу, и допрос начался. Он спрашивал меня, сколько времени я работал в союзе, как союз организовался, какие цели он себе ставил, кто ещё со мной работал в правлении союза, как была создана библиотека союза, кто и как делал подбор книг для этой библиотеки, кем и где приобретались книги, кем и в каком порядке выдавались они для чтения из библиотеки и т. д.

На эти вопросы я старался отвечать так, чтобы мои ответы не могли дать ротмистру никаких материалов для обвинения. Я говорил ему, что точно не помню, сколько времени работал в правлении, что союз имел целью улучшение материального положения своих членов и вообще борьбу с капитализмом и что библиотека создана по постановлению общего собрания, но что я точно не помню, как она составлялась и кто в этом деле участвовал и т. д.

Ротмистр, продержав меня на допросе около трёх часов, предложил мне написать собственноручно, что я не признаю себя виновным в преступлениях, предусмотренных 128, 129 и 132-й статьями, что я и сделал. Когда протокол допроса был мне прочитан и я его подписал, ротмистр сказал:

— Ну, а теперь напишем постановление, — и он на чистом листе бумаги стал что-то писать.

Кончив писать, он сказал:

— Прошу слушать.

Затем он прочитал мне постановление, в котором говорилось, что на основании таких-то статей, такого-то уголовного и в целях пресечения укрывательства от суда и следствия я заключаюсь под стражу.

После этого ротмистр позвал одного из унтеров и сказал ему, чтобы он меня свёл в фотографию Григорьева для снимка, а потом отправил в тюрьму. Выслушав ротмистра, унтер, вытянувшись в струнку, сказал: «Слушаюсь», и мы с ним вышли из кабинета.

Мы направились к центру города, где находилась тогда фотография. В фотографии меня сняли в нескольких видах. Затем мы с этим же унтером вышли и направились в тюрьму, которая находилась на Покровской улице, рядом с помещением городского полицейского управления.

По пути в тюрьму нам встретился присяжный поверенный, бывший юрисконсульт нашего союза.

— Арестованы? — спросил он.

— Да, — ответил я.

Больше говорить было нельзя: мы подходили уже к тюрьме, а жандарм спешил.

В воротах тюрьмы жандарм предъявил бумагу, и часовой впустил нас во двор.

В этой тюрьме я сидел в 1905 г. Здесь ничего не изменилось — те же высокие из небелёного кирпича стены окружали тюремный двор, те же равнодушно-тупые рожи надзирателей, те же камеры и та же грязь и вонь в коридоре и в камерах. Всё то же, только там, за стенами тюрьмы, на воле уже теперь не то. Во время моего первого ареста, в 1905 г., там было бурно и шумно. На фабриках и заводах, несмотря на только что закончившуюся и мало удачную в экономическом отношении стачку, был огромный революционный подъём. Гул этого подъёма доходил до стен тюрьмы, и политические заключённые чувствовали, что сидеть придётся недолго. Теперь же на воле было тихо, в политической жизни страны под сенью столыпинских виселиц и военно-полевых судов царила глубокая тишина. Рабочее движение продолжало идти на убыль, на фабриках и заводах администрация постепенно начинала переходить к дореволюционным порядкам, а рабочие массы пока молчали.

В коридоре тюрьмы жандарм сдал меня старшему тюремному надзирателю. После тщательного обыска меня направили в одну из верхних одиночных камер. По пути в эту камеру я встретил товарища, который сидел уже несколько дней. «Ага, и ты сюда», — сказал он, увидя меня. На него крикнул полицейский, и он быстро ушёл в свою камеру.

Камера представляла собой маленькое помещение с грязными деревянными нарами, на которых можно было поместиться вдвоём. Стены сырые, со множеством всевозможных грязных пятен, пол чёрного цвета, потолок серый, маленькое тюремное оконце с двумя стеклянными рамами и толстой железной решёткой между ними.

Я сел на нары и стал обдумывать своё положение. Во время допроса жандармский ротмистр особенно интересовался библиотекой нашего союза, и для меня стало ясно, что предлогом для закрытия союза и привлечения к суду правления жандармы избрали именно нашу библиотеку. При обыске в ней было обнаружено порядочное количество книг, брошюр, газет и журналов, «изъятых из обращения» разными органами правительственной власти.

Я знал, что в нашей библиотеке такой нелегальной литературы, какая печаталась тогда в наших подпольных партийных типографиях, не было. Но мы не думали о том, что у нас имелась другая литература, с нашей точки зрения безобидная, но при наличии которой власти при желании всегда могли найти предлог для закрытия союза.

Камера кишела клопами. Я развлекался тем, что энергично боролся с ними, шпарил их кипятком.

Здесь я просидел всего два-три дня, потом меня перевели в камеру, где находился М. Кудрин, технический секретарь нашего союза, и ещё два товарища.

В этой новой камере, рассчитанной на двоих или максимум на троих, находилось четверо заключённых. На деревянные нары укладывались двое, а остальные спали на набитых соломой тюфяках, брошенных прямо на цементный пол.

Воздуха нехватало, и мы выбили в маленьком оконце камеры около половины стёкол: но и несмотря на это, было душно и неудобно. Постепенно мы привыкли и «устроились». Через смотрителя тюрьмы даже выписали газету «Русское слово», которую тот согласился нам передавать при условии, что предварительно будет читать её сам.

По утрам мы читали «Русское слово», после обеда шли на прогулку во двор. Время шло довольно быстро, и я уже свыкся с положением заключённого. Но вот однажды вечером, когда мы готовились лечь спать, надзиратель принёс мне письмо от жены, которая писала, что жандармский

ротмистр предлагает внести залог в 300 рублей, и тогда я буду освобождён до суда.

Я сообщил содержание письма товарищам по камере и спросил их совета.

— Нужно ложиться спать,— ответил мне Кудрин.

— Спать-то спать, это верно,— возразил я ему,— но я бы хотел знать ваше мнение по этому вопросу.

— Никакого мнения тут не требуется, дело очень ясное. Есть у тебя 300 рублей, попробуй их внести, и тогда посмотрим, что из этого выйдет. Возможно, что эту сумму жандарм назначил, будучи уверен, что у тебя её нет и ты внести её всё равно не сможешь, поэтому и будешь сидеть, сколько будет угодно жандармскому ротмистру,— говорили другие товарищи.

Денег у меня действительно не было ни гроша, и доводы товарищей были настолько убедительны, что я очень скоро успокоился и уснул.

Через несколько дней, однако, я снова получил письмо, в котором сообщалось, что бывший юриконсульт нашего союза предлагал жандармскому ротмистру освободить меня под его поручительство, но ему в этом было отказано.

Два раза в неделю заключённым разрешались свидания с родственниками. На одном из таких свиданий жена передала мне, что вечером в день моего ареста полиция во главе с приставом тщательно обыскивала нашу квартиру. Но, кроме нескольких легальных книг, вроде Тотомианца «Формы рабочего движения» и некоторых других, ничего не было найдено. Мои записные книжки и рукописные документы жена успела убрать. Пристав остался недоволен результатами обыска и сказал жене:

— Вы, должно быть, очень хорошо умеете убирать и прятать материалы и документы.

Мои записные книжки, рукописи и документы были так запрятаны в лесу, что потом, несмотря на все старания, нам самим не удалось их найти.

Через камеру от нас сидел член правления нашего союза, арестованный недели на две раньше меня. Он всё время сидел в одиночке, но особо строгой изоляции не подвергался. Мы постоянно передавали ему газеты и переписывались.

Прошло ещё некоторое время. На воле было всё спокойно. Время от времени некоторые товарищи присылали

нам небольшую денежную поддержку, мы не рассчитывали на скорое освобождение. Вдруг однажды утром в нашу камеру явился полицейский и предложил мне и двум другим товарищам собраться.

— Куда? — спрашиваем мы.

— На волю, — отвечает он.

Это было неожиданно. Волнуясь, мы попрощались с оставшимися товарищами, вышли из тюрьмы и направились в полицейское управление.

В небольшой комнате за письменным столом сидел здоровенный, толстый человек в штатском. Казалось, он имел одинаковые размеры и в ширину и в высоту. Подбородок и затылок его были покрыты громадными жировыми складками, шея толще головы, руки и ноги короткие, и весь он походил на громадный арбуз.

Он предложил нам расписаться в том, что мы обязуемся никуда из города не выезжать без разрешения полиции и ходить в определённое время «на проверку» к участковым полицейским надзирателям. Таким образом, мы отдавались под так называемый гласный надзор полиции. После этого толстяк обратился к нам с речью:

— Ну, господа, вы освобождаетесь из-под стражи, но имейте в виду, что поступить на работу вам уже не придётся. На фабриках вам уже не бывать, да-с!

— А что же прикажете нам делать? — спросил я его. — Чем же прикажете жить?

— А это уж меня не касается, — возразил он, ядовито улыбаясь всей своей жирной, порослячьей рожей, — как хотите, так и живите.

— То есть как же это, как хотите? Есть-то мы должны что-нибудь или нет? Пальцы что ли вы нам прикажете сосать?

— А какое мне дело, — повышая голос, сказал толстяк, — вы знали, что делали, когда шли на преступление! Если бы вы вели себя тихо и смиренно, тогда никто бы вам не помешал работать.

— Это не ваше дело, никакого преступления мы не совершали, — бросил я в заключение.

Мы быстро вышли из комнаты.

На улице стоял яркий, тёплый, солнечный день. Был конец мая. По обочинам мостовой пробивалась сквозь камень молодая травка. Из соседнего с полицейским управлением сада фабриканта Гандурина веяло бодрящим,

свежим запахом только что распустившихся тополей, доносился весёлый крик грачей и задорное чириканье воробьёв. По мостовым громыхали крестьянские телеги, извозчичьи пролётки, отовсюду слышались звонкие голоса ребятшек.

На оживлённых весенних улицах меня захватила эта волна звуков, яркого солнца и тёплого воздуха, вся пробуждающаяся в природе жизнь. Я почувствовал, что наше положение не так уж плохо, как представлялось в тюремной камере. Я знал по опыту, что каковы бы ни были условия партийной работы, а в тёплое время года нам помогала сама природа. Для наших собраний были предоставлены обширные окружающие город леса, в густой зелени которых не страшны были ни шпики, ни дикие «охранители порядка» — казаки. Но когда я вспомнил об «особом надзоре полиции», во власти которой мы теперь находились, рискуя за малейшее возникшее у полиции подозрение снова очутиться в тюрьме, моё весеннее настроение в значительной степени упало.

Зайдя в пивную и выпив по паре стаканов пива, мы разошлись по своим квартирам.

Несмотря на угрозы полиции лишить нас работы, я снова был принят на фабрику и приступил к своей прежней работе учётчика дневной выработки фабрики. Жизнь вошла в обычную колею, если не считать того, что теперь приходилось регулярно ходить к участковому полицейскому надзирателю «на отметку».

Обстановка на фабрике была в это время накалена. Орава шпииков и доносчиков окружала заведующего фабрикой Постникова. Постников пользовался у рабочих репутацией деспота и эксплуататора. Не внимая никаким просьбам, не обращая внимания ни на семейное положение, ни на болезнь, ни на какие-другие обстоятельства, он увольнял за самые незначительные провинности даже людей, проработавших на фабрике по несколько десятков лет и потерявших на ней все силы. В армии безработных было немало таких несправедливо уволенных. Многие из них были сильно озлоблены против Постникова и горели желанием отомстить ему, как виновнику всех своих бед.

Ещё осенью 1907 г., когда Постников ехал утром на фабрику, в него стрелял кто-то из рабочих дружинников, но промахнулся.

Жестокий и беспощадный к рабочим, Постников своим любимчикам — всяким добровольным шникам, доносчикам и разным подхалимам давал всякие льготы и привилегии.

* * *

В то время большинство профессиональных союзов было закрыто, остальные находились накануне закрытия, и наши партийные товарищи встречались обычно в кооперативе «Единение — сила», находившемся в местечке Ямах. В правлении этого кооператива было несколько видных партийцев. Кроме того, собирались в деревне Дьяково, верстах в пяти от города. Там жило несколько наших товарищей. Известный партийный типографщик Егор Иваныч вместе с некоторыми другими товарищами начал печатать прокламации. Но вскоре они заметили слежку соседа, известного черносотенца, и вынуждены были прекратить работу. Типографию перевезли в кооператив «Единение — сила», а потом на квартиру старой партийной работницы Дарьи Ивановны.

В начале 1910 г. была замечена слежка и за этой квартирой. Решили взять типографию от Дарьи Ивановны и перенести в более безопасное место. Поручено было это дело В. Иванову и С. Икрянистову. Подходя к дому, где была типография, Иванов издали заметил, что во дворе рыскают какие-то люди. Кто-то из встречных сказал ему, что там полиция, и Иванов поспешил уйти. Икрянистов же совсем не пришёл и, как впоследствии выяснилось, напившись, где-то спал. Странность его поведения тогда же обратила на себя внимание товарищей, но почему-то никто не придавал этому должного значения. Впоследствии выяснилось, что Икрянистов был провокатором.

Полиция нашла нашу типографию в комнате Моти Шиловой, поэтому арестованная владелица квартиры Дарья Ивановна на допросах показала, что она ничего о типографии не знает, что это дело умершей Моти Шиловой, и, как ни допытывались жандармы, упорно стояла на своём. Она просидела в тюрьме свыше года, но никого не оговорила. Жандармы вынуждены были выпустить её из-под ареста без всяких для неё последствий.

ПОПЫТКИ ВОССТАНОВИТЬ ОРГАНИЗАЦИЮ. В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ. НОВЫЕ ДОПРОСЫ

В конце 1909 или в начале 1910* г. Иваново-Вознесенская партийная организация некоторое время существовала без городского объединяющего центра. На большинстве предприятий вели работу разрозненные партийные ячейки, ушедшие в глубокое подполье. Царил полицейско-жандармский террор. Революционеров бросали в тюрьмы и крепости, отправляли в ссылку, их зверски избивали, подвергали пыткам и мучениям. Казнено было несколько тысяч революционеров.

Черносотенные организации торжествовали свою победу и всячески издевались над измученным в неравной борьбе рабочим классом.

На фабриках и заводах администрация снова обнаглела. За малейшую провинность рабочих штрафовали и увольняли.

Восстановить городской комитет и объединить под его руководством существовавшие на ряде предприятий партийные организации было трудно отчасти и потому, что в ивановские организации проникли провокаторы. Всё же летом 1910 г. была предпринята по инициативе вернувшейся из ссылки О. А. Варенцовой серьёзная попытка восстановления городской социал-демократической организации. Было устроено несколько собраний, на которых решили возобновить партийную работу. 26 сентября того же года по инициативе иваново-вознесенских и кинешемских товарищей в Кинешме состоялась районная партийная конференция.

Но конференция была вся целиком арестована, и начавшаяся было партийная работа в районе снова приостановилась. Арестованным предъявили обвинение по статье 102 за принадлежность к РСДРП. Однако через 4—5 месяцев всех освободили за недостатком улик.

На другой день после ареста конференции в Иваново-Вознесенске и Шуе были арестованы у себя на квартирах несколько партийных товарищей. Скоро было установлено, что провалил конференцию некто М. Смирнов, незадолго до этого приехавший откуда-то и вступивший в социал-демократическую организацию.

Весной 1910 г. я заболел острым катарром лёгких, и

главный врач больницы чернорабочих предписал мне немедленно бросить фабрику и отправиться на два месяца в деревню. Он говорил, что, если я не уеду, болезнь может кончиться плохо, и дал мне соответствующую бумажку для администрации фабрики и фабричного врача.

Несмотря на то, что я чувствовал себя очень плохо и не мог работать, врач нашей фабрики начал со мной торговаться. Сначала он предлагал мне поехать в деревню на две недельки, потом на три, но я категорически настаивал на сроке, указанном главным врачом. Наконец, он согласился отпустить меня на один месяц. Сделав необходимое заявление о моём выезде из города старшему полицейскому участка, в котором я жил (это требовалось от меня как от поднадзорного), я уехал в родную деревню, где тогда жили мои родители. Было это в конце июня — самое лучшее время лета. Погода стояла сухая и жаркая; изредка перепали дожди.

В нашей деревне столыпинский закон о предоставлении крестьянам права выхода из общины на хутора и отруба не произвёл почти никакого изменения. Почва была мало плодородна, наделы — ничтожной величины. Кулаков почти не было, и крестьяне не желали выходить из общины. Только человека три-четыре из крестьян, имевшие наделы несколько большие, чем все остальные, закрепили их за собой, согласно новому закону, «в вечное владение»; это значило, что во время переделов земли наделы этих крестьян должны оставаться неприкосновенными. Всё остальное в деревне осталось по-старому: та же трёхпольная система обработки земли, чересполосица, общинная уборка сена на лугах и т. д. Крестьяне, как и много лет назад, вели жизнь полупролетариев, работая и на земле и на фабриках.

Я был доволен тем, что могу пробыть в деревне целый месяц. Несмотря на крайнюю физическую слабость, я с первых же дней пребывания в деревне стал чувствовать себя лучше, и у меня явилась надежда на выздоровление.

С раннего утра и до позднего вечера я находился под открытым небом — в поле, в лесу, на лугу, у реки или в огороде — и, вдыхая полной грудью чистый воздух, чувствовал, как вместе с ним возвращаются ко мне силы, отнятые многими годами фабричной жизни.

Начался сенокос, и закипела летняя крестьянская работа. Скошенная в лугах и на гумнах трава, высыхая под жгучими лучами солнца, пьянила резким запахом.

Пробовал и я братья за косу, но не попевал даже за стариком-отцом.

Опустели скошенные луга, зазолотилось ржаное поле, началось жнитво, а в лесу появились грибы и поспела малина. Я стал ходить в лес, а иногда, помогая старикам, брал серп и немного жал. Под влиянием этой обстановки я на время забыл о своём положении поднадзорного.

Но действительность скоро напомнила о себе. Однажды в жаркий солнечный день я отправился за реку на поросшую малиной сечку. Я уже порядочно устал, и моя корзина была почти полна душистых ягод, как вдруг со стороны реки раздался тревожный голос отца, звавшего меня в деревню.

Я быстро пошёл навстречу отцу и узнал от него, что меня спрашивал приехавший в деревню со стражниками урядник. Мы отправились в деревню.

Для нашего захоlustья, где вечно царила «тишь да гладь» и каждый день походил на все остальные, приезд урядника был целым событием. Когда мы подходили к нашей избе, у её окон стояла большая толпа любопытных — мужчин, женщин и детей. В середине толпы находился приехавший из волости урядник с двумя стражниками.

При нашем появлении толпа раздвинулась и смолкла. Мужчины, женщины и дети, разинув рты, смотрели то на меня, то на урядника. Увидев меня, урядник спросил:

— Вы Самойлов?

— Да, — ответил я.

— Вот тут вам есть повесточка, получите её и здесь распишитесь, — сказал он, подавая мне небольшую лист бумаги.

Я прочёл бумажку. Это была повестка из города, от жандармского ротмистра. В ней он предлагал «с получением сего немедленно явиться на допрос».

Урядник сказал, что явиться нужно немедленно, иначе он доставит меня этапным порядком. Затем урядник и стражники вскочили на лошадей и быстро ускакали. Только после этого толпа обрела дар слова. Некоторые, очевидно, ожидали ареста и были разочарованы. Посыпались вопросы: что такое? зачем я нужен жандармам? и т. д. Я объяснил, но люди, видимо, мало понимали мои объяснения и, недоумевая, медленно разошлись.

Я начал соображать, в чём дело, и пришёл к заключению, что, вероятно, уже закончилось следствие по делу о союзе. На другой день с утра я был уже в городе.

Когда я явился к жандармскому ротмистру, выяснилось следующее: уведомление о моём выезде из города почему-то не поступило к участковому полицейскому надзирателю, к которому я, как поднадзорный, в определённое время ходил отмечаться. Обеспокоенный тем, что я перестал являться для отметок, участковый надзиратель решил, что я скрылся из-под надзора, и сообщил об этом ротмистру. Последний навёл справки, узнал место моего нахождения и через волостного урядника предложил мне немедленно явиться.

Когда эти обстоятельства выяснились, жандармский ротмистр заявил, что если я ещё раз позволю себе без его личного разрешения отлучиться из города, то немедленно буду арестован и останусь под арестом «вплоть до суда».

Скоро я снова был вызван на допрос в жандармское управление. На этот раз, предъявив мне несколько канцелярских книг, отобранных при обыске в правлении нашего союза, и книги, где записывалась выдававшаяся из библиотеки союза литература, жандармский ротмистр спросил, знакомы ли мне эти книги и делал ли я в них в бытность мою председателем правления союза какие-нибудь записи. Осмотрев книги, я ответил, что они похожи на книги, которые мне приходилось видеть в правлении союза, но точно ли это те книги, утверждать не могу, так как никаких канцелярских работ в союзе не вёл.

Записав мои показания, жандармский ротмистр сказал:

— Ну, а теперь давайте побеседуем частным образом.

— О чём же нам беседовать, господин ротмистр? — спросил я.

— Ну вот, например, как у вас идут дела на фабрике?

— Какие дела, господин ротмистр?

— Ну, хорошо ли работает фабрика, сколько имеет она заказов на товары и т. д.

— Точно я не могу вам сказать об этом ничего, это вы можете узнать у нашей фабричной администрации, но, насколько мне известно, дела фирмы в данный момент не дурны. Заказы есть, и фабрика идёт полным ходом, — отвечаю я.

— Так, — говорит он, — ну, а о забастовке не думаете?

— Не знаю. А почему вы об этом спрашиваете, сведения что ли у вас есть какие на этот счёт? — в свою очередь спрашиваю я.

— А как же,— говорит он,— раз дела идут хорошо, значит для стачки подходящий момент.

— Может быть, и подходящий,— отвечаю я,— но я об этом ничего не знаю.

— Да вы не бойтесь, говорите без стеснения, это ведь у нас частная беседа, протокола по этому поводу я писать не буду,— говорит он.

— Да мне нечего вам говорить, господин ротмистр, я об этом совершенно ничего не знаю.

— Ну, а вот социал-демократическая организация у вас на фабрике есть?— спрашивает он.

— О такой организации тоже ничего не знаю, господин ротмистр.

— Ну, как же не знаете, а вот такие маленькие группочки, ячейки существуют же у вас на фабрике?— продолжает ротмистр.

— Может быть, и существуют, господин ротмистр, но я о них ничего не слышал,— отвечаю я упорно.

После того он помолчал с минуту, что-то соображая, потом вдруг сказал:

— Ну, вы свободны.

Жандарм, видимо, хотел что-то от меня узнать и, так сказать, «цупал почву».

В первой половине 1911 г. я снял квартиру на одной из окраинных улиц города, в рабочем квартале, называвшемся Новая графская земля. Местечко это во многом было очень похоже на деревню. Домики, деревянные одноэтажные, построены были на арендованной земле, которая принадлежала тогда известному помещику графу Шереметьеву. Жили здесь главным образом рабочие, которые и строили эти домики на свои скудные сбережения, скопленные в течение десятков лет. Лишь незначительная часть домиков, тех, что побольше и поудобнее, принадлежала разным мелким и средним лицам фабрично-заводской администрации и наиболее обеспеченным рабочим.

Маленькие немощёные улочки этого местечка летом густо зарастали травой. С западной стороны протекала сильно загрязнённая фабриками и заводами река Уводь, с южной — небольшая чистенькая речка Талка, которая тут же и впадала в Уводь. На правом берегу Уводи, против Новой графской земли, стояли четыре большие фабрики: две ситценабивные — Грязнова и Гарелина, одна

ткацкая — Гарелина же и одна заварка — Шапова. У берегов Уводи и Талки к Новой графской земле примыкала гладкая равнина, покрывавшаяся летом высокой, густой травой. За Талкой невдалеке виднелся большой лес и распаханные поля.

Я поселился в недавно построенном деревянном домике, состоявшем из двух половин; в одной из них, с тремя окнами, выходившими на улицу, жили старики-хозяева, а в другой, с двумя окнами, выходившими к речке Талке, поместился я.

При домике был небольшой, обнесённый деревянным забором, заросший травой двор. Хозяин работал старшим слесарем на ближайшей фабрике Гарелина, а его жена хозяйничала дома.

Я с удовольствием занялся небольшим огородом на дворике и свободные вечерние часы проводил с лопатой, отдыхая за любимой работой. Но скоро моё безмятежное житьё было нарушено.

Однажды вечером, когда я пришёл с фабрики, жена сообщила мне, что наши хозяева предлагают немедленно освободить квартиру, даже не соглашаются подождать, пока поспеют мои овощи. Пришлось спешно переехать на новую квартиру.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ЖАНДАРМСКИЕ УЛОВКИ. СУД. РАЗГРОМ ПРОФСОЮЗОВ

Приближалось время суда над правлением союза. Профсоюзные и партийные работники, вызывавшиеся в качестве свидетелей, не дали в своих показаниях никакого материала для того, чтобы обвинить правление в противоправительственной работе. Да и разыскивать таких свидетелей жандармам было трудно, ибо со времени закрытия союза очень многие из них успели переменить место жительства и работу. Поэтому жандармы, отыскивая свидетелей, прибегали ко всякого рода уловкам. Например, уже летом 1911 г., месяца за два до суда, на фабрику, где я работал, снова явился жандарм Яичкин. Отыскав меня, он сказал:

— У меня есть к вам просьба. Дело вашего профессионального союза ситцепечатников, по которому вы привлекаетесь, прекращается.

— Совсем прекращается?— спрашиваю я.

— Да, прекращается всё дело вашего союза за отсутствием состава преступления. Но для того чтобы оформить это, нужно отыскать ещё несколько наиболее видных работников союза, чтобы они подписались под бумагой о «прекращении дела». Я прошу вас помочь мне в этом.

— Как же я могу вам помочь?— спросил я.

— Вы работали в союзе долгое время, кажется, в качестве председателя правления и, конечно, хорошо знаете всех товарищей по союзу, знаете, где они сейчас находятся. Я прошу вас дать мне несколько адресов для того, чтобы мы могли их вызвать для подписания бумаг...

Я почувствовал, что жандарм закидывает какую-то удочку и делает это очень неискусно, грубо и глупо. Я ответил, что со времени закрытия нашего союза прошло уже свыше двух лет: за это время я потерял из виду всех моих товарищей по работе в союзе и поэтому, к сожалению, помочь ему не могу.

— Как же не можете?— возразил он.— Не может быть, чтобы вы уже совершенно всех растеряли,— поищите, так найдёте; это ведь в ваших же интересах, в интересах ускорения прекращения вашего дела.

— Никаких тут наших интересов нет, вы начали дело, вы его и прекращайте как хотите, а адресов я не знаю и ничем помочь не могу,— сказал я.

— Но я вас очень прошу постараться найти хоть кого-нибудь, насколько это вам удастся и не затруднит вас,— продолжал просить жандарм,— пожалуйста, господин Самойлов.

Я рассказал об этом разговоре работавшему в соседнем отделении т. Охлопкову, бывшему члену нашего союза. Перед нами встал вопрос: сходить ему к жандармам или нет? Охлопков был рядовым членом союза, в правление не входил, за ним никаких особых грехов в глазах жандармов не числилось, он ничем не рисковал, а было любопытно узнать, зачем действительно нужно жандармам вызвать ещё нескольких товарищей. В конце концов мы решили не ходить: на кой, мол, чорт так или иначе помогать нашим врагам вести те или иные их дела? Пускай сами разыски-

вают и вызывают тех, кто им нужен, и если уж вызовут, тогда нужно идти; самим же ходить не следует.

Так никто и не пошёл, а скоро выяснилось, что это была одна из очередных жандармских уловок. Дело наше не только не было прекращено, но скоро все мы, обвиняемые, должны были явиться на суд во Владимир.

Осенью 1911 г., пробыв под особым надзором полиции около двух с половиной лет, мы, бывшие члены правления союза ситцепечатников, в числе 15 человек получили повестки явиться 28 октября во Владимир на суд выездной сессии Московской судебной палаты.

Получив повестки, мы на предварительных совещаниях (к этому времени почти все уже были на воле) решили предложить бывшему юрисконсульту нашего союза организовать судебную защиту. Он согласился и пригласил ещё двух московских защитников.

Ещё до суда ознакомившись с делом, экземпляр которого был получен нашим защитником, мы поняли, что оно довольно серьёзно: жандармами был собран большой обвинительный материал. Он состоял главным образом из отобранных при обыске в правлении союза библиотечных книг и согласно предъявленному на основании статей 128, 129 и 132 обвинению нам угрожало заключение в крепости от одного года до вечной ссылки на поселение с лишением всех прав.

В своих показаниях подсудимые и свидетели ни на кого не сваливали вину. Только один из привлечённых немного излишне распространился о том, кто и как закупал для библиотеки союза книги.

Большинство отобранных книг было агитационно-пропагандистского характера, и в некоторых из них был призыв к борьбе с правительством всеми способами, вплоть до вооружённого восстания.

Рассчитывать на беспристрастие суда мы не могли и, идя на суд, вполне ясно сознавали, что находимся всецело в руках классовых врагов, и заранее готовы были ко всему худшему. Об этом не раз предупреждал нас и защитник. Он говорил: «Судьи, которые вас будут судить, подобны волкам, и они так и смотрят волками; вот увидите сами, они будут стремиться всеми силами не выпускать вас из своих когтей».

После совещания с защитой мы решили представить дело так, будто всё произошло по нашей неопытности и

малограмотности, без всякого с нашей стороны умысла; решили отрицать обвинение полностью и объяснить происшедшее новизной дела организации профессиональных союзов: в этой области мы, мол, новички, не имеющие никакого опыта.

Наш защитник высказывал мнение, что несколькими из нас, несомненно, придётся понести довольно строгое наказание и в первую голову, конечно, руководителям союза. Но он надеялся, что защите удастся добиться признания «смягчающих вину обстоятельств» и что приговор не будет превышать двух-трёх лет заключения в крепости.

Вечером 27 октября 1911 г. все мы, 14 подсудимых и около десяти свидетелей, поехали во Владимир.

* * *

За несколько часов до открытия судебного заседания нас отделили от свидетелей и отвели в комнату подсудимых. Пришедшие к нам на последнее совещание перед судом защитники после обмена мнениями одобрили намеченный ранее план нашего поведения на суде. Защитники разбили нас на три группы; каждый взял на себя защиту одной из этих групп.

Скоро нас пригласили в зал суда и усадили на скамью подсудимых. После команды судебного пристава «Суд идёт, прошу встать!» мы увидели, наконец, этот суд из царских слуг. Это были высшие штатские чиновники с крестами, медалями и другими знаками отличия на мундирах, и среди них трое так называемых сословных представителей. Один — представитель дворянства, пожилой человек, с каким-то особо свирепым выражением лица, другой — типичный буржуа, толстый и жирный городской голова Владимира, третий — старшина одной из ближайших волостей Владимирского уезда, тип деревенского кулака, в чёрной поддёвке, с остриженными «в скобку» волосами и с небольшой лохматой бородкой. Судьи были частью пожилые, частью совсем седые старики.

Когда они заняли свои места, председатель открыл заседание суда, и началась процедура. Был прочитан обвинительный акт. На вопрос о виновности все ответили отрицательно. Потом начал свою речь прокурор. Ссылаясь на имеющиеся в деле вещественные доказательства, он говорил, что выдвинутые против нас обвинения полностью об-

основаны, что преступление совершено нами вполне сознательно, что цель его была обдумана заранее, что ни о каких несознательных действиях, приведших нас к этому преступлению, говорить не приходится и что для него, прокурора, совершенно ясно, что перед судом сидит группа вредных и опасных революционеров, к которым необходимо в интересах государства применить строгую кару, согласно предъявленным статьям обвинения.

Эта речь, надо признаться, произвела на нас некоторое впечатление и подтверждала мнение наших защитников о том, что главным подсудимым не избежать строгого приговора.

Однако после речей нашей защиты, которая доказывала, что у обвинителя не имеется прямых фактов, указывающих на «преднамеренность» содеянного нами, и что поэтому наши деяния не содержат в себе преступления, мне показалось, что нависшие было над нами тучи рассеялись. Настроение улучшилось, снова вспыхнула искорка надежды вырваться из лап хищников-судей, наших беспощадных врагов. Эта надежда окрепла после неожиданного происшествия, случившегося во время осмотра так называемых вещественных доказательств. Когда, с разрешения суда, они осматривались сторонами, то среди них не оказалось одной очень важной с точки зрения обвинения брошюры под заголовком «Протоколы первой областной профессиональной конференции рабочих, занятых по обработке волокнистых веществ». Выдержки из этой брошюры вошли в обвинительный акт.

Исчезновение брошюры принесло нам, подсудимым, большую пользу. Прокурор был поставлен в весьма затруднительное положение. Он несколько раз с растерянным видом пересматривал книги, но брошюры так и не нашёл. Судьи вопросительно смотрели на прокурора, ожидая от него объяснений. Он растерянно молчал.

Наша защита осторожно переглядывалась между собой.

— В чём дело, что это значит? — спросил я подошедшего ко мне защитника.

— Молчите, это в нашу пользу, — ответил он и отошёл.

Прокурор мялся, видимо, не зная, как выйти из создавшегося положения. Наконец, он взял слово, и мы услышали:

— Господа судьи и господа сословные представители, по моему мнению, пропавшая брошюра ошибочно причислена к какому-нибудь другому делу, поэтому её здесь и нет. Но что она тут была и должна быть, в этом я глубоко убеждён.

На такое объяснение наши защитники ответили, что если дело велось таким порядком, при котором возможно было ошибочно причислить вещественные доказательства по одному делу к другому, то, возможно, и остальные вещественные доказательства причислены ошибочно из других каких-либо дел к настоящему делу, и на отсутствующих вещественных доказательствах нельзя основывать обвинения.

В своих объяснениях суду по поводу предъявленного обвинения я говорил о том, что к легальным способам организации и борьбы за улучшение нашего положения мы, русские рабочие, ещё не привыкли: профессиональные организации для нас ещё новое дело, строить их мы только учимся, и здесь возможны всякие ошибки. Ясно, что мы не могли сознательно рисковать жизнью союза, имея в его библиотеке запрещённую литературу. Рисковать возможностью легально организовать для улучшения законными путями нашего положения мы не могли, ибо слишком дорогой ценой эта возможность нам досталась. Дальше, стараясь доказать, что совершённое нами не было сознательным поступком, я отмечал малограмотность подавляющего большинства членов нашего правления и невозможность уследить — за отсутствием под руками газет — за тем, когда и какие книги конфисковывались и изымались из обращения.

Другие товарищи подсудимые говорили очень коротко. Все отрицали свою виновность. Только один из подсудимых несколько изменил свои показания, чтобы выгородить подсудимых, которых он по своей неопытности несколько «оговорил» на предварительных допросах.

Свидетели также не добавили ничего нового к сказанному ими на предварительном дознании.

Прокурор в своей реплике защитникам и подсудимым решительно поддерживал обвинение. Он говорил, что глубоко убеждён в том, что все подсудимые — социал-демократы и действовали по директивам своего партийного комитета, вполне сознательно преследуя определённые цели и отдавая себе полный и ясный отчёт в своих действиях.

Он настаивал на строгом наказании для всех, за исключением Якимова, для которого, как для малограмотного, он допускал возможность признания «смягчающих обстоятельств».

Суд происходил при закрытых дверях. Длился он целый день, с небольшим перерывом на обед.

Было уже далеко за полночь, когда суд удалился на совещание, а мы остались ждать, готовясь выслушать приговор. Защитники молчали и на наши вопросы отвечали короткими, неопределёнными фразами.

Настроение было нервное, напряжённое...

Так прошло 2—3 часа. Наконец, мы снова услышали обычное «суд идёт», и в наступившей тишине началось чтение приговора. То, что мы услышали, для многих из нас было крайне неожиданно. Приговором были осуждены к заключению в крепости сроком на один год только двое — один член правления и секретарь союза, а все остальные 12 человек были «за недоказанностью обвинения» оправданы.

Я, приготовившись к худшему результату, был так озадачен, что не сразу поверил услышанному и несколько секунд стоял, как в столбняке. В этот момент кто-то из товарищей подошёл ко мне и громко сказал:

— Федя, уцепи себя за ухо.

— А что?— недоумевающе спросил я.

— Если это не сон, то будет больно,— весело смеясь, ответил подошедший.

Я тоже рассмеялся, поняв, наконец, всё происшедшее. Мне вдруг стало ясно, что кончился кошмар, который в виде «особого надзора полиции» и тяжёлой неопределённости положения в ожидании суда в течение двух с половиной лет давил нас, не давая возможности свободно передвигаться с места на место, сноситься с товарищами и вести партийную работу.

Огласив приговор, судьи быстро удалились, а мы, и подсудимые и свидетели, столпившись в тесную кучу, устроили шумную и весёлую встречу Иванову-Салову, который после оглашения оправдательного приговора был тут же освобождён из-под стражи. До суда он сидел свыше двух лет.

С нами остались и осуждённые товарищи, так как «мера пресечения» (надзор) осталась прежней. Им предстояла крепость. Нам их было жаль, но сами они держались бодро.

В какой-то ночлежке мы устроились на ночёвку и утром на следующий день всей компанией поехали в Иваново-Вознесенск.

Это было 29 октября 1911 г.

К этому времени чёрные тучи реакции начали немного рассеиваться, во многих промышленных пунктах России уже зашевелилась рабочая масса. Но Иваново-Вознесенск ещё молчал. Освободившись от судебного преследования, мы всё же опасались преследования в административном порядке и первое время после суда старались держать себя осторожно. Мы знали, что хотя гласный надзор полиции был снят, но за нами остался надзор «негласный»: очень уж мы были известны иваново-вознесенской полиции.

Так закончил своё существование первый профессиональный союз рабочих ситцепечатных фабрик Иваново-Вознесенска.

Такая же участь постигла союз ткачей и прядильщиков Иваново-Вознесенска. Их союз тоже был закрыт, правление привлечено к суду, и двое из членов его получили по году крепости.

У металлистов после закрытия их союза несколько членов правления были высланы в административном порядке.

То же произошло и с некоторыми другими союзами в окружающих Иваново-Вознесенск промышленных пунктах, например в Кохме, где после закрытия союза несколько членов правления получили по три года крепости.

Союз торгово-промышленных служащих под влиянием политической реакции распался сам.

В IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

НОВЫЙ ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ. ПОДГОТОВКА К ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

III Государственная дума, избранная по драконовскому избирательному «закону», обеспечившему подавляющее большинство в её составе черносотенцам, попам и помещикам, просуществовала до 9 июня 1912 г., т. е. всё положенное ей время. За этот период Дума показала себя верной опорой царского самодержавия: она не только не приняла ни одного закона, хотя бы немного улучшавшего положение трудящихся, но уменьшила налоги на помещиков и увеличила косвенные налоги на трудящееся население. Дума всецело поддерживала министра внутренних дел Столыпина, который насаждал в деревне кулака — опору царского самодержавия.

В январе 1912 г. на VI Всероссийской конференции РСДРП, созванной в Праге, было решено принять участие в выборах в IV Государственную думу. Пражская конференция признала, что главной задачей нашей партии при проведении выборов — задачей, которой «должны быть подчинены все остальные — является социалистическая классовая пропаганда и организация рабочего класса». Было решено также создать в Думе социал-демократическую фракцию, которая должна была с думской трибуны провозгласить следующие лозунги: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация всех помещичьих земель.

Политическая обстановка в стране изменилась. Упадок рабочего движения сменился новым подъёмом, особенно после расстрела рабочих на Ленских золотых приисках в апреле 1912 г. Волна стачек протеста после этого нового варварства царских палачей прокатилась по всей стране.

Число политических стачечников достигло за пять месяцев более 500 000 человек.

Аресты, высылки и другие репрессии в отношении революционных деятелей продолжались.

Избирательный закон при выборах в IV Государственную думу остался тот же, что и при выборах в III Думу.

Перед началом кампании выборов в IV Государственную думу Центральным Комитетом партии была опубликована «Избирательная платформа РСДРП», написанная В. И. Лениным. Текст рукописи «платформы» был получен из-за границы Г. К. Орджоникидзе. В донесении начальника московской охраны Заварзина, информированного провокатором Малиновским, говорилось, что «означенная платформа в рукописи переслана из-за границы в распоряжение членов ЦК партии и подлежит отпечатанию под непосредственным присмотром члена ЦК — «Серго».

Г. К. Орджоникидзе в Тифлисе удалось отпечатать «Избирательную платформу РСДРП» в одной из маленьких частных типографий. По этому поводу московская охранка, информированная провокаторами, сообщала: «определенно известно, что платформа партии в отношении предстоящих выборов в Государственную думу исполнена в 5 000 экземпляров» и что «представителем Исполнительного Бюро нового ЦК партии ... центровиком «Серго» производится в настоящее время деятельный объезд отдельных партийных имперских организаций...»¹

Появление и распространение в Москве листовки «Избирательная платформа РСДРП» охранка связывала «с имевшим место приездом центровика «Серго»»; перед этим охранник Заварзин сообщил, что «под непосредственным руководством... «Серго»...» в г. Петербурге состоится собрание для ознакомления партийной среды с установками центра партии «в отношении порядка участия в предвыборной кампании в Государственную думу IV созыва»². И действительно, несколько дней спустя Орджо-

¹ «Красный архив» № 1 (86), 1938, стр. 179.

² Там же, стр. 180.

никидзе и приехавший в Москву И. В. Сталин выехали в Петербург. Здесь они должны были провести собрание большевистской организации, посвящённое выборам в IV Государственную думу¹.

Партия большевиков продолжала стоять на позиции использования Думы как одной из важнейших легальных возможностей для революционной пропаганды.

В опубликованной Центральным Комитетом партии избирательной платформе говорилось:

«Пять лет прошло со времени государственного переворота 3-го июня 1907 года, когда Николай Кровавый, царь ходынский, «победитель и истребитель» первой и второй Думы, отбросил в сторону свои клятвы, обещания и манифесты, чтобы вместе с черной сотней помещиков, вместе с октябристскими купцами приняться мстить рабочему классу и всем революционным элементам России, т. е. громадному большинству народа, за пятый год».

Даже в часть эксплуататорского класса, отмечалось в большевистской платформе, «проникает сознание, что так дальше жить нельзя».

Далее в избирательной платформе ЦК партии говорилось:

«И теперь наша партия идет в Думу не для того, чтобы играть там «в реформы», не для того, чтобы «отстаивать конституцию», «убеждать» октябристов или «вытеснять реакцию» из Думы, как говорят обманывающие народ либералы, а для того, чтобы с думской трибуны звать массы к борьбе, разъяснять учение социализма, вскрывать всякий правительственный и либеральный обман, разоблачать монархические предрассудки отсталых слоев народа и классовые корни буржуазных партий,— одним словом для того, чтобы готовить армию сознательных борцов новой русской революции»².

Выборы в IV Государственную думу проходили тем же порядком, что и в третью. Политическая обстановка, в которой проходили выборы, была для рабочих очень тяжелой. Кроме установленных избирательным законом всяких ограничений в избирательных правах не разрешались и предвыборные собрания рабочих. Приходилось устраивать

¹ См. З. Орджоникидзе, Путь большевика, Госполитиздат, 1948, стр. 108.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 453, 454, 458.

эти собрания нелегально. Открыто намечать кандидатов и вести за них агитацию было также строжайше запрещено.

В апреле 1912 г., когда ленские события всколыхнули рабочую массу всей России, сильно поднялось революционное настроение и на фабриках Иваново-Вознесенска. В это же время в Петербурге стала выходить легальная большевистская рабочая газета «Правда». Её выход явился громадным организующим фактором и послужил могучим побудителем к собиранию распылённых сил партии.

Вернувшись из Владимира после оправдательного судебного приговора в конце октября 1911 г., я явился на фабрику Грязнова и приступил к прежней работе.

Первое время после суда моё положение на фабрике, казалось, не изменилось. Но вскоре я стал замечать натянутое отношение ко мне отделочного мастера Кочина. Он стал разговаривать со мной резко, сухо, часто грубил. Создавалось неприятное положение, грозившее скверными последствиями. И вот в июне или июле 1912 г. меня неожиданно перевели на низшую должность, в счётчики.

Рабочие отделения усмотрели в этом преследование за мои политические убеждения и при всяком подходящем случае открыто высказывали своё недовольство. К перенесённому на мою должность человеку рабочие относились неприязненно, попрекали его в том, что он любимчик заведующего фабрикой и т. д.

Между тем приближался срок выборов в IV Государственную думу. В городском комитете социал-демократической организации стал вопрос о моей кандидатуре в выборщики, а потом и в члены Государственной думы. Слухи об этом дошли и до фабричной администрации. Учитывая, вероятно, настроение рабочих, администрация решила исправить «бестактность». И вот однажды, накануне выборов в Думу, мастер по отделке товаров сообщил мне, что я снова перевожусь на мою прежнюю должность.

— Почему,— спросил я,— ведь я об этом никого не просил?

— Есть такое распоряжение высшей администрации, нужно подчиниться,— ответил он.

Я подумал было сначала отказаться, но потом решил, что это нецелесообразно, и согласился.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ
В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ.
ПРОВОДЫ ДЕПУТАТА

Избирательная кампания в IV Государственную думу происходила в обстановке быстрого роста (после периода затишья) большевистских организаций. Оживилась партийная работа в Иваново-Вознесенске и во всём нашем районе. В это время проводилась ещё страховая кампания, которая также немало помогла подъёму активности в рабочей среде.

В мае или июне 1912 г. в лесу (Витовский бор), близ села Богородского, была созвана партийная конференция. Присутствовало много партийных работников. Обсуждался вопрос о выборах в IV Государственную думу и был избран городской комитет.

После этой конференции в связи с распространением большого количества нелегальной литературы были аресты, но «тишина и спокойствие» среди широких рабочих масс уже были нарушены. На фабриках и заводах начинались выступления рабочих против администрации. Руководила этими выступлениями наша социал-демократическая большевистская организация. Доверие рабочих к своему закалённому в боях руководящему отряду так возросло, что смело можно было надеяться на успешное проведение избирательной кампании в Государственную думу.

Через некоторое время после конференции городской комитет созвал вторую партийную конференцию, на которой присутствовали представители всех фабрик и заводов города (за исключением заводов Константинова и Лепёшкина, на которых тогда ещё не было партийных ячеек). На этой конференции были намечены кандидаты в уполномоченные по выборам в Государственную думу от рабочих Иваново-Вознесенска и железнодорожных мастерских.

Как и в III Думу, я был намечен кандидатом в уполномоченные от фабрики Грязнова.

14 сентября 1912 г. на всех промышленных предприятиях Иваново-Вознесенска состоялось избрание уполномоченных от рабочих по выборам в IV Государственную

думу. Всюду прошли кандидаты партийной организации. Только от заводов Лешёшкина и Константинова прошли двое беспартийных.

На фабрике Грязнова полиция «деликатно» не входила в помещение библиотеки, где происходили выборы, но из-за снятых дверей выглядывали наглые полицейские рожи. Получалось, что и положение не нарушено и выборы происходили под полицейским надзором.

Избран был подавляющим большинством голосов (94 против 7) кандидат, намеченный партийной организацией. Вот протокол этого собрания:

**«ПРОТОКОЛ СОБРАНИЯ РАБОЧИХ ФАБРИКИ ГРЯЗНОВА
ПО ИЗБРАНИЮ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ВЫБОРАМ
В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ**

Гор. Иваново-Вознесенск. 1912 г., сентября 14 дня

От рабочих фабрики товарищества Покровской мануфактуры П. Н. Грязнова, имеющие право быть выборщиками (статья 19 Положения), собравшись сего числа в 8 часов утра, в количестве ста двух (102) человек, производили, согласно ст. 90 Положения о выборах в Государственную думу, выборы уполномоченного для избрания выборщиков, которые примут участие в выборах членов Государственной думы.

Из трёх выставленных собравшимися кандидатов: Фёдора Никитича Самойлова, Василия Ивановича Жохова и Алексея Ивановича Сквородина в уполномоченные избран большинством голосов 94 против 7 и одного недействительного Фёдор Никитич Самойлов. Выборы производились закрытой баллотировкой и происходили в помещении библиотеки фабрики «Товарищества».

С таким же успехом прошли кандидаты партийной организации и на всех других предприятиях.

За несколько дней до поездки уполномоченных во Владимир для избрания выборщиков партийная организация наметила кандидатов. Было решено от Иваново-Вознесенска выставить двух кандидатов обязательных и одного запасного, «на всякий случай». Одно место предоставили Шуйскому уезду (Тейкову, Шуе и Кохме) и два места — остальным (орехово-зубевцам, александровцам

и т. д.). Куроткову (Святой) поручили руководить выборами.

Во Владимир прибыли 182 уполномоченных со всей губернии. Разместились в разных гостиницах и, когда большинство собралось в большой чайной так называемого Народного дома, решили послать к губернатору представителей с просьбой разрешить устроить предвыборное собрание, чтобы наметить кандидатов в выборщики.

Губернатор Сазонов встретил нас очень холодно, почти враждебно. Когда я обратился к нему со словами: «Господин губернатор» и т. д., то он, не дав договорить, ударил себя в грудь и, наступая на меня, закричал:

— Превосходительство! Я превосходительство!

Мне и раньше не раз приходилось по разным делам бывать у этого губернатора, но такого «приёма» я не ожидал. В первый момент мы были сильно озадачены.

— Я человек не военный и ваших титулов не знаю,— сказал я, когда он замолчал. Но он ещё громче закричал, попрежнему ударяя себя в грудь:

— Я превосходительство! Я превосходительство! — и топнул ногой.

— Ну, хорошо, ваше превосходительство, мы пришли к вам с просьбой разрешить нам собраться...

— Не могу, не могу, никаких собраний не разрешаю! — перебил он, снова сильно повышая голос.

— Но как же нам быть, мы должны избрать выборщиков,— проговорил я,— а для этого нужно устроить совещание.

— Это меня не касается, как хотите, так и выбирайте, а собраний я вам никаких не разрешаю! — закричал он и, повернувшись, ушёл к себе в кабинет.

Перед нами встал вопрос об устройстве нелегального собрания где-нибудь за городом, как это было во время выборов в III Думу. Но на улице шёл проливной дождь, и от мысли о загородном собрании пришлось отказаться. Вместо этого вечером мы собрались в каком-то подворье и устроили нелегальное собрание представителей уездов.

На этом собрании под моим председательством были окончательно намечены кандидаты в выборщики. От Иваново-Вознесенска наметили кандидатов нашей социал-демократической организации. Все они были большевиками. Намечались кандидатуры и беспартийных; напри-

мер, группа в 5—6 человек (теперь уже не помню, из какого уезда) выставила кандидатуру Сотникова, который на вопрос о партийности ответил, что он «беспартийный прогрессист». Мы его взяли, как говорится, в работу и спросили, что, мол, это за штука такая, эти самые «беспартийные прогрессисты», где они находятся, чего хотят. Он заявил, что «беспартийные прогрессисты», так же как и социал-демократы, борются за интересы рабочего класса и не меньше их идут в ссылки, тюрьмы, на виселицы и пр. На вопрос; почему же их нигде не видно и ничего не слышно об их «геройской борьбе» за интересы рабочего класса, он ничего не мог сказать и был, конечно, с треском провален.

На другой день в большом помещении под председательством владимирского городского головы происходило избрание выборщиков. Многие из кандидатов в выборщики нам, иваново-вознесенцам, не были знакомы, поэтому перед открытием собрания мы решили их несколько «проэкзаменовать». Один из ореховцев — Сергеев не выдержал этого экзамена, так как на вопрос — будет ли он баллотироваться в члены Государственной думы, если партийной организацией от рабочих будет выставлен не он, а другой кандидат, ответил:

— Почему не баллотироваться? Зачем же тогда и в выборщики идти?

Нам было ясно, что Сергеев — ненадёжный, недисциплинированный.

Открыв собрание, председатель предложил приступить к выборам по уездам в алфавитном порядке. Первым баллотировался наш кандидат от Александровского уезда и провалился. Нас, организованных, с примыкающей к нам большей частью беспартийных, было большинство, поэтому провал нашего кандидата казался непонятным.

Мы подозревали ореховцев в нарушении соглашения, но они это отрицали. Поэтому предполагались две причины: или кто-то изменил, или мы, без привычки, не сумели обращаться с шарами.

Дальше начали баллотироваться беспартийные. Их насчитывалось несколько десятков человек. Все они разбились на маленькие кучки, и каждая выставяла своих кандидатов. Пока мы их одного за другим проваливали, прошло немало времени. Нам надоела эта процедура, а неопытные беспартийные, несмотря на явную безнадёжность

своих притязаний, всё продолжали баллотироваться. Председателю, наконец, тоже наскучила эта канитель, и, обращаясь к собранию, он предложил сговориться насчёт кандидатов. Я ответил, что мы давно сговорились, и предложил ему пробаллотировать наш список, но он возразил, заявив, что баллотироваться можно только по уездам в алфавитном порядке.

Наконец, очередь дошла до наших кандидатов. Первыми баллотировались ореховцы (по алфавиту буква О); за кандидата Сергеева, как ненадёжного и партийно невыдержанного, многие не голосовали, и он был провален. После провала Сергеева следующие двое ореховцев были избраны в выборщики. Затем стали баллотироваться: от Шуйского уезда (Иваново-Вознесенск тогда был тоже Шуйского уезда) тейковец Семёнов, он получил 114 против 43 голосов; от Иваново-Вознесенска — Кузнецов, получивший 110 против 45, и Самойлов, получивший 118 голосов за.

Такой блестящий успех намеченных нами кандидатов, наша организованность и дисциплинированность вызвали удивление председателя.

Когда по окончании выборов мы вернулись в Иваново-Вознесенск, перед партийной организацией встал вопрос — кого наметить кандидатом в члены Государственной думы. После ряда совещаний городского комитета с представителями окружных социал-демократических организаций (Тейкова, Шуи, Кохмы и др.) было решено выдвинуть мою кандидатуру.

Несмотря на полное бессилие помешать рабочим выбирать в Государственную думу социал-демократов большевиков, представители власти всё-таки старались делать в этом направлении всё от них зависящее. И если им не удалось предотвратить избрание большевиков, то они всеми способами стремились убрать ненавистного депутата. Они не останавливались ни перед какими средствами: возбуждали всякие обвинения, использовали ложные, клеветнические доносы, пытались опорочить депутата через органы черносотенной печати и т. д.

Такие меры борьбы представителей власти со своими врагами — большевиками были применены и ко мне. Так, за несколько дней до нашего отъезда во Владимир ко мне вдруг явился в нетрезвом виде Смирнов-Малков и в присутствии хозяина квартиры бросил мне обвинение в

растрате денег профессионального союза ситцепечатников, закрытого полицией в 1909 г.

Я в тот же день сообщил об этой истории в городской комитет, а дня через два в издававшейся тогда в Иваново-Вознесенске черносотенной газете «Ивановский листок» появилась следующая гнусная инсинуация:

«О ЧЁМ ГОВОРЯТ

Говорят, что в выборщики в губернское избирательное собрание окончательно назначен со стороны рабочей социал-демократической партии некто С., которого все рабочие, в том числе и орехово-зуевские, большинством решились провести в Г. Думу.

Говорят, что из многих десятков тысяч рабочих лучше человека не нашли...

Говорят всё-таки и те же сознательные рабочие, что их избранник товарищ С. сознательно растратил деньги профессионального союза ситцепечатников, якобы показав членам союза во время проверки отчётности фигу. (На то и щука в море...)

Говорят, что по поводу растраты рабочих союзнических денег намеченным депутатом С. последнего уличил М., на которого будущий депутат так обиделся, что недавно пустил в дело свои кулаки, наставив обидчику здоровых синяков.

Правда глаза колет.

Говорят, что по поводу таких выборов удивляться особенно не следует, так как-де прогрессивные партии нередко заведомо будто бы стараются провести в Г. Думу посредством нелегальной агитации политических мошенников. Таков будто бы девиз у них: чем хуже, тем лучше...»

В городе я был широко известен ещё как член первого Совета рабочих депутатов в 1905 г., а позднее — как председатель правления самого крупного из профессиональных союзов — ситцепечатников. Не только партийные товарищи, но и широкая беспартийная масса знала, что подобных «грехов» за мной не водилось. Я был убеждён, что этой грязной клевете никто не поверит. Тем не менее глупая сплетня, рассчитанная на легковерие и наивность отсталой части избирателей, пущенная с целью скомпрометировать мою кандидатуру, в первый момент меня очень возмутила. Прочитав газету, я немедленно довёл об этом

до сведения товарищей из городского комитета социал-демократической организации. Но городской комитет решил игнорировать всю эту историю, исходя из того, что черносотенный «Ивановский листок» на то и существует, чтобы клеветать на рабочее движение и дискредитировать его руководителей.

Меня успокоили, предложили плюнуть на эту выходку погромщиков и ехать во Владимир на выборы.

18 октября были назначены выборы членов Государственной думы.

Когда мы встретились с остальными тремя выборщиками (двумя ореховцами и одним тейковцем), то на первом же устроенном нами в номере гостиницы совещании ореховцы развернули номер «Ивановского листка» и, указывая на напечатанную в нём обо мне инсинуацию, попросили объяснения. Я вышел из комнаты, а мои товарищи тут же удовлетворили требование ореховцев. Вопрос был исчерпан. При этом выяснилось, что листок был прислан им по почте из Иваново-Вознесенска.

Дальше нас ждала ещё одна неприятная неожиданность. Мы забыли взять у иваново-вознесенской полиции удостоверение в том, что мы выборщики; без этого нас отказались пропустить на избирательное собрание. Только при помощи местного выборщика, присяжного поверенного Гвоздёва, нам после долгих хлопот удалось войти в помещение.

На избирательном собрании присутствовало около 90 человек, подавляющее большинство которых, как и на выборах в III Государственную думу, были помещики и капиталисты. Много было попов, мецан; крестьян было тринадцать и, наконец, нас, рабочих, — шесть. Выборы по нашей рабочей курии прошли довольно гладко, несмотря на неблагоприятную для нас обстановку. Выбран был, как и во время выборов в III Государственную думу, назначенный партией кандидат, остальные пять рабочих-выборщиков отказались баллотироваться. Таким образом, в члены IV Государственной думы был избран я как кандидат от партии большевиков.

Выборщиками из крестьян были в подавляющем большинстве кулаки. Никакой дисциплины среди них не было.

Как и во время прошлых выборов, каждый хотел попасть в Государственную думу; все баллотировались.

В результате от крестьян в члены Государственной думы был избран кулак Тарутин, имевший десятин 70 земли.

Общие результаты выборов таковы: из шести избранных от губернии депутатов — один кадет, один социал-демократ большевик и четверо правых.

В день отъезда по моей просьбе была напечатана следующая заметка в издававшейся тогда во Владимире кадетской газете «Старый владимирец»:

«ЖАЛОБА НА КЛЕВЕТУ

Как мы слышали, вновь избранный депутат Государственной думы от рабочих Ф. Н. Самойлов привлекает к ответственности за клевету в печати редактора газеты «Ивановский листок» Н. И. Зайцева».

Через несколько дней после напечатания в газете «Старый владимирец» этой заметки в «Ивановском листке» появился ответ на неё:

«НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ

Как известно, все газеты пользуются всякими животрепещущими слухами, хотя последние часто измышляются досужей фантазией наивных и злонамеренных людей, но всё-таки они печатаются, несмотря на то, что им доверяться вполне не следует, что отлично знает вся читающая газеты публика.

На-днях мы поместили в своей газете тоже слух, который, повидимому, произвёл неприятное впечатление на того, кого он касается. Мы напечатали, что депутатом в 4-ю Гос. Думу 18 сего октября выбран от рабочей партии Владимирской губ. некто Ф. Н. Самойлов (старший рабочий фабрики Грязнова), которого, по слухам, некоторые рабочие подозревают в растрате союзных рабочих денег.

Слух этот мы напечатали с следующей оговоркой: «темна вода во облацех», добавив, что «нам этот слух кажется невероятным».

И действительно мы не ошиблись. *Слух* этот, по справкам, *оказался ложным*, что мы исправляем, извиняясь перед г. Самойловым».

Несмотря, однако, на «опровержение», я подал на Зайцева в суд жалобу. Следователь вызывал мириться, но я отклонил это, и делу был дан дальнейший ход.

Приехав с выборов, я стал готовиться к отъезду в Петербург, выступал на нелегальных собраниях в Иваново-Вознесенске и в Тейкове. Городской комитет решил устроить мне проводы.

Неожиданно за несколько дней до моего отъезда в Петербург (кажется, 10 ноября) ко мне на квартиру явился человек из Москвы (фамилии его уже не помню) и передал мне письмо от Малиновского. В письме последний предлагал мне срочно получить заграничный паспорт и немедленно выехать в Москву, чтобы потом ехать с ним за границу.

Это явилось для меня большой неожиданностью. Я уже приготовился к поездке в Петербург. Оставалось только побывать на двух-трёх собраниях в Иваново-Вознесенске и в других местах. В социал-демократических организациях всё уже было готово к проводам. По пути в Петербург я собирался заехать в Орехово-Зуево, чтобы там тоже провести собрание, и вдруг такое письмо от человека, которого я никогда не встречал, только знал из газет, что он избран в IV Государственную думу от рабочих Московской губернии. Проверить подлинность письма было невозможно, так как почерк Малиновского я не знал, а привезшего письмо видел тоже в первый раз. Поэтому я попросил его подождать с ответом и обещал выяснить вопрос к следующему дню.

Члены городского комитета и другие товарищи, с которыми я советовался по этому вопросу, высказались против поездки. На другой день я заявил посланцу Малиновского, что очень занят партийной работой, которую должен закончить до отъезда в Петербург, и поэтому поехать с ним не могу. Он сначала решительно настаивал на поездке, а потом согласился с моими доводами и уехал в Москву один.

Дня за три до моего отъезда была созвана общегородская конференция, на которой обсуждался наказ депутату. Этот наказ был принят и вручён мне.

Утром в день отъезда в Петербург я получил в полицейском управлении удостоверение о том, что я действительно член Государственной думы (это требовалось для предъявления в канцелярию Думы). Получив удостоверение,

я пошёл к помощнику полицмейстера и заявил, что, возможно, рабочие устроят мне проводы, так же как и моим двум предшественникам — втородумцу Жиделёву и третьедумцу Воронину. Я предупредил его, что если полиция не будет мешать рабочим, то ручаюсь за порядок; если же полицейские будут вмешиваться, то вся ответственность за могущие произойти «беспорядки» ляжет на полицию.

— Хорошо,— ответил он, глядя на меня из-под сурово нахмуренных бровей,— принимаю к сведению. Счастливого пути!

Вечером в день моего отъезда на площади у вокзала собралось 2—3 тысячи рабочих. В течение 2—3 часов перед ними свободно выступали с речами наши товарищи, затем был прочитан «Наказ рабочих своему депутату». После моей речи в ответ на этот наказ, уже перед самым отходом поезда, собравшиеся спокойно разошлись.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

МОСКВА — ПЕТЕРБУРГ.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ В IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Поехал я через Москву. На станции Тейково меня встретили рабочие (встреча была подготовлена социал-демократической организацией). С площадки вагона я произнёс небольшую речь. Мне кратко отвечали, рабочие высказывали пожелания успеха в работе и обещали свою поддержку.

В Орехово-Зуево на этот раз заехать не удалось.

В Москве я был первый раз в жизни. Движение трамваев, шум и суетолака столицы, о которой я до сих пор имел лишь смутное представление, оглушили меня. Многоэтажные дома казались мне фабриками, потому что в Иваново-Вознесенске такими огромными были только фабрично-заводские корпуса. Большое впечатление произвели на меня Большой театр и Третьяковская галерея, где мне удалось побывать при помощи О. А. Варенцовой.

Петербург, куда я приехал на следующий день, ошеломил меня ещё больше, чем Москва.

Выйдя в начале десятого с вокзала, я взял извозчика и отправился на квартиру Николая Ильича Подвойского. Когда Николаю Ильичу сообщили, что его спрашивают, он быстро вышел и, узнав, кто я, пригласил войти. Он стал расспрашивать меня о положении дел на местах, об итогах выборов. После завтрака мы направились в редакцию «Правды», где встретили некоторых ответственных работников газеты (гг. Еремеева, Конкордию Николаевну Самойлову и др.). Им я также рассказал о положении дел в нашей губернии, об избирательной кампании.

Вернувшись на квартиру Николая Ильича, я вкратце изложил историю выборов в Государственную думу в нашей губернии. Мой рассказ был тут же записан и немедленно послан Владимиру Ильичу Ленину.

Утром следующего дня я отправился в Таврический дворец и встретился там с отдельными социал-демократическими депутатами — Бадаевым, Хаустовым и некоторыми другими. Вечером мы устроили заседание. Были заслушаны доклады о выборах и наказания избирателей. На собрании присутствовали шесть депутатов-большевиков от крупнейших промышленных губерний (рабочая курия): от Петербургской губернии — А. Е. Бадаев; от Московской — Р. В. Малиновский¹; от Екатеринославской — Г. И. Петровский; от Харьковской — М. К. Муранов; от Костромской — Н. Р. Шагов и от Владимирской — Ф. Н. Самойлов. Ещё здесь были социал-демократические депутаты, которые прошли от других губерний: от Уфимской губернии — Хаустов; от Таврической — Бурьянов; от Донской области — Туляков; от Кавказа — Чхенкели, Скобелев и Чхеидзе. Последние 6 были меньшевики. Отсутствовал не приехавший ещё депутат от Иркутска — меньшевик Маньков.

Из доклада выяснилось, что все шесть рабочих-большевиков проведены в Думу как выставленные партией кандидаты. Почти везде они прошли при самом строгом соблюдении партийной дисциплины.

Особенно сложна и трудна была обстановка выборов в Петербурге. Полиция там много раз отменяла выборы неугодных ей уполномоченных от рабочих по выборам в Думу. Только в результате стачки-протеста, охватившей

¹ Малиновский впоследствии был разоблачён как искусно маскировавшийся провокатор.

свыше 100 тысяч рабочих, большинство уполномоченных было восстановлено. Этой стачкой руководил И. В. Сталин. Кроме полицейских репрессий положение осложнялось ещё тем, что в Петербурге был центр меньшевиков-ликвидаторов. Там же издавалась меньшевистская газета «Луч». Меньшевики призывали к «органической работе в Думе», т. е. к разработке законов вместе с черносотенцами. Поэтому во время избирательной кампании большевикам пришлось потратить немало сил, чтобы разоблачить этих предателей рабочего класса.

В июне 1912 года В. И. Ленин, для того чтобы лучше руководить «Правдой», развёртывавшейся партийной работой и растущим рабочим движением, переехал из Парижа ближе к русской границе — в Краков. Он уделяет большое внимание проходившей в этот период кампании выборов в IV Государственную думу: пишет избирательную платформу партии, часто выступает в «Правде» по вопросам избирательной кампании, разоблачает линию кадетов и меньшевиков в избирательной кампании. В письме к А. М. Горькому в октябре он писал: «Мы теперь «сидим по уши» в выборах... От исхода выборов зависит очень многое для строительства партии»¹.

Выборами в Петербурге руководил И. В. Сталин. Он бежал перед этим из ссылки и жил в Питере нелегально, всё время рискуя быть арестованным.

В апреле 1912 г. в Петербурге начала выходить легальная большевистская газета «Правда». Она очень скоро приобрела широкий круг подписчиков во всех промышленных центрах. В избирательной кампании в IV Государственную думу «Правда» сыграла большую роль. Печатавшиеся в ней статьи Ленина и Сталина давали руководящие указания в развернувшейся избирательной кампании. Редакция «Правды» была фактическим штабом всей кампании.

В организации рабочих масс во время выборов в IV Думу громадную роль сыграл составленный И. В. Сталиным «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату». «Наказ» призывал рабочих к революционной борьбе, к выполнению неразрешённых задач революции 1905 г.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 33.

В «Наказе» говорилось:

Мы «посылаем в Думу нашего депутата, поручая ему и всей социал-демократической фракции IV Думы широкое распространение с думской трибуны наших требований, а не пустую игру в законодательствование в господской Думе.

Мы бы хотели, чтобы социал-демократическая фракция IV Думы и наш депутат, в частности, высоко держали знамя рабочего класса во враждебном им лагере чёрной Думы.

Мы бы хотели, чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса членов соц.-дем. фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях пятого года, о русском рабочем классе, как вожде народного движения, о крестьянстве, как наиболее надёжном союзнике рабочего класса, о либеральной буржуазии, как изменнице «народной свободы».

Мы бы хотели, чтобы в своей работе на почве вышеупомянутых лозунгов социал-демократическая фракция IV Думы была единой и сплочённой.

Чтобы она черпала свою силу в постоянном общении с широкими массами.

Чтобы она шла нога в ногу с политической организацией рабочего класса России¹.

В «Наказе» была изложена боевая революционная программа рабочего класса России и его партии. За «Наказ» голосовало громадное большинство рабочих.

В. И. Ленин придавал большое значение «Наказу петербургских рабочих своему депутату». В письме в «Правду» он писал: «Непременно поместите этот наказ петербургскому депутату на видном месте крупным шрифтом». А в письме в редакцию центрального органа партии «Социал-демократ» Ленин указывал, что оригинал «Наказа» *крайне важно* сохранить.

В результате правильного партийного руководства, несмотря на свирепые преследования полицией большевиков — участников избирательной кампании, шесть депутатов из девяти, избранных от рабочей курии, оказались большевиками.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 251—252.

Кроме шести социал-демократов большевиков от городских курий в IV Думу было выбрано ещё семь социал-демократов меньшевиков-ликвидаторов.

От Варшавы в депутаты Думы прошёл пепеэсовец¹ Ягелло. За него голосовали бундовцы, вступившие при выборах в блок с ППС и поддержавшие Ягелло против социал-демократов. Депутат ППС Ягелло боролся на выборах с польскими социал-демократами и прошёл в депутаты вопреки их воле. Но Ягелло претендовал на вступление в социал-демократическую фракцию Государственной думы на одинаковых правах со всеми депутатами социал-демократами. По этому вопросу во фракции разгорелся ожесточённый спор. Меньшевики настаивали на приёме Ягелло во фракцию как полноправного её члена, указывая, что «избрание от Варшавы социалиста Ягелло имеет большое политическое значение», что он «почти социал-демократ». Мы же были против приёма Ягелло как по формальным мотивам, так и потому, что он прошёл в депутаты в борьбе с нашими товарищами польскими социал-демократами и против их воли. Мы считали, что голосовать за приём Ягелло во фракцию — значило бы пойти против наших товарищей польских социал-демократов. Обе стороны упорно отстаивали свою точку зрения, и спор очень затянулся. На заседаниях во время обсуждения этого вопроса кроме нас, депутатов, всегда присутствовало несколько виднейших питерских социал-демократов, а также бундовцев и пепеэсовцев.

Заседания фракции нередко затягивались до утра. Спор продолжался дней десять. В конце концов решили отложить разрешение вопроса до приезда Манькова — социал-демократического депутата от Иркутской губернии. Его голос должен был решить спор окончательно. С его приездом меньшевики получили перевес в один голос, и Ягелло был принят во фракцию.

В. И. Ленин внимательно следил за борьбой, которая развёртывалась между большевиками и меньшевиками в социал-демократической фракции Думы. Так, когда разгорелся спор о Ягелло, Ленин прислал Сталину из Кракова в Петербург письмо, в котором писал: «Наглость ликвидаторов по вопросу о Ягелло беспримерна... Обязательно

¹ ППС — польская социалистическая партия, проводившая националистическую политику.

шестерке выступить с самым резким протестом, ежели ее майоризируют, напечатать протест в «Дне» («Правда». — Ф. С.) и заявить, что они апеллируют к низам, к организациям рабочих»¹.

До приезда Манькова фракция состояла из 12 человек; только один Чхеидзе был знаком с думской работой, так как он провёл в III Государственной думе все пять лет; все остальные были новичками. Чхеидзе избрали председателем фракции.

За день или два до открытия Думы группа большевиков, представителей разных районов и отдельных предприятий Петербурга, выпустила листовку, призывавшую петербургских рабочих в день открытия Думы (15 ноября) бросить работу и всей массой вместе с социал-демократической фракцией демонстративно двинуться к Таврическому дворцу. Это была группа большевиков-профработников, объединявшая около десятка профсоюзов. Листовка призывала рабочих Петербурга в день открытия IV Государственной думы устроить однодневную политическую забастовку с демонстрацией.

Узнав об этом, сильно встревожились меньшевики, которые были тогда вообще настроены против забастовок; кто-то из них принёс во фракцию эту листовку. Ознакомившись с её содержанием, фракция командировала Бадаева и Бурьянова в Петербургский комитет социал-демократов для выяснения вопроса.

Представители Петербургского комитета и редакция «Правды» отметили, что «если рабочие хотят отметить день открытия Думы стачкой или демонстрацией, так это их право». Но фракция решила выступить с заявлением в газетах, призывающим рабочих воздержаться от стачки, так как, по мнению фракции, «указанный листок не исходил ни от одной из авторитетных петербургских соц.-демократических групп». «Правда» отказалась напечатать это заявление, и оно появилось только в ликвидаторском «Луче».

Хотя это заявление и появилось только в «Луче», всё же оно дезорганизовало стачку. Бастовало в день открытия Думы только 25 тысяч человек, и вместо демонстраций в некоторых местах устраивались митинги. Нами была допущена большая политическая ошибка.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 401.

Оценивая политическое значение демонстрации в день открытия Думы, В. И. Ленин писал: «Прекрасно выбранный момент для демонстрации! Замечательный пролетарский инстинкт, умение противопоставить и сопоставить открытие черного «парламента» — с красными знаменами на улицах столицы!»¹

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ОТКРЫТИЕ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

15 ноября 1912 г. открылась IV Государственная дума.

Сначала думские попы отслужили молебен, потом царский чиновник, статс-секретарь Голубев, читал царский указ об открытии Думы. Во время этих церемоний социал-демократическая фракция и трудовики демонстративно отсутствовали. Только когда умолкли патриотические крики буржуазных и помещичьих депутатов, мы заняли свои места.

Председателем Думы был избран октябрист Родзянко. Однако за него голосовали только октябристы, прогрессисты и, кажется, небольшая часть националистов. Вся остальная правая часть Думы голосовала против, и он получил всего 251 избирательный голос (из общего числа 442).

Затем на этом и на следующих ближайших заседаниях Думы были избраны два товарища председателя (первым — князь Волконский, правый, вторым — прогрессист Львов) и секретарь (октябрист Дмитрюков).

Дня через три после открытия Думы в социал-демократическую фракцию явились три товарища, отрекомендовавшиеся той самой «инициативной стачечной группой», которая призывала рабочих к политической стачке в день открытия Государственной думы. Они выразили протест против напечатанного в «Луче» заявления фракции и потребовали своей реабилитации через печать.

Нам, рабочим депутатам, было совершенно ясно, что мы поступили ошибочно. Большевики, конечно, не согласились с нами. В конце концов Муранову и, кажется, Бадаеву было поручено сговориться с протестующими и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 395.

удовлетворить их требования, поскольку это возможно было в нелегальных условиях.

Дело это было ликвидировано после того, как на собраниях рабочим объяснили, что социал-демократическая фракция признаёт свою ошибку.

22 ноября приехал иркутский депутат Маньков¹. Самого поверхностного знакомства с Маньковым было достаточно, чтобы увидеть, что он ещё более правый меньшевик, чем все другие. Всё же в вопросе о Ягелло мы, конечно, не хотели сдаться без боя, и вот на одном из ближайших после приезда Манькова заседаний фракции, на котором присутствовали все виднейшие «сведущие лица» с обеих сторон, снова поднялся долгий горячий спор об Ягелло. И на этот раз спор окончился вничью, так как один из меньшевиков (Хаустов) от голосования воздержался.

Наконец, было внесено компромиссное предложение: принять Ягелло во фракцию с правом решающего голоса по вопросам думской работы и с правом совещательного — по внутрипартийным и всем остальным вопросам.

Все шесть рабочих депутатов голосовали против этого предложения. Но за него голосовали все семь меньшевиков, и оно было принято. Таким образом, Ягелло вошёл во фракцию как неполноправный её член.

Вопрос о техническом секретаре фракции также вызвал между нами и меньшевиками большие споры. Мы хотели, чтобы секретарём фракции был наш, большевик, и предлагали для этой работы В. Н. Лобову. Меньшевики же настаивали на своём кандидате — на меньшевичке С. М. Зарецкой. Этот вопрос в конце концов был также разрешён большинством голосов: семь меньшевиков против шести рабочих депутатов. Тогда мы предложили фракции оставить обоих кандидатов, т. е. иметь двух секретарей. Но Чхеидзе возразил, что он ничего не имел бы против второго секретаря, если бы ему доказали необходимость этого. Доказать это меньшевикам мы, конечно, не могли. Всё же В. Н. Лобову мы оставили при себе.

¹ Маньков прошёл депутатом голосами буржуазии, вопреки воле социал-демократов. Из 20 выборщиков восемь были устранены («разъяснены») иркутской полицией и никем не были замещены, так что в выборах вместо 20 человек участвовало только 12.

IV ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.
НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ТАК НАЗЫВАЕМОЙ
«ОБЪЕДИНЁННОЙ» ОППОЗИЦИИ.
ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА КОКОВЦЕВА.
НАША ДЕКЛАРАЦИЯ

Большевистская партия уделяла исключительное внимание использованию трибуны Государственной думы для революционной агитации и пропаганды. Насколько важной считали большевики эту работу, показывает то обстоятельство, что, начиная с конференции социал-демократических организаций в России в сентябре 1905 г., вопросы работы в Думе не сходили с повестки дня партийных совещаний, съездов и конференций.

Большевики рассматривали вопросы думской тактики и работу социал-демократической фракции Государственной думы как одну из составных частей партийной работы, подчинённой партии в лице её центральных учреждений. Эта линия партии способствовала тому, что большевикидепутаты тесно были связаны с руководящими партийными органами, всегда получали от них помощь, советы и поддержку. Принципиальные, но вместе с тем всегда конкретные практические указания, получаемые большевикидепутатами от партии, помогали им найти правильный путь в работе.

В IV Думе остались в большинстве те же партии, какие были и в III Думе: правые (черносотенцы), октябристы и кадеты. Царское правительство нуждалось в них для осуществления политики подавления революции, а также для продвижения России вперёд по буржуазному пути при сохранении всевластия оголтелой помещичье-монархической клики.

Центральная, наиболее многочисленная думская фракция октябристов, представлявшая интересы крупного промышленного капитала и крупных, хозяйничавших по-капиталистически помещиков, в большинстве случаев шла вместе с правыми, но иногда по некоторым вопросам склонялась к так называемой думской оппозиции (кадетам и прогрессистам). В такие моменты правые усиленно начинали распространять слухи о роспуске Думы за её «оппозиционность».

Это всегда «вразумляюще» действовало на господ октябристов. Они быстро освобождались от своей оппозиционности и вновь возвращались в лоно правых. После этого слухи о роспуске прекращались.

Вообще партия октябристов оправдывала своё название «чего изволите», данное ей ещё в III Государственной думе. Стоило только правительству пригрозить, как октябристы делали всё, что им приказывали.

Правая часть Думы (название это было дано реакционным партиям, сидевшим в Думе на правой стороне) всеми средствами стремилась отстоять позиции царившей тогда в стране правительственной реакции и всеми способами старалась дискредитировать самый принцип народного представительства. По любому поводу она устраивала во время заседаний скандалы и хулиганские выходки, подчёркивая этим своё полное презрение к самому институту Государственной думы. В лице этих правых были представлены злейшие враги рабочих и крестьян — черносотенные помещики-крепостники, жестоко подавлявшие крестьянское движение, организаторы еврейских погромов, избиения рабочих демонстраций, зверских поджогов помещений, где происходили митинги в дни революции. Правые стояли за самое свирепое подавление трудящихся, за неограниченную царскую власть.

Либералы всех мастей и оттенков в своих громких речах с думской трибуны уговаривали представителей власти и правой части Государственной думы пойти хотя бы на некоторые уступки требованиям оппозиции, пойти на различные сделки с ней (ответственное министерство, урезанные гражданские свободы и т. д.).

Рабочая и крестьянская демократия почти не нашла отражения в составе IV Государственной думы: из 442 депутатов было 13 социал-демократов, один пепеэсовец и 10 трудовиков. Выборы проводились таким образом, чтобы не пропустить представителей демократии в состав «народного представительства».

Трудовики отличались большой неустойчивостью. Они то и дело колебались: по одним вопросам они примыкали к социал-демократам, по другим шли с кадетами.

Ленин писал о трудовиках, что они очень слабы в Думе, но они всё же представляют крестьянские массы. Колебания трудовиков между кадетами и рабочей демократией (большевиками) неизбежно вытекали из классового поло-

жения мелких хозяев, которых они представляли. Поэтому Ленин требовал от депутатов-большевиков «помочь слабым мелкобуржуазным демократам, вырвать их из-под влияния либералов, сплотить лагерь демократии против контрреволюционных кадетов, а не только против правых...»¹

Что же касается кадетов (конституционно-демократическая партия), то они и во время революции 1905 г. и особенно после поражения революции с каждым днём всё больше проявляли себя как контрреволюционная сила. «Они все больше сбрасывали с себя «демократическую» маску, выступали как настоящие монархисты, защитники царизма. В 1909 году группа виднейших кадетских писателей выпустила сборник «Вехи», в котором кадеты благодарили царизм от имени буржуазии за подавление революции. Пресмыкаясь и холопствуя перед царским правительством кнута и виселицы, кадеты прямо писали, что надо «благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас (то-есть либеральную буржуазию) от ярости народной»².

Социал-демократы меньшевики, составлявшие тогда большинство фракции, не признавали нашей программы-минимум, говорившей о ближайших задачах партии до свержения капиталистического строя: свержение самодержавия и установление демократической республики, введение 8-часового рабочего дня, конфискация помещичьих земель. Они заменяли её ликвидаторскими лозунгами вроде требований полновластной Думы, свободы коалиций, культурно-национальной автономии и т. д. Только наша большевистская часть социал-демократической фракции использовала Думу для агитации и пропаганды, для укрепления и расширения внедумской работы большевистской партии.

Вскоре после открытия Государственной думы мы получили приглашение от фракции кадетов явиться на общее собрание так называемой «объединённой оппозиции», чтобы совместно с кадетами и прогрессистами обсудить вопросы о всеобщем избирательном праве, о гражданских свободах и т. д. Социал-демократическая фракция ответила, что она от участия в таких собраниях отказывается «по соображениям принципиального характера». Мы приняли решение вообще воздерживаться от каких бы то ни было

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 37.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 93.

общих дел с так называемой «думской оппозицией» ввиду её явной контрреволюционности. Иначе относилась социал-демократическая фракция к трудовикам. Было вынесено решение поддерживать с ними постоянную живую связь, чтобы усилить наше влияние на этих колеблющихся демократов, чтобы оторвать их от кадетов. С этой целью мы приглашали представителей трудовиков на собрания нашей фракции и в свою очередь ходили к ним на собрания.

Скоро образовались разные думские комиссии, в которые вошли и наши представители (я входил в сельскохозяйственную комиссию). Только в комиссию по военноморским делам выдвинутых нами представителей — Хаустова и трудового Рысёва — не допустили. По этому поводу мы выступали в Думе с заявлением протеста, который, конечно, остался безрезультатным.

Когда отделы Государственной думы по проверке депутатских полномочий (их было, кажется, 11 или 12) закончили свою работу, начались доклады о результатах проверки.

Для членов социал-демократической фракции проверка полномочий прошла гладко.

По окончании проверки депутатских полномочий наступил момент «деклараций». Первым выступил председатель совета министров Коковцев с декларацией правительства. Он начал с похвал III Государственной думе за её «плодотворную работу», выразившуюся в том, что за пять лет своего существования она провела 2 200 законопроектов. Коковцев выразил надежду, что IV Дума в этом отношении не отстанет от III Думы. Потом он указал на необходимость реорганизации полиции, реорганизации православного прихода (последняя, по мнению Коковцева, осуществляется под руководством сельских попов) и на то, что права личности можно обеспечить лишь усилением исключительных положений и чрезвычайных охран. Говорил он также о необходимости улучшить дело народного образования путём расширения прав и влияния церковно-приходских школ и усиления полицейского надзора за всем учебным делом. Предложил расширить столыпинскую землеустроительную деятельность по насаждению так называемой «мелкой земельной собственности». Коснувшись рабочего вопроса, Коковцев обещал «позаботиться» о сокращении рабочего дня для женщин и детей. Далее он нарисовал картину хоро-

шего состояния финансов страны, затем указал на необходимость крупных ассигнований на военные нужды и в заключение призвал Государственную думу «забыть всякие партийные счёты» и дружно «работать на благо родины».

На заседаниях по выработке декларации нашей фракции между шестёркой и семёркой происходили большие споры по поводу формулировки ряда отдельных пунктов. Так же как и во время обсуждения вопроса о Ягелло, на этих заседаниях с обеих сторон присутствовало много видных партийных работников.

Большое внимание выработке декларации социал-демократической фракции уделял И. В. Сталин. Большевики стремились к тому, чтобы декларация была большевистская. Как известно, инструктивные указания для декларативного выступления были написаны Лениным¹. Сталин, как представитель ЦК нашей партии, руководил в то время работой большевиков-депутатов в Думе. Ему пришлось выдержать огромную борьбу с меньшевистско-ликвидаторской частью фракции (Бурьяновым, Скобелевым, Чхеидзе и др.) за проведение директив Ленина.

Большевики под непосредственным руководством И. В. Сталина одержали победу. В основу декларации социал-демократической фракции были положены ленинские установки.

Меньшевистская семёрка всячески старалась включить в декларацию ряд пунктов из программы своего «августовского блока» — свободу коалиций, культурно-национальную автономию и т. д. Мы решительно протестовали против этого. В конце концов нам удалось отстоять почти все свои позиции. В декларацию вошли важнейшие пункты нашей программы-минимум.

Когда, наконец, выработка декларации была закончена, встал вопрос, кто из членов фракции должен выступить с ней в Думе. Семёрка предложила это сделать Малиновскому. Эту «уступку» меньшевики сделали для того, чтобы «задобрить», «подкупить» нас в первые дни жизни фракции, надеясь, что потом им будет легче «обрабатывать» нас в своём, меньшевистском, духе.

Первое выступление Малиновского прошло бы удачно, но случилось нечто странное: при чтении декларации с думской трибуны он «случайно», каким-то «незаметным»

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 384—390.

для себя образом, пропустил большой и важный абзац, в котором содержались характеристика Государственной думы и требование полномочного народного представительства. На наши вопросы он отвечал, что «и сам не знает, как это произошло», что, перелистывая при чтении тетрадь, он «нечаянно» перекинул сразу несколько листов и «незаметно» для себя самого пропустил их. Впоследствии выяснилось, что Малиновский все эти пропуски сделал в соответствии с указаниями охраны.

ИЗ ДЕКЛАРАЦИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

«Выступая на трибуну IV Государственной думы, социал-демократическая фракция заявляет, что её деятельность будет неразрывно связана с деятельностью социал-демократической фракции прежних созывов. Российская социал-демократия является отрядом международной армии социалистического пролетариата. Обострение классовых противоречий в современном обществе усиливает классовую борьбу в нём; всё учащаются боевые схватки могильщиков современного общества, класса наёмных рабочих с господами положения, с классом капиталистов. Всё шире, интенсивнее и грандиознее становится эта борьба, от победы к победе идёт международный пролетариат, и близится время его последней победы — осуществление социализма.

Наши предшественники во всех трёх Думах энергично выступали против милитаризма, и в полном согласии с ними и социалистическим интернационализмом мы, стоя в настоящее время лицом к лицу с разгоревшимся на Балканах пожаром, от имени российского пролетариата со всей энергией протестуем против попыток господствующих реакционных и либеральных классов России втянуть Россию в войну под каким-нибудь предлогом. Мы присоединяемся к социалистическому конгрессу в Базеле и вместе с пролетариатом всего мира объявляем войну войне...
(*Справа шум и голоса: «Довольно!»*)

Социал-демократическая фракция вполне понимает и сочувствует стремлениям балканских народов освободиться от опеки великих держав, господствующие классы которых

в своих корыстных целях стараются увековечить культурную, экономическую и политическую отсталость и раздроблённость балканских народностей.

Но мы вместе со всеми балканскими социалистами с негодованием отвергаем политику династических и хищнических интересов балканских реакционеров, связывающих исторически необходимое дело возрождения Балкан с кровавой бойней. Такой путь способен только ослабить силу сопротивления эксплуатируемых народных масс на Балканах и привести к ещё большему укреплению милитаризма, служащего (*шум справа; звонок председателя*) в руках господствующих классов всех стран орудием для усиления эксплуатации и угнетения трудящихся масс.

Приветствуя усилия пролетариев всех балканских государств прекратить кровопролитие и разрешить балканский вопрос путём создания балканской федеративной демократической республики, мы заявляем, что нигде (*шум справа; звонок председателя*) — ни на Балканах, ни в Персии, ни на Дальнем Востоке — нет таких интересов трудящихся классов России, которые оправдывали бы вооружённое столкновение.

Поэтому мы протестуем против захватной политики русского правительства и заявляем, что всякие внешние авантюры и связанное с ними усиление ужасов милитаризма способны лишь усилить разорение и порабощение народов России и затруднить нерешённые после 1905 г. самые насущные задачи политического раскрепощения страны. Эта очередная задача стала ещё только настоятельнее и острее после пятилетнего существования III Думы, где правящая бюрократия, как правительство паразитических элементов и помещичьих капиталистических групп, нашла себе, благодаря перевороту 3 июня, послушных сотрудников в лице третьедумского большинства; ещё большим усилением народного разорения и бесправия оказалось это сотрудничество.

Земельная политика бюрократии и третьедумского большинства обострила безземелье крестьянских масс, их сословную порабощённость и внесла разорение и анархию в жизнь русской деревни. Финансовая политика попрежнему покоится на истощающих население косвенных налогах — пьяном бюджете — и ещё более прежнего сводится к наполнению карманов господствующих групп и к расходованию свыше трёхмиллиардного бюджета на непро-

изводительные цели. Вся экономическая политика стала колоссальным тормозом для развития производительности страны.

Возросшая дороговизна жизни тяжёлым гнѐтом ложится на массу городского населения. Правительство, поддержанное третьедумским большинством, с одной стороны, парализовало силы населения в борьбе с этим бедствием, подавляя всякую попытку самостоятельности, с другой — ещё обострило гнѐт дороговизны, покровительствуя организациям капитала, усиливающим эксплуатацию потребителей. На рабочий класс обрушивается бесконечная цепь преследований его организаций — политических, профессиональных, кооперативных и иных, в то время как боевые организации крупных капиталистов пользуются полным простором.

Выванное напором рабочего движения признание необходимости страхования рабочих осуществлено III Думой в виде законов, которые, не улучшая нынешнего положения рабочих масс, во многих отношениях делают шаг назад по сравнению с фактически действовавшим страхованием от несчастных случаев и врачебной помощью рабочим.

В области государственного устройства торжествующая реакция продолжает идти по пути 3 июня 1907 г., после того как большинство созданной актом 3 июня Думы приветствовало этот акт. За большим государственным переворотом последовал ряд малых: нарочитый роспуск Думы на три дня, массовые «разъяснения» избирателей, особенно еврейских, бесконечная цепь ухищрений при «делании» выборов в IV Думу, сенатское «разъяснение», пытающееся упразднить свободу слова даже с думской трибуны; система политического провокаторства остаётся одним из главных устоев правительственной политики.

Одним из преступнейших актов провокации был заговор против социал-демократической фракции II Государственной думы (*голоса справа*: «Довольно!»), призванный служить делу государственного переворота 3 июня 1907 г. III Дума, созданная этим переворотом, конечно, одобрила этот акт правительственной провокации.

Произвол центральной и местной администрации превышает теперь всё испытанное Россией до 1905 г. Политические пленники реакции переполняют тюрьмы; они подвергаются таким издевательствам, пыткам и актам варварской мести, которые были немислимы в доконститу-

ционное время. Мы стали очевидцами таких преступлений правительства, как массовый расстрел ленских рабочих в угоду их беззастенчивым эксплуататорам. И весь этот безграничный произвол находил себе неизменное одобрение большинства III Думы.

То же большинство довело до пышного расцвета систему натравливания одной национальности на другую с тем, чтобы легче было разделаться со всеми ими. Особенно дикую форму приняла травля еврейской народности; для этого не постеснялись сделать попытку восстановить легенду мрачного средневековья, пустив в ход кровавый навет о ритуальных убийствах. Этой цели были призваны служить все органы власти вплоть до щегловитовского суда...

Активное содействие III Дума оказала правительству в его стремлении разрушить финляндскую конституцию и в его насильнической руссификаторской политике на окраинах, которая по отношению к Польше нашла своё яркое проявление в отторжении Холмщины.

При поддержке III Думы развернулась вовсю варварская система министерства Кассо, разгромившая высшую школу и установившая казарменную атмосферу в средней и низшей школе. Наконец, полицейский гнёт стал душить печать как никогда, особенно же рабочую. Вся эта разрушительная, противонародная политика, точно мёртвая петля, душит нашу страну. Россия шла бы навстречу разложению и гибели, если бы не движение живых сил народа...

...рассеивая атмосферу общественной реакции и вовлекая в борьбу с 3-июньским режимом те слои населения, которые не принадлежат к лагерю контрреволюции, своими массовыми забастовками против ленских расстрелов и смертных приговоров, своим протестом против травли иностранцев и политики военных авантюр, первомайской забастовкою и борьбою за свободу своих организаций, свидетельствует о том, что волна рабочего движения растёт и близится время, когда рабочий класс во главе нового освободительного движения народных масс выступит за полную демократизацию государственного строя.

Учитывая, с одной стороны, чреватое тяжёлыми последствиями положение, созданное в стране господством дворянско-плутократической клики, а с другой стороны, нарастающую волну рабочего движения, социал-демократическая фракция IV Думы будет, исходя из социал-демо-

кратической программы, согласовывать свои действия с выдвинутыми движением рабочих масс очередными задачами...

В интересах представляемого нами рабочего класса мы будем отстаивать введение 8-часового рабочего дня, широкого рабочего законодательства, государственного страхования рабочих от болезней, несчастных случаев, инвалидности, старости, безработицы, а также страхования материнства для всех категорий трудящихся за счёт государства и предпринимателей и с гарантией полного самоуправления страхуемых.

Отстаивая все эти требования, социал-демократическая фракция будет действовать с твёрдым сознанием своего права говорить прежде всего от имени многомиллионной массы рабочих, которая, разрушая все полицейские преграды, неизменно посылала во все Думы только социал-демократических депутатов.

Но, кроме того, весь ход выборов в IV Государственную думу даёт нам полное основание заявить: социал-демократия, представленная в Государственной думе немногочисленной фракцией, является в стране самой крупной из враждебных современному порядку сил, так как за социал-демократов, кроме рабочих, голосует, несмотря на самые неблагоприятные для нас внешние условия, всё большее количество городских избирателей, на социал-демократию возлагают свои надежды угнетённые народности; наконец, социал-демократии, несомненно, принадлежит симпатия огромного большинства всех тех, кого уродливый избирательный закон вовсе не допускает к избирательным урнам. Защита всех демократических слоёв населения возлагается на партию рабочего класса, кроме того, ещё и ненадёжностью, антидемократическим духом либеральной буржуазии в России.

Чувствуя и поддерживая свою органическую связь с рабочим классом, стоящим во главе движения всех демократических слоёв населения, социал-демократическая фракция будет стараться своею думскою работою поддерживать и расширять проявления его организованной самостоятельности. Нас не пугает ни сложность, ни трудность стоящих перед нами задач. За нас непреложные законы общественного развития... (Шум.)

Исходя из них, мы предвидели революционное движение 1905 г. и в период контрреволюции предсказывали

теперь уже начавшиеся новые выступления рабочего класса за ближайшие требования и конечную цель российской социал-демократии. Эта твёрдая уверенность вселяет в нас бодрость и в IV Думе работать для приближения того часа, когда всенародное учредительное собрание положит начало полной демократизации государственного строя России и тем самым расчистит пролетариату путь для борьбы за освобождение от цепей наёмного рабства, для борьбы за социализм. (*Ружоплескания слева.*)»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ШЕСТЁРКА И СЕМЁРКА.

АРЕСТЫ Я. М. СВЕРДЛОВА и И. В. СТАЛИНА

Разногласия между меньшевистской семёркой и нами по основным тактическим вопросам продолжались. Работа социал-демократической фракции сопровождалась непрерывной борьбой между этими двумя её частями. Ни одно заседание не обходилось без горячих споров. На споры тратилось очень много времени и сил, а результаты были всегда одни и те же: один лишний голос семёрки — и её точка зрения всегда торжествовала.

Наше положение во фракции было чрезвычайно трудным. Семёрка являлась хозяином положения и использовала это в своих фракционных интересах. Большевики то и дело отказывали нам в выступлениях в Государственной думе, намечая ораторами вместо наших товарищей своих единомышленников; по всем спорным вопросам они постоянно проваливали наши предложения.

В самой фракции мы не чувствовали товарищеской среды. Семёрка всячески подчёркивала, что мы нежелательные и ненужные и только в силу необходимости терпимые. Большевистский секретарь С. М. Зарецкая нас игнорировала, а мы не доверяли ей и старались как можно меньше к ней обращаться.

Ленин прекрасно учитывал создавшееся положение и в письмах руководящим товарищам давал соответствующие указания. Так, 6 декабря (нов. ст.) 1912 г. Ленин писал Сталину о том, как должны действовать депутаты-

большевики. Ленин предлагал большевистским депутатам обязательно выступить с резким протестом, если их «майоризируют», напечатать протест в газете и заявить, что они апеллируют к низам, к организациям рабочих.

Ленин и Сталин руководили работой думской фракции, принимали самое ближайшее участие в её текущей работе и почти всегда конкретизировали принципиально поставленные вопросы рядом практических директив. Связь большевиков-депутатов с партией, и в первую очередь с Лениным и Сталиным, установилась полная.

Владимир Ильич часто писал проекты речей по основным принципиальным вопросам для депутатов-большевиков IV Государственной думы. Эти речи депутатами-большевиками произносились на заседаниях Думы.

Лениным написаны проекты речей Г. И. Петровского — по национальному вопросу¹ (апрель 1914 г.); по смете министерства земледелия² (май 1914 г.); проект речи Н. Р. Шагова по аграрной политике правительства³ (июнь 1913 г.); проект речи Бадаева — к вопросу о политике министерства народного просвещения⁴.

В. И. Лениным был написан также «Законопроект о национальном равноправии», предназначенный для внесения фракцией РСДРП в IV Государственную думу; этот документ, напечатанный в газете «Путь правды», получил широкий отклик среди трудящихся различных национальностей.

Под непосредственным руководством И. В. Сталина была подготовлена речь Бадаева в Думе о преследовании царскими властями профессиональных союзов.

В Петербурге деятельностью фракции непосредственно руководили члены ЦК И. В. Сталин и Я. М. Свердлов.

Немало помогали депутатам в их практической работе и другие товарищи (М. С. Ольминский, М. А. Савельев, К. Н. Самойлова).

Работавшие в Питере М. И. Калинин, С. Я. Аллилуев и некоторые другие рабочие-большевики, посещая заседания фракции, также оказывали нам большую помощь.

В январе 1913 г. у меня в комнате поселился Яков Михайлович Свердлов. Он тогда был фактическим редак-

¹ См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, стр. 197—204.

² См. там же, стр. 289—294.

³ См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, стр. 154—170.

⁴ См. там же, стр. 113—122.

тором газеты «Правда». Перед этим он бежал из ссылки, из Нарымского края, и жил в Петербурге нелегально. Часто он целыми сутками не выходил из комнаты и возился с газетными рукописями. Он участвовал во всех наших совещаниях, которые устраивались у меня или у Бадаева на квартире, и давал нам советы по всем вопросам партийной и думской работы. Это был исключительно чуткий, хороший товарищ, и я очень с ним сжился.

Но вот однажды (это было в начале февраля) ко мне явился дворник нашего дома и, вызвав меня в коридор, заявил, что у него есть сведения о том, что в моей комнате проживает непрописанное лицо и в нашем дворе появились агенты тайной полиции, которые, должно быть, следят за моим товарищем.

— Если его арестуют, — сказал дворник, — то и вам и мне придётся отвечать за то, что он проживал без прописки.

Я ответил дворнику, что его не касается, кто у меня проживает, но, как только он вышел, созвал нашу шестёрку. Мы поняли, что Свердлову грозит немедленный арест, и решили переправить его на другую квартиру. Вечером в тот же день, когда уже стемнело, мы всей группой вышли во двор. Окружив, закрыли собой со всех сторон Якова Михайловича и подошли к выходящему на набережную Невы деревянному забору. За забором, на набережной, уже ждал извозчик. Мы помогли Якову Михайловичу перелезть через забор, и он благополучно уехал на новую квартиру (к Малиновскому). На завтра, постояв ещё полдня во дворе у моей квартиры, шпика исчезли. Яков Михайлович прожил на новом месте несколько дней, а затем переехал к Петровскому. В ночь с 9 на 10 февраля на квартиру Петровского явилась полиция и арестовала Якова Михайловича. Петровский протестовал, заявляя, что он депутат и поэтому квартира его неприкосновенна, но полиция не обратила на это никакого внимания. Его даже не допустили к телефону, когда он хотел позвонить о совершённом над ним полицией насилии.

Во время обсуждения в Думе нашего запроса по этому поводу произошёл скандал. Когда Шагов, выступая с трибуны, сказал, что он живёт в одной квартире с Петровским, Пуришкевич крикнул: «Это видать по морде». Против этой хулиганской выходки мы, конечно, шумно

запротестовали. К нам присоединились трудовики. «Охранник! Шпик!» — кричали они. «Вон его, хулигана! Гоните его отсюда!» — слышались возгласы.

Председатель начал звонить, но шум всё усиливался. Многие повставали с мест, бросились к трибуне. Вместе с другими очутился на площадке против самой трибуны и я. По обе стороны и сзади меня с возбуждёнными лицами стояли социал-демократы, трудовики и некоторые кадеты, а напротив вдруг выросла богатырская фигура известного лидера правых Маркова 2-го, окружённого толпой единомышленников, здоровенных детей. Марков 2-й стоял в позе готового к драке человека.

Шум всё усиливался. Непрерывно звонил председатель, но это не помогало. Атмосфера накалялась. Явно назревала драка. В этот момент на площадку влетели шесть здоровенных думских приставов, вызванных председателем. Они выстроились между враждовавшими и начали уговаривать их. Был слышен голос Милюкова, старавшегося кого-то успокоить. Постепенно зал утихал. Публика медленно разошлась по местам. Площадка перед трибуной опустела, и председатель получил возможность говорить. Он предложил исключить Пуришкевича на одно заседание. Пуришкевич, глядя на свои карманные часы, цинично заявил: «Вы меня исключаете на одно заседание, я ничего не теряю, только на один час раньше пообедаю». Предложение председателя было поддержано, и Пуришкевич вышел из зала заседания.

Запрос наш был принят, и Дума перешла к своим очередным «вермишельным делам».

Яков Михайлович Свердлов после ареста был выслан в административном порядке в Туруханский край на пять лет.

Через несколько дней после описанных событий, в половине февраля, к нам явился И. В. Сталин. Так же как и Яков Михайлович, он за несколько месяцев перед этим бежал из ссылки и жил в Петербурге нелегально. В жизни нашей фракции и газеты «Правда» Сталин играл руководящую роль. Он бывал на заседаниях, устраиваемых в нашей квартире, а нередко с большим для себя риском посещал и заседания социал-демократической фракции, с успехом отстаивая в борьбе с меньшевиками большевистские позиции, наносил ликвидаторам меткие удары по политическим вопросам, стоявшим в порядке дня.

До моего избрания в Думу я лично И. В. Сталина никогда не встречал и познакомился с ним только в бытность мою членом IV Государственной думы.

Первая моя встреча со Сталиным произошла в феврале 1913 г., в Петербурге, в квартире т. Бадаева (я тогда жил с т. Бадаевым на одной квартире, на Шпалерной улице, д. № 44, кв. 32). Однажды утром, войдя к т. Бадаеву, я увидел молодого худощавого человека, высокого роста, лет тридцати, с весёлым, симпатичным и сильно располагающим к себе лицом. Это был товарищ «Куба», как мы звали тогда И. В. Сталина. Это была его партийная кличка.

В беседе были затронуты вопросы нашей работы как в Думе, так и на местах, в подпольных партийных организациях. Держался Сталин скромно и просто. Тем не менее из первой же беседы с ним было ясно, что это один из особо выдающихся руководителей нашей партии.

Работая под руководством Ленина и Сталина, мы, рабочие депутаты, чувствовали, что мы сильнее ликвидаторов, хотя их и было семь, а нас шестеро.

Но удержаться в Петербурге И. В. Сталину удалось недолго. По доносу провокатора Малиновского Сталин 23 февраля 1913 г. был арестован на вечеринке, устроенной Петербургским комитетом большевиков в зале Калашниковской биржи. И. В. Сталина сослали на четыре года в далёкий Туруханский край, где мы, рабочие депутаты, осуждённые царским судом на пожизненное поселение в Сибири, встретили его уже летом 1915 г.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТЕЙ К РАБОЧЕМУ ДЕПУТАТУ

Получив сведения о моём избрании в члены IV Государственной думы, владимирский губернатор написал обо мне следующую аттестацию, направленную к прокурору Владимирского окружного суда:

ПРОКУРОРУ ВЛАДИМИРСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА.

18 сего октября выборщиками от губернских съездов уполномоченных от рабочих Владимирской губернии избраны в члены Государственной думы рабочий фабрикт-ва Покровской мануфактуры в г. Иваново-Вознесенске крестьянин Фёдор Никитин Самойлов, принадлежащий по своим убеждениям к социал-демократической партии. В 1907 г. у Самойлова был произведён жандармским надзором обыск, при котором найдены прокламации и нелегальные брошюры и подписной лист на сбор денег в пользу бывшего члена Государственной думы Жиделёва. В 1909 г. Самойлов привлекался к формальному дознанию по 128 ст. 1 ч., 129 и 2 част. 132 ст. Уголовного уложения по делу библиотеки профессионального общества рабочих ситцепечатных фабрик, но приговором Московской судебной палаты, состоявшимся 28 октября 1911 г., оправдан.

Затем получены сведения, что тот же Самойлов участвовал в ограблении жены фабриканта Фокина в 1905 г. на даче «Андреевка» близ села Тейкова.

Губернатор *Сазонов*».

В дальнейшем, с сентября 1912 г. по февраль 1913 г., представители власти Владимирской губернии не оставляли надежды, что им удастся так или иначе «изъять» меня из Думы, и продолжали работать в этом направлении. Так, 22 декабря 1912 г. начальник иваново-вознесенского сыскного отделения Орлов пишет губернатору:

«РАПОРТ.

Согласно личного приказанья по делу Самойлова доношу вашему превосходительству, что в частной беседе с фабрикантом Павлом Ницаноровичем Дербеневым мне пришлось, между прочим, коснуться владимирских депутатов вообще и Эрн и Самойлова в частности. Из слов Дербенева было видно, что как Эрн, так и Самойлов лица в политическом отношении неблагонадёжные, а Самойлов даже с преступным прошлым. На мои вопросы, в чём заключалось прошлое Самойлова, г. Дербенев после долгих

колебаний объяснил, что ему кто-то из его знакомых под секретом высказал, что Самойлов принимал участие в поджоге фабрикантских дач в 1905 г., но кто именно это лицо, отказался назвать. Перед моим уже уходом, сдаваясь на мои настойчивые просьбы, он, г. Дербенев, обещал откровенно указать при условии, если это лицо против обнаружения себя не будет высказывать особых возражений и пожелает вывести на свежую воду прошлую деятельность Самойлова. Разговор с этим лицом он, г. Дербенев, хотел иметь на этих днях и о результате мне обещал сообщить на 3-й или 4-й день рождественских праздников, добавив при этом, что он с своей стороны постарается уговорить то лицо раскрыть истину. В заключение я считаю долгом доложить вашему превосходительству, что с помощью редактора местной газеты Зайцева есть тоже надежда на этих праздниках добыть сведения о прошлом Самойлова в отношении растраты им товарищеских денег. По получении результатов мною немедленно будет донесено вашему превосходительству.

Начальник сыскного отделения *Орлов*.

Затем появляется следующий протокол:

«Совершенно секретно.

1912 г., декабря 26 дня, начальник иваново-вознесенского сыскного отделения Орлов, согласно приказания его превосходительства господина владимирского губернатора, производил негласное дознание по делу об участии рабочего фабрики, крестьянина деревни Гомыленки Лежневской волости, Ковровского уезда Фёдора Никитина Самойлова в 1905 г. в нападении на дачи фабрикантов, по которому нижеупомянутые лица объяснили: фабрикант Павел Никанорович Дербенев, что он, Дербенев, слышал от служащего своего Ивана Аввакумова Вавилова о том, что Фёдор Никитин Самойлов с толпою в несколько человек рабочих в 1905 г. ходил по дачам фабрикантов с требованием денег в пользу забастовщиков, угрожая на случай отказа жечь дачи. Откуда такие сведения Вавилов имеет, ему, Дербеневу, неизвестно. В отношении же жены фабриканта Фёдора Яковлевича Фокина, Евдокии Фёдоровны Фокиной, г. Дербенев окончательно отказался дать какие-либо сведения, объясняя тем, что он эти сведения о

Самойлове от неё, Фокиной, не получал, а получил лишь от одного только Вавилова. Крестьянин деревни Артёмовой Лежневской волости, Ковровского уезда Иван Аввакумов Вавилов, живущий в г. Иваново-Вознесенске по Панской ул., в доме Селивановой, объяснил, что Фёдора Самойлова он знает чуть ни с детства, так как деревня Гомыленка, откуда родом Самойлов, с деревней Артёмовой находятся в соседстве — в одной версте друг от друга, так что приходилось им часто друг друга видеть. В деревне его называют не Фёдором Самойловым, а Федькой Никиты (Никита был отец Фёдора). Фёдор Самойлов всё время работал на фабрике товарищества Иваново-Вознесенской м-ры в г. Иваново-Вознесенске, а по праздникам обыкновенно являлся в свою деревню. Когда начались забастовки фабрик в г. Иваново-Вознесенске в 1905 г., то в это время ходил по деревне слух о том, что Федька Никиты среди рабочих сделался оратором: становился на ящики, говорил речи за продолжение забастовки. Когда полиция в городе начала арестовывать таких агитаторов, то Фёдор Самойлов из Иваново-Вознесенска бежал не в свою деревню Гомыленку, Лежневской волости, а в деревню Аладьино, Черняцкой волости, того же уезда, откуда он, Самойлов, взял себе жену первого брака, где всё время и проживал.

Эта деревня Аладьино от дачи Фёдора Яковлевича Фокина отстоит в одной версте, от деревни Гомыленки в 11 верстах. Был также слух в их деревне и о том, что Фёдор Самойлов с крестьянами деревни Аладьино или ещё какими-то ходил по дачам, собирал деньги с дачников в пользу забастовщиков, но кто ему, Вавилову, об этом в то время говорил, он не упомянул, а сам лично в преступных деяниях Самойлова нигде не замечал. Среди серьёзных и исправных крестьян Самойлов имел весьма плохую репутацию, а среди своих единомышленников в то время считался благодетелем. Свидетель Вавилов, давая свои показания, неоднократно высказывал, что нынче время такое подошло, что правды нельзя сказать: или тебя за правду «сожгут» или «получишь ножом в бок».

Потомственная почётная гражданка Евдокия Фёдоровна Фокина, живущая в г. Иваново-Вознесенске, объяснила, что с требованием денег в пользу забастовщиков в июне 1905 г. на дачу к ней приходили три партии рабочих в 6 часов вечера, в 1 час ночи и в 5 часов утра. Требования

эти, насколько возможно, ею, Фокиной, были удовлетворены, но из всех проходящих рабочих, она, Фокина, в лицо никого не узнала. По её предположению все рабочие были не из крестьян соседней деревни Аладьино, из которых она, Фокина, в лицо некоторых знала, а по всему вероятно из других местностей — незнакомые. Рабочего Фёдора Никитина Самойлова, ныне избранного в Государственную думу, она совсем не знала и в настоящее время не знает, о нём положительно ничего не слышала. По предъявлении г. Фокиной фотографической карточки Самойлова она, Фокина, не признала в этом лице ни одного из лиц, бывших у неё на даче с требованием денег в 1905 г.

Постановил: о вышеизложенном записать в настоящий протокол».

17 января губернатор вкратце сообщил начальнику Владимирского губернского жандармского управления содержание этого протокола для принятия соответствующих мер.

После этого член Владимирского окружного суда, у которого находилось моё дело, ответил на запрос губернатора по телеграфу:

«Владимир. Начальнику губернии. Из Иваново-Вознесенска. Дело Самойлова есть, не началось, кажется, нет в дознании состава преступления.

Уездный член суда *Павлов-Русинов*».

Несмотря на такой ответ, губернатор сообщил в департамент полиции, что дело Самойлова находится в производстве.

Только в феврале 1913 г. было установлено, как зародилось это судебное дело и что послужило поводом.

7 февраля 1913 г. начальник Владимирского губернского жандармского управления писал губернатору:

«Совершенно секретно. Сообщаю вашему превосходительству, что сведений, уличающих члена IV Государственной думы Фёдора Никитина Самойлова в нападении на дачи, в сборе денег с проживающих на дачах фабрикантов, а также в произнесении им преступных речей на митингах 1905 г., при самом тщательном расследовании добыть не представлялось возможным.

Источником этих сведений послужило следующее. Служащий у Павла Никаноровича Дербенева смотрителем лес-

ных дач крестьянин деревни Артёмов, Лежневской волости, Ковровского уезда, Иван Аввакумов Вавилов, узнав, что членом Государственной думы избран Самойлов, и будучи у П. Н. Дербенева по делам службы, в разговоре сказал ему, почему же выбирают таких негодных людей; есть слухи, что Самойлов ходил по дачам, вымогал деньги, грабил дачи и был оратором у забастовщиков; на вопрос же П. Н. Дербенева, кто это мог бы подтвердить, Вавилов ответил, что он таких лиц не знает, но передаёт это как слух.

Расспрошенный Вавилов рассказал, что он при всём его желании раскрыть это дело в настоящее время не имеет никаких данных и что П. Н. Дербеневу он передал как слышанное от разных лиц, от кого именно, указать не может, но обещает в этом направлении разузнать, насколько представится возможным.

Из разговора с Вавиловым слагается убеждение, что переданное им Дербеневу не факт, а простое желание перед хозяином показать себя врагом политических преступников, зная, что Дербенев ненавидит этих людей.

Полковник *Данченко*.

Таким образом, «преступления», приписанные мне и построенные на слухах и сообщениях несуществующих «свидетелей», опровергались самими же «пострадавшими» от этих «преступлений». Казалось бы, вместе с этим должны были отпасть и все «дела» и переписка высокопоставленных лиц, столь обильная, необоснованная и пустоপরোজন্যা. Но это было не единственное «дело», поднятое против меня властями.

Основанием для создания против меня ещё одного судебного «дела» послужила моя же заметка, помещённая в газете «Правда» 14 ноября 1912 г. В этой заметке я описывал митинг, организованный у станции железной дороги в день моего отъезда в Петербург. В конце заметки говорилось, между прочим, что «полиция воздержалась от всяких действий». Именно это сделанное вскользь замечание взбудоражило полицию. Как уже известно, я заявлял о предполагавшемся митинге помощнику полицмейстера, договорился с ним о том, что полиция не будет вмешиваться в проводы депутата, чтобы избежать возможных осложнений, и всё же полицейские чины и местные власти, опасаясь гнева начальства за беспрепятственное

допущение митинга при проводах, всячески старались реабилитировать себя: с ловкостью фокусников они сочиняли рапорты и донесения.

Начальник московско-архангельского жандармского полицейского управления рапортовал губернатору о «произведённом разгоне» митинга; он указывал даже, каким отрядом жандармов и под чьим командованием производился этот разгон.

Получив столь же «достоверные» сведения от прокурора, который заверял, что приступлено к формальному дознанию по этому «делу», губернатор в свою очередь сообщает своему высшему начальству, что виновники привлечены к ответственности.

Несколько позднее, уже после моего отъезда в Петербург, власти затеяли против меня «дело» за выступление на митинге у вокзала 8 ноября 1912 г., в день моего отъезда в Петербург.

Чем официально окончилось это «дело», из архивных материалов не видно. Ясно только, что оно тоже провалилось, потому что по этому обвинению я привлечён не был.

Стремясь подавить революционное движение, преследуя рабочих депутатов, власти брали под полицейский надзор целые фабрики.

Это видно, например, из следующего документа:

«Секретно. Начальнику Владимирского губ. жандармского управления.

В числе выборщиков в Государственную думу от курии рабочих было несколько рабочих с фабрики Викулы Морозова, находящейся в Покровском уезде.

Это обстоятельство заставляет предполагать, не находится ли на означенной фабрике значительное число рабочих, принадлежащих к партии социал-демократов...

Ввиду этого прошу ваше высокоблагородие установить за упомянутой фабрикой особое наблюдение, о результатах которого прошу мне сообщить.

За губернатора вице-губернатор».

ГАЗЕТА «ПРАВДА». РАБОТА НА МЕСТАХ. ШПИКИ

Газета «Правда», выходявшая под руководством И. В. Сталина, Я. М. Свердлова и В. М. Молотова, была тем рулевым, который направлял всю партийную работу. Но работа газеты не могла уложиться в рамки легальности, поэтому она терпела большой ущерб от непрерывных набегов полиции, конфискации отдельных номеров, штрафов, привлечения к суду ответственных редакторов (которыми были главным образом партийные рабочие), арестов и высылки сотрудников. Полиция часто закрывала «Правду», и газета в таких случаях выходила под другими названиями.

Но, несмотря на все преследования, благодаря активной поддержке широких рабочих масс, «Правда» не только продолжала жить, но и крепла, увеличивала свой объём и тираж. Она распространялась в нескольких десятках тысяч экземпляров.

Мы, рабочие-депутаты, конечно, также сыграли свою роль в жизни газеты.

Петровский вошёл в состав редакции, Бадаев и Шагов заведывали хозяйственной и издательской частью. Связь с «Правдой» установилась у нас самая тесная и неразрывная. Мы, депутаты, находились в постоянном общении с виднейшими руководителями газеты: И. В. Сталиным и Я. М. Свердловым. Вначале официальным издателем «Правды» был А. Е. Бадаев, позднее издателями по очереди были почти все депутаты-большевики. Наша нестёрка всё время работала в полном единении с «Правдой», имевшей самую тесную связь с рабочими массами. При помощи «Правды» мы, члены думской фракции, успешно выполняли важнейшие задачи, которые ставила перед нами партия большевиков. Наши выступления с думской трибуны имели успех благодаря большевистской газете «Правда», которая доводила наши речи в Думе до широких масс рабочих, что имело большое значение для революционного воспитания рабочих.

В организациях на местах количество подписчиков «Правды» быстро увеличивалось. Например, Иваново-Вознесенская организация к осени 1912 г. получала до 120 экземпляров (50 — через кооператив «Единение — сила» и около 70 — через ячейки). Кроме того, «Правду»

выписывали и отдельные лица. Немного позднее количество подписчиков возросло до 600.

Вспоминается случай с одним конфискованным полицией номером «Правды».

Часть конфискованных номеров «Правды» почти всегда удавалось перехватить, иногда прямо из-под носа полиции, перед самым её приходом в редакцию. Мы, депутаты, посылали эти «запрещённые» властями номера газеты на места по конспиративным адресам. Об этом нередко пронюхивала полиция, и с нашими адресатами бывали разные «истории». Так, однажды на имя т. Гнедина в Иваново был послан конфискованный номер «Правды» с напечатанной в ней декларацией социал-демократической фракции Думы.

Получив почтовую повестку, Гнедин явился на почту и предъявил её чиновнику, сидящему у окошка выдачи посылок. Осмотревшись кругом, Гнедин увидел около чиновника жандарма, а потом двух казаков, стоявших по обе стороны двери. Было ясно, что всё это неспроста, что представители власти недаром находятся тут. Между тем отступать было уже поздно; повестка находилась в руках чиновника, уйти было нельзя, положение становилось опасным. Но, к счастью, жандарм в это время был увлечён каким-то разговором и не замечал Гнедина. Чиновник же медлил с выдачей посылки, видимо ожидая, когда жандарм обратит внимание на Гнедина. Между тем время шло, дальше медлить с выдачей посылки было неудобно, и чиновник выдал её адресату. Схватив посылку, Гнедин быстро очутился на улице, сел на первого попавшегося извозчика и через несколько минут был на квартире. Не теряя ни минуты времени, он отправил посылку к одному из проживавших вблизи товарищей. Жандармы явились к Гнедину, когда уже никаких следов от посылки не оставалось. На вопрос: «Где посылка?» — Гнедин показал несколько старых номеров «Правды».

— А где же обёртка? — пыливо спросили жандармы.

— Сжѣг в печке, — ответил Гнедин, показывая на топившуюся в это время железную печку.

Жандармы были одурачены так ловко, что придраться к Гнедину никак не могли. Вызванный на другой день на допрос в жандармское управление Гнедин отделался одним протоколом допроса. Конфискованный номер «Правды» был распространён среди рабочих.

Меньшевистско-ликвидаторский «Луч» как в Иваново-Вознесенске, так и во всех других социал-демократических организациях Иваново-Вознесенского района выписывался в очень незначительном количестве и исключительно для информации.

В конце декабря 1912 г. или начале января 1913 г. (точно не помню), во время рождественских каникул, я сделал в Иваново-Вознесенске, в местечке Рылиха, в доме т. Фирстова, первый доклад о работе социал-демократической фракции в Государственной думе. Присутствовал весь городской комитет социал-демократической организации и несколько других товарищей — до 15 человек. После моего доклада собравшиеся единогласно выразили полное одобрение работе нашей фракции.

В эти же дни я поехал для доклада в Тейково. Когда я сел в вагон, то сразу же наткнулся на двух подозрительных субъектов, стоявших на площадке вагона. Я подошёл к ним с намерением проверить свои подозрения. Они быстро отвернулись и стали ко мне спиной. Я понял, что это шпики, и стал в свою очередь следить за ними.

Когда поезд тронулся, оба шпики быстро нырнули с площадки в крайнее купе вагона. Увидя их манёвр, я направился в то же купе и нашёл их сидевшими рядом на лавочке. Я сел напротив и стал в упор смотреть на них. Мне было важно запомнить их физиономии. Один из них был высокий молодой парень, блондин, другой — среднего роста, чёрный, с большими усами, лет 35. Поняв, что я их разоблачил, они потупились. Я же молча продолжал их рассматривать. В таком положении мы просидели минут десять; они не выдержали и один за другим, стараясь не глядеть на меня, быстро вышли из купе. Но я уже запомнил их наружность и был уверен, что им теперь будет труднее следить за мной.

Выйдя из вагона на станции Тейково, я не мог их нигде заметить и решил, что они где-нибудь скрылись, чтобы следить за мной издалека. Меня встретили два товарища. Я сообщил им о шпиках; мы решили попытаться удраť от них и направилсь по дороге к селу. Но, отойдя полверсты от вокзала, мы оглянулись и увидали их обоих, быстро шагавших за нами. Я предложил моим товарищам уйти «от греха», и они быстро пошли вперёд. Сам я задержался, чтобы посмотреть, что будут делать шпики. Они замедлили шаги. Я прибавил шагу и, оглянувшись, увидел,

что и они также пошли быстрее. Эта гонка продолжалась до главной площади, где собралась большая толпа вокруг недавно открытого памятника Александру II. Не упуская из виду шпииков, я смешался с толпой. Шпиики тоже очутились в толпе. Тогда один из тейковцев попытался отвлечь их от меня и пошёл к ним навстречу. Но они не обратили на него внимания и продолжали следить за мной. Я решил уже было ехать обратно в Иваново-Вознесенск, чтобы не провалить тейковцев. В этот момент ко мне подошёл один из местных товарищей и сказал, чтобы я шёл за ним. Я повиновался. Шпиики немедленно двинулись за мной, держась всё на том же «почтительном» расстоянии. Скоро мы вошли в узкую, извилистую улицу со множеством всяких переулков. Товарищ мой шагал так быстро, что я едва поспевал за ним. Мы сворачивали то в одну, то в другую сторону и скоро запутали шпииков. Тогда мы побежали и через несколько минут, запыхавшись, подошли к дому одного из товарищей. Кругом была тишина, не было видно ни души. Шпиики нас потеряли.

Тут мы просидели до темноты. Меня переодели в широкую поддёвку со сборами, надели валенки, башлык на голову и голицы на руки. В таком совершенно неузнаваемом виде я и явился на конспиративную квартиру, где уже было много наших. Я сделал доклад о работе социал-демократической фракции, потом посыпались вопросы, и в оживлённой беседе за чаем мы незаметно провели время далеко за полночь. Поведение депутатов-большевиков здесь, как и всюду, было одобрено единогласно.

Поздно ночью безлюдными улицами меня отвели на почёвку. Утром в сопровождении И. И. Короткова и других товарищей я отправился на вокзал, где снова встретил вчерашних шпииков. Теперь они были уже не страшны. Я показал товарищам своих преследователей и громко назвал их шпииками. Услышав это, они куда-то быстро исчезли, но перед самым отходом поезда появились снова, поменявшись шапками. Этот «маскарад» вызвал с нашей стороны взрыв смеха. Шпиики же, посрамлённые своими неудачами, поспешили снова исчезнуть в одном из вагонов. Больше я их не видал.

После Тейкова я отправился для доклада в Кохму. Чтобы избежать повторения истории со шпииками, поехал не по железной дороге, а на лошади (от Иваново-Вознесенска до Кохмы около 10 вёрст).

Вёз меня свой человек, служивший тогда извозчиком в кооперативе «Единение — сила». Ехали мы поздно вечером лесом и какими-то просёлочными дорогами. Было темно, холодно, дорога плохая. Мы несколько раз сбивались с пути, долго блуждали в лесу и здорово промёрзли, пока, наконец, добрались до места. Зато шпиков с собой я уже не притащил.

Доклад я делал в деревне Любешки. Там собралось столько товарищей, что в хате с трудом уместились. После доклада и оживлённого обмена мнениями наша думская работа была полностью одобрена и здесь.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

АРЕСТЫ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ. СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЛИКВИДАТОРЫ. МОСКОВСКАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА «НАШ ПУТЬ»

Во время пасхальных каникул Государственной думы я снова ездил в свою губернию с докладами. Побывал в Тейкове. На этот раз тейковцы устроили собрание в деревне Лемешки, верстах в пяти от Тейкова. И на этот раз наша думская деятельность и тактика получили полное одобрение.

В это время наши организации повсеместно хорошо работали и готовились к празднованию 1 Мая. Но в ночь на 27 апреля в Иваново-Вознесенске и во всём Иваново-Вознесенском районе — Шуе, Кохме, Тейкове — жандармы произвели многочисленные обыски и аресты. Арестовано было несколько десятков человек. В Коврове было арестовано всё руководство местной партийной организации.

Скоро часть из них была освобождена, но свыше 20 человек оставалось в заключении.

Аресты нанесли социал-демократическим организациям района сильный удар. Связи с фабриками были порваны, кроме фабрики Грязнова, которую почему-то миновала общая участь. Четыре месяца просидели арестованные товарищи в тюрьме без предъявления им какого-либо обвинения. Это было незаконно даже с точки зрения царских порядков, и в конце августа 1913 г. я обратился к министру внутренних дел с телеграммой, в которой требовал освобождения арестованных. Прошёл месяц, а ответа на теле-

грамму не было. Арестованные продолжали сидеть по тюрьмам. Тогда я дал заметку в газету «Правда». Я писал, что происходят не только незаконные аресты, но наши министры не считают нужным даже отвечать на запросы. После этого в скором времени свыше 20 человек арестованных были высланы в Пермскую и Олонецкую губернии.

Центральный Комитет партии предполагал во время летних каникул Государственной думы организовать для шестёрки курсы в местечке Поронино, в окрестностях Кракова, куда В. И. Ленин переехал на летние месяцы. Нам предлагали поехать туда на полтора-два месяца. Но этот проект не осуществился. На совещании шестёрки после роспуска Думы на летние каникулы было решено сначала ехать на места, а потом уже за границу.

Весной 1913 г. я серьёзно заболел. Сказалось общее переутомление вследствие непривычной, напряжённой работы и многих бессонных ночей. Весь май и часть июня я был вынужден пробыть в одном из санаториев Финляндии, а потом в деревне.

Только в августе я попал в Иваново-Вознесенск и сделал там ряд докладов. После этого по настойчивому совету врачей мне пришлось уехать на месяц в Крым.

Остальные депутаты-большевики, посетив свои районы, в конце лета выехали за границу. Там при Центральном Комитете партии состоялось совещание, на котором присутствовало свыше 20 представителей крупнейших промышленных центров России и Польши.

На этом совещании ЦК партии самым решительным образом выступил против меньшевистской семёрки социал-демократической фракции, так как, несмотря на то, что мы, шесть рабочих депутатов, представляли большинство рабочих России, меньшевики-ликвидаторы, пользуясь большинством одного голоса, не считались с нами и решали все спорные вопросы в свою пользу. Они вели себя, как полные хозяева положения.

При обсуждении вопроса о положении дел в нашей фракции была принята следующая резолюция, написанная Лениным:

«Совещание находит, что единство с.-д. фракции в области думской работы возможно и необходимо.

Однако совещание констатирует, что поведение 7 депутатов seriously угрожает единству фракции.

7 депутатов, пользуясь случайным большинством 1 го-

лоса, нарушают элементарные права 6 рабочих депутатов, представляющих громадное большинство рабочих России.

7 депутатов, исходя из узко-фракционных интересов, лишают 6-х депутатов возможности выступать с думской трибуны по важнейшим вопросам рабочей жизни. В целом ряде выступлений, когда с.-д. фракция выставляла двух и более ораторов, 6 депутатов, несмотря на свои требования, не получали возможности выставить своего оратора.

7 депутатов при распределении мест в думских комиссиях (напр., бюджетной) таким же образом отказывают 6-м депутатам предоставить одно из двух мест.

При выборах от фракции в важные для рабочего движения учреждения 7 депутатов большинством одного голоса лишают 6-х депутатов представительства. Личный персонал, обслуживающий фракцию, всегда избирается односторонне (например, отвергнуто требование второго секретаря).

Совещание находит такой образ действий 7 депутатов неизбежно создающим трения во фракции, мешающим сплоченной работе и ведущим к расколу фракции.

Совещание самым решительным образом протестует против подобного образа действий 7-ми депутатов.

6 депутатов представляют громадное большинство рабочих России и действуют в полном согласии с политической линией его организованного авангарда.

Совещание поэтому находит, что только при полном равноправии двух частей фракции и только при отказе 7 депутатов от политики подавления будет возможно сохранить единство с.-д. фракции в области думской работы.

Несмотря на непримиримые разногласия в области работы не только думской, совещание требует единства фракции на указанных выше началах равноправия 2-х ее частей.

Совещание приглашает сознательных рабочих высказать свое мнение по этому важному вопросу и способствовать всеми силами сохранению единства фракции на единственно возможной основе равноправия 6 рабочих депутатов¹.

Меньшевики-ликвидаторы, исходя из своей политической линии борьбы против нелегальных форм партийных организаций, всё время протестовали против политических стачек. Они называли наблюдавшееся тогда усиление стачечного движения вредным «стачечным азартом», «стачкизмом», «вспышкопускательством» и т. д. Но рабочее

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 382—383.

движение развивалось своими путями вопреки ликвидаторским протестам, «благоразумным» советам и прочим видам меньшевистской агитации.

Летом 1913 г. стачечное движение рабочих масс как в Питере, так и в других местах России достигло уже давно невиданных размеров. Так, в это лето в Лодзи бастовало до 60 тысяч ткачей, в Варшаве — до 22 тысяч сапожников, на коях Чиатуры — до 20 тысяч шахтёров. В Петербурге только в июне было до 60 стачек с несколькими десятками тысяч бастующих. В Москве в июле бастовало до 30 тысяч человек. Харьков, Киев, Баку, Вильно, Рига, Астрахань, Николаев, Кинешма, Грозный и другие города дали ещё несколько сот тысяч бастующих.

В конце сентября в Петербурге и во многих других местах России прокатилась новая волна политических стачек в знак протеста против начавшегося тогда известного дела Бейлиса¹. Цинизм, с которым черносотенцы-погромщики состряпали это дело, вызвал волну протеста в рабочих массах.

Этим же летом происходила кампания за создание московской рабочей газеты. Дело было трудное. Работа по организации газеты то и дело наталкивалась на противодействие полиции, то и дело происходили аресты товарищей, принимавших участие в подготовке выхода газеты.

Прежде чем создавать московскую рабочую газету, было решено открыть московское отделение нашей петроградской «Правды». Для этой цели вскоре после роспуска на летние каникулы Государственной думы была командирована в Москву В. Н. Лобова, секретарь нашей шестёрки. Трудно было организовать московское отделение «Правды» в обстановке постоянных арестов. Кроме того, тогдашний московский градоначальник издал специальное распоряжение, которым всем домовладельцам Москвы под страхом наказания воспрещалось сдавать для нашего отделения «Правды» какое бы то ни было помещение. С большим трудом товарищи нашли помещенье, на ремонт которого, прежде чем его можно было использовать, пришлось потратить немало средств.

¹ Царское правительство с целью вызвать еврейские погромы состряпало в 1913 г. судебное дело киевского еврея Менделя Бейлиса, обвинявшегося охранкой в убийстве мальчика с ритуальной целью. Злодейский замысел черносотенных громил провалился. Ввиду явной грубой подделки царский суд вынужден был оправдать Бейлиса.

Через «Правду» среди московских рабочих был организован сбор средств на газету. Но аресты в Москве среди руководящих работников организации помешали тогда приступить к изданию газеты, и лишь в августе 1913 г. под руководством Н. Н. Яковлева¹ (имевшего на то поручение ЦК) газета стала выходить под названием «Наш путь». Редакция «Северной правды», приветствуя выход московской рабочей газеты, писала: ««Наш путь» — это та именно газета, которой так жадно желали московские товарищи».

В газете сотрудничали Ленин, Сталин, М. Горький, Ольминский, И. Степанов, члены большевистской фракции Думы и др. Но полиция не дала газете возможности вернуться. Она из номера в номер конфисковывалась. Из 16 вышедших номеров 12 было конфисковано. Одновременно производились усиленные аресты как прямых сотрудников газеты так и вообще всех имевших к ней какое-либо отношение. 12 сентября газета была окончательно закрыта полицией.

Во всей этой истории с московской газетой гнусную провокационную роль сыграл Малиновский, который, числясь официальным издателем газеты, помогал полиции вылавливать партийных товарищей.

Вместе с другими товарищами в это время была арестована В. Н. Лобова. Её выслали в административном порядке на три года в одну из северных губерний, и шестёрка осталась без секретаря.

Перед лицом важных и показательных фактов усиления рабочего движения, развивавшегося, несмотря на все репрессии и преследования, мы, рабочие депутаты, ещё сильнее почувствовали, что наша политическая линия вполне оправдывается самой жизнью. Ликвидаторы оставались всё дальше и дальше позади жизни, а рабочий класс шёл по пути, указанному большевиками.

Нам было ясно, что резолюция «августовского» совещания при Центральном комитете о положении дел во фракции полностью отвечает переживаемому страной политическому моменту.

Мы твёрдо верили, что служим делу революции и рабочего класса.

¹ За организацию газеты Н. Н. Яковлев был сослан на 4 года в Нарым. В годы гражданской войны расстрелян белыми в Сибири.— Ф. С.

РАСКОЛ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. ТРАВЛЯ БОЛЬШЕВИКОВ ЛИКВИДАТОРАМИ

Вопросы страхования рабочих, как и многие другие, вызвали большие разногласия между нами, рабочими депутатами, и семьёркой.

В то время происходила кампания за проведение изданного в 1912 г. царского закона о страховании рабочих. Мы, большевики, стремились использовать эту легальную возможность для того, чтобы шире развернуть нашу революционную агитацию и пропаганду. Меньшевики же, верные своей оппортунистической тактике, старались урезать требования рабочих в области страхования, сделать эти требования более «приемлемыми» и настаивали, чтобы в страховое дело вносилось как можно меньше политики. Главное внимание, по их мнению, надо было уделить «положительной работе» по проведению царского страхового закона. Они стояли за создание районных больничных касс, мы же в интересах революционной агитации и пропаганды, в целях организации широких рабочих масс, а также и по многим другим соображениям отстаивали общие городские кассы.

На этой почве между нами и меньшевиками-ликвидаторами шла ожесточённая борьба. У меньшевиков был свой специальный страховой печатный орган — журнал «Страхование рабочих». Мы же могли уделять этому вопросу только небольшое место в нашей газете «Правда», поэтому у нас всё время чувствовалась нужда в своём печатном страховом органе. Когда наш ЦК решил приступить к его изданию, шестёрке было предложено принять в нём активное участие.

И вот в конце сентября мы обратились через газету «Правда» к рабочим с воззванием, в котором указывали на необходимость создания марксистски выдержанного органа печати по вопросам страхования и призывали помочь денежными сборами созданию такого органа. Это воззвание послужило поводом к новому выступлению против нас меньшевикско-ликвидаторской семьёрки.

Но до своего выступления семьёрка потребовала от нас объяснения: чем мы руководствовались, поддерживая без

ведома фракции воззвание о создании своего страхового органа? Меншевики предложили нам снять подписи с воззвания, угрожая в противном случае выступить против нас в печати. Срок нам был дан два часа. Мы, конечно, решительно отказались выполнить эти требования, и семёрка выполнила свою угрозу.

Это было второе по счёту выступление в печати семёрки против нас, рабочих депутатов. На словах меньшевики проповедывали единство, а на деле всячески углубляли раскол социал-демократической фракции.

Положение во фракции становилось невыносимым. Несмотря на то, что за нашей шестёркой стояло подавляющее большинство рабочих России, ликвидаторская семёрка по всем спорным вопросам продолжала подавлять нас большинством одного голоса. В середине октября того же 1913 г. мы, шесть рабочих депутатов, согласно указаниям Центрального Комитета нашей партии, обратились во фракцию с письменным заявлением, в котором, констатируя ненормальное положение во фракции, требовали у семёрки равноправия обеих частей фракции, т. е. установления такого порядка, при котором все спорные вопросы решались бы не путём простого голосования, а добровольным соглашением обеих сторон.

Текст заявления был выработан В. И. Лениным совместно с большевиками-депутатами Думы на Поронинском совещании ЦК с партийными работниками.

Заявление мы вручили Чхеидзе на первом же, после летних каникул, заседании социал-демократической фракции.

Чхеидзе, приняв заявление, обратился к присутствующим с вопросом: «Угодно ли будет его рассматривать?» — и собирался уже разрешить вопрос, как обычно, голосованием. Но мы заявили, что отказываемся от участия в заседании до тех пор, пока не получим ответа, и потребовали обсудить вопрос. Когда нам в этом было отказано, мы предложили дать нам ответ через 24 часа. На вопрос: «Что это, раскол?» — мы ответили: «Нет, заявление», и удалились с заседания.

Через некоторое время нас снова пригласили явиться на заседание, но мы отказались.

Прошло несколько дней. Ответа не было. Тогда наше заявление было напечатано в газете «За правду» от 18 октября со следующим добавлением:

«Товарищи по фракции на это заявление не дали нам в указанный срок никакого ответа.

Мы считаем себя обязанными обратиться к вам, товарищи-рабочие, с просьбой обсудить выставленные нами справедливые требования.

Мы считаем эти требования необходимым условием для сохранения единства думской работы.

Мы ждём вашей поддержки и восстановления единства думской фракции на правильных началах — равенства двух её частей».

Далее следовали подписи.

В ответ на наше заявление ликвидаторы подняли большой шум в своей газете, называя нас раскольниками, преступниками против рабочего класса и т. д. Семёрка утверждала, что указанные нами факты постоянного подавления нас в спорных вопросах неверны. На это мы ответили, что наша фракция, обращаясь к рабочим России, подробно изложила ненормальное положение во фракции, и пригласили рабочих обсудить этот вопрос и высказать своё мнение.

Эти открытые выступления по вопросам о разногласиях и положении дел во фракции окончательно и решительно перенесли споры шестёрки и семёрки за пределы фракции, в самую гущу рабочих масс России. Скоро с мест начали поступать резолюции с многочисленными подписями, принимаемые как на легальных, так и на нелегальных собраниях рабочих. Подавляющее большинство этих резолюций, поступавших из наиболее крупных промышленных районов России, полностью одобряло поведение депутатов-большевиков, поддерживало наше требование установить равноправие обеих частей социал-демократической фракции и решительно осуждало семёрку за её намерение подавлять нас и дальше случайным большинством одного голоса. Только незначительное количество резолюций, поступивших главным образом из мелких промышленных пунктов, одобряло линию поведения семёрки. Резолюции подтверждали, что громадное большинство рабочих России стоит на нашей стороне и поддерживает нашу позицию. Несмотря на это, меньшевистская семёрка не изменила своего поведения, продолжала все спорные вопросы на заседаниях фракции ставить на голосование и механически выносить по ним нужные им решения. Так, например, на заседании социал-демократической фракции 21 октября по

внесённому в Думу запросу о преследовании рабочей печати мы требовали одно из двух выступлений в Думе дать нам, большевикам. Но большинство фракции решило оба выступления предоставить меньшевикам — Чхеидзе и Бурьянову.

На этом же заседании мы запросили семёрку, почему она не отвечает определённо и ясно на наши требования установить равноправие двух частей фракции, и получили обещание дать окончательный ответ 25 октября. Тогда мы заявили, что до этого времени не будем участвовать в голосовании, а начнём действовать как самостоятельная группа.

Буржуазная печать, поскольку она находила нужным так или иначе отзываться на наши разногласия, конечно, всецело была на стороне семёрки. Так, например, кадетская «Русь» в одном из октябрьских номеров посвятила этому вопросу большую статью. В этой статье газета одобряла семёрку за её «парламентские» стремления приспособиться к существующей политической обстановке и вести борьбу за интересы рабочего класса в «парламентских» формах. Тут же высказывалось сожаление, что «непарламентская» шестёрка имеет за собой подавляющее большинство рабочих, что «парламентской» семёрке борьба с ней не под силу.

Ликвидаторская семёрка даже тогда, когда вопрос о расколе социал-демократической фракции стоял уже во всём объёме, накануне окончательного ответа на наши требования об установлении равноправия двух частей бесцеремонно использовала единство фракции в своих фракционных интересах.

23 октября в Государственной думе представитель семёрки Туляков в своей речи провозгласил от имени всей фракции ликвидаторский лозунг «свобода коалиций». Против этого лозунга оппортунистов мы всегда горячо протестовали.

Наконец, 25 октября мы получили официальный ответ семёрки, в котором она решительно отказалась удовлетворить наши требования.

Нам было ясно, что настал решительный момент раскола и пора приступить к официальному оформлению своей самостоятельной рабочей большевистской фракции в Государственной думе.

Мы, рабочие депутаты, обратились через нашу газету к рабочим с воззванием, в котором сообщили об отказе

ликвидаторов согласиться с нашими требованиями равноправия двух частей фракции и заявили, что мы организуемся в самостоятельную фракцию. В заключение мы выражали надежду на поддержку рабочих в этот трудный для нас момент.

Одновременно мы послали семёрке следующее письмо: «Уважаемые товарищи!

В своём заявлении, вручённом нами вам на заседании фракции 16-го октября, мы прямо и категорически заявили о тех условиях для продолжения совместной работы, которые являются для нас единственно приемлемыми.

В своём ответе от 25 октября вы также категорически нам во всех наших требованиях отказали.

Мы считаем необходимым довести до вашего сведения, что с сегодняшнего числа мы конституируемся как самостоятельная социал-демократическая фракция Государственной думы, и предлагаем вам всякий раз вступать с нами в переговоры об организации общих выступлений с думской трибуны от имени социал-демократии (следовали подписи)¹.

Наша фракция конституировалась под названием «Российской социал-демократической рабочей фракции IV Государственной думы»; мы приступили к работе при полной поддержке и одобрении широких рабочих масс. Как широка была эта поддержка, показывают следующие данные. К 1 ноября 1913 г. в резолюциях, одобрявших наше поведение, высказались организованные рабочие группы на 83 предприятиях Петербурга. Резолюции эти подписали свыше 5 тысяч человек. Кроме того, одобрительные резолюции вынесли профессиональные союзы и члены организованных групп, не указавших числа голосовавших товарищей. И это в одном только Петербурге.

Ещё долгое время со всех концов страны продолжали поступать резолюции, одобрявшие наше поведение и осуждавшие ликвидаторскую семёрку. Мы видели, что рабочий класс поддерживает нас.

Наша самостоятельная работа под руководством Центрального Комитета партии закипела. Вначале мы решили поддерживать деловые сношения с меньшевистско-ликвидаторской фракцией, сговариваясь по конкретным вопросам думской работы.

¹ «За Правду» от 29 октября 1913 г.

Ликвидаторы сначала как будто тоже были склонны сохранить с нами деловые отношения, но скоро отказались от этого и порвали с нами всякую связь. Своё положение официально зарегистрированной думской фракции они решили использовать всецело в своих интересах. Они захватили себе все места в думских комиссиях, исключив нас оттуда, причём сделали это от имени всей фракции. По этому поводу 15 ноября наша фракция обратилась к рабочим со следующим воззванием:

«Товарищи рабочие!»

В своём заявлении от 27 октября социал-демократическая фракция сказала, что, даже конструировавшись в самостоятельную фракцию в Государственной думе, социал-демократическая фракция будет тем не менее перед каждым своим выступлением пытаться столкновываться и согласовываться с 7 депутатами.

Факты прошлого показали, что такая совместная работа возможна, как это и имело место при выработке запроса о стачках.

Однако семеро депутатов категорически отказались *подписать* запрос о невведении страхования рабочих казённых предприятий, — мало того, они заявили, что ни в какие соглашения с фракцией вступать не намерены. Это не мешало, однако, тем же семерым захватить от имени всех 14 себе места в думских комиссиях и послать от имени всех 14 — пользуясь старым списком членов социал-демократической фракции — Бурьянова — в комиссию о реформе полиции, Скобелева в комиссию о печати и Тулякова в комиссию о собраниях, — в те комиссии, в которые как восьмёрка они не могли попасть, так как туда посылают только думские группы числом не менее 10. Наконец, позавчера Чхеидзе собственноручно вычеркнул из списка членов социал-демократической фракции — шестерых рабочих депутатов, чем пытался формально закрепить за семью депутатами имя социал-демократической фракции в Государственной думе.

В силу всех приведённых фактов, не желая передавать разрешение спора о том, где социал-демократическая фракция, на разрешение Родзянко и думского президиума, — от имени социал-демократической фракции доводим до сведения всех товарищей рабочих, что, с одной стороны,

нами предприняты необходимые шаги для формального конструирования в Государственной думе под названием: «*Российской Социал-Демократической Рабочей фракции*», а с другой, что с этих пор, в целях большей продуктивности и во избежание постоянного торможения думской работы,— никаких новых предложений о соглашении с 7-ю о своих думских выступлениях мы делать не будем;— если же предложение последует с их стороны, мы никогда, конечно, от такого не откажемся»¹.

Одновременно фракция довела до сведения президиума Государственной думы о своей организации и просила предоставить ей права, которыми пользуются остальные фракции Государственной думы, как-то: представительство в комиссиях, получение всех думских материалов и т. д.

С этого момента мы стали официально числиться в Государственной думе самостоятельной фракцией, и работа пошла продуктивней.

Работе социал-демократической фракции большевиков дана высокая оценка в «Кратком курсе истории ВКП(б)»:

«Большевистские депутаты выступали в думе с революционными речами, в которых разоблачали самодержавный строй, делали запросы правительству о расправах с рабочими, о бесчеловечной эксплуатации рабочих капиталистами.

Они выступали в думе также по аграрному вопросу, призывали в своих речах крестьян к борьбе против крепостников-помещиков, разоблачали кадетскую партию, стоявшую против конфискации помещичьих земель и передачи их крестьянам.

Большевики внесли в Государственную думу законопроект о 8-часовом рабочем дне, который, конечно, не был принят черносотенной думой, но сыграл большую агитационную роль.

Большевистская фракция в думе была тесно связана с ЦК партии, с Лениным и получала от него указания. Непосредственно руководил ею во время своего пребывания в Петербурге тов. Сталин»².

После раскола меньшевистско-ликвидаторская газета подняла против нас, рабочих депутатов, яростную травлю.

¹ «За Правду» от 15 ноября 1913 г.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 149—150.

Ликвидаторы неизменно обвиняли нас в раскольничестве и призывали рабочих к единству, демагогически пользуясь этим лозунгом в своих ликвидаторских целях.

Тем не менее социал-демократические организации на местах и слышать не хотели ни о каком единстве нелегальной партии с её врагами — ликвидаторами. Несмотря на демагогию ликвидаторов, подавляющее большинство местных товарищей допускало единство лишь при условии признания нелегальной партии как основы всей партийной работы. А травля рабочих депутатов всё больше и больше отталкивала от меньшевиков рабочие массы.

Стараниями ликвидаторского «организационного комитета» (ОК), избранного на ликвидаторской августовской конференции 1912 г., вопрос о расколе думской социал-демократической фракции был поставлен в Международном социалистическом бюро. Наш Центральный Комитет во главе с Владимиром Ильичём Лениным был против вмешательства оппортунистов из II Интернационала в наши дела. Всё же в декабре 1913 г. в Лондоне состоялось заседание Международного социалистического бюро, на котором были представлены ликвидаторский ОК, латышская социал-демократия, бундовцы и прочие оппортунистические течения в русской социал-демократии. После краткого обсуждения вопроса о русских делах была принята резолюция, в которой Международное социалистическое бюро предлагало русским товарищам свои услуги в качестве посредника и поручало Исполнительному комитету Международного социалистического бюро «немедленно вступить в сношения со всеми фракциями рабочего движения в России, включая и Польшу, которые признают программу социал-демократической партии России, и также с теми, программа которых находится в согласии с программой российской партии, для организации общего обмена мнений относительно пунктов расхождения».

Раскольническая политика русских меньшевиков, направленная против единства рабочего класса, и их демагогическая борьба против большевистской партии встречали сочувствие и поддержку лидеров II Интернационала.

Г. В. Плеханов, возглавлявший тогда течение так называемых «меньшевиков-партийцев», осуждал ликвидаторов за их борьбу против нелегальной партии, выступал в частности и против поведения думской семёрки. Плеханов при-

нимал участие в нашей газете «Правда». В остроумных статьях под общим названием «Под градом пуль» он удачно полемизировал с ликвидаторами.

Один из семёрки, депутат Бурьянов, считал себя плехановцем. Возвратившись из поездки к Плеханову и получив от него соответствующие директивы, он в интересах «единства фракции» вышел из семёрки и послал нам официальное заявление, в котором указывал, что причины раскола думской фракции надо искать вне Думы и что единства действий и выступлений социал-демократических депутатов можно достигнуть лишь на началах полного равноправия обеих социал-демократических фракций.

Особенного впечатления это событие не произвело. Петербуржцы приветствовали этот шаг Бурьянова следующей резолюцией:

«Обсудив обращённое к с.-д. фракции, Межд. Соц. Бюро и всему российскому пролетариату письмо ваше об уходе из раскольнического лагеря «7 депутатов», мы, представители организованных марксистов-рабочих, единодушно приветствуем ваш шаг, направленный к восстановлению единства с.-д. фракции на *единственно возможной* при данных условиях основе *соглашения* двух *равноправных* её частей — единства, стремлением к которому только и был вызван ультиматум 6-ти депутатов. И вы и все пролетарии знали, что 6 депутатов желали лишь добиться *единства* вместо *подавления* одной части фракции другой, которое, будучи прикрыто внешней оболочкой видимого единства, на деле явилось *худшей формой раскола*. Отрадный факт вашего вступления на путь защиты единства фракции внушает нам надежду, что и прочие депутаты «с.-д. фракции», ещё не совсем оторвавшиеся от пролетариата, *повинуясь голосу огромного большинства сознательных рабочих России*, сурово осудившего раскольническую тактику 7-ки, — выступят подобно вам на защиту единства фракции.

*Группа организованных марксистов, представителей всех районов г. Петербурга*¹.

¹ «Пролетарская правда» от 15 января 1914 г.

СТРАХОВАЯ КАМПАНИЯ. СНОВА В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ. ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ И ВСТРЕЧА С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЁМ ЛЕНИНЫМ

Проводимая в это время на местах страховая кампания повсюду сопровождалась непрерывными обысками и арестами. Как правило, при обысках жандармы находили только страховую и лишь в редких случаях и другую, но почти всегда легальную литературу. Тем не менее аресты продолжались. Каждый выбранный рабочими в уполномоченные страховик рисковал быть немедленно арестованным. На этой почве всё чаще происходили курьёзы. Так, например, однажды в Иваново-Вознесенске на фабрике Куваева рабочие выбрали в уполномоченные несколько безграмотных стариков-инвалидов. Тут уже запротестовал против таких выборов сам владелец фабрики, предложивший «выбрать людей более толковых и работоспособных». Но рабочие ответили, что «для кутузки хороши и эти, а толковые и работоспособные пригодятся для других, более важных дел».

10 ноября я получил сведения о произведённых в Иваново-Вознесенске массовых обысках, об арестах виднейших страховых и партийных деятелей и о высылке большой группы товарищей, арестованных ещё в конце апреля 1913 г. Я побывал у помощника начальника департамента полиции Кафафова и, указывая ему на незаконность арестов деятелей, участвовавших в страховой работе, требовал освобождения арестованных. Выслушав меня, Кафафов обещал принять необходимые меры к выяснению причин арестов, и если окажутся незаконно арестованные, то освободить их.

Мы, рабочие депутаты, конечно, знали цену подобным обещаниям, но всё-таки от времени до времени обращались по этим делам в департамент полиции. Толку от этого было, конечно, мало; изредка лишь в результате наших заявлений ускорялся разбор дел арестованных, выяснялись причины арестов и т. д.

Во время рождественских каникул Государственной думы зимой 1913/14 г. я снова был в Иваново-Вознесенском районе.

Под влиянием удара, нанесённого партийной организацией большими осенними арестами, а также постоянного преследования полицией подписчиков «Правды» тираж её в Иваново-Вознесенске сократился до нескольких десятков экземпляров. Но настроение всюду было бодрое и уверенное; оправляясь после арестов, организации снова крепли и усиливались.

Собрав уцелевших от осенних арестов товарищей, я ознакомил их с положением дел во фракции и вообще в Петербурге. Побывал и в Тейкове.

На собраниях после моего доклада выносились резолюции, полностью одобрявшие поведение депутатов-большевиков.

Возвратившись в Петербург в январе 1914 г., я снова почувствовал себя очень плохо. Лечение во время работы результатов не давало. Узнав об этом, Владимир Ильич вызвал меня в Краков, и во второй половине января 1914 г. я выехал туда через Варшаву.

Дом, в котором жил Владимир Ильич, находился на окраине, в восточной части города, на улице Любомирского. Квартира Владимира Ильича состояла из двух небольших комнат; в ней находились две простенькие кровати, два простых деревянных стола и несколько деревянных стульев и табуреток.

Меня радушно встретила Надежда Константиновна Крупская. Она сообщила мне, что Владимир Ильич находится в отъезде и будет только через несколько дней.

Надежда Константиновна, конечно, очень интересовалась всем, что происходило тогда в России, но, слушая мою информацию об этом, часто меня прерывала словами: не спешите, вам много говорить нельзя, вы успеете ещё рассказать, будет ещё время.

Эту ночь я переночевал в квартире Владимира Ильича, а на следующий день меня перевели на квартиру Александра Антоновича Трояновского.

В ожидании Владимира Ильича я старался хорошо продумать мою информацию, которую я должен был ему сделать о том, что мне было известно о наших партийных делах в России, о работе думской фракции, о газете «Правда» и т. д.

Владимира Ильича до того времени я ещё никогда не видал, и предстоящая первая встреча с вождём нашей пар-

тии вызывала у меня некоторую робость. Но когда Владимир Ильич приехал и я с ним встретился, то сразу увидел, что передо мной простой русский человек. Всё в нём было просто: и его наружность, и даже костюм, жесты при разговоре, и только глаза Владимира Ильича показались мне какими-то необыкновенными, в них горел какой-то особый огонёк, который порой, казалось, пронизывал меня насквозь.

После того, как Владимир Ильич подробно осведомился о состоянии моего здоровья, я приступил было к рассказу о положении наших партийных дел в России, но он, как и Надежда Константиновна, очень скоро меня остановил словами: вам много говорить подряд вредно. Расскажите постепенно, не спеша.

Стремясь ободрить меня, Владимир Ильич говорил: мы постараемся вас вылечить во что бы то ни стало, только не падайте духом.

На другой день Владимир Ильич направил меня через находившегося тогда там товарища С. Ю. Богодкого к известному тогда в Кракове врачу, доценту университета, доктору Ландау. Осмотрев меня, доктор дал совет поехать на лечение в Швейцарию.

После этого я ещё оставался некоторое время в Кракове и имел возможность ежедневно видеть Владимира Ильича и беседовать с ним по ряду интересовавших его и меня вопросов.

Владимир Ильич усиленно занимался партийными делами — много читал, писал и ежедневно вечерами, часов в 11, сам ездил на вокзал для отправки в Россию своей почты (статьи для нашей большевистской печати, речи для депутатов-большевиков, инструктивные указания по партийной работе и другие материалы).

Вскоре я выехал в Швейцарию. Провожая меня на вокзал, Владимир Ильич крепко наказывал, чтобы я писал ему о ходе моего лечения, а находившимся в городе Берне русским эмигрантам-большевикам Владимир Ильич написал, чтобы они как можно скорее и лучше устроили меня на лечение.

В Швейцарии я пробыл довольно долго и часто переписывался с Владимиром Ильичём. В своих письмах Владимир Ильич, справляясь о моём здоровье, советовал поменьше думать о делах и больше заниматься лечением, сообщал иногда о политических новостях. Писем этих у меня было

порядочно, но все они погибли во время нашего ареста в Петрограде в ноябре 1914 г. (были сожжены нами вместе со многими другими материалами).

К июлю я поправился, окреп и собирался уже возвращаться в Россию, но разразившаяся империалистическая война этому помешала.

Германская и австрийская границы были закрыты, и прежде чем ехать, нужно было долго выяснять, какие имелись ещё пути в Россию. В это время я находился в дачном местечке Лайзиген.

Однажды от Владимира Ильича из Австрии была получена мною телеграмма с просьбой выслать некоторую сумму денег, если возможно. Перед этим я получил из Петербурга моё думское жалованье и послал Владимиру Ильичу телеграфом 500 франков. После этого совершенно неожиданно швейцарской полицией были арестованы некоторые имевшие со мной связь русские политэмигранты, а на другой день, когда я находился у одного из них и сидел на крыльчке дачи, появились на велосипедах какие-то невиданные ещё мною типы. Время от времени они подъезжали совсем близко к крыльчку и самым бесцеремонным, наглым образом рассматривали меня. Это было очень подозрительно, но я не мог остановиться на мысли, что это были шпики. Такое предположение как-то не вязалось с моим тогдашним представлением о Швейцарии как о самой «демократической» стране.

Неожиданным для меня был и немотивированный арест ряда политэмигрантов. Я не допускал тогда, что в Швейцарии были возможны насилия над личностью граждан и тем более аресты «без объяснения причин».

Но факты оставались фактами. Передо мною были «родные» российские картины произвола и насилий. И авторитет «свободнейшей в мире швейцарской демократии» с этого момента в моих глазах сильно упал.

На другой день арестованные были освобождены, и с этого момента исчезли и следившие за мной шпики. Потом выяснилось, что мы были заподозрены не больше, не меньше как в шпионаже в пользу России и что поводом для этого послужила моя переписка с Владимиром Ильичём; освобождению арестованных содействовал тогдашний бернский полицмейстер социал-демократ Сграген, объяснивший швейцарской полиции всю нелепость подобного обвинения политэмигрантов.

Дальше выяснилось, что собирались арестовать и меня, но не решились ввиду моего депутатского звания, опасаясь каких-либо «дипломатических осложнений» (им было невдомёк, что партия, к которой я принадлежал, была заклятым врагом царизма и что поэтому из-за моего ареста никаких «дипломатических осложнений» получиться не могло).

Позднее стало известно, что Владимир Ильич посылки моей не получил. Ему только было сообщено, что «на его имя имеется почтовое отправление и что ему, как подданному воюющей с Австрией державы, оно выдано быть не может».

Между тем события развивались быстро. Когда вожди социалистических партий воюющих стран изменили социалистическому Интернационалу, среди российской социал-демократии в эмиграции в Швейцарии это вызвало большой переполох, и в её среде резко определились две диаметрально противоположные позиции. Плеханов, Алексинский и другие заняли оборонческую, шовинистическую позицию, а большевики во главе с Владимиром Ильичём твёрдо стали на позицию борьбы против войны и против царского правительства.

В это время я был снова в городе Берне, где тогда находился и Владимир Ильич. Он только что приехал сюда из Австрии после освобождения из-под ареста, которому он был подвергнут австрийскими властями, как подданный воюющей с Австрией державы. На следующий день по прибытии в Берн, 24 августа, Владимир Ильич выступил на собрании с докладом об отношении к войне местной группы большевиков. Собрание происходило в лесу, за городом. Владимир Ильич говорил, что всякие разговоры о защите отечества есть шовинизм и всякая помощь царскому правительству в войне есть прямая измена рабочему классу, что поэтому нам необходимо использовать все военные затруднения царского правительства для самой решительной борьбы с ним; далее он говорил, что нужно во всём мире вести агитацию за превращение империалистической войны в войну гражданскую, что рабочим всех воюющих стран необходимо направить оружие против своей буржуазии и своих правительств.

Это было первое выступление Владимира Ильича на тему об отношении нашей партии к начавшейся тогда

империалистической войне. Выступление это дало основную тактическую установку нашей партии в этом важном для того времени вопросе, которая легла в основу манифеста Центрального Комитета партии — «Война и российская социал-демократия», опубликованного немного позднее в № 33 «Социал-демократа».

Во время моего пребывания за границей в Государственной думе произошли большие события: за речи с думской трибуны некоторые депутаты были привлечены к ответственности.

Председателем совета министров был тогда назначен Горемыкин, проявивший себя отъявленным реакционером ещё в бытность свою на этом посту в 1906 г.

Было очевидно, что торжествующая реакция начала репрессивный поход против и той маленькой свободы депутатского слова, которая тогда ещё имелаась. Левая часть Думы занялась вопросом, как реагировать на события. Было внесено законодательное предложение о неприкосновенности депутатов Государственной думы.

На очередном заседании Думы в это время должен был обсуждаться государственный бюджет. Группа депутатов на заседании 21 апреля предложила отложить обсуждение бюджета до принятия закона о неприкосновенности депутатов.

Это предложение было отвергнуто. 22 апреля оно было вновь внесено от имени обеих социал-демократических фракций и трудовиков. Но Дума огромным дворянско-помещичьим большинством отвергла его опять, после чего все социал-демократы и трудовики удалились на совещание, а докладчик бюджетной комиссии начал свой доклад. После доклада ожидалось выступление Горемыкина.

На совещании обеих социал-демократических фракций и трудовиков было решено устроить Горемыкину обструкцию.

Когда Горемыкин после окончания речи докладчика по бюджету вышел на трибуну и начал свою речь словами: «Господа члены Государственной думы!» — поднялся оглушительный шум и стук о пюпитры. Дальнейшие слова его невозможно было разобрать. Попытка председателя восстановить порядок ни к чему не привела. Председатель совета министров Горемыкин стоял на трибуне и молчал. Тогда председатель Государственной думы Родзянко решил принять меры к восстановлению порядка и попросил Горемыкина временно оставить трибуну.

Горемыкин сошёл с трибуны, и в зале наступила тишина. Родзянко предложил исключить Скобелева за производимый шум на 15 заседаний. Скобелева исключили, затем исключили трудовика Суханова, потом социал-демократов Хаустова, Тулякова, Муранова и др.

Исключённые не хотели выходить из зала. Тогда по распоряжению Родзянко их вывели силой. При появлении 12 вооружённых солдат во главе с начальником охраны Таврического дворца из левой части зала неслись крики: «Позор!» Фракция кадетов, ещё накануне произносившая громкие слова о неприкосновенности депутатов, воздержалась от голосования и спокойно наблюдала, как реакционеры расправлялись с протестовавшими депутатами.

По возобновлении заседания на трибуне снова появился Горемыкин. Но едва он произнёс первые слова: «Господа члены...», как депутаты, уцелевшие на левой стороне, опять подняли шум, и Горемыкину вторично пришлось оставить трибуну. После этого были исключены ещё многие социал-демократы и трудовики. Их удалили тоже при помощи солдат.

Горемыкин третий раз появился на трибуне, но на левой стороне опять поднялся сильный шум, и снова он вынужден был уйти с трибуны. Последовали новые исключения. Когда вся левая часть Государственной думы, 25 человек, была удалена из зала, Горемыкин, наконец, получил возможность говорить.

В короткой бессодержательной речи он сказал, что, несмотря на только что «происшедшие прискорбные события», он всё же приветствует Государственную думу, желает с ней совместно работать и всегда готов принимать её членов по всяким делам.

Эта расправа со всей левой частью Думы имела большое политическое значение. Она всколыхнула рабочие массы. На другой же день на петербургских предприятиях началась забастовка протеста. В первый день бастовало несколько тысяч человек. В следующие дни забастовкой было охвачено уже много десятков тысяч рабочих. Движение перекинулось в Москву и в другие города страны.

УХОД ИЗ ДУМЫ МАЛИНОВСКОГО.
СТЫЧКИ БАСТУЮЩИХ РАБОЧИХ С ПОЛИЦИЕЙ
В ПЕТЕРБУРГЕ. ЗАКРЫТИЕ РАБОЧИХ ГАЗЕТ.
ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ И НАША ВОЕННАЯ
ДЕКЛАРАЦИЯ

Следующим событием в Государственной думе явился уход Малиновского. Это произошло 8 мая, на следующий день после истечения срока, на который были исключены 25 депутатов левой части Государственной думы.

До ухода из Думы Малиновский в частных разговорах изредка заявлял, что ему не хочется оставаться в Думе, что в полезность нашего пребывания в ней он мало верит, что нужно идти в рабочие массы и работать только там. Однажды он, очевидно с провокационной целью, предложил обсудить этот вопрос на фракции. Это было дня за три до его ухода из Думы. Он предложил депутатам обратиться к рабочим с призывом к открытым революционным выступлениям, а самим идти на фабрики и заводы, чтобы вести партийную работу. Когда его провокационное предложение было отвергнуто, Малиновский даже не попытался его защищать. Члены фракции не придали значения его заявлению, предполагая, что Малиновский говорит несерьёзно. Поэтому уход его для фракции был совершенно неожиданным, тем более, что он не только не предупредил фракцию о своём уходе, но даже не намекал на эту возможность.

Произошло это так. 8 мая в зале заседаний Государственной думы из шестёрки находился только Муранов, Бадаев болел, остальные отсутствовали по другим причинам. Во время перерыва заседания Муранов остался в зале. Перед возобновлением заседания к нему подошёл меньшевик Туляков и задал ему вопрос: «Верно ли, что Малиновский уходит из Думы?» Озадаченный этим вопросом, Муранов ответил отрицательно и направился к выходу из зала, чтобы выяснить, в чём дело. По дороге он встретил Керенского, который задал ему тот же вопрос. Оказалось, что эти сведения Керенский получил от депутата Коновалова. Муранов быстро отыскал Коновалова и узнал, что Малиновский действительно только что был в кабинете председателя Думы Родзянко, в присутствии его, Коновалова, подал па-

кет с заявлением о своём уходе из Думы и ушёл. Муранов отправился к выходу, где швейцар сказал ему, что Малиновский, попрощавшись с ним, только что вышел.

Муранов немедленно сообщил об этом фракции по телефону.

В это время Родзянко огласил на заседании заявление Малиновского об уходе из Думы. Муранов немедленно сообщил об этом депутатам-большевикам. Наша фракция быстро собралась и постановила вызвать Малиновского для объяснений. Послали за ним Петровского, но Малиновский ответил решительным отказом подчиниться требованию фракции. Узнав об этом, фракция предложила Петровскому вторично поехать к Малиновскому, чтобы взять у него все имевшиеся материалы. На этот раз Петровский застал Малиновского в нетрезвом виде. Как и в первый раз, он категорически отказался идти на фракцию, а все имевшиеся у него материалы с точной их описью оказались уже пересланными на квартиру к Петровскому.

10 мая от Малиновского была получена из пограничного городка следующая телеграмма:

«Еду за границу. Открытое письмо через два дня. Малиновский».

Фракция немедленно опубликовала в «Правде» все имевшиеся в её распоряжении сведения об уходе Малиновского. Несмотря на это, ликвидаторы подняли усиленную травлю оставшихся в Думе членов нашей фракции, обвиняя их в том, что они скрывают истинное положение вещей, что во фракции что-то неладно, и т. д. Фракция не имела в то время никаких данных для обвинения Малиновского в чём бы то ни было, а его дезорганизаторский поступок она резко осудила. В заявлении социал-демократической рабочей фракции (большевиков), напечатанном в «Правде», говорилось:

«Малиновский сам заявил в момент его выборов, что он соглашается баллотироваться «по просьбе Российской социал-демократической рабочей партии». Этим выражено было то основное начало поведения рабочего депутата на выборах, которое безусловно обязательно с точки зрения всякой организационной партии. Само собою разумеется, что сознательным рабочим необходимо с особенной строгостью отстаивать это основное начало в борьбе против всех буржуазных и мелко-буржуазных партий, которые часто дают мандаты в парламент карьеристам

и не соблюдают никакой действительно партийной дисциплины.

В нарушение всего этого Малиновский сложил с себя депутатские полномочия, не посоветовавшись ни с руководящим учреждением, ни с своей ближайшей коллегией, РСДР Фракцией.

Такой поступок безусловно недопустим ни для одного организованного и сознательного рабочего, будучи нарушением дисциплины и анархическим шагом.

Поступок этот заслуживает прямого осуждения, равняясь поступку часового, покидающего свой пост самовольно.

...Во всяком случае признание Малиновского, что он не посчитался с ответственностью, совершая свой «убийственный шаг», нисколько не смягчает его поступка, которым он поставил себя *вне наших рядов*.

РСДР Фракция приглашает всех сознательных рабочих поддержать настоящее решение, чтобы сделать невозможным впредь среди марксистски-организованного пролетариата повторение подобных поступков...»

С мест поступали телеграммы, письма, резолюции, которые клеймили дезертирство Малиновского. Рабочий класс выражал нам — своим истинным представителям — полное доверие, обещал активную поддержку и помощь.

Измена Малиновского послужила толчком к ещё большему сплочению рабочих масс вокруг депутатов-большевиков.

Подлинное лицо Малиновского было разоблачено лишь после февральского переворота 1917 г. На основании материалов, разоблачающих провокаторскую деятельность Малиновского, было установлено, что он вышел из состава Думы и уехал за границу по распоряжению начальника охранного отделения Джунковского. Единственным человеком в Думе, знавшим истинные причины ухода Малиновского, был Родзянко, которому было сообщено департаментом полиции, что Малиновский — агент охранного отделения и его решено убрать из Думы. По архивным материалам царской охраны было установлено, что Малиновский был одним из самых крупных провокаторов и причинил серьёзнейший вред нашей партии¹.

¹ Малиновский расстрелян по приговору военного трибунала в 1918 г.

Происходившая в течение всей зимы усиленная борьба с ликвидаторами после истории с Малиновским ещё более обострилась. Ликвидаторы попрежнему не переставали нас травить, но подавляющее большинство рабочих попрежнему оставалось на нашей стороне. Правления профессиональных союзов и больничных касс также имели в своём составе подавляющее большинство наших сторонников.

Государственная дума была распущена на летние каникулы. Члены нашей фракции разъехались по местам. Классовая борьба принимала всё более и более широкий размах и напряжённый характер не только в Петербурге, но и в провинции (знаменитая стачка в Баку, стачечное движение в центральном текстильном районе и т. д.).

3 июля 1914 г. на Путиловском заводе в Петербурге происходил митинг по поводу бакинской стачки. Полиция обстреляла митинг, были убитые и раненые. Это послужило толчком к открытым революционным выступлениям.

Начавшиеся на другой же день после расстрела путиловцев массовые стачки протеста быстро превращались в многолюдные политические демонстрации. Громадное возбуждение охватило петербургский пролетариат. Во время демонстраций происходили вооружённые столкновения с полицией. Особенно сильно развернулось стачечное движение на Выборгской стороне. Там не ходили трамваи, а в некоторых местах были воздвигнуты баррикады; шла ожесточённая борьба с полицией.

Эти события совпали с приездом в Петербург французского президента Пуанкаре, явившегося нацунать почву для использования военных сил России в надвигающейся тогда империалистической войне. Рабочие Петербурга своим революционным выступлением устроили Пуанкаре «достойную» встречу.

Несмотря на массовые аресты руководителей движения, рабочие держались стойко. Чувствовалось быстрое нарастание революции, напомилавшее славные дни героической борьбы 1905 г. Полиция напрягала все силы в борьбе с нараставшим движением.

8 июля были закрыты рабочие газеты и произведены многочисленные аресты их сотрудников. Несмотря на это, забастовка продолжалась, и стычки с полицией происходили то тут, то там. Через неделю, однако, по призыву

Петербургского комитета рабочие стали снова на работу, так как момент для решительной схватки ещё не настал. А через несколько дней (19 июля) была объявлена мобилизация, вырвавшая из рабочей среды массу революционно настроенных людей.

Объявленное «военное положение», как железными тисками, сдавило рабочие массы. Царское правительство воспользовалось войной для того, чтобы подавить рабочее движение. Реагировать на события было трудно. Тем не менее в рабочих районах происходили время от времени митинги и демонстрации протеста.

Рабочие газеты не выходили, а буржуазные, начиная от самой погромной черносотенной «Земщины» и кончая самой либеральной левой, с первых же дней мобилизации объединились в один общий хор и, забыв все свои разногласия, захлёбывались в едином «патриотическом» порыве.

Только большевистская партия с первых же дней войны придерживалась установки, что война начата не для защиты отечества, а для захвата чужих земель в интересах помещиков и капиталистов, и что рабочие должны решительно бороться с этой войной. Рабочий класс поддерживал партию большевиков. Однако повинистический угар, охвативший все слои буржуазии, мещанство и интеллигенцию, задел и некоторую частицу рабочего класса, главным образом его привилегированную часть — эсеровско-меньшевистски настроенных рабочих. Понятно, что эта часть никак не отражала настроений рабочего класса.

26 июля была созвана Государственная дума.

В этот же день на заседании Государственной думы от имени обеих социал-демократических фракций было прочитано следующее заявление по вопросу о нашем отношении к вспыхнувшей империалистической войне:

«Страшное, небывалое бедствие обрушилось на народы всего мира. Миллионы рабочих оторваны от мирного труда, разорены, брошены в кровавый водоворот. Миллионы семей обречены на голод. Война началась... Когда европейские правительства готовились к войне, европейский пролетариат во главе с германским выступил с дружным протестом против подготавливаемой правящими кругами войны.

Ряд насилий над рабочей печатью и рабочими организациями непосредственно перед войной помешал рабочим

России выступить открыто с тем же протестом против войны. Но в моменты грандиозных демонстраций европейских пролетариев против войны сердца российских пролетариев билась вместе с их сердцами. И мы, представители рабочего класса России, считаем своим долгом заявить, что настоящая война, порождённая политикой захватов и насилий, практикуемой всеми капиталистическими государствами, является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих теперь стран, что война эта противоречит чувству и настроению сознательных элементов российского пролетариата, так же как и пролетариата всего мира.

Чуждый того фальшивого патриотизма, под прикрытием которого господствующие классы ведут свою хищническую политику, пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент исполнит свой долг и будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили — извне или изнутри. Но когда раздаются призывы к единению народа с властью, мы, констатируя, что народы России, так же как и все народы, вовлечены в войну помимо своей воли, по вине их правящих кругов, считаем нужным подчеркнуть всё лицемерие и всю беспочвенность этих призывов к единению.

Не может быть единения народа с властью, когда она не является исполнительницей сознательной воли народа, когда последний поработён властью, когда народная масса, на которую ложится всё бремя войны, несправна, когда рабочая и крестьянская печать задушена, когда рабочие организации разгромлены, когда тюрьмы переполнены борцами за свободу и счастье народа и когда мы только что пережили расстрел петербургских рабочих войсками и полицией. Не может быть единения с властью и тех многочисленных народностей России, которые подвергаются национальным преследованиям и живут в атмосфере насилия и угнетения.

Сознательный пролетариат воюющих стран не мог мешать возникновению войны и тому разгулу варварства, который она с собой несёт, но мы глубоко убеждены в том, что в международной солидарности пролетариата всего мира человечество найдёт средство к скорейшему прекращению этой войны. И пусть условия мирного договора будут продиктованы не дипломатами хищных правительств, а самими народами, которые возьмут свои судьбы в свои руки.

Вместе с тем мы выражаем глубокое убеждение в том, что эта война окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительный источник насилия и угнетения, от которых они страдают, и что теперешняя ужасная вспышка варварства будет в то же время и последней вспышкой»¹.

Среди общего шовинистического угара, которым были охвачены все думские фракции, начиная от крайних правых до трудовиков включительно, это заявление, несмотря на всю свою неопределённость и нерешительность, прозвучало в Думе, как гром среди ясного неба: оно было встречено молчанием со стороны так называемой оппозиции, злобными возгласами и шиканьем черносотенцев.

Остальные фракции на этом заседании выступали в едином «патриотическом» духе. Выступления их представителей сопровождалось аплодисментами всего зала.

С момента объявления войны русско-австрийская и русско-германская границы закрылись, и сношения нашей социал-демократической фракции с ЦК партии на короткое время прекратились. Ориентироваться в окружающей трудной обстановке без указаний ЦК было нелегко, но пролетарско-большевистское чутьё подсказывало, что нужно делать. Несмотря на невероятно тяжёлые условия военного времени, русские большевики правильно определили свою позицию в вопросе о войне. Лишь в сентябре в Петрограде были получены от ЦК известные тезисы Ленина: «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне»².

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ.

ИТАЛИЯ, ГРЕЦИЯ, СЕРБИЯ, БОЛГАРИЯ, РУМЫНИЯ

Я пробыл в Берне вместе с В. И. Лениным недели две. В это время Владимир Ильич был озабочен вопросом о пересылке в Россию выработанных им известных тезисов ЦК нашей партии о войне. Удобным случаем для этого представлялась моя поездка в Россию. Но мой отъезд за-

¹ А. Бадаев, Большевики в Государственной думе, Госполитиздат, 1941, стр. 353—354.

² В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 1—4.

держивался. Я был здоров, мог уже долго ходить, не чувствуя особой усталости, но выбраться из Швейцарии было нелегко. Ехать прямым путём, через Австрию и Германию, было невозможно. Тогда я решил ехать через Италию и Балканские государства. При помощи Владимира Ильича Ленина достали небольшую сумму денег; Владимир Ильич дал мне тезисы ЦК о войне для передачи их в Петроград. Одновременно они были посланы и другим путём, каким-то пароходом. Распростившись с Владимиром Ильичём и с остальными товарищами, я, наконец, выехал с двумя другими товарищами из Берна и скоро был на границе Италии. После небольшой остановки, сделанной для осмотра наших документов и багажа, я переехал границу и двинулся дальше.

Скоро прибыли в Милан. Здесь пришлось переночевать.

Я купил социалистическую газету «Аванти», из которой многое узнал по интересовавшему нас вопросу об отношении к войне итальянских социалистов. Они были против войны и в своей печати вели против неё решительную агитацию.

На другой день мы снова сели в поезд, доставивший нас в портовый городок Бриндизи. Здесь мы должны были пересечь на пароход и Адриатическим морем плыть до Греции.

Когда мы прибыли в Грецию, денег у нас оставалось мало, а путь предстоял ещё очень большой. Поэтому в Салониках мы вынуждены были обратиться за помощью к русскому консулу. Консул принял нас вежливо. Но, узнав, к какой из думских фракций я принадлежу, он с натянутой улыбкой сказал:

— Очень приятно, очень приятно. Рад бы оказать вам услугу, но, к сожалению, не могу. Всё, что я могу сделать, это предложить вам из имеющейся у меня маленькой суммы для подобного рода целей по семи франков на человека.

Было ясно, что если бы я принадлежал к какой-нибудь другой, дружественной тогдашнему правительству фракции, то моё обращение к консулу было бы более успешным. Но делать было нечего, пришлось согласиться и на это.

В Салониках переночевали и поехали дальше.

По прибытии в город Ниш мы видели сербскую

армию. Солдаты выглядели худыми и замученными. Амундичия их производила жалкое впечатление: вместо сапог на ногах были верёвочные лапти, мундиры — из домашней, крестьянского ручного производства, очень грубой материи. Сербию сильно разорили предшествовавшие войны с Турцией и Болгарией в 1912—1913 гг. Сербские социалисты мало проявляли себя.

К нам, русским, как к союзникам сербы относились особенно предупредительно и внимательно. Когда мы сидели на лавочке у квартиры русского консула, жители соседнего дома, узнав, что мы русские, вынесли свежие персики и другие фрукты и начали усердно нас угощать. На станции нам заявили, что с русских не берут платы за проезд по железным дорогам Сербии, и предоставили бесплатные места в вагоне 2-го класса от Ниша до Софии. При нашем безденежье это было очень кстати. Вечером того же дня мы выехали в Софию.

Здесь мы получили от какого-то уполномоченного русской миссии 15 франков, купили проездные билеты до Бухареста и транзитом, останавливаясь лишь на несколько минут на станциях, проехали через Болгарию.

Болгария тогда была ещё нейтральной страной и свою позицию к происходившей войне ещё не определила. Мы без всяких препятствий прибыли к берегам Дуная, после осмотра багажа и документов пограничными болгарскими властями переехали на румынский берег и на другой день были в Бухаресте.

Наши средства к этому времени уже совершенно иссякли, поэтому мне, как и в других местах, пришлось снова пойти к русскому консулу. Этот консул оказался более внимательным, чем его коллега в Греции, и на просьбу о выдаче ссуды в счёт думского жалованья отпустил мне, кажется, 300 франков. Таким образом, весь дальнейший путь до самого места назначения был обеспечен, и ехать стало веселее.

На какой-то станции встретили политического эмигранта, бывшего матроса с «Потёмкина», служившего теперь здесь буфетчиком. Он с большим интересом расспрашивал нас о России и сообщил, что их, потёмкинцев, здесь много и что они очень скучают по России.

По прибытии в Галац переночевали, а утром поехали к реке Прут (в нескольких верстах от Галаца). Это была граница между Россией и Румынией. В таможенной будке

на берегу Прута румынский чиновник быстро проверил наши документы и багаж. Мы сели в лодку и переправились на русскую сторону, в Бессарабию. Здесь нас встретил уже наш, русский чиновник. Он тщательно осмотрел наши документы, несколько раз спрашивал нас, есть ли у нас в багаже что-либо, подлежащее оплате пошлиной, и, получив отрицательный ответ, принялся снова за осмотр. Осматривал долго и старательно, как не осматривали нигде за весь наш длинный путь.

До ближайшей маленькой станции было несколько вёрст. Мы поехали на извозчике. Направо открывался вид на Дунай и впадающий в него пограничный Прут. По берегам всюду виднелись цепи нашей пограничной кавалерии.

Мы сели в спальный вагон — первый раз за всё путешествие от самого Берна; в вагонах железных дорог всех государств, через которые нам пришлось проезжать, спальных мест не имелось. Очутиться в спальном вагоне российской железной дороги было приятно, и, заняв свои места, мы с большим удовольствием улеглись.

Рано утром на другой день прибыли на большую станцию Бендеры. Предстояла пересадка, пришлось ждать поезда. Чтобы не терять даром времени, пошли в город, а когда возвращались, на улице к нам подошёл городской и потребовал предъявить документы. Он взял наши заграничные паспорта, перелистал, повертел в руках и, ничего не поняв, возвратил обратно. На лице его было явное недоумение, и он, помявшись, задал нам ряд вопросов: кто мы такие, что это у нас за паспорта? Мы дали ему нужные объяснения, но он так ничего и не понял. Оставив его, мы зашли в ближайшую лавочку кое-что купить. Скоро вслед за нами явился тот же полицейский и попросил нас ещё раз показать документы. Мы стали спорить, но документы показали. Вторично осмотрев их, городской заявил, что документы, мол, написаны на немецком языке, а немецкий язык запрещён, поэтому они неправильные, и потребовал других, «настоящих». После безрезультатного спора я предъявил ему, наконец, свой билет члена Государственной думы. Он как-то вдруг оробел и, извинившись, с растерянным видом удалился.

ПЕРВОЕ СОВЕЩАНИЕ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ФРАКЦИИ С ПАРТИЙНЫМИ РАБОТНИКАМИ В ФИНЛЯНДИИ

Вернувшись в Россию, я поехал в Иваново-Вознесенск. Социал-демократическую организацию я нашёл там почти совсем разгромленной. Большинство её старых видных членов находилось в тюрьмах и в ссылке. Работали в организации главным образом новые люди.

Разыскав нескольких товарищей, я созвал собрание членов социал-демократической организации и сделал доклад о текущем политическом моменте. На собрании выяснилось, что, несмотря на почти полную оторванность организации от руководящих партийных центров, иваново-вознесенские товарищи в отношении к войне занимали вполне определённую позицию, выражавшуюся в лозунге «война войне». Классовым чутьём пролетариев они нащупали правильный путь и стали на него ещё в первые месяцы войны. Нехватало только санкции высшего партийного органа, ЦК партии. С моим приездом санкция эта была получена, организация почувствовала себя сильнее и повела широкую агитацию за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

В 20-х числах сентября я поехал в Петроград и, встретившись там с товарищами по фракции, сообщил им точку зрения ЦК партии по вопросу о происходивших тогда событиях, изложенную в привезённых мною от В. И. Ленина тезисах.

Ввиду того, что социал-демократические организации на местах в это время всюду были разгромлены, руководящая и организующая роль нашей думской социал-демократической рабочей фракции стала особенно значительной. Было решено созвать совещание социал-демократической фракции с рядом виднейших партийных работников. Это совещание состоялось 30 сентября — 1 октября 1914 г. в Финляндии, близ станции Мустамяки, в деревне Нейвола. Из депутатов в этом совещании участвовали Петровский, Бадаев, Муранов и я. Был заслушан доклад о текущем политическом моменте, затем мы обсуждали напечатанное тогда в газетах обращение к нам, русским социал-демократам, лидера бельгийских социалистов Вандервель-

де, в котором он выражал надежду, что мы станем на его оборонческую точку зрения и поддержим шовинистов и соглашателей в империалистической войне. Здесь же на совещании был выработан наш ответ Вандервельде.

На этом совещании я увидел, что, в то время как все «социалисты» иностранных государств изменили принципам интернационализма и стали на позиции «защиты своих отечеств», большевистская фракция IV Думы в вопросе о войне с самого начала решительно заняла противвоенную позицию. Среди шовинистического разгула, охватившего страну в первые дни войны, большевистская партия и её фракция в Думе являлись единственными организациями, не сошедшими с правильного революционного пути.

После первого совещания было решено созвать через месяц второе, более широкое, с представителями местных социал-демократических организаций из наиболее крупных промышленных пунктов. Мы разъехались на места, чтобы привезти с собой этих представителей.

Вернувшись из Финляндии в Иваново-Вознесенск в первых числах октября, я снова созвал собрание партийных товарищей и сделал им доклад о нашем совещании, затем ездил в Тейково и посвятил тейковских товарищей во все злободневные вопросы того времени. Выяснилось, что они, как и иваново-вознесенцы, были решительными противниками войны.

В 20-х числах октября я получил письмо из Петрограда от Г. И. Петровского с приглашением явиться «для разрешения ряда накопившихся вопросов». Для меня было ясно, что готовится второе совещание. Я предложил иваново-вознесенским товарищам выбрать представителя от социал-демократической организации. Был избран И. А. Воронин, рабочий одной из фабрик в Иваново-Вознесенске. Этого ещё совсем молодого члена Иваново-Вознесенской социал-демократической организации я видел тогда, кажется, в первый раз.

В конце октября 1914 г. мы с т. Ворониным выехали в Петроград. Чтобы не навлечь на себя лишних подозрений полиции, мы поехали каждый отдельно: Воронин — из Иваново-Вознесенска, а я — из Кинешмы.

В Петроград мы прибыли за два-три дня до совещания. Здесь пришлось подождать некоторых, ещё не приехавших товарищей. Потом у кого-то в квартире было

устроено организационное собрание, на котором присутствовал член III Государственной думы Шурканов, впоследствии оказавшийся провокатором.

Шурканову было поручено подыскать подходящую для совещания квартиру; квартира нашлась в Озерках, на Выборгском шоссе, в доме № 28-а. Занимали её Гавриловы.

Примерно 2 ноября, вечером, соблюдая большую осторожность, товарищи, которые должны были присутствовать на совещании, стали прибывать на квартиру Гавриловых.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ВТОРОЕ СОВЕЩАНИЕ ФРАКЦИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОЗЕРКАХ. АРЕСТ

Когда я приехал на место совещания, там уже были депутаты Петровский, Бадаев, Шагов и Муранов и представители местных организаций: Воронин — от Иваново-Вознесенска, Линде — от Риги, Яковлев — от Харькова и Козлов — от Петрограда. Мы решили начать с мелких вопросов (кажется, обсуждали проект прокламации к студенчеству и ещё что-то); главное же — обсуждение тезисов Ленина о войне, окончательную выработку нашей линии поведения в этом вопросе и практические шаги по её проведению в жизнь — отложили до прибытия остальных участников совещания.

Совещание затянулось далеко за полночь. Потом мы легли спать — кто на тюфяках на полу, кто на стульях. Окна квартиры были плотно завешены, и ночь прошла спокойно. На следующий день мы продолжали работу.

Были заслушаны доклад о войне и надвигающейся революции и доклады с мест о положении дел, о настроении рабочих, об их отношении к сборам в пользу ушедших на войну и их семейств и т. д. Все решения совещания записывались в протокол, который вёл В. Н. Яковлев.

Предстояло обсудить тезисы В. И. Ленина о войне. Совещание затянулось ещё на сутки, и мы опять почевали у Гавриловых. Из помещения никто не выходил, и мы были уверены, что нам удалось хорошо скрыться от шпииков. Но на третий день, в 5 часов вечера, когда мы уже заканчивали все свои дела и, спокойно беседуя, пили чай, вдруг раздался громкий стук со двора. Почти в тот же момент с грохотом упала сорванная с петель дверь, послышались шаги множества ног и загудели голоса людей в прихожей. Мы остались спокойно сидеть за столом, и только депутат Шагов, прохаживавшийся перед этим по комнате, быстро заглянул в переднюю и сказал:

— Полиция!

Тотчас же в нашу комнату ввалилась большая толпа околоточных надзирателей, городских и стражников во главе с жандармским ротмистром и каким-то типом в штатском.

Идя впереди охранников с револьвером в руке, жандармский ротмистр командовал:

— Руки вверх! Ни с места! Что здесь за люди?

— А вам что нужно? Какое вы имеете право вламываться в чужие квартиры и ломать двери? — крикнул кто-то из нас в ответ.

— Я должен здесь произвести обыск на основании этого, — сказал жандармский офицер и предъявил нам бумажку, в которой его начальство на основании 23-й статьи военного положения (Петроград тогда был объявлен на военном положении) предписывало ему произвести тщательный обыск в занимаемой Гавриловыми квартире и арестовать всех находящихся там лиц.

Прочитав эту бумажку, мы встали и заявили, что мы члены Государственной думы и что на основании статей 15 и 16 положения о Государственной думе без разрешения пленума Думы ни обыскивать, ни арестовывать нас никто не имеет права; мы указывали, что это беззаконие, что мы протестуем и отказываемся подчиняться. Мы шумно доказывали жандармскому ротмистру, что он не имеет права ничего делать с нами. Тогда начали обыскивать остальных товарищей, а нас, депутатов, пока оставили в покое. Но мы продолжали протестовать, требуя, чтобы нас отпустили, что жандармы не имеют права нас, депутатов, задерживать.

Когда все другие товарищи были обысканы, жандармский ротмистр снова приступил к нам, депутатам, но ввиду наших решительных протестов заколебался и ушёл. Как потом выяснилось, он уходил в соседний дом звонить по телефону. Охранники в ожидании своего начальника выстроились против нас, закрыв собой выход из комнаты.

До возвращения жандарма прошло порядочно времени, и некоторые из нас, путешествуя с разрешения начальства в уборную, спровадили туда много различных документов; так, например, туда были отправлены протокол нашего совещания, записные книжки с разными адресами и т. д.

Жандармский ротмистр вернулся в сопровождении другого жандарма, кажется, в чине полковника. Войдя в комнату, он крикнул:

— Всех обыскать немедленно, без всяких церемоний!

Толпа околоточных, городских и стражников двинулась вперёд. Нас окружили и, схватив первыми Бадаева, Шагова и меня, начали обыскивать. Мы сначала было сопротивлялись, но, видя всю бесполезность этого, подчинились грубой силе и были обысканы. У нас отобрали всё, вплоть до часов и перочинных ножей.

Всех ранее обысканных товарищей, не-депутатов, отправили в тюрьму. После этого началась длинная процедура составления протокола обыска, в который записывались все отображенные у нас вещи.

У Петровского нашли и отобрали один экземпляр телеграммы Вандервельде, номер «Социал-демократа» от 1 ноября 1914 г., тезисы Ленина о войне, один экземпляр программы и устава нашей партии, один экземпляр брошюры под заглавием «Всероссийская конференция РСДРП», список фабрик и заводов Петрограда и др. У Бадаева, Муранова и у меня была отображена нелегальная литература. У Шагова почти ничего не нашли.

Мы продолжали протестовать против совершаемого над нами насилия, решительно требуя возвращения отображенных у нас документов и освобождения. Но охранники продолжали держать нас на положении арестованных. Окончив процедуру с протоколом, жандармы ушли, видимо опять к телефону, за дальнейшими инструкциями высшего начальства. Вернувшись спустя довольно долгое

время, они начали освобождать нас поодиночке. А. Е. Бадаеву первому объявили, что он свободен. Но он не понимал, почему освободили только его, и не уходил, ожидая, что будет с остальными. Очень скоро и всем нам, каждому по очереди, было заявлено, что мы свободны и можем уходить.

Нам выдали обратно отобранные членские билеты, часы. У полиции остались только те документы, которые, по её мнению, компрометировали нас и свидетельствовали о том, что мы опасные революционеры. Мы снова потребовали возвращения всего отобранного, но получили категорический отказ. После этого мы все пятеро вышли из помещения и, пройдя мимо стоящих у дома автомобилей и полиции, пошли по Выборгскому шоссе до ближайшего трамвая.

Было уже около 5 часов утра 5 ноября 1914 г. Шоссе освещалось редко попадавшими тусклыми фонарями, было темно. По дороге мы рассуждали о том, что нужно предпринять ввиду всего происшедшего. Иллюзия «депутатской неприкосновенности» ещё жила в нас, и мы полусерьёзно говорили: «А всё-таки она вертится», т. е. неприкосновенность наша депутатская существует, и с ней не могут не считаться власти. Однако настроение наше в этот момент было не из весёлых. Мы понимали, что власти предпринимает против нас — рабочих депутатов — решительный поход. Это значило, что так или иначе, не в этот, так в другой раз, нам не сдобровать. Да иначе и не могло быть — слишком непримирима была наша позиция по отношению к войне и к царскому правительству. Поэтому мы пришли к выводу, что нужно готовиться к худшему. Едучи в трамвай, мы рассказали кондукторам о том, что с нами произошло, и просили осведомить об этом их товарищей и всех рабочих.

Возвратившись домой (я тогда жил у А. Е. Бадаева), мы немедленно просмотрели все документы и бумаги и сожгли в печке всё, могущее, по нашему мнению, послужить обвинительным материалом против нас. Тогда погибло много ценных архивных материалов, но другого выхода не было.

Спать мы легли перед рассветом и скоро снова поднялись. К нам пришли Петровский, Муранов и Шагов. Начали думать, что делать дальше, как реагировать на всё происшедшее. Решили пойти в Государственную думу и

настаивать, чтобы она вмешалась в наше дело, выступила с протестом против произведённого над нами насилия и потребовала привлечения к законной ответственности виновных в нарушении «депутатской неприкосновенности». Кроме того, решили постараться довести обо всём до сведения широких рабочих масс.

Приняв решение, мы вышли из квартиры Бадаева и направились к Таврическому дворцу. На улице, около нашего дома, на всех углах и перекрёстках стояли подозрительные типы. Их было много, и вели они себя очень нагло. Когда мы сели в вагон трамвая, чтобы ехать к Таврическому дворцу, несколько шпииков, несколько не стесняясь, вошли вслед за нами в вагон. Некоторые сели неподалёку от нас, другие стали на площадке в виде какой-то особой охраны.

На одной из остановок в вагон сел кто-то из знакомых мне думских представителей печати, кажется корреспондент «Биржевых ведомостей». Я кратко передал ему всю нашу историю. Он очень заинтересовался и начал задавать мне вопросы. Отвечая, я в свою очередь спросил, как он думает, почему нас сегодня в таком количестве атаковали шпиики.

— А где же они? — удивлённо спросил он.

— А вот видите эти рожи, — говорю я ему так громко, что шпиики яено слышат мои слова, и указываю на них пальцем. — Вот этот, этот и этот. Всё время от самой квартиры, не отставая ни на шаг, следуют за нами. Раньше этого никогда не было.

— Вот как! — говорит он. — По-моему, ввиду происшедшего вас всех в первое время хотят изолировать от рабочих во избежание каких-либо выступлений с их стороны.

На первый взгляд это объяснение показалось мне и остальным депутатам довольно правдоподобным.

Когда мы вышли из вагона и направились в Таврический дворец, шпиики последовали за нами, но остановились у входа. Повидимому, они собирались дожидаться нашего возвращения, чтобы снова последовать за нами.

Войдя во дворец, Петровский и Бадаев направились в кабинет председателя Думы Родзянко. Они рассказали ему о случившемся и от имени нашей фракции потребовали принять необходимые меры для привлечения к ответственности виновных в нарушении закона о депутатской неприкосновенности. Родзянко высказал «сожалес-

ние по поводу всего происшедшего», даже сделал вид, что он возмущён этим, и обещал сделать всё от него зависящее.

В вестибюле нас встретила толпа депутатов разных фракций и закидала вопросами. Мы кратко сообщили обо всём. Помню, находившийся среди депутатов Милюков, выслушав нас, сказал что-то вроде следующего: эх, мол, вы, господа, господа, всё ещё мечтаете о разных нелегальных способах борьбы с реакцией, о вооружённых восстаниях и революции — бросили бы это, бесполезно, ведь всё равно ничего не достигнете.

Депутат от еврейской буржуазии Фридман говорил: — Зачем теперь бороться против войны, ведь прекратить её всё равно невозможно, мы в этом бессильны. Теперь нам остаётся одно: помогать нашим страдающим войнам, перевязывать им раны — и только.

Когда Петровский и Бадаев вернулись от Родзянко, мы с Мурановым отправились к нашему юрисконсульту Н. Д. Соколову, чтобы узнать его мнение о происшедшем.

Всю дорогу до квартиры юрисконсульта мы шли в сопровождении шников.

Выслушав наш подробный рассказ, юрисконсульт решительно заявил, что нам пока не угрожает никакая опасность. Если нас отпустили после обыска, то это означает, что власти не решились нарушить 15 и 16-ю статьи положения о Думе. Поэтому опасаться чего-либо серьёзного пока нет оснований. Таким образом, юрисконсульт поддерживал наши иллюзии о «депутатской неприкосновенности». Мы ушли от него в довольно хорошем настроении, и, когда передали мнение юрисконсульта остальным товарищам, они тоже несколько повеселели.

Затем я пошёл искать для себя квартиру и снял комнату на Невском проспекте в доме № 81 (это были, кажется, меблированные комнаты «Белград»). Оттуда я отправился к товарищам, просидел у них довольно долго и вернулся в своё новое жилище около 11 часов вечера.

Чувствуя сильную усталость после всего пережитого за последние дни, я сразу же запер дверь, быстро разделся, потушил огонь и лёг в постель, собираясь хорошенько выспаться.

Меня разбудил какой-то шум. Стучали в дверь, причём настолько громко, что где-то позвякивали стёкла.

— Кто там? — спросил я, не поднимаясь с кровати.
— Откройте, господин Самойлов, полиция,— послышалось за дверью.

Наскоро одевшись, я открыл дверь. Вошли два здоровенных, толстых полицейских чиновника и тип в штатском, тот самый, который накануне был на обыске у Гавриловых.

— Вы член Государственной думы Самойлов? — спросил один из полицейских.

— Да.

— Я полицейский пристав Московской части, а это мой помощник, — продолжал он дальше, указывая на другого полицейского чиновника. — У нас есть распоряжение вас арестовать — вот извольте прочесть.

С этими словами он вручил мне бумажку. В ней судебным следователем по особо важным делам предписывалось меня арестовать и препроводить в Петербургский дом предварительного заключения (одиночная тюрьма на Шпалерной, 25), «ввиду обвинения по признакам преступления, предусмотренного статьёй 102 Уголовного уложения» (принадлежность к социал-демократической партии).

— Так будьте добры, потрудитесь собраться, а вот они уже доставят вас куда следует, — сказал пристав, указывая на своего помощника, и, шепнув что-то последнему, вышел из комнаты вместе со шником.

Оставшись вдвоём с помощником пристава, я быстро собрал вещи и, взяв свою багажную корзинку, направился вместе с ним к выходу.

Когда мы вышли на Невский, полицейский спросил:

— На чём желаете ехать — на извозчике или на автомобиле?

Я сообразил, что ехать быстро нет смысла, наоборот, гораздо приятнее пробыть несколько лишних минут на улице, хотя бы и в обществе полицейского чиновника. Я ответил:

— На извозчике.

Мы напяли извозчика и через переполненный толпой, сверкающий огнями Невский проспект быстро поехали по направлению к предварилке.

Настроение было не очень плохое, но нельзя сказать, чтобы и хорошее. Не доезжая кварталов двух до тюрьмы, на Литейном проспекте мы встретили газетчика с вечерней «Биржѣвкой» (газета «Биржевые ведомости»). Я попро-

сил разрешения купить. Полицейский чиновник разрешил, но тут я обнаружил, что забыл у себя под подушкой кошелёк. Я заявил об этом полицейскому. Он ответил, что нужно написать заявление и кошелёк будет мне доставлен, а пока «любезно» уплатил свои 2 копейки за газету. В «Биржёвке» не было ничего особенного, но, просмотрев её, я всё же положил её в карман, зная, что в тюрьме газеты уже больше не получишь...

Вот и тюрьма. Всюду стоят часовые. Сходим с извозчика. Открываются тяжёлые железные ворота и, поглотив нас, снова шумно, со звоном закрываются за нами. Входим в здание и мимо угрюмых фигур часовых идём какими-то мрачными коридорами. В них обычный тяжёлый тюремный воздух. На момент становится немного жутко.

Скоро входим в канцелярию. Это обычная, средней величины комната с письменными столами и несколькими стульями, но окна с толстыми решётками. Нас встречает какой-то пожилой, угрюмый тюремный чиновник, которому помощник пристава меня и передаёт.

После краткого разговора с полицейским тюремщик отдаёт распоряжение меня обыскать. Ко мне подходят два тюремных надзирателя, и начинается обыск. Раздевают до белья, выворачивают все карманы костюма, пальто, шупают в сапогах, в носках, за подкладкой. Отбирают всё, вплоть до часов и помочей.

— Зачем же помочи отбираете? — спрашиваю я, — без них очень неудобно.

— Не разрешается, — последовал ответ.

Кончается обыск, начинаю снова одеваться.

Когда я оделся, старший тюремщик, обращаясь к одному из надзирателей, говорит:

— Отвести на третий этаж, в камеру № 142.

— Слушаю, — отвечает надзиратель, беря под козырёк, и, обращаясь ко мне, говорит: — Ну, идёмте.

Выйдя из канцелярии и оглянувшись, я увидел в конце коридора Петровского, Шагова и Муранова. Их вели в эту же канцелярию. Хотелось перекинуться с ними парой слов, но в это время мы повернули в другую сторону, и я потерял товарищей из виду. Я снова иду по длинным, пустынным коридорам, освещённым тусклыми дежурными лампочками. На пути изредка попадаются лишь тюремные надзиратели. Кругом тишина.

Проходим первый, второй и часть третьего этажа, мимо множества одиночек, и, наконец, останавливаемся у двери камеры № 142. Ловкой, привычной рукой надзиратель открывает дверь, зажигает электричество, и мы входим внутрь камеры.

— Вот вам камера, раздевайтесь и ложитесь, — говорит надзиратель и, быстро повернувшись, направляется к выходу.

— А сколько сейчас времени? — задаю я ему вопрос.

Он на секунду останавливается и, не поворачиваясь ко мне, говорит:

— Без часов живём.

Звонко гремит замок запираемой двери...

По поводу ареста социал-демократической рабочей фракции IV Государственной думы 9 (22) ноября 1914 г. было опубликовано в «Правительственном вестнике» правительственное сообщение, в котором говорилось:

«Судебный следователь Петроградского окружного суда по особо важным делам Машкевич немедленно приступил к производству предварительного следствия. Ознакомившись с бумагами, найденными при обыске, судебный следователь постановил всех участников конференции привлечь в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном статьёй 102 (ч. I) угол. улож., и заключить под стражу».

15 ноября в газете «День» появилось второе правительственное сообщение «К аресту депутатов».

«При производстве предварительного следствия о лицах, съехавшихся вблизи Петрограда с разных мест на совещание с некоторыми членами-большевиками с.-д. фракции Гос. Думы, — говорилось в этом сообщении, — обнаружено, что совещание было посвящено обсуждению проекта резолюции по поводу войны, в котором признаётся «наименьшим злом поражение царской монархии и её войск» и выдвигается лозунг «всесторонняя, распространяющаяся на войска и на театры военных действий, пропаганда социалистической революции» и «организация для такой пропаганды нелегальных ячеек в войсках».

Все задержанные лица заключены под стражу по постановлению судебного следователя».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
В ТЮРЬМЕ. ПЕРВЫЙ ДОПРОС

В камере ничем не нарушаемая жуткая тишина. Оставшись один, я остановился посредине камеры, осмотрелся. Помещение оказалось очень невзрачным. Каменные стены имели грязноватый тёмнозелёный цвет. Потолок светлоссерый, похожий на крышку большого гроба. Пол асфальтовый, чёрный. В стене против двери, у самого потолка, очень маленькое с толстой железной решёткой окошко. Дверь железная с маленьким круглым окошечком — «глазком» посредине. Налево, у самой двери, приделана к стене железная койка с серым матрацем, одеялом и подушкой. Против койки, у другой стены, тоже приделанные к ней два железных, окрашенных в желтовато-серый цвет листа — один повыше, другой пониже: это стол и табуретка. У самой двери маленькая железная полочка, а на ней — алюминиевая кружка, миска, тарелка, деревянная ложка и солонка. Ближе к окну, у этой же стены, уборная и раковина с водопроводным краном. Над столом электрическая лампочка, а посредине стены, от пола до потолка, труба парового или водяного отопления. Высота камеры аршина четыре, длина — шесть шагов, ширина четыре.

Таково было моё новое жильё, в котором я неожиданно очутился.

Осмотрев камеру, я невольно отдался нахлынувшему на меня потоку невесёлых мыслей. Положение было серьёзное. Мне вспоминалась участь членов социал-демократической фракции II Государственной думы, осуждённых на каторгу. Вдруг слышу:

— Раздевайтесь, господин Самойлов, и ложитесь спать, иначе я погашу огонь, тогда будете раздеваться без огня.

Это сказал сквозь дверное окошечко надзиратель. Я отрываюсь от своих мыслей, подхожу к койке, трогаю матрац и подушку. Они очень жёстки. Вместо сена или соломы, как это тогда было принято в тюрьмах, они набиты какими-то жёсткими и даже колючими палками. В особенности жестка подушка. Но выхода не было — надо ложиться.

Раздеваюсь, ложусь, но вскоре снова встаю. От лежания на «подушке» заболели ухо и щека. Я решил подложить под голову шапку, но находившиеся в подушке палки дали о себе знать и сквозь шапку. Тогда я надел пальто,

закрыв воротником уши и, натянув на голову шапку, снова лёг на койку. В это время погас свет, в камере стало совершенно темно. Лёжа одетый, в неудобном положении, я заснул только под утро.

Когда я проснулся и открыл глаза, вокруг стоял полумрак. Некоторое время я не понимал, где нахожусь. Оттого что спал очень мало, глаза болели, видели плохо. Наконец, я сообразил, что нахожусь в одиночке, и мысль об этом обожгла, как огнём. Сонливость сразу слетела. Быстро встал, снял пальто и шапку и, вновь осматривая камеру, обнаружил, что окно выходит в какой-то узкий тупик. Перед ним высилась стена. Свет едва проникал в камеру, и это делало её особенно угрюмой и мрачной.

Едва успел умыться над раковиной ледяной водой из крана, как в коридоре раздались крики:

— Кипяток! Кипяток!

Вслед за этим в маленьком дверном окошечке показались нос и усы надзирателя, крикнувшего:

— Приготовьте кружку для кипятка.

Я взял кружку с полки и просунул её в окошечко. Через мгновение кружка вернулась ко мне, наполненная кипятком. Вслед за ней мне передают большой кусок (фунта два) чёрного хлеба, и окошечко закрывается.

Это был завтрак. Я с аппетитом уничтожил порядочный кусок посоленного чёрного хлеба и выпил почти весь кипяток. Потом зашагал по камере.

«Вот она, неприкосновенность-то наша депутатская! — думал я. — Надо отбросить иллюзии о ней. Мы, марксисты, должны твёрдо знать правило, что в политической борьбе все споры решает только реальное соотношение сил борющихся сторон: на чьей стороне перевес этих сил в каждый данный момент, тот и является победителем и делает всё, что диктуется классовыми интересами, несмотря ни на какие бумажные конституции и прочие «юридические нормы»».

Рассуждая таким образом, я, должно быть, незаметно для самого себя провёл немало времени. Снова открылось дверное окошечко, и послышался голос надзирателя.

— Приготовьтесь на прогулку.

Я надеваю пальто, шапку, галоши и с большим любопытством ожидаю, когда меня выпустят из камеры. У меня была тайная надежда, что во время прогулки удастся уви-

дать кого-нибудь из своих, перекинуться парой слов. Входит надзиратель и говорит:

— Пожалуйте!

Я выхожу в коридор и иду за ним. В коридоре уже поджидает другой надзиратель. Идя между ними, я спускаюсь с лестницы и выхожу во двор.

Посередине двора вижу какую-то круглую дощатую постройку, по крыше которой расхаживают надзиратели.

Когда я подошёл к этому странному сооружению, надзиратель впустил меня в боковую дверь и тотчас же запер её за мной. Я был один в каком-то окружённом высокими дощатыми стенами треугольнике. Стало ясно, что прогулки будут так же одиноки, как и сиденье в камере. Ни о каких встречах не могло быть и речи.

Одна доска в стене треугольника была распатана, образуя щель. Сквозь неё виднелся небольшой кусок какого-то двора, через две другие стены были видны только верхние этажи тюрьмы. Наверху между стен проглядывал треугольный кусочек неба. Вот и всё, что можно было увидеть из этой клетки для прогулок.

Прошагав здесь положенные 20 минут, я в сопровождении тех же надзирателей вернулся в свою камеру.

Не успел я ещё раздеться, как в коридоре раздалось: «Обед! Обед!» — и через минуту таким же порядком, как утренний кипяток, я получил миску супа и тарелку гречневой каши. Еда была очень грубая и невкусная.

После обеда время потянулось медленно. Занимали мысли о создавшемся положении. Я долго шагал из угла в угол в полумраке камеры. В четыре часа пил принесённый кипяток и снова шагал.

Часов около шести вечера загремел замок двери, в камеру вошёл надзиратель и сказал:

— Ну, господин Самойлов, пойдёмте.

— Куда?

— Там узнаете.

Мы довольно долго идём с ним по коридорам. Наконец, приходим в какую-то просторную, сравнительно чистую комнату с большими портьерами на дверях, и там я неожиданно встречаю всех остальных товарищей-депутатов.

Здороваемся и начинаем быстро обмениваться мнениями о создавшемся положении. Каждому ясно, что ничего хорошего ждать не приходится. Время и обстановка, в которых возникло наше дело, были исключительными, и

предугадать, что правительство намеревалось с нами сделать, было трудно.

Побеседовать нам удалось очень мало. Скоро вошёл судебный следователь по особо важным делам, который вёл наше дело, и ещё кто-то из прокуратуры. Сообщив нам, на основании каких статей мы были арестованы, они в заключение сказали:

— Дальнейшая ваша судьба будет всецело зависеть от того, как вы себя будете вести дальше, какие дадите показания на предстоящем сейчас допросе.

После этого нас сразу же изолировали друг от друга и начали вызывать на допрос поодиночке. Побывавших на допросе немедленно уводили в камеры, не позволяя видеться с другими.

У нас была мысль отказаться от показаний. Но, говоря об этом между собой перед допросом, мы не успели принять окончательного решения, поэтому наше поведение на допросе проходило без единого общего плана. Каждый был предоставлен самому себе и вёл себя на допросе так, как ему подсказывала совесть и как он сам считал наиболее правильным.

Из нас пятерых показания давали четверо: Бадаев, Петровский, Шагов и я. На вопрос, признаём ли мы себя виновными в предъявленном нам обвинении, все отвечали отрицательно.

Первый допрос был краток. На нём ставились только основные вопросы обвинения, и отвечать на них отрицательно было не трудно.

После первого же допроса мы убедились, что зря согласились давать показания. Это обязывало нас на всех предстоящих допросах к длинным разговорам, совершенно для нас ненужным и крайне невыгодным со всех точек зрения. Наиболее правильно поступил Муранов, который отказался давать показания, решительно заявив следователю, что считает свой арест незаконным и ни на какие вопросы отвечать не будет. Как следователь ни бился, Муранов твёрдо стоял на своём. Этим он избавил себя от всяких разговоров с судебным следователем.

После первого допроса нам сообщили, что предъявленное нам обвинение остаётся в силе и следствие по делу будет продолжаться. В виде меры пресечения мы будем находиться попрежнему под стражей, т. е. сидеть в одиночной тюрьме вплоть до окончания следствия и суда.

Вернувшись в свою камеру и обдумав положение, я пришёл к выводу, что если наши избиратели — рабочие — не предпримут решительных мер против совершающегося над нами насилия, то, несомненно, нам придётся туго. Кара предстоит жестокая, тюремную жизнь придётся испытать довольно основательно, если не будет чего-либо худшего ..

Настроение у меня было невесёлое. Только мысль о том, что капиталистический мир, затеяв небывалую ещё в истории человечества кровопролитную войну, рано или поздно должен будет за неё расплатиться, вселяла уверенность в близости и неизбежности революции и ободряла меня. Тревожила мысль о семье. Кроме того, я боялся заболеть в тюрьме. Всего только месяца за полтора до ареста я приехал из Швейцарии, где, несмотря на продолжительное лечение, не очень хорошо поправился. И вот живительный горный воздух Швейцарии, здоровая, культурная обстановка, жизнь под наблюдением хороших врачей сменились мрачной одиночкой, тяжёлым тюремным режимом, плохой пищей. Мне было совершенно ясно, что такая резкая перемена в обстановке не может не ухудшить моего здоровья.

В эту ночь, как и в предыдущую, я лёг спать в пальто и шапке. Почти в ту же минуту в окошечке двери показалась часть лица надзирателя, и огонь погас. В камере воцарилась полная тьма.

На этот раз я заснул довольно скоро, но проснулся ещё до рассвета. Полежал несколько минут, размышляя о том, что делается теперь на воле: не шумит ли уже рабочая масса, возмущённая и вызванная снова на улицу нашим арестом? Ответом были тишина и мрак камеры, которые, казалось, хранили какую-то большую, неведомую тайну. Не знаю, сколько времени прошло так, — жизнь текла «без часов».

Окно под потолком начало выделяться мутным голубовато-серым пятном. Скоро из коридора слышались неясные, глухие шорохи, стуки и, как отдалённое эхо, сильно заглушённые толстыми тюремными стенами людские голоса. Это были первые звуки пробуждения тюрьмы.

В камеру скупо проникал слабый сероватый свет, поэтому и днём в ней царил полумрак. Скоро в коридоре послышалось вчерашнее: «Кипяток! Кипяток!» — и тюремный день начался.

Перед обедом в камеру явился надзиратель и повёл меня в тюремную амбулаторию. Там я встретил Муранова. Перекинулись парой слов. Нас осмотрел врач, взвесил на весах, и снова увели каждого в свою камеру.

Потянулись длинные, скучные дни тюремного одиночества, похожие один на другой, как две капли воды.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ В ОДИНОЧКЕ

На третий или четвёртый день после ареста я позвал надзирателя, оказавшегося молодым, ещё малоопытным парнем, и узнал от него порядок получения книг и письменных принадлежностей. Я выписал себе тетрадку, карандаш, чернила и почтовую бумагу с конвертами, затем спросил каталог тюремной библиотеки, чтобы выбрать что-нибудь для чтения. Надзиратель ушёл за каталогом и, вернувшись через несколько минут, сказал:

— Каталога сейчас нет, он на руках у кого-то из заключённых, но я вам принесу книгу без каталога. Вам ведь нужны книги политические, вот я вам их и принесу, — добавил он наивно.

— А почему вы знаете, какие мне нужны книги?

— Потому что вы политик, и я уж знаю, что вам нужно.

— Ну, а какие же вы думаете мне принести? — спрашиваю я дальше.

— Хорошие, вот увидите, — отвечает он.

— Ну, давайте.

Надзиратель ушёл и, вернувшись через несколько минут, подал мне довольно объёмистую, в простом коленкоровом переплёте, книжку.

— Вот, пожалуйста, очень хорошая политическая книжка. Читайте, а когда прочитаете, принесу ещё.

Я взял книжку и прочитал: «Вестник Европы».

— Хорошо, — говорю надзирателю, — только вы всё-таки принесите мне каталог.

— Как только он освободится, принесу, — сказал он и ушёл.

Усевшись за столик и раскрыв книгу, я убедился, что днём в камере читать почти невозможно: света было так

мало, что уже через минуту после чтения глазам становилось больно. Тогда я подошёл к передней стене и, прислонившись к ней спиной, поднял по направлению к окну раскрытую книгу. Так было лучше видно, зато очень скоро уставали руки. Таким образом, в моей камере можно было читать только вечерами, когда горит электричество. Это было совсем скверно: в камере без чтения углублялось чувство одиночества.

Дня через два я получил прошнурованную, с тюремной сургучной печатью тетрадку, пару листов почтовой бумаги с конвертами к ним, карандаш, чернила.

Я написал письмо близким товарищам, телеграмму домой и сдал их надзирателю. Потом занялся литературными опытами и написал стихотворение о первых тюремных впечатлениях. Вот оно:

КАМЕРА № 142

Вот открылась дверь тюремная,
Звук засова прогремел,
Одиночка полётённая
Мне досталась в удел.
Осмотрелся: стены серые
Смотрят сумрачно кругом,
Стёкла, точно закоптелые,
У окна под потолком.
Обстановка — три предметка,
Все железные они:
Койка, стол и табуреточка —
Все приделаны к стене.
И к осмотру в довершение
Оказалось, что в длину
Шесть шагов лишь в помещении
И четыре в ширину.

Шли дни за днями, и мне казалось, что они идут так медленно, как никогда ещё во всей моей жизни. Тюремную жизнь я испытал несколько раз и раньше, до этого ареста, поэтому новостью она для меня не была. Но такой строгой изоляции от всего внетюремного мира, как в этот раз, я ещё никогда не испытывал. Изо дня в день я видел только стены камеры да изредка угрюмые лица тюремных надзирателей. Только с ними, да и то в самых необходимых случаях, могли происходить краткие разговоры.

Очень хотелось как-нибудь снестись с внешним миром или хотя бы с кем-нибудь из товарищей по заключению.

Думал о том, что хорошо бы начать перестукиваться с кем-нибудь через стену или через трубу отопления.

Этот способ общения я узнал во время моих прежних арестов и не раз пользовался им. Но тюремная администрация строго преследовала за это, и перестукиваться нужно было с очень большой осторожностью. Постучать соседу по камере очень хотелось, но мысль, не подсажен ли в соседнюю камеру шпиик (тогда это часто практиковалось), вначале заставляла меня от этого воздерживаться.

Попрежнему я убивал время в размышлениях, в бесконечном хождении из угла в угол по камере и недолгом чтении по вечерам. Надо прибавить ещё одно маленькое развлечение — кормление голубей.

Однажды, лёжа с книгой на койке, я услышал стук соседа с левой стороны. Вынув из кармана азбуку, я прислушался и разобрал слова:

— Кто вы?

Забыв осторожность, быстро отвечаю:

— Рабочий депутат, член Государственной думы.

— Политический? — снова спрашивает сосед.

— Да.

— За что сидите? — слышится дальше.

Стараясь быть кратким, я объясняю и в свою очередь об этом же спрашиваю собеседника. Он отвечает:

— За растрату пятисот рублей казённых денег.

— Давно? — спрашиваю дальше.

— Уже год, — получился ответ.

Дальше он сказал, что я неправильно стучу, потому что не вполне точно знаю азбуку перестукивания, и что он её мне как-нибудь постарается передать во время прогулки.

И так увлёкся беседой с соседом, что окончательно потерял всякую осторожность и начал стучать слишком громко. В самый разгар беседы со звоном и грохотом открывается дверь моей камеры, и передо мной появляется фигура надзирателя. Я моментально скомкал маленький листочек бумаги с написанной на нём азбукой перестукивания и бросил его под койку. Надзиратель быстро взял у меня из рук книгу, начал её трести и перелистывать, спрашивая:

— Где азбука?

— Какая? — отвечаю я, делая вид, что ничего не знаю.

— А та, по которой вы сейчас перестукивались с соседом.

— У меня нет азбуки.

— Как пет? Сейчас она была у вас в руках.

— Ищите, если не верите.

— Ну, хорошо, — пригрозил он, — на этот раз ладно, я смолчу, а если это повторится, буду докладывать начальнику тюрьмы. Тогда будете отвечать, имейте в виду. На своего соседа вы не смотрите: пускай он хоть колотится о стенку головой, а вы ему не отвечайте, — тогда всё будет хорошо. А если будете стучать, вам же хуже будет.

С этими словами он вышел из камеры и снова запер её.

После такой истории я решил воздержаться на некоторое время от бесед с соседом, тем более что он был уголовный и большого интереса для меня не представлял. Поэтому на одну-две его попытки вновь со мной заговорить я не ответил.

Время тянулось медленно. Первая неделя в одиночке показалась длинной, как никогда в жизни. Желание получить хотя бы какую-нибудь весточку с воли всё возрастало.

Однажды (это было, кажется, недели через две после ареста) я получил несколько пар белья и открытку. Бельё бросил на койку и с жадностью впился глазами в открытку. Писала А. А. Бадаева. Она сообщала, что посылает мне бельё, спрашивалась о моём здоровье и самочувствии — и только. О нашем деле, по понятным причинам, в открытке не было ни слова. Письмо как будто и не представляло интереса, тем не менее самый факт этой маленькой связи с волей подействовал на меня хорошо. На некоторое время настроение моё улучшилось.

Прошло несколько дней, и мне снова захотелось заговорить с соседом. Я придумывал разные способы предосторожности, чтобы избежать стычки с тюремной администрацией, но в это время неожиданно открылась камера, и вошедший надзиратель сказал:

— Ну, господин Самойлов, забирайте все ваши вещи, кроме казённых, и пойдёмте.

— Куда? — спрашиваю я.

— Пойдёмте, там увидите.

Подоумевая, забираю свои вещи, выхожу с надзирателем из камеры, и он запирает её. Довольно долго идём мимо длинного ряда одиночек и, наконец, останавливаемся у камеры № 172. Надзиратель говорит: «Здесь», отпирает дверь, и мы входим в камеру.

— Вот вам новая камера — чистая, светлая и весёлая; в ней вам будет лучше и удобнее, и, если будете вести себя спокойно, останетесь в ней на всё время,— говорит надзиратель. После этого он сразу уходит и запирает за собой дверь.

Действительно, эта камера была более удобной, светлой, чистой и даже «уютней», чем прежняя. Окно сё выходило на широкий тюремный двор, и в него виднелся кусочек голубого неба. Потолок вместо серого — белый. У двери стена выступала углом вперёд, между этим выступом и передней стеной помещалась койка.

Неожиданная перемена произвела на меня хорошее впечатление. Возможность целый день читать, писать и видеть небо, а иногда и солнце подбадривала меня. Первые дни я чувствовал себя великолепно и с увлечением читал и писал.

Но одиночество скоро снова дало о себе знать; оно угнетало, всё сильнее становилось желание говорить.

И вот однажды утром я не выдержал и постучал по трубе. Завязался разговор с верхним соседом. Там сидел студент Петербургского университета, один из тех, которые были арестованы за участие в организации протеста против нашего ареста. К сожалению, я сейчас не помню его фамилии.

Эта удача доставила мне немалое удовольствие. Соблюдая всевозможные меры предосторожности, мы с соседом ежедневно вели краткие беседы на разные темы. По утрам мы приветствовали друг друга с добрым утром, затем спрашивались о самочувствии и перекидывались ещё несколькими словами. Он был арестован на много дней позднее нас, депутатов, поэтому сообщил кое-какие новости. Так, он рассказал мне, как в университете организовали митинг протеста против нашего ареста и как их, довольно большую группу организаторов и участников этого дела, также арестовали на квартирах. Затем передал мне содержание правительственного сообщения по поводу нашего ареста. Это сообщение было напечатано в газетах через несколько дней после заключения депутатов под стражу.

В дальнейшем мы уговорились ежедневно видеть друг друга. Для этого решили проделывать следующее: когда мой сосед идёт на прогулку, он сообщает мне об этом тремя ударами по трубе; минуты через две после этого я должен стать на стул уборной, ухватиться за решётку окна и смотреть во

двор в прогулочные треугольнички, а он, как только попадал в треугольник, должен, повернувшись в сторону наших камер, поднести к глазам носовой платок. Это был условный знак, по которому я его узнавал. То же самое проделывал он в камере, а я в треугольничке, когда на прогулку выходил я.

Несмотря на всю строгость надзора, наши беседы по трубе и свидания через окна продолжались довольно долго. Как ни трудны были способы наших сношений, всё же они сильно скрашивали, разнообразили одиночное заключение. Но бдительность тюремщиков скоро положила этому конец.

Однажды, держась за решётку окна, я смотрел на гулявшего в одном из треугольничков моего товарища. Вдруг дверь моей камеры открылась, и вошёл старший по отделению надзиратель.

— Господин Самойлов, в окно смотреть не разрешается, отойдите, а то вон этот старик-надзиратель (старший надзиратель, находящийся на дворе во время прогулок) увидит, будет и вам и мне большая неприятность.

Я отошёл от окна, и надзиратель вышел из камеры. Действительно, через минуту в коридоре уже кричал старший прогулочный надзиратель, что заключённые смотрят в окна, что надзиратели плохо за ними следят и т. д.

В этот же день я сообщил своему товарищу о происшествии, и мы на время прекратили наши свидания через окна, но перестукиваться изредка продолжали, и это сходило благополучно.

Но вот как-то с правой стороны мне постучал сосед. Он спрашивал, нет ли у меня покурить. Я имел папиросы и собирался уже ответить соседу, что у меня они имеются, но не знаю, каким способом ему их передать. Едва я стукнул два-три раза о стенку, как открылась дверь камеры и вошёл надзиратель.

— Господин Самойлов, пожалуйста, прекратите стук, это строго запрещено, и если узнает начальник тюрьмы, то будет большая неприятность.

— А откуда вы знаете, что я стучу? — спрашиваю я.

— Я слышал, господин Самойлов. Вам дали хорошую, светлую камеру, вы дорожили бы ею, а то ведь могут перестести в плохую, если будете стучать.

После этого случая я некоторое время не стучал. Мой верхний товарищ тоже почему-то молчал. Это было непонятно и сильно интересовало меня. Наконец я не выдержал

и попытался вызвать товарища на разговор, но ответа не последовало. Я стучал на другой день и так же безрезультатно. Решив, что товарищ совсем выбыл из камеры, я прекратил стук.

Стало скучнее, и я решил возобновить свои литературные опыты.

Был конец ноября. На воле в это время стояли холодные зимние дни, в окно сердито постукивал холодный ветер. А в моём воображении почему-то рисовались летние картины зелёных полей, лесов, рек, лугов... От этого ещё больше хотелось вырваться из тесной каменной клетки, чтобы очутиться среди вольной природы.

Под влиянием этого я написал стихотворение.

В ОДИНОЧКЕ

Я сегодня уже был не одинок,
Залетел ко мне в окошко ветерок.
Закружился он, забился по углам,
Как порхает там, на воле, по полям.
Б одиночку гул заводов он принёс,
Запах поля, шум лесов и влагу рос.
Я приятную беседу с ним имел.
Он поведал мне о воле, как умел.
Рассказал он, как от солнечных лучей
Ярко блещет жизнерадостный ручей
И бежит, бежит средь зелени лугов,
Извиваясь меж цветущих берегов.
Рассказал он про степные ширь и гладь,
Где он любит на просторе погулять,
Где нестреют травы бархатным ковром,
Колосятся нивы зрелые кругом.
Как, волнуясь, шелестят они под ним,
Когда, резвясь, пробегает он по ним.
Как на фабриках, заводах, рудниках
С челноком, с киркой да с молотком в руках
Ткут полотна, роют уголь, сталь куют
И под взмахи песни вольные поют.
Как гуляет он над безднами морей,
Волны бурные вздымая средь зыбей,
Разбивая о прибрежные скалы
Голубые белогривые валы.
Рассказал я про тенистые леса,
Что вершинами уходят в небеса, —
Что и в них он «шутки вольные» творит
И нередко дубы мощные валит.
Что везде, где льются реки и ручьи,
Уж поют в зелёной чаще соловьи.
Говорил он и о небе голубом,

Что раскинулось лазерным шатром
И, лаская взоры нежной синевой,
Порождает грёзы светлые собой.
Под конец сказал, что солнышка лучи
Ослепительно ярки и горячи,
Золотым дождём в безоблачные дни
Щедро льются с неба ясного они.
Обо многом я спросить ещё хотел,
Но мой гость уже вспорхнул и полетел.
Лишь одно успел сказать ему во след:
«Передай ты вольной волюшке привет,
Голубому небу ясному,
Ручейкам и солнцу красному,
Лесу тёмному, тенистому,
Соловейке голосистому,
Степи, полюшку привольному,
Морю синему, раздольному.
Ещё к братьям на заводы ты слетай,
Им особенный привет мой передай.
Расскажи им про неволюшку-тюрьму,
Что сидеть в ней тяжелейко одному,
Что работать с ними хочется и мне,
Но... решётка очень крепкая в окне...
Да почаще залетай ты, дорогой,—
В одиночке веселее мне с тобой».
Улетел он на простор своих стеней,
И вокруг меня всё тот же звон цепей,
Те же стены и с решёткою окно,
И опять в душе тоскливо и темно.
Посетила меня яркая мечта,
Увлекла её шальная красота.
От её неотразимых, властных чар
Запылал в груди измученной пожар.
Целый день горел, лишь к вечеру утих,
И в огне его родился этот стих...

Петроградская одиночная тюрьма.
Дскабрь 1914 г.

Прошло уже около месяца со дня нашего ареста, а положение оставалось неясным. За всё время никакие свидания ни с кем не разрешались, и эта строгая изоляция становилась особенно тяжела.

Я долгое время не брился и сильно оброс. Однажды надзиратель спросил меня:

— Не желаете ли побриться?

Я ответил согласием, и он повёл меня в парикмахерскую.

Это была обычная одиночная камера, но с зеркалом и со всеми другими принадлежностями парикмахерской. Здесь никого не было, кроме одетого в обычный арестантский халат молодого парня-парикмахера и одного надзирателя.

Поздоровавшись, я сел, и парикмахер взялся за работу. Он произвёл неплохое впечатление, и я решил перекинуться с ним несколькими словами.

— Есть у меня седые волосы? — спросил я.

— Не видно,— отвечал он.

— А я полагал, что должны быть. Давно уже я не видел себя в зеркале...

— А вы ведь, кажется, недавно сидите?— спрашивает он.

Я сказал, сколько времени нахожусь в тюрьме.

— Ну, это очень, очень мало. Вот когда посидите ещё годика два, тогда, наверное, и седые волосы появятся.

В дальнейшем разговоре выяснилось, что парикмахер тоже из заключённых и сидит уже давно по какому-то уголовному делу. Стоявший у двери надзиратель не мешал разговору, и я решился спросить, что слышно с воли, есть ли там какие-нибудь новости.

— Там всё спокойно, никаких волнений нигде нет, настроение патриотическое, и ваша выходка прошла незаметно,— отвечает он с какой-то иронией в голосе.

— Какая выходка? — спрашиваю я, сразу чувствуя, что мной овладевает злоба.

— А ваше выступление и агитация против войны и правительства,— отвечает он.

— Откуда вы это знаете? — задаю я снова вопрос, продолжая волноваться всё сильнее.

— Знаю я, очень хорошо знаю. Вот сделали глупость, а теперь и расплачиваются за неё,— говорит он снова, переглядываясь насмешливо с надзирателем.

— Ничего вы не знаете и ничего в этом деле не понимаете! — резко обрываю я его, чувствуя, что он из враждебного нам лагеря.

По возвращении в камеру мне стало особенно тоскливо, и я постучал соседу с левой стороны. Оказался политический, осуждённый по 129-й статье (за противоправительственную агитацию) на три года крепости, сидит уже полтора года. На вопросы, как здоровье, как переносит заключение, отвечал, что на здоровье не жалуется, к тюремной обстановке привык и переносит её легко.

«Вот это хорошо,— подумал я,— надо привыкнуть к условиям тюрьмы и не замечать её тягости».

Но сколько нужно времени, чтобы к ним привыкнуть, и сколько нужно издержать на это сил!

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ С ЖЕНОЙ. БОЛЕЗНЬ.
СОЖИТЕЛЬ ПО КАМЕРЕ

Однажды утром после чая, когда я по установившейся уже привычке медленно шагал по камере, вдруг с лёгким стуком открылось дверное окошечко и чей-то негромкий голос сказал: «Приготовьте записку Петровскому». Окошечко быстро закрылось.

Решив, что это один из обслуживавших одиночные камеры краткосрочных уголовных, через которых обычно удавалось завязать связь с товарищами по заключению, я быстро достал кусочек бумаги от чайной обёртки, написал карандашом записку Петровскому и в ожидании «вестового» положил её в карман жилета. Прошло около часа. Всё было тихо, окошечко в двери не открывалось, никто не являлся за запиской. Я подумал, что записку, может быть, удастся передать во время прогулки. В это время вдруг загремел замок, открылась дверь, и в камеру вошёл надзиратель.

— Ну, господин Самойлов,— сказал он,— выкладывайте всё из ваших карманов на стол и пойдёте.

— Куда?

— На свидание.

«Ага,— подумал я,— наконец что-нибудь узнаю о своей дальнейшей судьбе»,— и начал выкладывать всё имевшееся у меня в карманах.

Надзиратель мне помогал, вытаскивал из моих карманов бумажки, спички, карандаш. Вместе со всем остальным он вытащил и записку Петровскому и положил её на столик.

В записке ничего особенного не было, я справлялся у Петровского о здоровье и спрашивал, что ему известно о нашем деле. Но самый факт переписки, в случае если бы он стал известен администрации тюрьмы, мог вызвать ещё большее усиление изоляции и надзора. Поэтому, отправляясь на свидание, я имел основание опасаться, как бы моя записка не попала в руки тюремщиков. Но делать нечего: скрыть её от надзирателя невозможно, и она осталась на столике.

Выйдя из камеры вместе с надзирателем, я долгое время шёл разными тюремными коридорами и, придя в

какой-то большой, должно быть главный коридор, был передан двум солдатам.

Солдаты вынули из пожен свои шашки, подняли их над головами, стали один впереди, другой сзади меня и, скомандовав: «Шагом марш!», повели меня через новый ряд длинных коридоров в здание окружного суда, к судебному следователю по особо важным делам.

Когда меня ввели в камеру следователя, я увидел жену. Она сидела у стола, а против неё, с другой стороны, сидел следователь.

— Вы Самойлов? — спросил он меня.

— Да.

— Вам разрешено свидание, можете садиться сюда к столу и беседовать с вашей женой так, чтобы я вас мог слушать, причём разговор может идти только о семейных делах, а вашего судебного дела ни в какой мере касаться не должен, — сказал следователь.

В 20-минутной беседе я узнал от жены, что сейчас на воле всё спокойно. Но в первые дни после нашего ареста, когда в некоторых газетах напечатали, что мы, депутаты, и все остальные арестованные вместе с нами товарищи предаёмся военному суду и нам угрожает короткая расправа, были волнения в рабочих кругах и в некоторой части учащейся молодёжи. Наши близкие товарищи и родственники тоже пережили немало тяжёлых часов. Но потом выяснилось, что сообщение газет «неосновательно».

— Вас хотели предать полевому суду, — волнуясь говорила мне жена.

— Ну, уж и полевому! — вмещался в разговор следователь. — Это только пустые слухи. Однако прошу дела вашего не касаться, иначе я лишу вас свидания, — добавил он.

Больше ничего о нашем деле выяснить не удалось ¹.

¹ Из имеющихся архивных документов видно, что первое время после ареста нашей думской фракции в кругах царского правительства происходил спор о том, какому суду нас предать — военному или гражданскому. Большинство (министр юстиции Щегловитов, градоначальник полиции и пр.) стояло за немедленное предание военному суду, но бывший верховный главнокомандующий, соглашаясь с остальными, что фракция вполне заслуживает решительной и беспощадной расправы, всё же находил, что момент для этого не подходящий, и настаивал на гражданском суде. В результате и последовал приказ царя о предании фракции суду особого присутствия судебной палаты. — Ф. С.

Свидание кончилось, и я под конвоем был доставлен обратно в тюрьму.

Очутившись в своей камере после этого путешествия «со свечками», как оно называлось на тюремном языке, я подумал, что в нашем деле произошёл «кризис», как будто благоприятный для нас. Я понял, что газетные сведения о предстоявшей жестокой расправе с нами были инспирированы правящими верхами, чтобы узнать, как на это будут реагировать рабочие.

Я был рад, что узнал обо всём этом только теперь, когда грозовые тучи над нами уже в значительной степени рассеялись. Никаких тяжёлых переживаний по этому поводу мне испытать не пришлось. Хотелось выяснить, знают ли об этом мои сопроцессники. Учитывая строгость нашей изоляции, я предполагал, что всём остальным ничего не известно. Впоследствии оказалось, что я ошибался.

Занятый этими мыслями, я совершенно забыл об оставленной записке Петровскому и, только несколько успокоившись, вспомнил о ней. Подойдя к столику, я, к моему своему удивлению, увидел записку вместе с карандашом, несколькими перьями и другими предметами нетронутой, в том же виде, в каком она была оставлена.

Повидимому, записка не побывала в руках тюремщиков.

Что это значит? Хитрость, халатность или же своего рода «благородство», «порядочность» моих охранителей?

Очевидно, это была хитрость, проделанная тюремщиками, чтобы заслужить мое доверие, а потом — легче меня ловить в подобного рода вещах. Я решил быть более осторожным.

Записку я сохранил в надежде, что ещё удастся как-нибудь передать её по назначению. Но, пронесив её несколько дней в жилетном кармане, убедился, что передать не удастся, и уничтожил.

Радость от перевода в светлую камеру с течением времени незаметно рассеялась. Тюрьма, хотя и светлая, была только тюрьмой. Я считал сначала дни, недели, потом уже месяцы, проведённые в тюрьме. Чем дальше шло время, тем медленнее, казалось, оно тянулось. Особенно тяготила неопределённость нашего положения. Скоро я почувствовал недомогание: испортились аппетит и сон, появились мигрени, сильно ухудшилось состояние нервной системы, появились припадки сильного сердцебиения по

ночам. Тогда я написал заявление следователю Машкевичу с просьбой перевести ко мне в камеру кого-нибудь из товарищей, моих сопроцессников. В этом мне отказали. Старший по отделению надзиратель объяснил, что, вероятно, возможно будет перевести ко мне только кого-нибудь из уголовных. Подумав немного, я решил согласиться.

На моё второе заявление был дан удовлетворительный ответ. Но прошло немало времени, а человека не давали. Между тем здоровье моё всё ухудшалось, сердечные припадки усиливались, и я по ночам боялся очутиться в беспомощном положении. Однажды после утреннего чая открылась дверь камеры и вошёл старший надзиратель, а с ним седой человек, лет пятидесяти, среднего роста, крепко сложенный.

— Ну, господин Самойлов, вот привёл вам сожителя. Думаю, что будет человек подходящий. Во всяком случае лучшего, чем этот, не нашёл,— сказал надзиратель и ушёл, заперев камеру.

— Как вас зовут? — спросил я пришедшего.

— Иван Степанович,— ответил он.— А вас?

Я назвал себя, мы познакомились, закурили, и между нами началась длинная беседа. Я узнал, что Иван Степанович сидит в тюрьме уже несколько месяцев и обвиняется в соучастии во взломе какого-то магазина. По его словам это было совершенно напрасное обвинение, потому что во время взлома его и в городе не было; это подтвердили и хозяева его квартиры, допрошенные в качестве свидетелей по этому делу. И всё-таки он сидит вместе с настоящими участниками взлома и ждёт суда.

Старик оказался простым, неплохим человеком. Крестьянин по происхождению, он много говорил мне о своей деревне, рассказывал всевозможные истории и сказки, главным образом из жизни атаманов разбойничьих шаек и вообще из быта уголовного мира; он всё-таки имел какое-то отношение к нему.

Это меня не касалось. Было бессмысленно думать об его исправлении, и я старался меньше говорить с ним на эти темы.

На его вопросы о нашем деле я отвечал возможно понятнее и подробнее, объяснял, что такое классовая борьба, политические партии, Государственная дума, рабочие депутаты и т. д.

Старик соглашался во всём, но мне ясно было, что он неспособен серьёзно разбираться в этих вопросах. Был он очень вежлив и услужлив, всегда старался быть мне полезным, и с ним сидеть было неплохо.

Скоро старику дали работу — клеить коробки для папирос. Но наша камера № 172 была несколько меньше других из-за особого выступа стены, и для готовых папиросных коробок нехватало места. Поэтому нас скоро перевели в другую камеру, кажется № 178, на этом же этаже. Здесь старик работал непрерывно с утра до вечера, ежедневно складывая целую гору готовых папиросных коробок. Зарабатывал он таким образом всего копеек пять-шесть в день (насколько помню, только третья часть заработка полагалась заключённому, а остальные две трети шли в казну).

Моё здоровье всё ухудшалось. Первое время я читал старику вслух разные книги, получаемые из тюремной библиотеки. Работая, он слушал моё чтение и был очень доволен. Да и у меня за чтением время проходило скорее и интереснее. Потом я уже был не в состоянии читать: стала кружиться голова. Время снова потянулось тоскливо и медленно. Всё чаще и чаще приходилось прибегать к помощи тюремного фельдшера.

Фельдшер приносил порошки фенаcetина и другие лекарства. Он вечно был пьян и, придя в камеру, нередко справлялся, нет ли покурить или чего-нибудь поесть. Получив нужное, он бывал очень доволен и старался сказать что-нибудь утешительное, вроде того, что «болезнь у вас пустяковая, вы только не придавайте ей никакого значения, и она пройдёт, и дело ваше тоже не страшное, вам серьёзного ничего не угрожает, в конце концов, наверное, ничего вам и не будет», и т. д. Принося какой-нибудь порошок, он говорил:

— Принимайте, не бойтесь: это совершенно безвредно.

— А польза будет? — задавал ему иногда вопрос старик.

— Польза большая будет, очень большая, — отвечал фельдшер, бегая полупьяными глазами по камере и высматривая, чем бы «поживиться».

Когда фельдшер уходил, мы с Иваном Степановичем часто подшучивали над ним. Иногда вместе с фельдшером в камеру приходил один из помощников начальника тюрьмы. При нём фельдшер вёл себя иначе, ни в какие

разговоры не пускался, давал лекарство, говорил, как его принимать, и уходил. А помощник говорил:

— Нужно точно узнать, отчего у вас болит голова, тогда можно будет правильно и лечить её. Бывает, голова болит от сердца, бывает — от желудка, от простуды и от разных других причин. У вас, наверное, от нервов.

Скоро я настолько ослаб, что при возвращении с прогулки с трудом поднимался по лестнице. Я пошёл к врачу и сказал ему об этом. Осмотрев меня, врач обещал дать распоряжение, чтобы меня перевели этажом ниже (с третьего на второй).

На другой день нас действительно перевели во второй этаж, в камеру № 85. Камера оказалась тёмной и настолько сырой, что со стен постоянно текло. Здесь моя мигрень усилилась. Я снова потребовал врача и, показав ему на мокрые стены, заявил, что в этой камере сидеть не могу. В результате нас скоро перевели в камеру № 62, на этом же этаже. Здесь было сравнительно светло, а главное — тепло и сухо. Пол оказался настолько тёплым, что можно было ходить разутым. Как только мы перепили в эту камеру, старик сейчас же сбросил свои сапоги (они были без подмётки) и, радуясь теплу, как ребёнок, весело и быстро начал ходить босыми ногами по тёплому асфальтовому полу. Первые дни мне стало несколько лучше, но вскоре наступило ухудшение. Я целыми днями лежал на койке. Старик клеил коробки и рассказывал мне истории и сказки.

Я бросил курить, а старик иногда покуривал. Чтобы освежить от табачного дыма камеру, время от времени я открывал форточку.

— Это хорошо, очень хорошо, чистый воздух нужен, только надо одеваться, а то можно простудиться,— говорил в таких случаях старик.

— Ты надень-ка своё пальто, а мне брось мой «читальник»,— добавлял он, указывая на лежавшую у меня в ногах крайне заношенную коротенькую тужурку. На уголовном тюремном жаргоне она называлась «читальником». Я бросал ему «читальник», и старик, накинув его на плечи, продолжал свою работу.

Часто ночью, перед сном, после того как гасили свет, мы, лёжа, вели со стариком длинные разговоры. Тогда надзиратель кричал в дверное окошечко:

— Почему не спите?

— Не хочется и не спим,— отвечал ему старик.

— Нужно спать, ночью разговаривать нельзя, — говорил надзиратель, и окошечко закрывалось.

Мы замолчали, но я долго ещё слышал, как мой старик ворочался с боку на бок, крихтел, пыхтел. Иногда я тихо спрашивал его:

— Не спишь, Иван Степанович?

— Нет, — отвечал он.

— Почему же?

— Да мешает петрушка.

— Какая петрушка?

— Да разная: лезет в голову да лезет и не даёт спать, и никак сладить с ней не могу.

— А ты попробуй считать до ста и дальше, — советовал я ему.

— Пробовал, не помогает, — говорил он.

Снова слышался стук в окошечко, и надзиратель уже более решительным тоном требовал, чтобы мы прекратили разговор. В камере наступала тишина, и мы постепенно засыпали.

Время шло медленно и скучно. Некоторое разнообразие вносили происходившие два раза в неделю свидания с родными (через решётку), ванна через каждые десять дней и время от времени путешествия «со свечками» на допросы к судебному следователю по особо важным делам.

В ванную нас всегда водили поодиночке. Заговорить с прислуживающим уголовным никак не удавалось: находившийся тут же надзиратель ни на секунду не отходил.

Однажды, когда подошёл срок итти в ванную, в камеру к нам явился новый надзиратель и, к моему удивлению, сказал:

— Ну, собирайтесь, пойдёмте в баню.

Не понимая, в чём дело, я спросил:

— В баню, вы говорите?

— Да, да, — ответил надзиратель. — А что, вы не хотите, что ли?

Не успел я ещё собраться с ответом, как мой старик быстро ответил:

— Нет, нет, мы пойдём с удовольствием, мыться мы никогда не отказываемся. Собирайся, Фёдор Никитыч, — добавил он, взглянув на меня многозначительно.

Я понял, что старик сообщает нечто важное, и молча быстро начал собирать бельё. Через несколько минут в сопровождении надзирателя мы отправились. Идя по кори-

дору, я думал, что приглашение идти в баню было просто ошибкой, и он, наверное, ведёт нас всё-таки в ванную. Но нас, действительно, ввели в настоящую общую баню, где уже было много народу.

Кругом кричали, спорили, ругались, смеялись и шумели на все лады.

Этот бестолковый шум человеческих голосов после нескольких месяцев одиночки казался мне музыкой. Но я попрежнему не понимал, почему мы попали в общую баню после такой изоляции. На мой вопрос старик ответил:

— Молчите, этот дурак-надзиратель нас по ошибке сюда привёл, ему за это, наверное, влетит, если тюремное начальство узнает, а наше дело: не зевай, надо пользоваться всяким их промахом. Мойтесь, знайте. Видите, как здесь хорошо, светло, тепло и весело.

Баня была неплохая, с хорошим духом. Главное, здесь были люди. Это были всё уголовные, но самый вид людской толпы, независимо от её состава, после длительной одиночки радостно волновал. Говорить пришлось мало, так как свои, политические, отсутствовали. Но даже несколько незначительных слов, которыми нам удалось перекинуться, были для меня большим развлечением.

Вымывшись, мы вернулись в свою камеру в хорошем настроении.

ГЛАВА Сороковая

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДСТВИЯ

Среди отобранных у меня при обыске документов оказался конспект моего доклада Иваново-Вознесенской организации, написанный в блокноте. Там говорилось:

«1) О поездке в Швейцарию. 2) По приезде в Россию: а) поездка в Питер, б) совещание в Финляндии, в) доклад Муранова, телеграмма Вандервельде и ответ на неё, наш и ликвидаторский, г) наше отношение к сборам в пользу запасных и их семейств (резолуция), д) выпуск листовок в Питере (листок)».

Кроме того, в блокноте имелась запись под заглавием: «Кое-что о работе фракции во время моего отсутствия: 1) Уход Малиновского. 2) Третейский суд по этому делу. 3) Поведение социал-демократов в историческом заседании Государственной думы. 4) Предстоящая конференция и её порядок дня».

Этот конспект меня беспокоил больше всех остальных документов, попавших в руки полиции. По своему содержанию он мог послужить для властей важным обвинительным материалом. И я не ошибся. На допросах следователь придавал особо важное значение именно этому документу. Он тщательно допрашивал меня по поводу каждого отдельного пункта. Я отвечал, что это конспект доклада, который я собирался сделать во фракции. По вопросу о совещании в Финляндии я говорил, что хотел справиться у товарищей по фракции, так как сам об этом только слышал от кого-то. Относительно конференции объяснял, что здесь речь идёт о предстоявшей тогда международной социалистической конференции и т. д. Относительно некоторых пунктов отказался дать определённые ответы, ссылаясь на свою плохую память.

Тем не менее этот документ наряду с отобранными у Петровского известными тезисами Ленина о войне был положен прокуратурой в основу всего предъявленного нам обвинения. В своей обвинительной речи прокурор высказывал мнение, что мой конспект представлял собой не что иное, как порядок дня нашей конференции (настоящий порядок дня удалось во время обыска уничтожить).

Следствие по нашему делу велось усиленным темпом. 24 декабря 1914 г. утром в мою камеру явился надзиратель и пригласил меня идти с ним.

— Куда? — по обыкновению задал я вопрос.

— Там увидите. Кажется, к следователю, — ответил он.

Когда мы пришли в главный коридор тюрьмы, я увидел всех моих товарищей-сопроцессников.

Это была первая наша встреча со времени общего допроса, происходившего на второй или третий день после ареста. Мы очень обрадовались, поздоровались и засыпали друг друга вопросами. Настроение у большинства было неплохое.

Поговорить пришлось мало, потому что нас быстро выстроили в шеренгу и между каждыми двумя поставили по конвойному; затем после команды конвойным: «Пашки наголо, шагом марш!», мы двинулись по коридору к зданию окружного суда.

Пройдя довольно большое расстояние по разным коридорам и лестницам, мы у большого зала окружного суда встретились со своими жёнами. Они подошли к нам, стали задавать вопросы:

— Все ли здоровы, что вам известно о суде?..

Грозные окрики конвойных солдат: «Не подходить!», «Не разговаривать!», не позволили нам ответить. Пройдя мимо них, мы направились дальше.

В камере судебного следователя нам предложили сесть к столу и объявили, что следствие по нашему делу закончено и что теперь нам предстоит заслушать содержание всего добытого следствием обвинительного материала. Началось чтение этого материала, которое длилось около трёх дней (с 24 по 26 декабря включительно). Читали следователь со своим секретарём попеременно.

За это время мы совершили несколько групповых путешествий «со свечками» к следователю и обратно. Становилось очевидным, что обвинительный материал большой, подобран и обработан так, что сурового каторжного приговора нам ни в коем случае не избежать.

Однажды во время чтения присутствовал кто-то из представителей прокуратуры. Мы спросили, что он думает о нашем деле. Он сказал, что ему ещё неизвестно, какой суд нас будет судить, военный или гражданский, и ответить на заданные вопросы затрудняется. Из его уклончивого ответа видно было, что наше положение оставалось всё ещё неясным.

После окончания чтения следственного материала снова наступило мрачное время ожидания. Ничего хорошего от суда мы не ждали.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ. ОЗНАКОМЛЕНИЕ С ДЕЛОМ. НАШИ ГЛАВНЫЕ ПОКАЗАНИЯ. НЕУДАЧНОЕ ОБВИНЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ

Наши жёны и самые близкие товарищи позаботились об организации защиты. Они пригласили в качестве защитников наиболее известных присяжных поверенных.

В конце января 1915 г. мы, наконец, получили копии обвинительного акта и повестки о том, что 10 февраля в здании окружного суда в Петрограде нас будет судить особое присутствие судебной палаты с участием сословных представителей.

Одновременно с нами получили извещения и наши защитники, которые с этого момента с разрешения начальства начали нас посещать. Помню, что до дня суда у меня перебывало несколько защитников, причём некоторые из них посетили меня раза по два, а может быть, и больше.

Свидания с защитниками происходили в нижнем этаже, в одной из свободных одиночных камер. О чём я беседовал с ними, точно не помню. Припоминаю только, что речь шла об отобранном у меня при обыске карманном блокноте с тезисами моего доклада Иваново-Вознесенской организации и о других отобранных документах, о вызове свидетелей, о том, как нужно вести себя на суде и т. д.

Вначале ввиду моего очень сильно пошатнувшегося здоровья поднимался вопрос о выделении моего дела. Но потом это нашли нецелесообразным. Свою копию обвинительного акта я передал одному из защитников.

Хотя наша принадлежность к партии была очевидна и защитники предлагали в этом признаться открыто, но вначале нам это казалось излишним.

Зачем давать прокурору лишний козырь? Пускай он сам как хочет, так и доказывает нашу принадлежность к социал-демократической партии, рассуждали мы.

Когда мы спрашивали защитников, что, по их мнению, нам угрожает, они отвечали определённо: каторга. Некоторые говорили, что они, защитники, всё-таки постараются, чтобы мы получили минимальный срок каторги, т. е. не 8 лет, а 4 года (2-я часть статьи 102 предусматривала от 4 до 8 лет).

По совету защитников мы написали в судебную палату заявление о желании лично ознакомиться с обвинительным материалом. Вскоре нас всех снова одновременно вызвали в здание окружного суда.

Нас ввели в небольшую комнату, в которой на столах лежали три объёмистые книги нашего дела. Конвойные разместились частью у дверей, частью за нашими спинами, около столов.

Прежде всего мы узнали, что нас будут судить в обычном порядке, по статье 102 (за принадлежность к социал-демократической партии), которая предусматривала кару не свыше 8 лет каторги, а в исключительных случаях, когда имелись особо «смягчающие» вину обстоятельства, — лишение всех прав и состояния и ссылку на вечное поселение в Сибирь.

Такая «дарская милость» была продиктована соображениями чисто политического характера. Правительство Николая II не решалось на более жестокую расправу с нами, боясь взрыва негодования рабочих масс.

Знакомясь с материалами, мы узнали, что кроме отобранных у нас при обыске важнейших документов в деле фигурирует найденная в уборной на квартире у Гавриловых записная книжка М. К. Муранова с записями о его поездке по Уралу. Позднее была присоединена к делу и другая записная книжка Муранова, найденная при обыске в его квартире в Харькове. В этой книжке был список предприятий на Урале и адреса разных товарищей. Затем к делу был приобщён ряд документов, в которых прокурор нашёл материал для характеристики всех нас, депутатов.

В показаниях, которые мы (за исключением Муранова) давали судебному следователю, никто из нас виновным себя не признал. Четверо депутатов — Бадаев, Петровский, Шагов и я — добавили, что состоим членами российской социал-демократической рабочей фракции IV Государственной думы. Муранов же не только отказался дать показания, но и не подписал протокола судебного следователя.

Все остальные подсудимые в своих показаниях старались так или иначе затушевать настоящую цель собрания на квартире у Гавриловой. Они говорили, что хотели побеседовать с представителями с мест о больничных кассах, о рабочей прессе и т. д. и собрались у третьего лица, чтобы избежать полицейских преследований «за связь с депутатами» рабочих, посещавших нас по разным делам.

Путешествия в здание окружного суда продолжались в течение нескольких дней, пока мы не ознакомились с делом полностью. Вначале мы ходили все вместе, а потом нас разбили на депутатов и не-депутатов и водили каждую группу отдельно.

Во время ознакомления с делом мы сговорились по поводу нашего поведения на суде. Так, мы прочли проект речи Петровского на суде и решили, что он произнесёт эту речь от имени фракции, как её председатель, а остальные депутаты, присоединяясь к Петровскому, добавят каждый от себя, что нужно будет.

За два-три дня до суда настроение было напряжённое: стороны готовились к решительной борьбе.

К этому времени атмосфера, созданная в так называе-

мых общественных кругах правительственным сообщением, которое обвиняло нас в государственной измене, сильно проявилась. Вопреки желанию правительства, государственными изменниками нас никто не считал, да и самое обвинение, предъявленное нам, ясно и определённо говорило о том, что нас обвиняют в принадлежности к социал-демократической партии, и только.

Таким образом, несмотря на все старания, правительству не удалось состряпать дела по обвинению нас в государственной измене. Наш процесс по своей форме получился одним из тех, которые практиковались царскими судами над членами нашей партии в течение ряда лет; особенность его заключалась только в том, что на этот раз на скамье подсудимых в числе двенадцати человек было пять членов Думы. Они являлись настоящими, выбранными по российским законом представителями рабочего класса России. Правительство Николая II это чувствовало и понимало, что недостаточно «изъять нас из обращения», — необходимо было во что бы то ни стало подорвать наш авторитет, а потом уже произвести над нами свою жестокую расправу. Иначе мы бы предстали перед нашими избирателями-рабочими и остальной частью трудового населения России, считавшими нас своими представителями в Государственной думе, только как мученики, павшие жертвой честно исполненного долга депутатов.

Поэтому правительство в начале процесса и стремилось обвинить нас в государственной измене и в деяниях, равносильных этому. Однако никаких материалов для этого не оказалось. Чтобы хоть сколько-нибудь оправдать наш арест перед трудящимся населением, обвинитель в своей речи на суде старался доказать, что если мы и не являемся изменниками в прямом смысле этого слова, то тем не менее вся наша деятельность как депутатов и членов социал-демократической партии умаляла шансы на победу над внешним врагом и на деле, значит, помогала врагам отечества — немцам. Чтобы возможно шире оповестить об этом население России, судить нас решено было при открытых дверях, т. е. с допущением в зал суда публики¹.

¹ На это царское правительство, боясь предавать гласности самый факт существования в стране революционного движения и революционных партий, решалось очень редко — только в особых, исключительных случаях. Обычно же по статье 102 (принадлежность к партии) царские суды судили при закрытых дверях, т. е. кроме са-

Дня за три до суда я написал в своей тюремной тетрадке конспект коротенькой речи, которую решил произнести на суде. 10 февраля 1915 г. после утренней прогулки, около 9½ часов утра, в камеру явился надзиратель и сказал:

— Ну, господин Самойлов, пойдёте в суд.

Распрошавшись с моим стариком, я вместе с надзирателем вышел из камеры и направился к главному коридору. Там уже находилось несколько наших. Поздоровались, стали обмениваться вопросами о самочувствии. Затем перекинулись несколькими словами о предстоящем суде. Настроение у всех было нервное, но в общем нельзя сказать, чтобы плохое. Только Шагов имел подавленный вид. Его пробовали развеселить разными шутивными замечаниями, но безуспешно.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

СУД И ПРИГОВОР

Скоро собрались все. Нас выстроили в обычном порядке, и через несколько минут мы вошли в большой судебный зал первого отделения окружного суда.

Места для публики, для представителей печати в зале и на хорах были густо заполнены. Защита уже на своих местах, обвинитель тоже. На местах сзади судей сидели граф Витте, наш следователь по особо важным делам и какие-то неизвестные нам лица. Судей ещё не было. На местах для публики было много членов Государственной думы. Я узнал кадетов Милюкова и Родичева, прогрессиста Ефремова, меньшевиков Скобелева и Чхенкели и многих других. В первых рядах находились жёны и родственники подсудимых.

Заняв свои места на скамье подсудимых и окинув беглым взглядом зал суда, мы обменялись приветствиями с некото-

рых подсудимых, свидетелей, защитников, прокуроров и судей во время судебного разбирательства дел в зал суда допускались только некоторые из близких родственников — мать, отец, жена. Для всех остальных граждан двери суда по таким делам были закрыты. В печати же публиковались лишь краткие резолюции приговоров, да и то не всегда. Как происходил суд, в чём и как обвинялись подсудимые — об этом никто не знал.

рыми знакомыми депутатами, родственниками и жёнами, затем поздоровались с подошедшими к нам нашими защитниками и повели с ними разговор (поскольку это было возможно в такой обстановке) о нашем поведении на суде.

Скоро раздалась обычная команда судебного пристава: «Прошу встать, суд идёт!» Показались судьи. Впереді шёл председатель суда Крашенинников, за ним три члена палаты и так называемые сословные представители: от дворян — губернский предводитель дворянства, от владельцев промышленных предприятий — член городской управы и от крестьян — какой-то волостной старшина.

Началась проверка свидетелей и подсудимых. После этого защитник Каменев, также привлекавшегося по делу большевистской думской фракции, Бернштам ходатайствовал перед судом о вызове Н. Иорданского (социал-патриота, бывшего редактора известного журнала «Современный мир»), который должен был подтвердить, что Каменев в беседе с ним о войне высказал мысль, совершенно противоположную той, которая приписывается подсудимому обвинительным актом. Другими словами, Иорданский должен был показать, что Каменев говорил ему о нежелательности поражения правительства в этой войне.

Прокурор возразил против этого ходатайства, заявив, что частный разговор между подсудимым Каменевым и Иорданским для дела значения не имеет.

После совещания, длившегося около 40 минут, палата в ходатайстве отказала. Каменев повёл себя на суде, как подлый, презренный трус. В показаниях на предварительном допросе он указывал, что не согласен с лозунгом поражения царского правительства в войне и солидаризируется в этом вопросе с социал-патриотом Иорданским.

Каменев, уполномоченный по руководству работой нашей фракции, должен был собственным примером давать тон поведения фракции перед царским судом. Вместо этого он с самого начала пытался вызовом в свидетели тогдашнего оборонца Иорданского доказать суду, что он не против войны и что взгляды его по этому вопросу совершенно противоположны взглядам ЦК партии. Заняв такую явно антипартийную позицию, Каменев поставил фракцию в весьма тяжёлое положение. Фракция нащупывала правильную политическую линию, а Каменев тащил её назад, преследуя одну задачу: как можно дешевле отделаться и удачнее вывернуться от угрожающей расправы царского

суда. Таким образом, ещё в годы империалистической войны Каменев показал себя как ошпортунист, канитулянт, изменник делу партии. Это предательское поведение Каменева было решительно осуждено Лениным.

По обвинительному акту, предъявленному нам на суде, мы обвинялись в принадлежности к партии социал-демократов большевиков, противников войны, стремящихся сорвать войну, организовать революцию, уничтожить самодержавие и заменить его демократической республикой и т. д. Для всего этого осенью 1914 г. нами были устроены два совещания: одно 30 сентября — 1 октября в Финляндии, другое — в начале ноября в Озерках, на квартире у Гавриловых, т. е. там, где нас арестовали.

На основании этого мы, одиннадцать человек — пять депутатов: Петровский, Бадаев, Муранов, Шагов и я, и шесть не-депутатов, — привлекались по 1 ч., ст. 102 Уложения, т. е. по обвинению в принадлежности к нелегальной партии, а Гаврилова — по ст. 63, т. е. по обвинению в недонесении властям о происходившем в её квартире незаконном собрании.

На обычные вопросы о виновности все подсудимые ответили отрицательно, и все, кроме Муранова, выразили желание дать объяснения. Муранов же от дачи объяснений отказался.

Начался допрос свидетелей.

Петровский взял слово для объяснения и от имени всей фракции произнёс небольшую речь ¹. Он отмечал, что наша фракция примыкает к большевистскому течению, что, как рабочие, мы нуждались в указаниях сведущих лиц и пользовались ими, сотрудничали в наших рабочих газетах и всячески способствовали их распространению. Стремясь защитить интересы рабочих, мы участвовали в страховой кампании, поддерживали профессиональную и культурную деятельность рабочих и, делая по их приглашениям доклады, всегда старались в своей деятельности отстаивать интересы и требования рабочих. Чтобы быть в курсе решений РСДРП, мы знакомились с её литературой. На вопросы председателя по поводу тезисов о войне Петровский ответил, что он их получил по почте или через рассыльного, — точно не помнит.

¹ Эта речь, как было сказано, была согласована со всеми членами фракции во время ознакомления с материалами следствия незадолго до суда.

Затем, присоединяясь к сказанному Петровским, каждый из депутатов давал свои дополнительные объяснения. Муранов заявил, что он присоединяется к сказанному Петровским и что к партии он принадлежит, поскольку состоит членом думской социал-демократической фракции. После этого председатель спрашивает Петровского, почему по вопросу о войне мы нашли нужным совещаться именно с рабочими. Петровский отвечает, что по всем важным вопросам мы всегда совещались с представителями рабочих.

Дальше говорит Бадаев. Он подтверждает, что мы выслушивали мнения рабочих по различным поводам и всегда интересовались мнениями, существовавшими в рабочей среде. Шагов заявляет, что ответственность за какие-то присоединённые к делу прокламации на нас лечь не должна, что мы их не печатали и отвечать за них не можем.

Я показал, что прошёл в Думу под флагом социал-демократов большевиков, вступил там в социал-демократическую большевистскую фракцию, но через несколько месяцев тяжело заболел и вынужден был уехать за границу лечиться. Возвратившись в Россию, я не успел ещё осмотреться как следует, как уже очутился на скамье подсудимых.

Свидетель Кудрин имел вид психически больного. На вопрос председателя, кто руководил газетой «Правда», он ответил:

— Не знаю.

На некоторые другие вопросы он тоже отвечает «не знаю», «забыл» и т. д. и добавляет, что у него было воспаление мозга. Сейчас он находится в больнице и не помнит, что показывал судебному следователю. Прокурор заявляет, что не придаёт значения показаниям Кудрина и от дальнейшего допроса его отказывается. На вопрос председателя, подтверждает ли Кудрин свои показания, данные им судебному следователю, последний ответил отрицательно и снова сказал, что он теперь более или менее выздоровел и давать такие показания, какие он давал судебному следователю, не может. На вопросы защиты Кудрин сообщает, что содержится в тюремной больнице. Когда помещён, когда заболел и сколько времени сидит, не помнит.

Муранов заявил, что свой карманный блокнот, найденный в уборной на квартире у Гавриловых, он бросил,

чтобы уберечь от тюрьмы 58 рабочих, адреса которых были там записаны.

На вопросы председателя Яковлев, Линде (Печак)¹ и Воронин заявили, что в ночь с 3 на 4 ноября они ночевали у Гавриловых.

Допрос свидетелей закончился. Заседание закрылось, и стороны в присутствии председателя знакомятся с вещественными доказательствами по делу. Уже поздно ночью нас увели в камеры.

Утром 11 февраля мы снова в прежнем порядке явились в суд. Зал попрежнему полон публики.

После открытия заседания на вопрос председателя сторонам, чем они желают дополнить судебное следствие, прокурор просит разрешения сослаться на все находящиеся в деле документы, а один из защитников от имени подсудимых просит разрешения ознакомиться с вещественными доказательствами. Объявляется перерыв, и мы все, подсудимые и защитники, осматриваем вещественные доказательства. Потом возбуждается ряд ходатайств: о разрешении сослаться на протокол осмотра и документы в деле, об оглашении и присоединении к делу некоторых других документов и пр.

На вопрос председателя, почему ответ на телеграмму Вандервельде даёт ЦК партии, Петровский отвечает, что телеграмма эта была напечатана во всех газетах. И на вопрос председателя, не является ли ответ ЦК в то же время и ответом фракции, Петровский отвечает, что мы остаёмся при взгляде, выраженном в заявлении, прочитанном 26 июля 1914 г. в Государственной думе.

Муранов даёт показания по поводу найденной у него книжки с записями о его поездке по Уралу. Он, между прочим, объясняет, что, когда была распущена Государственная дума, он, чтобы не терять даром времени, решил поехать к избирателям.

— Я считал нужным ехать к ним даже тогда, когда они не звали,— говорит он.

Дальше он сказал, что считает позорным скрывать, что занимался внедумской деятельностью. На вопрос председателя, пропагандировал ли он сам социал-демократическую программу, Муранов ответил:

¹ Линде был арестован с паспортом Печака; во время следствия он сообщил свою настоящую фамилию.— Ф. С.

— Это ясно из того, что массовки были в лесу, в лесу — свобода слова.

На вопрос председателя, призывал ли он организовываться в социал-демократическую партию, Муранов сказал:

— Да, я призывал. Существуют профессиональные, кооперативные и просветительные рабочие организации. Я не скрывал, что согласно постановлению конференции социал-демократы должны употребить все усилия, чтобы получить в этих организациях влияние. Я считал своей обязанностью создавать такие организации, а делать их социал-демократическими было делом других лиц. Свою думскую деятельность я считал совершенно автономной.

Здесь считаю нужным остановиться на допущенных нами ошибках во время предварительного следствия и на суде. Ошибочно было, что я, Петровский, Шагов и Бадаев давали показания судебному следователю. Муранов, как уже об этом сказано, отказался от показаний и подписания протокола следствия. Отказом от показаний достигалась цель: затруднить прокурору раскрытие нелегальной организации и связей с ней.

Другая существенная ошибка заключалась в том, что мы не в достаточной мере выявили своё отрицательное отношение к войне.

«Товарищам надо было... — как писал впоследствии В. И. Ленин, — поняв всемирно-исторический момент, воспользоваться открытыми дверями суда для прямого изложения социал-демократических взглядов, враждебных не только царизму вообще, но и социал-шовинизму всех и всяческих оттенков»¹.

После Муранова с речью выступил обвинитель, товарищ прокурора судебной палаты Непарокомов. Прежде всего он отметил, что с началом войны социалистический Интернационал впал в глубокую пропасть, так как германская социал-демократия не только не выступила с грозным протестом против войны, как она обещала, но, наоборот, германские социал-демократы голосовали за военные кредиты, и ошеломлённое человечество узнало, что социалисты ассигновали деньги на войну. Но германские социал-демократы, заявил Непарокомов, всё же поступили лучше тех, кто отказал в средствах для самообороны страны.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 150.

Бельгийские и французские социалисты поняли, что социалистический Интернационал дал трещину, что под громкой фразеологией немецкие социал-демократы преследовали интересы германского правительства. Тогда бельгийские и французские социалисты без колебаний стали под знамя «короля-рыцаря» и под знамя Франции. Затем обвинитель говорил о том, что трудно было думать, что наша фракция пойдёт против родины. Разбирая прочитанное в Думе Хаустовым наше общее заключение о войне, он сделал вывод, что этим заявлением думская фракция социал-демократов с трибуны объявила открытый разрыв с правительством в тот момент, когда оно больше всего нуждалось «в единении всех элементов населения». Дальше обвинитель отмечает, что социал-демократическая фракция была полностью подчинена Центральному Комитету партии и что подчинялась не только фракция, но и каждый член партии в отдельности. И в этом отношении... «деятельность фракции давно представляла собой секрет полишинеля».

По мнению обвинителя, главной целью собрания у Гавриловых было обсуждение резолюции из семи пунктов (упоминаемые выше тезисы о войне). Дальше обвинитель, характеризуя нас, говорит, что Петровский — руководитель и председатель фракции, Муранов — наиболее деятельный член её, Бадасв — связующее звено фракции с рабочими Петрограда, Шагов передавал приглашения на собрания, а Самойлов — один из деятельных членов; случайным был только Козлов. Затем прокурор снова говорит, что фракция являлась очень сплочённым сообществом и находилась в живой связи с партией, подчиняясь директивам ЦК. Заканчивает он тем, что подсудимые не захотели отказаться от параграфов своей партийной программы и выступают против государства в момент борьбы с внешним врагом.

Выступления защитников в общем свелись к доказательству полной необоснованности обвинения подсудимых в измене. Защитники говорили о том, что деятельность думской социал-демократической фракции и её сношения с ЦК партии не являются преступлением, что подсудимые как депутаты пользовались свободой совести и имели право знакомиться со всякой литературой, поэтому их нельзя обвинять за найденные у них при обыске нелегальные издания. Депутаты стремились к тому, чтобы их сердца бились в унисон с их избирателями. Депутаты не

могли не встречаться с представителями партии, потому что их задачи те же, что и задачи партии.

Прения сторон закончились, и заседание закрылось. Нас снова увели в камеры.

13 февраля мы снова явились в суд. На этот раз нам пришлось ждать судей гораздо дольше, чем в предыдущие два дня. Между тем наступал решительный момент процесса — оставалось лишь покончить с некоторыми формальностями и выслушать приговор. Понятно, что настроение у нас было нервное и напряжённое.

Среди лиц, находившихся на местах сзади судей, снова был судебный следователь по особо важным делам. У него в петлице фрака был прикреплен какой-то новый орден на цветной ленте. Кто-то из защитников объяснил нам, что это знак отличия, полученный им за ведение следствия по нашему делу.

Судьи появляются в половине второго, и по открытии заседания председатель оглашает следующие вопросы суду:

«1) Виновен ли крестьянин Харьковской губернии, Волчанского уезда, Печенегской волости, Григорий Иванов *Петровский*, 36-ти лет, в том, что в 1914 г. в пределах Российской империи, состоя членом общества, заведомо для него, подсудимого, поставившего целью своей деятельности, согласно программе и уставу р. с.-д. партии, насильственное изменение в России установленной законами основными образа правления на демократическую республику, причём он, *Петровский*, в качестве члена сего сообщества и для осуществления его задач 4-го ноября 1914 года участвовал на устроенном в квартире крестьян Гавриловых, в Озерках, в доме № 38, по Выборгскому шоссе, тайном собрании членов сообщества, в коем обсуждались предназначенные для посылки на места в местные организации сообщества, составленные на основании директив Центрального Комитета сообщества положения о деятельности сообщества в течение настоящей войны, в коих положениях после указания, что «с точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и её войск», представляется необходимым всесторонняя и распространяющаяся на войска и на театр военных действий, — пропаганда социалистической революции и направления оружия не против своих братьев, — наёмных рабов других стран, — а против реакции буржуазных

правительств, — безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках ячек и групп в войсках всех наций и необходимая пропаганда, как одного из важнейших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и других наряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединённые Штаты?

2) Виновен ли мещанин г. Полтавы Матвей Константинович *Муранов*, 40 лет, в том, что тогда же и там же, состоя членом описанного в первом вопросе сообщества, зная о преследуемых им целях, причём он, Муранов, в качестве члена сего сообщества и для обсуждения его задач 4-го ноября 1914 г. участвовал в вышеупомянутом в первом вопросе собрании членов названного сообщества, с целью учреждения отдельных организаций сообществ в разных частях России, объехал в 1914 г. Поволжье и Урал, во многих местах созывал тайные собрания народа, в которых разъяснял деятельность сообщества и призывал слушателей к революции, на Верхне-Исетском заводе создал организацию сообщества, составив для неё устав, согласно которому члены её признают директивы Центрального Комитета сообщества, составил от имени трёх отделов организации сообщества три мандата о посылке делегатов на предстоящий в Вене съезд рабочих... и хранил у себя в квартире, в г. Харькове, с целью распространения, заведомо зная содержание, три экземпляра воззвания, призывающего пролетариат вести борьбу как за прекращение войны, так и с обнаружившимся уже теперь стремлением русской реакции к захвату чужой территории под флагом освобождения подъяремных народов?

3) Виновен ли крестьянин Орловской губернии, Карачевского уезда, Юрьевского сельского общества, Алексей Егоров *Бадаев*, 31-го года, в том, что тогда же и там же, состоя членом описанного в первом вопросе сообщества, зная о преследуемых им целях, причём он, Бадаев, в качестве члена сего сообщества и для осуществления его задач 4-го ноября 1914 года участвовал в упомянутом в первом вопросе собрании членов сообщества?»

В отношении остальных подсудимых: крестьянина Костромской губернии, Нерехтского уезда, Острецкой волости, Николая Романова *Шагова*, 32-х лет; крестьянина Владимирской губернии, Ковровского уезда, Лежневской волости, Фёдора Никитина *Самойлова*, 32-х лет; потомственного дворянина Валентина Николаева *Яковлева*, 22-х

лет; крестьянина Лифляндской губернии, Вольмарского уезда, Мецкюльской волости, Фрица-Александра *Велюмова Линде*, 22-х лет; крестьянина Костромской губернии, Нерехтского уезда, Сорокинской волости, Ивана Алексеева *Воронина*, 38-ми лет; крестьянина Ярославской губернии, Любимского уезда, Ясинской волости, Ивана Яковлева *Козлова*, 35-ти лет... — обвинение предъявлено по третьему вопросу. В отношении обвиняемой *Гавриловой* обвинительный пункт формулирован следующим образом:

«Виновна ли крестьянка Псковской губернии и уезда, Сидоровской волости, Ульяна Георгиевна *Гаврилова*, 27-ми лет, в том, что, не принимая участия в описанном в первом вопросе сообществе, заведомо для неё преследовавшем описанные в том же вопросе цели, но достоверно зная участников сего сообщества, коим она 4-го ноября 1914 г. предоставила устроить в своей квартире собрание членов сообщества для обсуждения касавшихся деятельности сообщества вопросов, без уважительных причин не довела об этих участниках сообщества до сведения власти?»

По оглашении этих пунктов защита ходатайствует об объявлении перерыва для ознакомления с редакцией вопросов.

После перерыва защита представила ряд ходатайств о дополнении вопросов по данным обвинительного акта, следствия и прений. Прокурор, соглашаясь на некоторые дополнения, возражает против большей их части.

После повторных реплик сторон палата выносит следующее определение: «Обсудив замечания защиты, палата постановляет отказать в ходатайстве защитников о включении декларации фракции в госуд. думе, как не относящейся к делу, и статьи «Защита Интернационала» (из № 33 «Социал-демократа») и пунктов III, IV и V. Остальные ходатайства защиты удовлетворяются, причём в мотивах включения в редакцию вопросов цитат из статьи «Социал-демократия и война» указывается, что эта статья представляет собою окончательную редакцию отношения ЦК к вопросу о войне. В отношении подсудимых Яковлева, Воронина, Козлова и Линде-Печака поставлен дополнительный вопрос по признакам 2-й ч. 164 ст. Угол. улож.».

После некоторых замечаний защиты палата признаёт редакцию вопросов окончательной и в 8 часов 20 минут удаляется в совещательную комнату.

Мы остаёмся ждать приговора. Зал и хоры перепол-

нены, и кажется, что вся публика вместе с нами охвачена напряжённым ожиданием.

После удаления суда в зале появляется большой наряд чинов полиции. Заняв все проходы между стульями среди публики, полицейские выстраиваются в полной боевой готовности.

— Что это значит? — спросил я подошедшего к нам защитника.

— Это меры предупреждения возможной демонстрации протеста против приговора со стороны публики, — ответил он.

Проходит час. Мы ждём, беседуем между собой, но беседа не клеится. У Шагова растерянный вид. У Гавриловой больше чем следует блестят глаза. Защитники куда-то частенько уходят и снова появляются. Они молчаливы и на вопросы отвечают скупο и односложно. И ответы их неутешительны. На мой вопрос одному защитнику: «Что слышно?» — он вполголоса ответил:

— Носятся нехорошие слухи, нужно быть готовыми к худшему.

Время идёт. Наконец, в 11 с половиной часов вечера появляется суд, и в наступившей мёртвой тишине всего зала председатель суда читает следующий приговор:

«Члены госуд. думы Петровский, Муранов, Бадаев, Шагов, Самойлов, а также... Яковлев, Линде и Воронин на основании ч. 1, ст. 102 Угол. улож. приговариваются к ссылке на поселение».

Гаврилова признана виновной по ч. 2 ст. 134 Уголовного уложения (за недонесение) и приговорена к крепости на 1 год 6 месяцев.

«Приговор, — говорилось далее, — по вступлении его в законную силу будет представлен на высочайшее благоволение. В окончательной форме приговор будет объявлен 20-го февраля. Мера пресечения по отношению ко всем подсудимым, кроме Козлова, оставлена без изменений. Козлов объявлен свободным».

Мы приготовились услышать гораздо более суровый приговор и были поражены этой неожиданной «мягкостью». Стало ясно, что приходит конец тюрьме, что ссылка всё же не то, что тюрьма, и наше настроение сразу улучшилось. Только Гаврилова попрежнему невесела: ей предстояло длительное тюремное заключение.

Нас снова уводят в тюрьму...

Идя в тюрьму, я думал о том, что мы больше не депутаты, не «представители народа», а побеждённые пленники, попавшие в руки врага, лишённые всех прав, в том числе права свободного передвижения с места на место, права выбирать по собственному желанию работу и т. д. Но мысль о том, что ссылка, хотя бы и «вечная», — всё-таки не тюрьма, не угрюмые стены одиночки, а воля, как бы урезана она ни была, — эта мысль подбодряла.

Не предвидя, когда и где удастся и вообще удастся ли встретиться вновь, мы крепко обнялись и попрощались друг с другом. Тяжёлые двери одиночных камер снова скрыли нас от внешнего мира.

Суд над думской фракцией большевиков имел огромное революционизирующее значение. Большевики открыто продемонстрировали волю к борьбе за победу революции.

Деятельность думских депутатов делала честь нашей партии. Мужественно вели себя большевики-депутаты перед царским судом, превратив его в трибуну для разоблачения захватнической политики царизма.

В результате судебного процесса над депутатами рабочие-меньшевики переходили на сторону большевиков. Наконец, суд сыграл огромную положительную роль и в том отношении, что революционная социал-демократия хорошо использовала процесс для пропаганды своих большевистских взглядов.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

СОЗЫВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ЕЁ ОТНОШЕНИЕ К НАШЕМУ ДЕЛУ. ПЕЧАТЬ О НАШЕМ ДЕЛЕ. ПЕРЕВОД В «КРЕСТЫ»

27 января 1915 г. после длительного перерыва (с июля 1914 г.) правительство Николая II созвало Государственную думу, чтобы получить её согласие на расходование народных денег для ведения войны.

В это время следствие по нашему делу уже было закончено. Ни одна группа «народных представителей» (мы, конечно, сбрасываем со счёта черносотенцев) не посмела даже внести запрос по поводу нашего ареста. Кадеты отказались подписаться под запросом, и за отсутствием нужного

количества подписей (требовалось не меньше 33) запрос не был внесён. Государственная дума полностью поддержала правительство. Она обошла молчанием наше дело, как будто ничего особенного не произошло.

Либеральные газеты, например «Русские Ведомости», после суда над нами писали, что хотя полной гласности процесса и не было, но он всё же вскрыл большие разногласия в социал-демократической партии; нас обвиняли в принадлежности к внедумской организации социал-демократической партии и т. п. Черносотенные газеты, например «Земщина», продолжали обвинять нас в государственной измене, в «задуманном широком плане разгрома России» и т. д.

После приговора в 12 часов ночи я вернулся в свою камеру. Старик ещё не спал. Когда я сообщил ему приговор, он повесил голову. У него почему-то была надежда, что нас могут оправдать, хотя я всё время старался разъяснить ему, что этого быть не может.

На другой день, когда я отправился в ванную, прислуживающий уголовный, проходя мимо меңа, шепнул:

— Картонка, что ли?

Я сначала не понял и вопросительно посмотрел на уголовного. Он тихо добавил:

— Вам дали картонку?

Догадавшись, что картонка на тюремном жаргоне — каторга, я ответил:

— Поселение.

— Ну, это ещё хорошо, хотя тоже неправильно, — сказал он и хотел добавить ещё что-то, но грозный окрик надзирателя заставил его быстро отойти.

Мне стало ясно, что нашим делом интересовалось не только живущее за стенами тюрьмы «свободное население», но и заключённые в тюрьме.

В результате пережитых волнений моё здоровье ещё более ухудшилось: усилились мигрени, участились сердечные припадки по ночам, появились желудочные боли. Поэтому через короткое время после суда меня освидетельствовал врач, и я был переведён из дома предварительного заключения в «Кресты».

В «Кресты» меня везли в закрытом автомобиле, без окон. Но, проезжая по Литейному проспекту и через Литейный мост, я увидел в маленькое отверстие впереди кусочек Литейного моста и покрытую льдом и снегом Неву. Захоте-

лось выйти на улицу, влиться в толпу спящих с озабоченными лицами прохожих или хотя бы подольше, потише ехать. Вот и остановились. Открывается боковая дверка, передо мной — ворота тюрьмы. Они быстро открываются, и под конвоем солдат я вхожу во двор знаменитой одиночной тюрьмы «Кресты».

Громадное крестообразное в шесть этажей здание тюрьмы отделено от остального мира высокими каменными стенами, такими же, как и в доме предварительного заключения. Здесь тот же особый мир, в котором тысячи людей живут особой жизнью, в тех же условиях строгого подчинения тюремным законам, указаниям и распоряжениям начальства.

Меня привели в тюремную больницу, и в сопровождении надзирателя я отправился в больничную палату. Пройдя по длинному коридору, мы остановились перед железной решётчатой дверью у палаты, кажется, № 6. Надзиратель открыл дверь, и мы вошли в помещение, имевшее шагов 15 в длину и 12 в ширину. Здесь было большое окно, выходящее во двор, на солнечную сторону. В палате почти так же светло, как в обыкновенной жилой комнате, хотя окно с толстой железной решёткой. После нескольких месяцев, проведённых мною в полутёмных мрачных камерах предварилки, это светлое помещение произвело на меня хорошее впечатление.

В палате стояли четыре койки. Все они уже были заняты. На одной из них лежал заключённый с парализованными ногами; на другой — молодой ещё человек, у которого ноги тряслись при ходьбе; на третьей — худой мужчина 30—32 лет с туберкулёзом лёгких; четвертую койку занимал паралитик с плохо двигающейся левой ногой, лет 45—50. Пятой койки не было, и меня поместили на полу у свободной стены.

Когда ушёл надзиратель, я начал знакомиться с моими новыми сожителями. Все они были уголовными и сидели уже давно, некоторые по несколько лет.

Стоял март. Лучи солнца проникали сквозь железную решётку окна в палату, ярко освещали помещение и поднимали настроение у заключённых. В такие минуты туберкулёзный говорил, что его положение не такое уж тяжёлое, что лёгкие его вылечить вполне возможно, стоит для этого только перевестись на юг в одну из крымских тюрем. Там он очень быстро поправится. Он всё собирался писать про-

шение об этом. Безногий мечтал о переводе в специальную лечебницу, где он может вылечить свои неподвижные ноги. Молодой парень говорил, что ему стоит только выйти на волю, как он очень быстро станет ходить.

В коридоре, недалеко от нас, находились палаты-изоляторы для буйных психических больных. В одном из этих изоляторов какой-то больной очень часто шумел, стучал и произносил бесконечно длинные и бессмысленные речи. Он нервировал нас, и мы уже подумывали обратиться к администрации больницы с заявлением о том, чтобы его убрали подальше.

Несмотря на перемену обстановки, состояние моего здоровья продолжало ухудшаться. Плохой аппетит, сердечные припадки и общая слабость продолжали меня сильно беспокоить. Врач частенько заходил в палату, осматривал больных, прописывал лекарства и уходил. Нередко я и сам ходил в амбулаторию. Я сильно исхудал, и врач говорил, что в тюрьме меня лечить очень трудно, что я мог бы поправиться только на воле. Между тем ещё не известно было, сколько времени придётся просидеть в тюрьме, так как срок высылки всецело зависел от усмотрения властей. Это обстоятельство усугубляло моё болезненное состояние.

Старшего врача, повидимому, тоже начало беспокоить моё состояние: он был заинтересован в том, чтобы известный процент заключённых больных вылечивался. Однажды утром в обычное время к нам в палату явился старший врач и, осмотрев меня, сказал:

— Ну, вас придётся перевести отсюда в другое место. Вы всё слабеете и слабеете, схватите, чего доброго, здесь цыngu, тогда придётся за вас отвечать. Сегодня вас переведут в хирургическое отделение.

— Почему в хирургическое, разве мне нужна какая-нибудь операция? — спросил я.

— Нет, операция не нужно, но там почище, воздуху побольше, поудобнее и кормёжка получше, — ответил он.

Некоторые из хорошо осведомлённых в этом деле моих сожителей сообщили мне, что в хирургическом отделении действительно лучше, и очень хорошо, что меня туда переводят.

После обеда за мной пришёл надзиратель. Я распротился с моими сожителями и вместе с надзирателем вышел из палаты. Пройдя коридором через широкий двор тюрьмы, мы очутились в другом здании. Оно оказалось ещё новым,

недавно сложенным из красного кирпича; в нём-то и находилось хирургическое отделение тюремной больницы.

Когда мы вошли в помещение, я ещё в коридоре убедился, что тут действительно гораздо лучше. Потолки были очень высокие, пол коридора каменный, из разноцветных плиток, стены чистые, белые, светло. Мы остановились у последней двери в конце коридора. Вошли в довольно большую комнату с высоким потолком и большим окном с решёткой. Окно выходило во двор, на солнечную сторону, сквозь него было видно несколько деревянных помещений. Это были специальные бараки для туберкулёзных. Деревянный пол комнаты был окрашен в тёмнокрасный цвет, стены и потолок белые. У боковых стен шагах в двух-трёх друг от друга стояли две койки, одна против другой.

При нашем входе с одной из коек встал высокий, богатыйрского сложения мужчина лет сорока пяти. Он сделал несколько шагов нам навстречу, с любопытством глядя на меня.

— Здравствуйте! — сказал надзиратель, обращаясь к заключённому.

— Здравствуйте.

— Вот вам нового соседа привёл.

— Очень приятно, — ответил богатыйр.

Надзиратель указал мне на стоящую у левой стены свободную койку и сказал:

— Вот вам койка. Раздевайтесь и ложитесь.

После ухода надзирателя новый сожитель подошёл ко мне и, протягивая руку, сказал:

— Будем знакомы, сосед, меня зовут Леонтий Николаевич (он назвал и фамилию, но я теперь её уже не помню), а вас как?

Я подал ему руку и назвал себя.

— За что сидите?

Я объяснил.

— Ага! — воскликнул он. — Значит, мы одного поля ягоды.

— Разве вы тоже политический? — спросил я.

— А как же, я тоже политик.

— А по какому делу сидите?

— Церковных канонов не признаю. Я диакон и сажу за незаконные венчания.

— Так, — говорю, — но за это ведь вам, наверное, деньги платили?

— Платили, как же не платили,— отвечает он.

— Где же тут политическое-то преступление? Вы просто зарабатывали хорошие деньги на этом деле и всё.

— Нет, что вы! — возражает он. — Я это делал вопреки церковным канонам, значит, я тоже политик.

Я засмеялся. Он тоже захохотал здоровенным басом, громко повторяя:

— Политик я, хо-хо-хо, политик тоже, хо-хо-хо, одного с вами поля ягода, хо-хо-хо...

Из первого же разговора я понял, что мой новый сожитель весёлый и простодушный человек. Его осудили на три с половиной года арестантских рот. До моего прибытия в хирургическое отделение он просидел в тюрьме уже около двух лет. Тем не менее за время пребывания с ним в одной палате (около трёх месяцев) я ни разу не замечал на его лице ни тени уныния. Он вечно шутил, смеялся, и его весёлый, заразительный хохот хорошо действовал и на меня. В больнице он находился уже несколько месяцев.

В хирургическом отделении было несколько палат, и все они были заполнены больными-уголовниками. Из политических заключённых за время моего пребывания в тюремной больнице я встретился только с одним — Гвоздёвым. У него была тяжёлая болезнь сердца, от которой, как я узнал позднее, он умер в тюрьме.

Некоторые палаты, в том числе и наша, запирались только на ночь. Днём мы могли свободно ходить по коридору.

На прогулку полагался один час. Все больные, которые могли двигаться, гуляли вместе на открытом дворе. Здесь можно было встретить немало интересных людей.

Начиналась весна. Днём каналы с крыш, и по двору кое-где текли ручейки. На карнизах домов и на деревьях звонко чирикали воробьи, ворковали голуби. Побывать на дворе было бы очень приятно, но настроение портили деревянные бараки для туберкулёзных, около которых мы гуляли. В бараках находились тяжелобольные. Из окна палаты мы часто видели, как оттуда выносили гробы. Во время наших прогулок из окон бараков выглядывали исхудавшие, бледные люди. Их измождённый вид говорил, что они доживают последние дни.

В прогулках участвовало несколько капдальников. Вид и звон тяжёлых кандалов тоже производили невесёлое впечатление.

В хирургическом отделении работали два фельдшера, сменявшие друг друга. Изредка заходил врач. Из охраны были два надзирателя, также сменявшие друг друга, и иногда заглядывали ещё два старших надзирателя.

Как с медицинским персоналом, так и с надзирателями у Леонтия Николаевича были налажены хорошие отношения. Он пользовался разными льготами: фельдшеры к нему заходили гораздо чаще, чем в другие палаты, и относились внимательнее, чем к остальным больным. Надзиратели незаметно приносили ему разные продукты, газеты, хотя это было строго запрещено. Это расположение было куплено моим сожителем разными подачками. Благожелательность до некоторой степени распространялась и на меня.

Но с высшей тюремной администрацией Леонтий Николаевич вёл постоянную борьбу за право на некоторые свои привилегии, вроде лишних минут свидания с родственниками и т. п. Особенно упорно он воевал с одним из помощников начальника тюрьмы. Он писал на него жалобы высшему тюремному начальству, требовал его увольнения, а ему самому посылал ругательные письма. В этой борьбе Леонтий Николаевич пользовался поддержкой каких-то «сильных мира сего». В разговорах со мной он часто хвалился, что скоро «покажет» своему противнику. В действительности вышло наоборот: Леонтий Николаевич потерпел полное поражение и был переведён из больницы в тюремную камеру.

Без весёлого, жизнерадостного соседа стало скучно.

Среди уголовных, находившихся в хирургическом отделении, был человек, занимавшийся доносами на заключённых тюремному начальству. Это был здоровый, высокого роста, лет сорока пяти мужчина (фамилии его не помню). Его все ненавидели и иногда угрожали расправой. И вот этого «стуколку», как его называли заключённые, через несколько дней после перевода Леонтия Николаевича в тюрьму посадили ко мне в палату. Я был очень недоволен. Разговаривать с ним было не о чем, да и не хотелось. Это был крайне неприятный тип. Я с нетерпением ждал, когда, наконец, будут закончены последние формальности с нашей кассационной жалобой и нас отправят в Сибирь. Вскоре из «Крестов» я был переведён обратно в предварилку.

СНОВА В ПРЕДВАРИЛКЕ. В СИБИРЬ

Жалоба наша была подана в сенат 9 марта. Подавая жалобу, мы хотели протянуть время и лишний раз напомнить о себе через печать. На благоприятный результат жалобы мы, конечно, не надеялись.

Однажды в мою палату явился надзиратель и предложил следовать за ним. Одному уголовному он приказал нести мои вещи.

Мы пошли сначала в контору, а оттуда в камеру, где я остался один. Было уже далеко за полдень. Я лёг и не вставал до утра следующего дня. Проснувшись рано, я оделся, умылся, получил кипяток и напился чаю. Потом стал тихо шагать по камере. Явился надзиратель.

— Ну, господин Самойлов, — сказал он, — пойдёте переодеваться.

— То есть как переодеваться? — спросил я, не понимая в чём дело.

— В казённую одежду...

Мы пришли в кладовую. Надзиратель предложил мне выбрать одежду из множества серых парусиновых арестантских брюк, бушлатов и фуражек. Я быстро нашёл наиболее подходящую для себя арестантскую одежду, и мы снова отправились в мою камеру. Там я переоделся во всё казённое и приобрёл вид «настоящего арестанта». В этот же день я понял, что это значит. Когда я вышел в сопровождении надзирателя во двор и вошёл в один из прогулочных треугольников, старший надзиратель вдруг закричал:

— Снять фуражку!

В недоумении я оглянулся и сквозь частокол треугольника увидел какого-то удаляющегося тюремного начальника.

— Когда проходит начальство, нужно снимать фуражку! — крикнул мне надзиратель.

Этого никогда раньше не было. Я понял, что причиной такого отношения ко мне был мой арестантский костюм «лишённого всех прав».

По ночам у меня попрежнему бывали сердечные припадки, поэтому, кажется, на третий день по прибытии из «Крестов» ко мне в камеру посадили уголовного. Это был молодой парень, лет двадцати двух, по фамилии Кулагин.

Во время сердечных припадков он оказывал мне необходимую помощь. Он относился ко мне неплохо, но сидеть с ним пришлось недолго.

3 июня 1915 г. меня и моих сопроцессников вызвали в контору и объявили, что на следующий день, 4 июня, мы будем отправлены в Сибирь прямо из предварилки, а нашим жёнам сообщили, что нас отправят числа 6-го. Это было сделано, чтобы избежать проводов, которые могли устроить нам наши товарищи.

За несколько дней до этого мы написали заявления о разрешении ехать в Сибирь в своей одежде и обуви. Но в этом нам отказали. Разрешили только надеть свои ботинки или сапоги вместо тюремных котов и своё нижнее бельё. Верхнее платье — арестантский халат из серого казённого сукна, брюки и фуражку пришлось надеть казённые.

Утром на другой день нас подвергли дактилоскопии, т. е. при помощи туши произвели снимки с наших пальцев и всей кисти. Потом после обеда явился врач и внимательно осмотрел нас, чтобы выяснить, нет ли каких «особых примет».

После всех этих формальностей я вложил в переданный мне женой мешок (по-тюремному «майдан») бельё, надел новое арестантское платье, ожидая вызова в контору тюрьмы. Предстояло дальнейшее путешествие, которое должно было навсегда оторвать нас от родных мест, и всё-таки я был рад, что так или иначе вырываюсь из мрачных стен одиночки.

Скоро явился надзиратель.

— Ну, господин Самойлов, — сказал он, — забирайте свои вещи и пойдёте в контору.

Я взял на плечи мешок и вместе с надзирателем вышел из конторы.

Надзиратель шёл быстро, мне с мешком на плечах было трудно поспевать за ним. В это время я увидел впереди нас в коридоре только что вышедшего из камеры Шагова. Он шёл тоже с мешком на плечах за надзирателем. Надзиратели встретились и остановились. Остановились и мы с Шаговым, поздоровались и обменялись несколькими словами.

— Тебе трудно тащить свой депутатский портфель? — смеясь спросил меня Шагов.

— Да, брат, этот портфель мне тащить нелегко. Оно и ничего бы, да вот здоровьишко сильно изменяет, — ответил я.

— Ну, давай, я тебе помогу,— сказал он и, взяв мой мешок, вместе со своим легко взвалил себе на плечи.

— А не тяжело тебе будет?

— Нет, нет, силёнка-то у меня ещё есть. И самого тебя могу прихватить.

Подошли ещё некоторые из наших, и мы двинулись дальше по коридору.

Скоро нас привели в находившуюся близ конторы большую комнату, где обыкновенно собирали всех отправляемых из тюрьмы. Здесь собрались все сопроцессники. Было около 9 или 10 часов вечера. Нам наценили на грудь номера и сфотографировали каждого в отдельности в нескольких видах. Потом принесли ручные кандалы. Пришли конвойные солдаты, а за ними явился какой-то полковник. Вытянувшись перед ним в струнку, конвойный унтер-офицер спросил:

— Прикажете надеть наручни, ваше высокоблагородие?

— Нет, обойдётся без наручней,— ответил полковник.

— Но я ведь отвечаю за это, ваше высокоблагородие,— настаивал унтер-офицер.

— Это уж будет на ответственности начальника конвоя, а не на вашей,— сказал полковник.

— Слушаюсь.

На этом их разговор кончился. Мы поняли, что нам делают «льготу» и мы поедем без кандалов.

Явился конвойный офицер. Было отдано распоряжение приготовиться к отправке. Солдаты приступили к осмотру содержимого наших мешков. У некоторых они успели выложить все вещи и начали рыться в них. Но конвойный офицер сказал солдатам, чтобы осмотрели мешки только снаружи. После осмотра мы взяли мешки на плечи и отправились под конвоем во двор тюрьмы. Там нас ожидал большой автомобиль. Вместе с конвойными солдатами мы быстро уселись в него и двинулись в путь. Автомобиль был закрытый, и мы ничего не видели по дороге.

На Николаевском вокзале нас поместили в арестантский вагон (обыкновенный вагон третьего класса, но с решётками на окнах и дверях). В наше распоряжение было предоставлено два купе, остальную часть вагона занял конвой.

Мы думали, что из-за неожиданного изменения срока отправки никто не придёт провожать нас. Однако жёны

наши узнали об отправке и пришли на вокзал. Близко к нам их не пустили, но перекинуться несколькими словами через окна вагонов всё-таки удалось. Конвойный офицер разрешил передать нам принесённые продукты и некоторую сумму денег. Кто-то принёс цветы, но конвой запретил их передачу. Среди немногих провожающих нас было несколько случайно попавших незнакомых нам рабочих. Несмотря на охрану, они подошли к окну вагона и, узнав, кто мы, крикнули стоявшему у окна Муранову:

— Не горюйте, товарищи, выручим!

На вокзале нам пришлось пробыть около часа. Потом наш вагон был прицеплен к отправляющемуся на Вологду поезду, и мы двинулись в путь. Это было в ночь с 4 на 5 июня 1915 г.

ФРАКЦИЯ ДУМСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ В ССЫЛКЕ

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

ОТ ПЕТРОГРАДА ДО КРАСНОЯРСКА. СТОЯНКА В ВОЛОГДЕ. КРАСНОЯРСКАЯ ТЮРЬМА. ОТПРАВКА НА «МЕСТО ВОДВОРЕНИЯ»

Несмотря на положение изгнанников, отправлявшихся на вечное поселение в далёкую Сибирь, мы, очутившись после длительного срока одиночного заключения снова вместе, первое время чувствовали себя хорошо. Ночь прошла в разговорах, и уснули мы только к самому утру.

На другой день я проснулся довольно поздно и, выглянув сквозь решётку окна, увидал по обеим сторонам линии железной дороги поля и кустарники. Поезд шёл быстро. От Петрограда мы проехали уже не одну сотню вёрст.

Я встал и осмотрелся. Почти все товарищи уже проснулись и лёжа разговаривали между собой. Конвойные находились на своих местах. От вагонного коридора наши арестантские купе были отделены железной решёткой. За решёткой ходил солдат и зорко следил за всем, что происходило в нашем купе.

Скоро все встали. На одной из станций конвойные достали кипяток, и мы приступили к чаепитию. Возобновилась оживлённая беседа на всевозможные темы. Так начался первый день нашего пребывания в арестантском вагоне.

К вечеру прибыли на большую станцию, Череповец, в 371 километре от Петрограда. Там снова пили чай и закусывали. Настроение было неплохое, все казались весёлыми, только Шагов представлял исключение. Ещё в

тюрьме он заболел острым нервным расстройством и имел вид убитого большим горем человека.

На следующее утро прибыли в Вологду. Здесь наш вагон отцепили от поезда и поставили на запасный путь, вдали от вокзала. Через несколько часов с разрешения конвойного офицера мы получили из вокзальной столовой обед из двух блюд. Его принесли нам официанты. Это был наш первый обед с обыкновенными тарелками и ложками вместо тюремных чашек и деревянных ложек.

К вечеру наш вагон снова подали к станции. Вокруг собралась толпа. Видимо, она старалась узнать, кого везут. Конвойные слегка покрикивали на собравшихся, но люди, несмотря на это, подходили к вагону, заглядывали в окна.

В нашем поезде было ещё два арестантских вагона с уголовными, и, чтобы нас напугать, Муранов написал на узенькой полоске бумаги «депутаты» и незаметно для конвойных наклеил её на оконном стекле вагона. На бумажку немедленно устремилось несколько десятков глаз. Мы подошли ближе к окнам. Нас узнали, и в толпе произошло движение. На некоторых лицах я заметил слёзы, а какой-то рабочий уже ходил по толпе, собирая деньги. Кто-то из нас крикнул:

— Товарищи, у нас деньги есть, не надо собирать!

Толпа окружила наш вагон. Мы слышали возгласы:

— Прощайте, товарищи, не падайте духом, мы вас не забудем, постараемся выручить!

Прошло часа два. Наш вагон отвели на другой путь, и мы потеряли из виду своих вологодских товарищей. Через некоторое время вагон прицепили к поезду, и мы поехали дальше.

На этот раз мы попали в состав почтового поезда и ехали значительно медленнее, чем до Вологды. Остановки были чаще и длиннее.

На следующий день останавливались в Буге и Галиче, проехали много других станций. 8 июня прибыли в Вятку и, не задерживаясь там, с этим же поездом поехали дальше. Через несколько часов местность стала более гористой. Дорога пошла в гору. Чувствовалась близость Урала. Поля перемежались с большими лесами.

В Пермь прибыли рано утром и скоро двинулись дальше. Начался Урал, очень лесистый в этой части. Дикая, горная природа была своеобразно красива. Сквозь окна проникал свежий, бодрящий горный воздух. Так,

любуюсь окружающими видами, мы провели несколько часов. К вечеру прибыли в Екатеринбург ¹, оттуда выехали только на следующий день.

Приехали в Камышлов. Здесь кончалась Европейская Россия и начиналась азиатская её часть — Сибирь. Это была граница, через которую мы, согласно приговору, уже не имели права перейти обратно ².

Урал кончился, и скоро местность стала ровной. Проехали Тюмень, потом Омск — одну из крупнейших станций этой железнодорожной линии. В пути мы находились уже около пяти-шести дней. За это время раза два сменялись конвойные офицеры, но конвойные солдаты оставались те же, что выехали с нами из Петрограда.

Погода стояла тёплая, солнечная. Была половина июня. На некоторых станциях уже продавали землянику. Мы покупали её, как и другие продукты, через конвойных. Конвойные не отказывали нам ни в каких просьбах, покупали на станциях всё, что бы мы ни просили, опускали в почтовые ящики наши письма. Один из конвойных оказался бывшим петроградским рабочим и сообщил нам, что участвовал в выборах А. Е. Бадаева в Государственную думу. Мы иногда пели революционные песни, и солдаты, повидимому, слушали нас с удовольствием. Офицеры конвоя также не проявляли к нам особой строгости. Они часто подходили к нашим купе и через решётку заводили разные разговоры. Это нам порядочно надоедало.

В Омске мы успели пообедать, затем поздно ночью проехали большую станцию Барабинск и на другой день прибыли в Новониколаевск ³. Здесь стояли довольно долго. Потом снова двинулись в путь. Стали попадаться большие деревни сибирского типа, с избами, покрытыми плоскими соломенными крышами. Миновали крупные станции — Богонскую, Юргу и Тайгу. Началась глухая, тянущаяся почти сплошь от станции до станции тайга.

Нам сообщили, что в одном из арестантских вагонов люди задыхаются от тесноты и духоты. Там ехали уголовные. Мы обратились к конвойному офицеру с требованием поместить к нам несколько уголовников, но он на это не согласился.

¹ Ныне Свердловск.

² По тогдашним законам все перешедшие Урал ссыльнопоселенцы карались за это тремя годами каторги и по отбытии наказания высылались обратно в Сибирь.

³ Теперь Новосибирск.

Прибыли в Красноярск. Это было 10 или 11 июня 1915 г. Здесь наши конвойные сдали нас новому, красноярскому, конвою и уехали обратно в Петроград.

Кончился первый этап нашего путешествия. До Красноярска мы ехали дней семь. За время пути, находясь в кругу товарищей, я несколько оправился, но всё-таки был ещё очень слаб, а до пересыльной тюрьмы путь надо было проделать пешком. Тюрьма находилась в версте от станции, но даже это небольшое расстояние мне с моим арестантским мешком пройти было трудно, и товарищам пришлось помогать мне.

У ворот красноярской пересыльной тюрьмы мы встретились с группой административно высылаемых политических. Их было человек двадцать, среди которых оказалось пять-шесть знакомых правдивистов и других товарищей. Все обрадовались этой неожиданной встрече, бросились друг к другу с приветствиями и расспросами, кто куда идёт, надолго ли. Они шли в разные места (куда именно, теперь уже не помню). Но долго беседовать не пришлось — мы вошли во двор тюрьмы.

Пересыльная тюрьма состояла из нескольких средней величины корпусов, обнесённых высокой каменной стеной. Широкий, просторный двор. У одного из одноэтажных зданий мы довольно долго ждали, пока нам приготовили помещение. Наконец, нас ввели в большую, чисто вымытую общую камеру с несколькими окнами и деревянными нарами. Это была своего рода привилегия. Мы заключили, что с нами продолжали считаться, как с депутатами, несмотря на наше положение бесправных ссыльнопоселенцев.

Камеру нашу убирал постоянный уборщик—уголовный в кандалах. Он проводил у нас целые часы. Это был тёмный, неграмотный человек, бродяга, совершивший какое-то тяжёлое преступление. Оно заставляло его скрывать своё имя и звание. Он жаловался, что с него не снимают кандалы, несмотря на данное тюремным начальством обещание.

Кроме него к нам в камеру иногда заходил другой кандалник, тоже из уголовных. Это был интересный тип. На вид ему было лет тридцать пять. Худощавый, высокий и бледный, он казался интеллигентом. В глазах его светился ум и какая-то затаённая грусть. Мне очень хотелось узнать его тайну. Но все вопросы — кто он, откуда, как попал в положение вечного кандалника — оставались без ответа.

Несколько раз к нам в камеру заходил ещё один интеллигентный тип из уголовного мира, старик лет шестидесяти. Он работал в тюремной кухне и часто приходил сообщить нам, что кипяток готов. Иногда он рассказывал занимательные эпизоды из жизни тюрьмы и ссылки.

Спали мы на деревянных нарах. Помещение было большое, воздуха хватало. Зато по ночам становилось очень свежо, и под одним арестантским халатом (одеял нам не давали) спать было холодновато.

После обеда, около часу дня, выходили на прогулку. Гуляли по часу и больше на дворе, покрытом невысокой травой. Мы расстилали на траве свои арестантские халаты, лежали на них и грелись на солнце. Так в ожидании указания места нашей высылки или, как это называлось официально, «места водворения», прошло несколько дней. За это время ходили в общую тюремную баню и к врачу. Что неотступно занимало нас и тревожило, — это вопрос о месте нашего будущего постоянного жительства. Хотелось, чтобы нас послали на юг, в Минусинский уезд.

Через четыре или пять дней после нашего прибытия в пересыльную тюрьму в нашу камеру явилось какое-то тюремное начальство и объявило, что мы будем отправлены на север Енисейской губернии, в Туруханский край, т. е. за полторы тысячи километров от Красноярска, вниз по реке Енисею, по направлению к Ледовитому океану.

Это назначение порядочно испортило нам настроение. Об условиях жизни в Туруханском крае никто из нас почти ничего не знал. Известно было только, что край этот дикий и малонаселённый, что там очень суровый климат, с длинными, холодными зимами и очень коротким летом. Уголовные рассказывали нам, что в Туруханском крае нет обыкновенных жилых построек, а живут там только в юртах или чумах охотничьи племена вроде остяков и тунгусов. Само собой разумеется, что ехать туда у нас охоты большой не было.

На седьмой день нашего пребывания в красноярской тюрьме нам предложили собираться в путь. За воротами тюрьмы ждали лошади, запряжённые в телеги. Нас рассадил человек по три вместе с конвойными, и мы поехали через город к паровой пристани.

Ехали быстро, нас страшно трясло, телеги поднимали тучи пыли. Когда, наконец, добрались до пристани, мы все были в пыли.

У пристани нас ожидал довольно большой пароход. На берегу собралась толпа, которую немедленно удалили конвойные. Нас ввели на пароход и направили в трюм.

Всё ещё не хотелось верить, что мы поедем на далёкий север. У каждого из нас таилась надежда, что пароход наш пойдёт не по течению реки — на север, а против течения — на юг.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

ОТ КРАСНОЯРСКА ДО ЕНИСЕЙСКА. ЕНИСЕЙСКАЯ ПЕРЕСЫЛЬНАЯ ТЮРЬМА. НА ЛОДКАХ ПО ЕНИСЕЮ

Под колёсами парохода забурлила вода. Мы поехали. Трюм, в котором мы разместились, освещался 10 или 12 маленькими круглыми окнами. Они были прорезаны настолько низко, что при каждом повороте парохода трюм заливало водой. Приходилось часто закрывать окна, а стояла страшная жара. В трюме было душно. Он разделялся деревянными нарами на две половины: одну из них занимали солдаты (человек восемь), в другой помещались мы, девять ссыльнопоселенцев.

Большую часть времени мы проводили у окон, из которых была видна желтовато-серая вода реки и левый её берег. Вид был очень однообразен: голые скалы, угрюмая пустынная тайга, среди которой тут и там виднелись тонкие остроконечные верхушки высоких сухих пихт, елей и лиственниц. Их так много, что трудно решить, каких деревьев тут больше — зелёных или сухих. От множества мёртвых лесных великанов прибрежная тайга кажется ещё угрюмее, наводит тоску.

Мы ехали по величайшей из сибирских рек, по Енисею, вниз по течению, с юга на север, в отдалённое глухое местечко, село Монастырское, административный центр Туруханского края, за полторы тысячи километров от губернского города и от ближайшей линии железной дороги. Поэтому настроение оставалось пониженным, хотя и приближался давно желанный момент «освобождения». Нередко при остановке парохода близ какой-нибудь маленькой деревушки являлась мысль: «Хорошо бы здесь остаться и не ехать дальше, в глубь далёкого дикого севера...»

До узедного города Енисейска мы ехали около двух суток и прибыли туда поздно вечером. По неизвестной причине начальство хотело было оставить нас в трюме парохода на ночь, но трюм так надоел, что мы решительно запротестовали. Нас отправили в местную пересыльную тюрьму.

Тюрьма находилась в противоположной от реки части города, и мы шли туда по одной из главных улиц. В темноте мы старались разглядеть улицу. Судя по ней, город был маленький, бедный, грязный и страшно пыльный.

В тюрьме мы убедились, что попали из огня да в полымя. В небольшой камере уже находилось несколько десятков человек. Все нары и большая часть грязного пола были заняты спавшими.

При нашем появлении многие проснулись и повставали со своих мест. Нас обступили, засыпали вопросами: кто мы, откуда, по какому делу, куда идём? Когда мы назвали себя, раздались радостные восклицания. Среди присутствовавших оказались знакомые товарищи. Кто-то зажёл маленькую, сильно коптящую керосиновую лампочку, и при её тусклом свете мы с большим трудом разместились — кто на полу, кто на уступленных некоторыми товарищами местах на нарах. Я поместился у кадки с водой, на самой дороге к клозету.

Несмотря на позднее время и усталость, мы ещё долго разговаривали и заснули, когда сквозь толстые решётки маленьких окон уже стал проглядывать бледный рассвет.

Проснулся я от шума и суматохи, поднятой вставшими арестантами. Я хотел было передвинуться на освободившееся более спокойное место, чтобы ещё немного поспать, но мне сказали, что спать уже некогда. Было половина шестого, а в шесть часов начиналась поверка, к которой все обязаны умыться, одеться и вообще привести себя в полный порядок. Чувствуя себя разбитым и усталым от бессонной ночи и путешествия в трюме, я встал, убрал свою «постель» и стал ждать очереди умываться.

Умывались здесь же, около стоявшей у клозета кадки с водой. Воду черпали небольшим ржавым ковшом и поливали друг друга на руки над большой грязной помойной лоханкой.

Не успели ещё арестанты умыться, как за дверью камеры раздался голос надзирателя: «Приготовиться на поверку!». Все начали строиться в затылок, по три человека в ряд. Минут через пять открылась дверь камеры, и под

команду «мирно» вошли начальник тюрьмы и надзиратель. Они прошли между рядами выстроившихся арестантов, всех сосчитали и записали. Затем выслушали несколько заявлений и ушли.

Через полчаса два арестанта принесли большой ушат с кипятком, который наливали в чайники тем же ковшом, из которого умывались.

Напившись вместе с другими чаю, я начал рассматривать окружающих. Состав их оказался очень пёстрым. Тут были политические ссыльнопоселенцы, отбывшие каторгу, и административные, военнообязанные — подданные воюющих с царской Россией Германии и Австрии, уголовные и т. д. Из административных, высылаемых на время войны из местностей, занятых театром войны, особенно много было евреев, большинство — глубокие старики. Все они были очень религиозны, строго соблюдали правила своей религии и ничего «запрещённого» этими правилами не ели. А так как в отпускаемой казённой тюремной пище содержится немало примесей этого запрещённого, то им приходилось сидеть на хлебе и воде. На тюремном жаргоне это называлось «сидеть на топоре». Были они страшно бледны и худы, некоторые еле держались на ногах.

Захотелось посмотреть окрестности тюрьмы. Я встал на нары и выглянул через оконную решётку. Синевато-белый дым окутывал всё вокруг (горел лес). Сквозь его густую целену желтоватым пятном тускло проглядывало солнце. С одной стороны виден был небольшой, окружённый каменной стеной тюремный двор, а за ним несколько деревянных домов пригорода. Вдали смутно вырисовывались очертания города. С другой стороны вблизи тюрьмы находилось какое-то строение, похожее на кирпичный завод. Вокруг него рос кустарник. Дальше виднелся низкорослый лес, утопавший всё в том же дыму.

Часов около двенадцати принесли обед — знаменитую тюремную баланду в нескольких больших глиняных чашках. Арестанты собрались группами вокруг чашек и стали есть большими деревянными ложками. Мы тоже вооружились ложками и подошли к одной из чашек. Но с непривычки к такой пище есть почти не могли.

Баланда — солёно-кислая грязного цвета жижа — была очень невкусна и мало питательна. Из чего она приготавлилась, определить нелегко. В ней была какая-то крупа, но количество её вполне соответствовало пословице — «крупина

за крупиной бежит с дубиной». Те арестанты, которые имели возможность покупать продукты, не ели баланды.

После обеда пришёл надзиратель и предложил желающим идти на прогулку. Я надел халат и вместе с другими вышел во двор. Было жарко, пыльно и дымно, но всё же дышалось легче, чем в камере. Приятно было опущать, как сквозь арестантские халат и фуражку солнечные лучи пригревают тело и голову. По двору расхаживали группами и в одиночку. Гуляли мы около часа. Когда вернулись в камеры, нам снова принесли кипяток.

Вечером одному старику-еврею стало дурно от истощения. Заявили надзирателю и потребовали доктора. Но надзиратель сказал, что доктора можно позвать только завтра. Большой остался без медицинской помощи. К утру он немного оправился и был у фельдшера — доктор так и не пришёл.

На следующий день часть обитателей нашей камеры была отправлена на Ангару. Стало настолько свободно, что все могли спать на нарах.

Вечером во время проверки вместе с надзирателем в камеру вошли начальник тюрьмы и уездный исправник. Мы спросили, когда нас отправят, и исправник сообщил, что отправка будет дня через три. Ехать мы должны будем по Енисею на лодках до самого места нашего водворения. Плавание это займёт около двух недель. После ухода начальства мы, заинтересованные предстоящим путешествием, стали расспрашивать о нём арестантов.

Одни говорили, что оно очень утомительно, другие — что оно очень интересно и даже приятно. Но все сходились на том, что самое трудное в нём — мошкара. Арестанты говорили, что мошкара — это страшный бич всей таёжной Сибири, против неё нет никаких средств. Сибиряки надевают на лица частые сетки чёрного цвета, но мошкара проникает и через них и страшно искусывает все открытые части тела.

Один бродяга советовал мазать лицо и руки дёгтем. Он говорил, что насекомые не любят этого запаха и что когда он отправлялся бродяжничать по тайге, то всегда брал с собой дёготь.

Местные товарищи, политические ссыльные, передали нам в тюрьму сетки и съестные продукты, а на другой день во время утренней проверки нам объявили, чтобы мы приготовились к отправке.

Часов около двух нас вызвали во двор. Попрощавшись с товарищами и захватив свои вещи, мы вышли из камеры.

За ворота нас вызывали по одному. Там конвой осматривал наши мешки с вещами.

В момент нашего выхода из тюрьмы ссыльные енисейские товарищи пытались передать нам ещё продуктов на дорогу. Конвойный офицер передачу не принял, и только через некоторое время, уже в пути, т. Перенсон¹ уговорил его разрешить взять продукты.

Я очень ослабел, не мог идти пешком и заявил об этом начальнику конвоя. Офицер ответил, что есть только одна лошадь с подводой для вещей, а нам нужно идти пешком километров шестнадцать до ближайшей деревни — оттуда нас повезут на лодках. Тогда я сказал ему, что до отправки в Сибирь взят из тюремной больницы очень слабым, и попросил заглянуть в мои бумаги, где должна быть соответствующая пометка. В бумагах действительно была пометка, и меня посадили на подводу с вещами. Остальные товарищи пошли пешком вместе с четырьмя конвойными (три стражника и один урядник). Я ехал позади партии и сам правил лошадьё. За мной на второй лошади, запряжённой в тарантас, ехал начальник конвоя — помощник пристава Енисейска.

Стоял жаркий солнечный день, но сквозь дым солнце попрежнему казалось тусклым.

Ожидая нападения мошкеры, мы прикрепили к своим серым арестантским фуражкам сетки. Пока двигались городом, мошкеры было мало, но как только очутились за городом, она тучами накинута на нас, проникала через сетки и больно кусала.

Шли по берегу Енисея мало наезженной дорогой. По обеим сторонам растилалась густая, пестреющая цветами трава. Запах дыма заглушал острый аромат цветущих трав. После почти восьмимесячного тюремного заключения природа производила на нас особенно сильное впечатление. И, несмотря на то, что нас гнали на далёкий север, я был доволен: кончилось, наконец, то время, когда я смотрел на свет и солнце только сквозь тюремные решётки.

Вот и первое жильё местных чалдонов. Маленькая деревянная церковь или часовня стоит в ряд с некрасивыми избами. У большинства домов плоские крыши, без карнизов. Вся деревня выглядит очень убогой. Посредине деревни колодезь. Остановились, попили воды и двинулись

¹ Расстрелян колчаковцами.— Ф. С.

дальше. Начался густой лиственный лес, в котором росли черёмуха, бузина, боярышник, ивы, берёзы, осины, шиповник.

Проехали мост через небольшую реку и направились вдоль неё по песчаному берегу. Лошадь с большим трудом тащила телегу. Попробовал идти пешком, но ноги вязли в песке, и я был вынужден снова забраться на телегу. А товарищи всё-таки шли. Наконец, кончился песок, и дорога опять пошла лесом.

После небольшого подъёма в гору устроили привал. Мы разместились на мягкой траве. К нам присоединился и конвойный офицер. Закурили. Однако мошकारа скоро согнала нас с места. Почти не отдохнув, мы снова двинулись в путь, успев только нарвать по букету цветов. Это были первые собранные нами в Сибири цветы.

Вышли на берег Енисея. Впереди виднелась деревня, а перед нею, колыхаясь от ветра, зеленело ржаное поле. В деревне нас направили к «сборне». Это была небольшая изба, предназначенная для деревенских сходок. В сборне мы побросали свои халаты и шапки вместе с мешками на лавочки и с удовольствием попили холодной воды из туеса¹. Умылись. В это время гостеприимные чалдоны поставили на стол кипящий самовар. После 16-вёрстного перехода по жаре, в дыму, пострадавших от укусов мошек, мы с большим аппетитом пили чай и уничтожали продукты, которыми снабдили нас ссыльные енисейские товарищи.

Пришёл конвойный офицер с урядниками и объявил, что пора собираться. Лодки были уже приготовлены. Надев шапки и халаты, мы взяли мешки, распрощались с чалдонами и вышли к берегу реки. Там стояли большие лодки. В каждую село человек по десять, считая конвойных и гребцов. Гребцы взялись за вёсла, и лодки быстро пошли от берега к середине реки. Там нас подхватило быстрое течение.

Берега Енисея из-за дыма виднелись неясно. Погода стояла тихая, и вода реки была гладкая, как зеркало. Тишину нарушали только крики быстро пролетающих над рекой чаек, уток, гагар.

Через несколько часов, когда солнце уже скрылось, показались очертания деревни, такой же бедной и убогой, как и первая. Причалили к пристани, взяли свои мешки и поднялись по довольно крутому берегу к деревне. Нас встретил собачий лай. Подойдя к первой с краю избе, мы

¹ Туес — берестяная кубышка.

попросились ночевать. Дверь открыл суховатый высокий старик с трубкой во рту. Молодая чалдонка быстро вскипятила самовар. За чаем у нас со стариком-хозяином завязался разговор. Старик жаловался на плохую жизнь.

— Нынче жисть стала здесь очень трудная, — говорил он. — Раньше было легче достать и белку и всякую дичь и хлеб родился лучше, а теперь и белка добывается плохо и дичь меньше попадается. А хлеб и вовсе плохой — была засуха почти всё лето. Вот ещё часто пошаливает медведь, много скота губит — то лошадку задерёт, то корову, а случалось, что и на людей нападал, больно калечил, а то и задирали до смерти. Плохо живём, плохо...

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

АНЦИФЕРОВСКАЯ ТЮРЬМА. В СЕЛЕ ВОРОГОВЕ. МОНАСТЫРСКОЕ. НАШ ДОКЛАД

Переночевав в деревне, с рассветом двинулись дальше. Погода стояла всё та же — солнечная, сухая. Гребли в лодке женщины, а рулевым сидел мужчина-чалдон. Позднее мы узнали, что это обычное явление: здоровые, крепкие мужчины во время лодочных путешествий с ссыльными сидят себе спокойно на руле, а женщины, обливаясь потом, гребут.

В течение многих десятков лет перевозка ссыльных на лодках от деревни до деревни была для крестьян, живущих у реки в Енисейском уезде и Туруханском крае, тяжёлой натуральной государственной повинностью.

Через несколько часов мы прибыли в село Анциферово. Здесь нас встретили товарищи ссыльные. К сожалению, нам не удалось поговорить с ними, потому что новый начальник конвоя (кажется, анциферовский становой пристав) немедленно отправил нас в местную тюрьму. Там мы должны были сидеть до тех пор, пока приготовят лодки, чтобы ехать дальше.

Было ясно, что новый конвой не хочет церемониться, намереваясь обращаться с нами, как с обыкновенными ссыльнопоселенцами. Мы решили дать отпор.

Тюрьма представляла собой маленькую клетку с низким потолком и крохотными, находящимися у самых деревянных нар решётчатыми окнами. Очутившись в этой катажке, мы, даже не сговариваясь, потребовали от стражника немедленно выпустить нас. Стражник доложил об этом

приставу, который ответил, что мы должны сидеть в каталажке, сколько потребуется. Тогда мы начали стучать в дверь, решительно требуя выпустить нас на волю. После этого нас, наконец, освободили.

Скоро мы снова сидели в лодках и плыли дальше. Отношения с конвойным офицером установились полувраждебные, но потом их несколько смягчило следующее обстоятельство.

Спасаясь от сильного лесного пожара, в реку бросались белки, стремившиеся переплыть на другой берег. Река широкая, и много зверьков погибало. Мы встретили несколько плавающих белок. Конвой решил открыть на них охоту. Увлёклись и мы. Одну белку поймали живьём. Схватившего её пристава она больно укусила за палец руки. Пришлось оказывать ему помощь, делать перевязку. Белку посадили в небольшой деревянный ящик, имевшийся у конвойных. Вызванное охотой приподнятое настроение оставалось ещё долгое время. Под его влиянием сгладилось неприязненно-спесивое отношение к нам пристава.

К вечеру приплыли в Устьистицкое, переночевали и рано утром поехали дальше. Здесь с правой стороны в Енисей впадает приток Пит, и река делается ещё шире.

Прошло ещё несколько дней в пути. Расстояние от станка до станка ¹ было от 18 до 25 километров. Деревни походили одна на другую: избы из толстых брёвен, большей частью с плоскими крышами. В избах грязь, множество клопов и тараканов. Улицы покрыты навозом, потому что скот здесь не загоняется на ночь во дворы, а остаётся на улицах, прямо под окнами изб. Чалдоны малоподвижны, но крепко сложены, сильны физически и большей частью простодушны и гостеприимны. Пищу всюду доставали почти одну и ту же: простоквашу, рыбу, хлеб, картошку и иногда яйца. Во многих деревнях встречались с ссыльными товарищами.

На седьмой или восьмой день прибыли в село Ворогово, километрах в 400 от Енисейска, — это граница между Енисейским уездом и Туруханским краем. Здесь наш конвой снова сменился. Анциферовский пристав сдал нас приставу вороговскому.

По соглашению с новым начальником конвоя решили подождать, пока подойдёт пароход, чтобы ехать на нём.

¹ Так назывались прибрежные деревни.

Пробыли в Ворогове дня два-три. За это время отдохнули, сходили в баню. Правда, всем вымыться не удалось, так как нехватило воды.

В Ворогове жили, как все люди: ходили гулять на улицу, играли в городки — словом, первый раз за много месяцев почувствовали себя почти свободными.

Наконец, пароход пришёл. Мы запаслись продуктами и двинулись в дальнейший путь. Ехали на пароходе ещё в течение четырёх или пяти суток. Останавливались очень редко, только в наиболее крупных станках.

На одиннадцатые или двенадцатые сутки со дня нашей отправки из Енисейска, 5 июля 1915 г., мы прибыли на место нашего водворения — в село Монастырское.

Солнце после знойного дня склонялось уже к западу, когда наш пароход подходил к высокому берегу, на котором раскинулось захолустное сибирское село. От берега отчалила лодка и направилась нам навстречу. В лодке сидел человек и быстро работал вёслами. Скоро мы узнали Я. М. Свердлова и замахали ему своими арестантскими шапками. Через несколько минут лодка была у парохода, и Яков Михайлович поднялся на борт. Поздоровались, крепко обнялись. Он сказал:

— Ну, завершили круг своей работы на пользу революции и рабочего класса?! Хорошо, очень хорошо. Садитесь в лодку и поедем на новое местожительство.

Мы погрузились в его лодку и отправились к берегу. Там нас восторженно встретили собравшиеся товарищи ссыльные, среди которых были: Масленников, Спандарян, Швейцер В., Сергущев и др.

Поднялись в гору и направились к жилищу Якова Михайловича. Это был низенький деревянный домик в четыре окна, с одной комнатой и кухней. Яков Михайлович жил здесь с женой К. Т. Новгородцевой и двумя малолетними детьми. Все мы, вновь прибывшие, вместе со встретившими нас товарищами вошли в его квартиру. Нас забросали вопросами о судебном процессе, об этапном путешествии. Мы в свою очередь расспрашивали о жизни в ссылке, о знакомых товарищах.

Первую ночь большинство из нас переночевало на квартире у Якова Михайловича.

Территория Туруханского края в четыре раза больше Германии, а жителей в нём тогда было всего около 10 тысяч человек. Правил краем так называемый отдельный

пристав, подчинённый непосредственно енисейскому губернатору. Этот пристав был здесь почти неограниченным самодержцем. За несколько лет до нашего прибытия административным центром края был город Туруханск, находящийся в 35 километрах от села Монастырского, в стороне от Енисея. Перевод краевого центра в Монастырское объяснялся тем, что село было расположено на главном и единственном водном пути, соединявшем край со всем остальным миром.

На другой день после приезда мы с утра начали знакомиться с новой обстановкой. В селе была маленькая белая церковь, школа, полицейское управление, больница, тюрьма, около 45 деревянных домов и три бакалейных лавочки. Это в верхней части села, на горе, где жили местные жители. Внизу, на берегу реки, у самой воды, стояли остячьи чумы, или юрты, крытые древесной корой. Там жили исключительно остяки. Всё население Монастырского занималось охотой, торговлей и рыбной ловлей.

Вокруг села на сотни и тысячи вёрст простиралась необъятная дикая тайга, населённая только зверями и птицами. Среди тайги совершенно терялось несколько десятков разбросанных по берегам Енисея жилых людских местечек — станков.

Мы приехали в середине лета. Тайга в это время года кипит всевозможными зверями, птицами, пресмыкающимися. Уже поспели ягоды — голубика и кислица (гонобобель и красная смородина).

Отдохнув после месячного этапного путешествия, мы с помощью товарищей начали подыскивать себе квартиры.

Бадаев, Шагов и я поселились на окраине, у самой тайги, по соседству с Я. М. Свердловым.

Наша квартира состояла из двух комнат. В одной — побольше, с двумя окнами и двумя дощатыми самодельными кроватями, — поселились мы вдвоём с Бадаевым. Другую — с одним окном и такой же самодельной кроватью — занял Шагов.

Вскоре после нашего приезда было устроено собрание всех здешних ссыльных большевиков. На собрании вместе с нами присутствовало 18 человек. Специально на это собрание приехал И. В. Сталин. Он в это время находился в ссылке в Курейке, по течению реки Енисей, ниже села Монастырского.

Сталин часто наезжал в Монастырское. Он пользовался для этого как нелегальными путями, так и всякими легальными возможностями, придумывая каждый раз какой-нибудь повод для поездки. Находясь в ссылке, И. В. Сталин руководил всей подпольной работой в крае.

На собрании Г. И. Петровский сделал доклад о нашем процессе. Он отметил отсутствие руководства фракцией во время процесса (это входило в прямую обязанность Каменева). Именно поэтому у нас не было общего плана поведения, и члены фракции выступали и вели себя на суде кто как умел.

После доклада развернулись оживлённые прения, в которых выступали Сталин, Свердлов, Спандарян, Яковлев, Муранов и др. Выступавшие отмечали ошибки, допущенные нами на суде, говорили, что мы недостаточно твёрдо заявили о своём отрицательном отношении к войне. Все указывали на совершенно недопустимое поведение Каменева, который не только не выполнил своей обязанности — руководить фракцией, но занял позицию оборонца и предательски вёл себя на суде.

И. В. Сталин в своём выступлении, говоря о допущенных нами на суде ошибках, сосредоточил внимание на общем значении суда над думской большевистской фракцией для дела революции. Он указал, что процесс над фракцией большевиков, осуждённых за открытое выступление против войны с думской трибуны, имел огромное значение для революционной мобилизации масс.

Сталин разоблачил капитулянтскую, антибольшевистскую, предательскую позицию Каменева и заклеил его позорное поведение на суде.

Резолюция, принятая на заседании, вместе со специальным письмом была послана В. И. Ленину за границу. Эта резолюция была разослана в большевистские организации и явилась одним из руководящих партийных документов в то время.

На второй или третий день после этого собрания Сталин уехал в своё место ссылки.

Через некоторое время, в связи с ожидавшимся тогда созывом очередной сессии Государственной думы, мы послали на имя председателя Родзянко следующую телеграмму:

«Председателю Государственной думы. Копии Керенскому и Чхеидзе.

Лишённые ссылкой в Туруханск возможности представить личные объяснения в пленарном заседании об исключении, считаем долгом перед страной и избирателями заявить, что лишение нас прав членов Думы будет лишением сотен тысяч наших избирателей, рабочих, права подать свой голос в решительный момент истории народов России. Как до суда, так и после него мы остаёмся избранниками рабочего класса, действовавшими всегда и во всех случаях в полном единении с мыслью и чувствами своих избирателей; мы заявляем, что только те, кто вручил нам мандаты, могли бы с выражением своего недоверия к нашей деятельности лишить нас права и обязанности продолжать защищать интересы рабочего класса и программу Российской социал-демократической рабочей фракции в Думе. Отказ Государственной думы признать за создателями процессов право лишения рабочего класса на представительство в Государственной думе — единственно достойный ответ со стороны действительных народных представителей на попытку лишить рабочий класс его представителей в Думе в момент, когда он вынужден выносить на себе неимоверно тяжёлое бремя войны. Настоящее просим огласить на заседании Думы». Ответа, конечно, никакого не последовало.

Мы, вновь прибывшие, начали быстро втягиваться в обычную колею жизни ссыльнопоселенцев. Бадаев, Шагов и я, живя на одной квартире, установили такое разделение труда: Шагов таскал из тайги дрова, Бадаев чистил и приготавливал для варки пищевые продукты, а я рубил дрова, разводил костёр, варил и жарил еду. Питаться приходилось главным образом рыбой и дичью. Привозные съестные продукты были дороги. Хлеб и прочие сельскохозяйственные продукты были, конечно, привозные, так как здесь вследствие слишком короткого лета и особо суровой зимы земля никогда полностью не оттаивала и ничего не родила. Кроме рыбы и дичи часто варили кисель из красной смородины и голубики, которые собирали сами в тайге. Обед готовился на костре, на треножнике.

Вскоре после приезда некоторые из наших сопроцессников взялись за разные работы. Так, Воронин нанялся в монастырь косить, Линде взялся помогать одному ссыльному латышу строить дом, Муранов в одной из лавочек вёл бухгалтерские книги. Живший по соседству с нами

Я. М. Свердлов возил воду с Енисея (колодець там нет) на лошади одного чалдона и обслуживал метеорологическую станцию. Остальные занимались рыбной ловлей. Рыбы в Енисее очень много, и наш улов часто служил нам обедом.

Надзор полиции за нами установился очень строгий. Каждое утро, часов около шести, к нам являлись стражники и, убедившись, что мы не бежали, уходили обратно. Они будили нас своим ранним появлением и причиняли нам большое беспокойство. На этой почве между нами и стражниками нередко происходили столкновения и споры.

Часов около шести утра раздаётся стук в дверь.

— Кто там? — кричу я, просыпаясь.

— Откройте, — слышится из-за двери.

— Да кто это?

— Стражник.

— Ну что вам нужно, что вы не даёте спать?

— Я должен вас проверить. Откройте.

— Ну, проверяйте. Какое безобразие, никогда не дадут выспаться! — говорю я и, открыв дверь, впускаю стражника.

— Мне что... Я не виноват, господин Самойлов, я только выполняю свои обязанности, — отвечает он и, осмотрев комнаты, уходит.

Мы целые дни проводили на воздухе. После продолжительного заключения и путешествия по этапам мы с удовольствием отдыхали и чувствовали себя довольно сносно. Только мысль о приближающейся длинной туруханской зиме с шестьюдесятью, а иногда и больше, градусами мороза нагоняла тоску. Но в присутствии Я. М. Свердлова, всегда весёлого, жизнерадостного и бодрого, тоскливое настроение быстро рассеивалось.

Вместе с другими товарищами я готовился к встрече холодного времени. Мы подыскивали тёплое помещение, так как дома, в которых мы поселились, были очень ветхи.

Неожиданно в конце июля туруханский пристав сообщил нам, что от высших властей получено телеграфное распоряжение о немедленной отправке нас обратно в Енисейский уезд, в село Яланское (в 35 километрах от Енисейска), приблизительно на 1 100 километров к югу от села Монастырского. Нам было предложено немедленно собираться в обратный путь.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ОТ МОНАСТЫРСКОГО
ДО ЕНИСЕЙСКА.
В ЕНИСЕЙСКЕ. НАШ ДОКЛАД ССЫЛЬНЫМ

Я плохо себя чувствовал и собирался ехать парохом, которого ожидали здесь в ближайшее время. Вместе со мной согласились дожидаться парохода Бадаев и Шагов. Остальные, не теряя времени, на другой же день отправились на лодках к Енисейску.

На третий день после их отъезда полицейский пристав, ссылаясь на полученное от высшего начальства распоряжение, предложил гг. Бадаеву и Шагову ехать немедленно на лодках. Мне не хотелось оставаться одному, и, посоветовавшись с врачом, я решил ехать вместе с ними. В начале августа (числа 3-го) мы, попрощавшись с остающимися политическими ссыльными, втроем уехали из Туруханского края.

На этот раз пришлось плыть против течения, и не по середине реки, как во время поездки сюда, а у самого берега, и не на вёслах, а на собаках. Лодка шла в 10—15 шагах от берега, на руле сидел чалдон, а по берегу бежали собаки и тянули лодку бечевой. Собаки хорошо знали своё дело. Они бежали довольно быстро, и мы делали километров по десяти в час.

В каждой деревне сменялись наши провожатые, лодка и собаки. Мы останавливались только на ночь для короткого сна, а на рассвете пускались в дальнейший путь.

Мы вновь плыли по могучей сибирской реке, среди дикой природы необъятной тайги. Тишину нарушали только крики птиц да изредка лай и грызня тащивших лодку собак.

Иногда, во время особо больших переходов от одной деревни до другой, делались привалы. Мы приставали к берегу, выходили из лодки, разводили костёр, кипятили воду и пили кирпичный чай.

Попадалось множество плавающей птицы — утки, гадгары, кулички. Они не боялись людей и часто большими стаями спокойно пролетали совсем низко над нашими головами. Встречавшиеся на прибрежных деревьях совы, филины относились так равнодушно к нашему появлению, что их трудно было вспугнуть даже выстрелами. Во время одного привала стражник несколько раз выстрелил из

револьвера в сидевшего на высокой ели филина. Но птица продолжала спокойно сидеть на месте.

Однажды мы с Шаговым попробовали сделать маленькую прогулку в глубь тайги, чтобы размять уставшие от сиденья в лодке ноги. Сопровождавшие нас стражники, вопреки нашему ожиданию, не только не остановили нас, но даже не спросили, куда мы идём. Когда мы вошли в тайгу, то убедились, что она совершенно непроходима: так много было там свалившихся старых толстых деревьев, лежавших одно на другом. Нижние слои этих трупов таёжных великанов настолько истлели, что от одного прикосновения рассыпались в труху и пыль. Среди этих останков плотной стеной стояли живые, полные сил деревья. Нам стало ясно, почему стражники были равнодушны к нашим попыткам заглянуть в глубь тайги: они были уверены, что мы не сможем даже попытаться бежать.

Бездорожье и полная невозможность передвижения по туруханской тайге «стерегли» политических ссыльных лучше всяких полицейских дозоров, каменных стен и тюремной стражи.

Мы не проехали и четвертой части нашего пути, как погода начала меняться, напоминая о приближении суровой сибирской зимы. По утрам всё было покрыто белым инеем, и мы сильно мёрзли в своих арестантских халатах.

С появлением утренников среди густой зелени таёжной чащи запестрели яркие краски осени. Листья делались золотисто-жёлтыми, тёмнобордовыми, яркокрасными. С каждым днём перемена погоды давала себя чувствовать сильнее: с севера, от холодного океана, быстро двигаясь, догоняла нас зима.

Встречавшиеся на остановках ссыльные товарищи говорили, что нас, видимо, собираются амнистировать, потому, мол, и переводят поближе к Енисейску. Мы в это мало верили.

Через несколько дней езда наскучила и сильно утомила нас. Собаки, вначале тянувшие лодку не хуже хорошей лошади, теперь двигались гораздо медленнее: на берегу Енисея появилось много утонувшей и выброшенной рекой белки. Несмотря на окрики и побои погонщика, собаки останавливались, чтобы полакомиться беличьим мясом, грызлись, путали упряжку. Сидевший на руле чалдон кричал: «Усь-усь-усь... Та-та-та... Усь, язви вас...», но, видя, что это не помогает, причаливал к берегу,

выходил из лодки и долго орудовал толстой дубиной, унимая собак. Подобные истории происходили часто и задерживали наше путешествие.

Дней через 8—9 после отъезда из села Монастырского мы добрались до воинской заставы (граница между Туруханским краем и Енисейским уездом). Здесь по обоим берегам реки были выстроены сторожевые помещения, в которых жили стражники-солдаты. Они должны были строго следить за всеми проезжающими вниз и вверх по реке и задерживать не имеющих установленных пропусков.

Приехали мы туда поздно вечером, поэтому пришлось остаться ночевать. Оставив лодку с собаками на берегу, мы направились было в сторожку, но из-за сильной тесноты, духоты и дыма спать там было невозможно. Тогда Бадаев и я (Шагов всё-таки остался в сторожке) с разрешения конвоя отправились спать на берег в лодку. Мы уже засыпали, как привязанные к лодке собаки начали отчаянно выть и лезть к нам. Пришлось встать и пойти в сторожку, чтобы выяснить у наших опытных гребцов и стражников, в чём дело. Нам сказали, что собаки чувят приближение медведя. Остаться в лодке было опасно. Пришлось взять собак и вместе с ними переселиться в сторожку.

Утром над рекой стоял небольшой туман. Берега здесь скалистые, поэтому пришлось взять собак в лодку и двигаться дальше на вёслах. Постепенно туман сгущался и вскоре плотно окутал всё вокруг. Мы очутились в густой мгле, потеряли ориентировку и плыли, не зная куда. На сравнительно небольшом расстоянии от села Ворогова, около которого мы тогда находились, были пороги. Мы рисковали налететь на них, и тогда лодку, несомненно, разбило бы о камни. Положение становилось весьма опасным. Всё-таки мы проплыли ещё несколько часов, пока не услышали с берега звон колоколов. Нам удалось выбраться к правому берегу реки и пристать к селу Ворогову.

Там мы встретили жён Шагова и Бадаева (последнюю с тремя детьми). Они направлялись в село Монастырское.

На другой день мы все вместе снова двинулись в путь, уже на трёх лодках, которые от Ворогова до деревни Плотбище, свыше 400 километров, тянули лошади, а иногда люди. В новой компании стало веселее, и эта часть пути прошла незаметно.

К конечному пункту нашего речного путешествия, к деревне Плотбище, подъехали поздно вечером. Там встретили

нескольких ссыльных, так называемых военнообязанных. Это были главным образом евреи.

В этой деревне нам долго пришлось спорить с урядником из-за помещения. Нас приглашала на ночёвку жена одного ссыльного, а урядник ни за что не разрешал нам пойти. Он предлагал очень тесное и грязное помещение, от которого мы категорически отказались. В конце концов нам дали другую, более удобную комнату. Не успели мы привести себя в порядок с дороги, как к нам пришли местные ссыльные. Появился чай и всевозможные яства. Нам задавали множество вопросов, и за оживлённой беседой мы просидели до глубокой ночи.

Утром мы поехали на телегах в место нашей приписки — село Яланское. Ехать предстояло километров 35, через тайгу. Погода стояла ещё не холодная, но очень сырая, шёл дождь. Наши арестантские халаты сильно промокли.

В Яланское приехали вечером. Нас встречала группа политических ссыльных и прибывшие сюда раньше наши товарищи. Они приготовили для нас большой деревянный дом, в котором мы и разместились. Здесь мы узнали, что согласно полученному распоряжению начальства нам, пяти депутатам, разрешено жить в городе Енисейске.

Муранов и Петровский, прибывшие на три дня раньше нас, уже уехали в Енисейск. Остальные четыре наших процессника должны были оставаться в Яланском.

На другой день, вымывшись в бане, приготовленной заботливыми ссыльными товарищами, мы выехали в Енисейск. Там явились к исправнику, самодуру Бахову, хорошо известному политическим ссыльным.

— Ну, господа, — сказал нам Бахов, — вам разрешено жить в городе. Подыщите себе квартиры и сообщите мне ваши адреса. Больше ничего. Вы свободны.

Это было 22 августа.

Муранов и Петровский приготовили нам квартиры в двухэтажном полукаменном доме. Там мы и поселились. Не успели мы осмотреться, как появилась проживавшая здесь Хая Матвеевна — так её все звали — и увела нас к себе обедать. Она содержала столовую, где питались многие ссыльные. С этого дня мы начали у неё столоваться.

Как и в селе Монастырском, мы вскоре после приезда собрали всех местных ссыльных социал-демократов и сделали им доклад о нашем процессе. Это происходило в том

же доме, в котором мы поместились, в комнате, занятой Мурановым и Петровским.

На собрании присутствовало довольно много народу. Прения были горячие. Часть товарищей стояла за одобрение нашего поведения на суде, а часть (1—2 человека)—против и предлагала вынести нам что-то вроде порицания. Ввиду разногласий была избрана комиссия из трёх человек для выработки резолюции по нашему докладу. Комиссия выработала резолюцию, осуждавшую наше поведение на суде.

Устроили второе собрание и вновь поставили на обсуждение этот вопрос. В результате собрание отвергло резолюцию комиссии и вынесло другую, одобряющую деятельность нашей фракции.

В феврале А. Е. Бадаев поехал в Красноярск, где также сделал доклад о нашем процессе. Там тоже приняли резолюцию, одобряющую наше поведение на суде.

Живя в Енисейске, мы начали переписываться со своими избирателями, членами местных партийных организаций. Несмотря на строгость цензуры военного времени, эта переписка проходила довольно благополучно. Мы писали в Россию и получали оттуда ответы.

Получали от петроградских товарищей и газеты (некоторые, как, например, «День», по несколько экземпляров). Часть газет пересылали другим политическим ссыльным в Туруханский край и на Ангару.

Получали книги и единственный, оставшийся ещё не закрытым властями большевистский журнал «Вопросы страхования».

Через этот журнал фракция отзывалась на некоторые юбилейные историко-революционные даты (например, День печати).

Изредка к нам доходили письма из-за границы, от близко стоявших тогда к ЦК партии товарищей.

Я переехал вместе с Бадаевым на новую квартиру. В день переезда ко мне приехала семья.

Во второй половине сентября тёплая, солнечная погода в одну ночь резко изменилась. Ещё накануне мы гуляли в лёгкой летней одежде, а проснувшись на другой день, увидели покрытые снегом улицы. Началась суровая сибирская зима. Морозы доходили до 50° по Реомюру, а на реке бывало ещё холоднее.

Во время таких холодов печи во всём городе топили два раза в сутки — утром и вечером. Да и этого часто бывало

недостаточно. В особо холодные дни мы с Бадаевым поочерёдно топили печку ещё и по ночам. Толстые берёзовые дрова клали в печку нерасколотыми, от этого печка накаливалась до такой степени, что на стенках её появлялись трещины.

По утрам город тонул в густом морозном тумане. Нельзя было различить ни домов, ни прохожих.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

ВЕСТИ ИЗ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА.

ЗАСЕДАНИЕ ФРАКЦИИ

И ОБРАЩЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

До нас дошла волнующая весть о варварской расправе царских палачей с ивановскими рабочими.

Это произошло в обстановке кровопролитной империалистической войны, когда в тыл везли раненых и искалеченных, а на фронт гнали на убой всё новые и новые эшелоны рабочих и крестьян. Цены на предметы первой необходимости росли, а реальная заработная плата всё время понижалась. Иваново-вознесенцы, как и все рабочие того времени, голодали.

Ещё в июле 1915 г. ивановцы, руководимые местной большевистской организацией, прекратили работу. На второй день забастовки многотысячная толпа рабочих явилась к городской управе и предъявила срочно прибывшему в город губернатору свои требования о немедленном нормировании цен на продукты питания и повышении заработной платы. Губернатор дал письменное заверение в том, что уполномоченные, избранные для переговоров с ним, не будут подвергнуты никаким репрессиям (как это было в 1905 г.). Было обещано снизить на 20—40% цену на муку. Через три дня стачка была прекращена.

Но, несмотря на некоторый успех стачки, продовольственное положение рабочих скоро опять начало ухудшаться. Продукты дорожали. К тому же с рынка совсем исчезли соль, пшено и другие продукты. Недовольство рабочих росло, власти забеспокоились, шпики и агенты полиции усилили слежку. Крупнейшие городские торговцы нагло требовали от полиции решительных мер для

охраны их от рабочих, которые якобы собирались громить и грабить магазины.

У полицмейстера, жандармерии и у начальника воинского гарнизона начались совещания, на которых был разработан план кровавой расправы с рабочими.

Губернатор разрешил использовать для расправы воинские части местного гарнизона.

Всё началось с того, что, несмотря на обещание губернатора не подвергать репрессиям руководителей июльской стачки, в ночь с 21 на 22 августа 1915 г. они были арестованы по распоряжению жандармского ротмистра. Это была провокация жандармов с целью вызвать рабочих на выступление.

23 августа рабочие всех предприятий города дружно, как один человек, прекратили работу. Не подозревая о готовящейся кровавой бойне, они густыми толпами пошли к сборному пункту, на площадь городской управы. Оттуда собравшиеся отправились за город, к Успенскому кладбищу. Здесь на организованном митинге выступали члены большевистской организации. Рабочие постановили предъявить требования об освобождении арестованных и повышении заработной платы. Настроение бастующих сильно поднялось, и они двинулись в город. Придя к городской управе, они вызвали полицмейстера и потребовали у него освобождения арестованных. Полицмейстер ответил решительным отказом. В это время на площади неожиданно появился освобождённый из-под ареста рабочий Зиновьев, виднейший руководитель июльской стачки.

После речи Зиновьева о тяжёлом положении рабочих и о необходимости борьбы за его улучшение раздались крики: «Идём к тюрьме освобождать арестованных!»

Зиновьев пытался возражать, но в этот момент разнёсся слух, что арестованных отправляют в другой город. Настроение бастующих ещё более повысилось. Подчинившись массе, желавшей во что бы то ни стало освободить арестованных, Зиновьев пошёл впереди рабочей демонстрации к тюрьме, через Приказный мост. На противоположной стороне моста возбуждённой толпе преградил путь отряд солдат в полной боевой готовности.

Это была посланная начальником гарнизона воинская застава, состоявшая из двух взводов солдат 6-й роты местного 199-го пехотного запасного полка.

Зиновьев обратился к солдатам с речью, уговаривая их не стрелять в своих братьев — рабочих. В этот момент были даны три свистка — сигнал к стрельбе. Вслед за этим раздался залп, и несколько человек, в том числе Зиновьев, упали замертво. В толпе произошла паника, раздались стоны раненых и проклятия убийцам. Вслед за первым залпом прогремели ещё два. На мостовой, истекая кровью, корчились в предсмертных муках десятки жертв. За убежавшими погнались казаки, беспощадно избивая их нагайками и прикладами.

На месте расстрела осталось около сотни убитых и раненых. Последних в ночь с 23 на 24 августа 1915 г. под прикрытием воинских частей полиция развозила по больницам и лазаретам. К утру кровь была смыта пожарной командой и мостовая засыпана свежим песком. Прибывший в город судебный следователь по особо важным делам начал следствие по обвинению рабочих, якобы «напавших на воинскую заставу». Все раненые были привлечены к ответственности по 123-й статье Уголовного уложения.

В городе на заборах красовалось объявление властей о запрещении каких бы то ни было собраний. Стачка прекратилась. Враги рабочего класса торжествовали победу.

Во время этой зверской расправы было убито на месте и умерло в больницах и лазаретах 30 человек и ранено 53 человека.

* * *

Но вернусь к нашему подневольному пребыванию в Енисейске. Мы довольно регулярно устраивали свои заседания, на которых обсуждали все текущие вопросы. Вначале полиция нас не беспокоила, и только во время заседаний, происходивших в большинстве случаев у меня на квартире, у ворот дома и на углах улицы стояли стражники или шпики, «охраняя» нас от проникновения «посторонних лиц».

Несмотря на это, заседания фракции нередко посещали и другие политические ссыльные. Кроме того, ссыльные организовывали и специальные дискуссионные собрания.

На одном из наших заседаний было вынесено решение ещё раз обратиться к Государственной думе с требованием принять все зависящие от неё меры защиты наших попранных прав. Выступали мы в этом обращении как представи-

тели рабочего класса России. Обращение послали в Петроград на имя председателя Думы, а копии — Чхеидзе и Керенскому. Как и первое наше обращение, посланное ещё из села Монастырского, оно не дало никаких результатов.

В середине зимы Петровский и Шагов поступили на работу: первый — на пристань по ремонту пароходов, по своей специальности (он был токарем), а второй — кассиром в кооператив. Мне, Муранову и Бадаеву найти работу не удавалось. Нам помогали рабочие Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и других городов, присылавшие деньги, собранные на фабриках и заводах. Это давало нам возможность довольно сносно существовать и даже делиться с другими нуждавшимися политическими ссыльными. Материальное положение ссыльных всех трёх категорий (административных, ссыльнопоселенцев по суду и поселенцев, отбывших каторгу) было разное. Первые получали незначительное казённое пособие и кое-как перебивались.

Правда, выдачу пособий задерживали иногда месяцев на семь, и тогда нужда доходила до крайних пределов. Остальные две категории не имели и этого и в подавляющем большинстве жили впроголодь. Тяжёлое положение усиливала дороговизна на продукты питания.

Ссылным не разрешалось никуда отлучаться из места их приписки, а места эти, за очень редким исключением, были или небольшие сёла, или бедные деревни. Заработать кое-что там можно было только летом на крестьянской работе, а зимой приходилось буквально голодать. Для этих категорий ссыльных особое значение имели существовавшие тогда в местах ссылки нелегальные кассы взаимопомощи. Несмотря на то, что начальство считало эти организации преступными и применяло все меры к их ликвидации (тюрьма, высылка в более отдалённые места и т. д.), они всё же продолжали функционировать.

Приблизительно в декабре 1915 г. наша фракция совместно с другими товарищами предприняла обследование положения политических ссыльных в Енисейской губернии. С этой целью мы разослали по всем местам ссылки соответствующую анкету. Это явилось предлогом для похода властей против нас. Когда из разных мест начали по адресу членов фракции — Петровского, Бадаева и моему — поступать заполненные анкеты, енисейский жандармский ротмистр произвёл у нас тщательный обыск.

Во время обыска были отобраны заполненные анкеты. Было создано «дело». Организаторов вызывали на допрос. Жандармы искали повода для привлечения к ответственности и высылки наиболее активных депутатов, чтобы распылить, разъединить фракцию.

До конца апреля стояли холода, и только в первых числах мая сразу наступила тёплая, настоящая весенняя погода. Снег начал быстро таять. В ночь с 4 на 5 мая нас разбудил сильный шум и треск, доносившиеся с реки. Это Енисей, грозно бушует, ломал толстый лёд. Выйдя на улицу, я увидел горы громадных льдин, нагромождённых одна на другую. Спустя некоторое время река вышла из берегов, и с нижней набережной улочки раздались крики о помощи. Городская беднота с крыш своих убогих хат, залитых водой, звала на помощь. Скоро по затопленной набережной засновали взад и вперед лодки. Вода всё прибывала и прибывала. В этот день вся нижняя часть города была затоплена, сообщение поддерживалось только на лодках. Когда через некоторое время уровень воды понизился, енисейские политические ссыльные стали устраивать путешествия на пасаку в тайге на лодках по небольшой речке, впадающей в Енисей немного ниже города.

Пасекой заведывал тогда политический ссыльный. Место, где находилась пасака, было красивое, и прогулки доставляли нам много удовольствия. Мы там проводили время во всевозможных спорах на политические и другие темы, а иногда просто пели песни и гуляли по тайге.

Потом речка обмелела, ездить по ней на лодках стало трудно, и мы прекратили свои прогулки.

По успокоившемуся и вошедшему в свои берега Енисею открылась навигация. К этому времени я получил разрешение переехать в Минусинск. Исправник выдал мне «проходное свидетельство», и с одним из первых пароходов я выехал из Енисейска.

В конце мая или в первых числах июня по делу об упомянутых выше анкетах был арестован Петровский. Наша фракция послала министру внутренних дел телеграмму с протестом и требованием немедленного освобождения Петровского и назначения расследования всего дела. Одновременно были посланы телеграммы Чхеидзе и Керенскому с просьбой поддержать наш протест и требование расследования. Но это не возымело никакого действия, и Петровский, просидев некоторое время в енисейской

тюрьме, был выслан административным порядком в Якутскую область, где находились в ссылке Серго Орджоникидзе, Емельян Ярославский. Вместе с ними Петровский пробыл там до Февральской революции 1917 г.

В то же лето Шагов, Муранов и Яковлев (последний жил в селе Яланском), получив разрешение начальства, выехали на жительство в другие места (Шагов — в Минусинск, остальные — в Ачинск).

До ареста Петровского мы, депутаты, не подвергались репрессиям со стороны властей. Только каждое утро нас «проедывали». Но другие политические ссыльные подвергались иногда за одну только связь с нами большим репрессиям.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

С «ВОЛЧЬИМ БИЛЕТОМ» ПО ЕНИСЕЮ. ЖИЗНЬ В МИНУСИНСКЕ

От Енисейска до Красноярска мы ехали с так называемым «волчьим билетом», но без конвоя. К нашему пароходу прицепили баржу с большой партией германских и австрийских военнопленных. Некоторые из них немного говорили по-русски. Они находились под стражей, но с двумя-тремя мне всё-таки удалось побеседовать. Говорили о войне, о позиции германской социал-демократии в этом вопросе. Все мои собеседники были рабочие и вполне соглашались со мной, что германские социал-демократы изменили интересам международного пролетариата, что мы, рабочие, не должны воевать друг с другом и что нам надо единым фронтом выступить против буржуазных правительств.

— Буржуазия тоже поступает так, как и немецкие социал-демократы, — говорил я им. — Я вот депутат от рабочих, член нашего парламента, а вы немецкие рабочие; тем не менее все мы в данное время пленные русского царского правительства. Разница между нами в том, что вы пленные войны империалистической, а я пленник другой войны — гражданской; вы пошли воевать, наверное, помимо своей воли, а я добровольно...

Мои собеседники говорили о своих впечатлениях от России. Они были удивлены обширностью нашей страны, которую им пришлось увидеть за время пребывания в плену.

Наконец, приехали в Красноярск. Я хотел побывать у здешних врачей и обратился за разрешением пробыть здесь несколько дней. Разрешили сделать остановку на два-три дня, но я прожил в Красноярске около недели.

Виделся со многими товарищами. Побывал у врачей, осмотрел город и, захватив свою семью, прибывшую сюда раньше меня, отправился дальше.

От Красноярска до Минусинска дорога была интересная: берега Енисея, то низкие, покрытые яркозелёной травой, то крутые, скалистые, местами очень красивы. Дня через три прибыли в Минусинск.

Городок этот расположен среди степей, в 480 верстах от губернского города Красноярска и от железной дороги. Неподальёку находилась монгольская граница. Населения здесь насчитывалось тысяч 13—14. Имелись библиотека, музей, одно или два средних учебных заведения, переселенческое управление, два банковских учреждения, два кооператива. Жители занимались земледелием, скотоводством, огородничеством, торговлей и различными промыслами: выделывали кожи, изготовляли тулупы, шубы, валенки и т. п.

В хозяйственно-экономическом отношении Минусинск являлся центром обширного плодородного края и назывался «житницей Восточной Сибири». Он имел большое значение для всей Восточной Сибири как главный пункт торговли продуктами сельского хозяйства, пушниной, привозимой по Енисею мануфактурой и прочими товарами фабрично-заводской промышленности.

Промышленного пролетариата в Минусинске почти не было. Только в маленьких кустарных мастерских было небольшое количество рабочих. Весной по рукаву Енисея—Протоку ходили суда, и в это время на Минусинской пристани работали грузчики. Довольно большое количество политических ссыльных работало частью в банковских учреждениях и в переселенческом управлении, частью в разных учреждениях (больница, аптека, школа, городское самоуправление и пр.).

По приезду в Минусинск я поселился сначала в меблированных комнатах, а спустя некоторое время нашёл постоянную квартиру.

Лето стояло очень жаркое. Несмотря на то, что городок был маленький и, как многие провинциальные сибирские города, скорей походил на торговое село, всё-таки в нём было очень пыльно и душно. Жить здесь мне было тяжело, и, по совету врача, я обратился к властям с ходатайством о разрешении выехать на лето в деревню. Разрешение дали, и я поехал в село Ермаковское (75 километров на юго-восток от Минусинска).

Местность между Минусинском и селом Ермаковским степная, холмистая, почва чернозёмная. Хлеба высокие, тучные.

Всё расстояние мы проехали за один день: выехали на паре хороших лошадей рано утром, а к вечеру, ещё до захода солнца, уже были в Ермаковском.

Село насчитывало около 400 дворов. Жители занимались хлебопашеством, скотоводством и табаководством. На юго-востоке виднелись Саянские горы. Через село протекала быстрая горная речка с прозрачной холодной водой, берущая своё начало от тающих горных снегов.

В селе жили четверо политических ссыльных.

Поселился я на окраине и, ознакомившись немного с местностью, начал удить рыбу, ходить в тайгу за грибами и ягодами, а иногда и на охоту.

Письма из России приходили сюда редко. Порой было очень скучно, но благодаря хорошей погоде и здоровому климату я заметно поправился. Мы возвратились в Минусинск, когда начались заморозки и тайга заперестрела яркими красками осени.

До сих пор приходилось жить на деньги, присылаемые товарищами из России. Теперь я решил подыскать себе работу. Через некоторое время при помощи ссыльных товарищей мне удалось поступить на службу в городскую управу с окладом 60 руб. в месяц. Мне и ещё одному политическому ссыльному поручили организовать распределение сахара по карточкам среди городского населения.

Приблизительно в это же время в Минусинск приехал Н. Р. Шагов. Он поступил в кооператив заведующим магазином. Таким образом, из пяти членов нашей фракции в Минусинске обосновались двое.

В городской управе мы проработали месяца два-три, вошли в курс дела и наладили распределение сахара. Но однажды нас вызвал к себе городской голова, недавно вернувшийся из поездки в Красноярск. Очень вежливо, со

всякими извинениями он заявил, что вынужден уволить нас, так как губернатор узнал, что в минусинской городской управе служат двое политических ссыльных, вызвал его к себе и потребовал немедленно снять нас с работы. При этом губернатор предупредил городского голову, что он будет строго отвечать за приём на службу политических ссыльных. Нам пришлось оставить работу в управе. Некоторое время я находился в весьма незавидном материальном положении, но недели через две-три нашёл временную работу в местном потребительском кооперативе.

Месяца за полтора-два до Февральской революции мне удалось поступить в переселенческое управление на должность приёмщика хлеба, закупаемого у крестьян.

Усилившаяся к этому времени во всей России чёрная правительственная реакция докатилась и до Минусинска. Проявилась она прежде всего в том, что покладистый до-селе жандармский ротмистр произвёл среди ссыльных множество обысков. Был произведён обыск, между прочим, и у меня. Ночью ко мне на квартиру явилась полиция и отобрала всё, что имелось писанного и печатного: письма, рукописи, книги и пр. То же постигло и многих других товарищей, состоявших в «преступном обществе» (так квалифицировалась жандармами существовавшая тогда нелегально среди ссыльных касса взаимопомощи).

Жандарм, вызвавший меня однажды, заявил, что среди отобранных у меня документов он ничего особо компрометирующего или преступного не нашёл, но в бумагах, отобранных у некоторых других лиц, есть прямые указания на моё участие в этом «преступном деле». Поэтому хотя он и возвращает мне отобранные бумаги, но делу обо мне и других ссыльных должен дать надлежащий ход. Идя на квартиру с полученными бумагами, я думал о том, что меня сошлют куда-нибудь ещё подальше.

В это же приблизительно время была закрыта газета «Южная Сибирь» и её ответственного редактора посадили в тюрьму.

Такова была политическая обстановка в Минусинске накануне февральского переворота 1917 г.

КОНЕЦ ССЫЛКИ. В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПЕТРОГРАДЕ

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ В МИНУСИНСКЕ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТРОГРАД

Примерно 1 марта минусинский исправник получил от иркутского генерал-губернатора приведенную его в недоумение краткую телеграмму приблизительно такого содержания: «Сведения о событиях не оглашайте, помните присягу». Не понимая, в чём дело, исправник поделился с некоторыми политическими ссыльными содержанием этой телеграммы. Это взбудоражило ссылку и вызвало в её среде разные толки.

Не успела эта история облететь всех ссыльных, как из центра поступили сведения, дающие хотя и неясные, но очень правдоподобные объяснения телеграмме. Это были первые вести о революции в Петрограде. Жившая тогда в Минусинске эсерка Бренко-Бренковская днём 2 марта получила телеграмму из Москвы от какого-то родственника. В телеграмме её поздравляли с происшедшими большими событиями и высказывали надежду на скорое свидание.

Эта вторая телеграмма ещё сильнее взволновала ссылку. Но мы ещё не знали, что предпринять, и ждали более определённых вестей из центра. Вечером того же дня другой ссыльный получил телеграмму, в которой уже совершенно определённо сообщалось о падении царского самодержавия и образовании в Петрограде Совета рабочих депутатов и Временного правительства.

С этой телеграммой товарищи пошли по квартирам ссыльных и подняли всех на ноги.

Помню, как явились ко мне. Было поздно, и я соби-
рался уже ложиться спать, но, когда услышал о полученной
новости, с меня моментально слетел сон. Быстро одевшись,
я вместе со всеми отправился на улицу. Мы пошли на почту
и потребовали от администрации показать нам телеграммы
о событиях в Петрограде и Москве. Администрация почты
в выдаче телеграмм отказала. В эту ночь мы долго не
спали, обсуждая положение и обмениваясь мнениями о на-
чавшейся революции.

Утром 3 марта мы снова отправились на почту и уже
более решительно потребовали выдать нам все телеграммы
из центра. В результате требований у нас в руках оказалась
большая пачка телеграмм. Даже из беглого ознакомления
с их содержанием нам стало ясно, что самодержавие пало.

В этот день исправник получил от генерал-губернатора
вторую телеграмму, в которой говорилось, что дольше
скрывать сведения о событиях не имеет смысла. На одной
из больших площадей города духовенство организовало
благодарственный молебен. После молебна перед большой
толпой жителей города выступили с речами некоторые
попы и многие политические ссыльные. Оценка событий
в этих выступлениях была разная, в зависимости от поли-
тических взглядов того или иного ссыльного. Но, пережи-
вая первые впечатления, мы тогда ещё не вступали в боль-
шие политические споры.

Невозможно передать словами те радостные, потряса-
ющие сцены, свидетелем которых я тогда был. Политиче-
ские ссыльные и бывшие каторжане плакали. Начинает ка-
кой-нибудь товарищ свою речь: «Товарищи! Вот уже пят-
надцать лет, как я попал в Сибирь, и уже не думал, что
придётся вернуться на родину и...» — голос прерывается,
оратор не в состоянии продолжать...

Так прошли первые дни. Потом люди с головой ушли в
вопросы организации новых органов власти. Настроение ста-
ло более деловитое и спокойное. Только мой товарищ по Го-
сударственной думе, депутат Шагов, совсем выбился из колеи.
На него так сильно подействовали события, что он потерял
сон, появились признаки психического расстройства. Он
ходил ночью по квартирам, будил товарищей, говоря:

— Вы спите? Какой теперь сон, когда пришла рево-
люция!

Я испугался за него не на шутку. Ещё раньше, в Мо-
настырском, он проявлял некоторые признаки ненормаль-

ности: страдал одно время бессонницей, целыми ночами ходил по комнате, курил и разговаривал сам с собой. Потом это прошло. Теперь всё повторилось, и в более острой форме. Жена Шагова и другие товарищи также сильно этим обеспокоились, но мы надеялись, что это скоро пройдет. Особенности надежды возлагали на предстоящее близкое возвращение в Россию, которое, по нашему мнению, должно было подействовать на Шагова благоприятно. Но, как потом оказалось, мы ошиблись; он серьезно заболел и больше не выздоравливал ¹.

На первом же митинге в городском театре открыто проявились существовавшие среди ссыльных разногласия по вопросу об отношении к происходившей тогда войне.

Был организован так называемый комитет общественной безопасности из представителей всех или почти всех имевшихся среди ссыльных политических течений и нескольких местных жителей. В этот комитет вошли Шагов и я. От отдельных граждан и от органов прежней власти к нам начали поступать заявления о подчинении комитету и о предоставлении себя в его полное распоряжение. Затем была организована милиция. Работа по организации новой власти закипела.

Арестовали полицейских, жандармов и начальника гарнизона; только уездного исправника, считавшегося либералом, оставили на свободе. Всё обошлось гладко, без единого выстрела. Гарнизон без малейших колебаний сразу стал на сторону революции. Все представители прежней власти беспрекословно отдавали себя в руки комитета. Лишь жандармский ротмистр доставил нам немало хлопот. Получив сведения о революции раньше нас, он скрылся из города, и в день ареста полиции в Минусинске его не оказалось. Мы по телеграфу запрашивали Красноярск, Ачинск, но там его не нашли. Однако ротмистр скоро понял, что дело плохо, деваться некуда, и сам явился в городскую думу на заседание комитета общественной безопасности. Попросив слова, он заявил, что пришёл для того, чтобы отдать себя в руки революционного народа. Сняв с себя пашку и револьвер, он передал их одному из членов комитета. После этого меньшевик Иков ² предложил собранию не подвергать жандармского ротмистра

¹ Шагов умер в 1918 г. — Ф. С.

² Осуждён по процессу «промпартии» в 1930 г. — Ф. С.

личному обыску, а взять с него «честное слово офицера», что он сам выложит на стол всё имеющееся у него в карманах. Несмотря на то, что всякий из нас отлично знал, какое могло быть у жандарма «честное слово», и вопреки нашим протестам это предложение было принято. Жандарм выложил что-то из своих карманов и был отправлен в тюрьму.

Так благодушно относились оборонцы-меньшевики и эсеры к заклятым врагам революции — представителям царской власти.

При осмотре жандармского архива выяснилось, что в связи с производившимся следствием о нелегальной кассе взаимопомощи целый ряд лиц из ссыльных, привлечённых к дознанию, предназначался к высылке из Минусинска в разные отдалённые места Сибири; что один из ссыльных оказался провокатором (фамилии его сейчас не помню); что один из почтальонов местного почтового отделения был агентом охранки.

7 марта исправник принёс мне на квартиру полученную им от Временного правительства телеграмму, в которой предписывалось «обеспечить почётное возвращение депутатам Самойлову и Шагову в Петроград». Вручив мне эту телеграмму и вытянувшись в струнку, исправник спросил:

— Когда думаете поехать и сколько прикажете подать лошадей?

Я ответил, что сообщу ему об этом в самое ближайшее время. Козырнув мне, исправник ушёл.

Числа 10—11 марта Шагов и я выехали на тройках хороших лошадей из Минусинска по направлению к Ачинску — ближайшей станции железной дороги.

От Минусинска до Ачинска около 500 километров. Это расстояние мы проехали в весьма необычайной обстановке. В каждой деревне жители встречали нас хлебом-солью. Извещённые заранее о нашем прибытии, крестьяне выходили на середину улицы, выстраивались в ряд по обеим сторонам дороги и снимали шапки. Впереди стояло несколько стариков, и один из них держал хлеб-соль, а другой икону. Такая церемония у крестьян считалась самой почётной встречей, которую они устраивали только высоким гостям. Не принять хлеб-соль означало оскорбить их лучшие чувства. Мы принимали хлеб-соль, а затем открывали митинг, на котором объясняли крестьянам суть и значение происходившей революции. После митинга мы отправлялись дальше.

Весна уже сильно давала о себе знать: снег таял, дорога была плохая, и лошадям приходилось трудно. Несмотря на это, каждая деревня охотно давала нам подводы.

В Ачинске мы сели в поезд, переполненный политическими ссыльными, возвращавшимися в Россию. Почти на всех станциях нас встречали жители и солдаты с оркестром военной музыки, игравшим «Марсельезу». На более крупных станциях устраивались обеды, и всюду нам приходилось говорить, говорить без конца.

Заезжали в Томск, где также выступали на митингах солдат гарнизона. Пробыли в Томске два дня.

До Петрограда было ещё далеко, а многие из нас уже потеряли голос от непрерывных выступлений. Мы перестали выходить из вагонов, но и здесь нас не оставляли в покое. Узнав, что в вагоне есть больные, которые не могут выйти, публика врывается к нам, справлялась о нашем здоровье, приносила цветы и всячески старалась выразить свою радость в связи с происходящей революцией и нашим возвращением из изгнания.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

СНОВА В ПЕТРОГРАДЕ. ПОХОРОНЫ ЖЕРТВ РЕВОЛЮЦИИ. НА ФИНЛЯНДСКОМ ВОКЗАЛЕ. ВСТРЕЧА с В. И. ЛЕНИНЫМ. ДОКЛАД ЛЕНИНА О ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ

Наступил долгожданный день, о котором грезились все эти годы, с первого дня ссылки. Мы снова в Петрограде — центре революции.

На перроне толпы встречающих. Радостные, взволнованные лица. Приветствуют, поздравляют с большой победой. Навстречу протягиваются десятки рук. Несколько крепких рукопожатий, и мы в кругу близких, товарищей по борьбе.

В памяти оживают другие встречи. Тогда мы, лишённые «всех прав» рабочие депутаты Думы, — арестантами шли в «вечную» сибирскую ссылку. Вспомнились слова тогдашних напутствий, которыми провожали наш арестантский вагон случайно находившиеся на перроне рабочие: «Будьте спокойны, товарищи! Мы вас выручим».

Эти слова, прозвучавшие клятвой, спустя 2 года были претворены в великое дело победоносного восстания рабочих и солдат против царя-тюремщика.

* * *

С вокзала, сопровождаемые товарищами, мы попали в бурлящий водоворот многотысячных толп питерцев. На улицах много рабочих и солдат — ликующих, шумных. Всюду митинги и группы громко беседующих, спорящих. Из рук в руки переходят листовки. Доносятся возгласы: «Да здравствует демократическая республика!», «Долой войну!» То и дело проносятся грузовики, полные солдат, вооружённых винтовками. Временами навстречу попадаются необычные группы «прохожих». Это окружённые конвойными арестанты — обезоруженные полицейские, смущённые и как бы полинявшие.

Среди этой многоголосой толпы то там, то тут мелькают котелки упитанного вида господ. Среди них — «бывшие люди», вчерашние держиморды, которых счастливо миновал гнев восставших в первые дни революции. Они, видно, несколько оправились от пережитого потрясения «устоев» и высматривают себе «местечко под солнышком» при новых порядках. Но среди этих господ больше всего буржуа — больших и малых людей из так называемой «оппозиции» его величества. Они тоже «против царя», но больше всего против революции. По временам они смешиваются с толпой, вступают в разговоры, говорят о своём «демократизме», о наступившей «свободе», при которой без помех можно будет «доставить войну до победного конца». Это — нынешние господа положения, которые сегодня, завтра займут, а может быть уже и заняли большие и малые посты в разных ведомствах новоявленного правительства во главе с такими «демократами», как князь Львов, кадет Милоков и октябрист Гучков.

Рабочий Петроград ликовал, празднуя первую победу начавшейся революции. А там, в дворцовых покоях, новые правители вкупе и влюбё с социал-соглашателями, за спиной восставших рабочих и солдат, уже подводили итог «благополучно закончившейся» революции, подсчитывали свои шансы на единовластие, строили новые планы грабительской войны до конца.

* * *

На другой день я участвовал в мощной народной демонстрации — похоронах жертв революции. Это было грандиозное шествие многих десятков тысяч людей. Невский проспект во всю его ширь и длину был занят народом. Хоронить борцов, отдавших свою жизнь за революцию, вышел весь Петроград — мужчины и женщины, старики и дети. Преобладали рабочие и солдаты, было много учащейся молодёжи. Но встречались и чужаки. Эти шли из любопытства, ничем внешне не выражая своего отношения к происшедшему.

Плотная масса людей, подобно бурной реке в половодье, двигалась к Марсову полю — месту погребения погибших. Посреди этого бурного людского потока, колыхаясь, плыла длинная цепь многих десятков гробов. Над ними и вокруг реяли сотни красных знамён, стягов, полотнищ, возглашавших вечную память погибшим и вечное проклятие палачам народной революции.

Без перерыва гремят оркестры, разнося далеко вокруг торжественно грустную мелодию похоронного марша. То здесь, то там раздаются гневные призывы к отмщению. Слышатся плач, рыдания. Кто-то рядом говорит:

— Последние жертвы революции.

И в ответ сознание пронизывает мысль:

— Последние ли?! Нет, первые жертвы последней борьбы за подлинное освобождение рабочих.

Эта демонстрация гнева и печали осталась навсегда в моей памяти.

Петроград жил в эти дни бурной напряжённой жизнью. Многие тысячи людей, до этого тёмных, забытых, для которых политика была чем-то потусторонним, а «политики» — людьми особенными, сами вдруг «прозрели», в течение нескольких дней были захвачены водоворотом политических страстей. Неискушённые в борьбе и не изведавшие всех хитросплетений вражеской тактики, они сразу оказались в плену соглашательских иллюзий. Своей массой они давили на настроение рабочих и солдат. Этим, конечно, не преминули воспользоваться меньшевики и эсеры; пользуясь излишней доверчивостью рабочих и солдат, они постарались затуманить сознание масс обманчивыми обещаниями, заполучить себе и своим сторонникам большинство мандатов в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Победе соглашателей благоприятствовало также и то обстоятельство, что в первые дни революции

большевиков на воле было ещё мало; руководители партии — Ленин, Сталин, Свердлов и другие — находились кто в ссылке и тюрьме, кто в эмиграции. А меньшевики и их лидеры всю войну свободно разгуливали по улицам, помогали правительству одурачивать массы и вести грабительскую войну.

Засев в Совете, меньшевики и эсеры с большим рвением взялись за проведение своей предательской политики всемерной поддержки империалистической войны. Революцию они считали законченной и использовали Совет для передачи власти буржуазии.

* * *

Ко времени моего возвращения из ссылки работа в Петроградской большевистской организации уже значительно окрепла. Каждый день в неё включались всё новые и новые товарищи, выходившие из тюрем, возвращавшиеся из ссылок и эмиграции. Уже вышло несколько номеров нашей боевой рабочей газеты «Правда», которая взяла под решительный обстрел соглашателей и оборонцев всех мастей.

Первые же выступления И. В. Сталина после его возвращения из ссылки внесли ясность в основные вопросы большевистской тактики в той новой и необычной обстановке. Его статьи в «Правде» — «О Советах рабочих и солдатских депутатов», «О войне» и «Об условиях победы русской революции» и др. — вооружали большевиков на борьбу против соглашательского угара, которому подверглись и некоторые члены нашей партии. Мы были крайне возмущены, когда узнали о безобразной выходке капитулянта Каменева на митинге в Ачинске, о его выступлении с оборонческой речью, о посланной им приветственной телеграмме Михаилу Романову и лобзании с ачинскими «отцами города» по поводу «завершённой революции». В Петрограде этот прожжённый оппортунист с группой таких же капитулянтов занял позицию условной поддержки Временного правительства и продолжавшейся войны. Нас, знавших этого предателя ещё со времени судебного процесса думской большевистской фракции, такое поведение Каменева не удивило.

В борьбе за победу большевистской тактики развязывания сил социалистической революции предстояло выдерживать жестокую борьбу как внутри партии против оппортунистов типа Каменева, так и вне партии против меньше-

виков и эсеров, стоявших главным препятствием на пути завоевания широких масс под знамя пролетарской революции, под знамя Советов — полновластных органов власти рабочих, крестьян и солдат.

Под руководством Сталина и Молотова бюро ЦК нашей партии проводило в этот период большую организационную и агитационно-пропагандистскую работу по разоблачению оборонцев и соглашателей, по завоеванию масс на сторону большевиков, по завоеванию большинства в Советах, чтобы затем, опираясь на эти обновлённые Советы и через них, создать новое Временное правительство рабочих и крестьян.

Но тогда, как писал позднее И. В. Сталин, мы, большевики, в поисках новой ориентировки оставались на полдороге в вопросах о мире и власти Советов.

3 апреля из эмиграции приехал в Петроград В. И. Ленин. Я находился в числе питерских большевиков, встречавших Владимира Ильича на Финляндском вокзале. Вся площадь у вокзала была занята рабочими, солдатами и матросами. На площади стоял броневик. Все прилегавшие к вокзалу улицы были также полны народа: это шли рабочие демонстрации встречать своего вождя. Настроение было праздничное, приподнятое. Улицы оглашались пением революционных песен. Несмотря на позднее время (была уже глубокая ночь), народ всё прибывал. Ночную тьму пронизывали лучи прожекторов, заливавшие ярким светом привокзальную площадь. Над сплошным морем голов в ночной темноте колыхалось множество огней. Это были зажжённые факелы, которые несли демонстранты. Всюду виднелись красные знамёна и полотнища с надписью: «Привет Ленину». Томительно шли часы ожидания. Поезд задерживался в пути рабочими демонстрациями, выходящими встречать Владимира Ильича. Но вот, наконец, поезд подошёл к перрону. Трудно словами передать ликование, охватившее всех вокруг. Едва Владимир Ильич сошёл со ступенек вагона, как его подхватили на руки и понесли сквозь толпу на вокзал.

Спустя некоторое время Владимир Ильич появился на привокзальной площади перед народом у броневика. Владимир Ильич хотел было уже начать говорить, но его подхватили матросы и солдаты и подняли на броневик. Как сейчас вижу перед собой Ильича высоко над толпой, в распахнутом пальто, с торчащей из кармана кепкой, с поднятой рукой. Первыми его словами, обращёнными к рабо-

чим, солдатам, матросам, был призыв к борьбе за социалистическую революцию. Эта первая речь Владимира Ильича озарила сознание людей каким-то особо ярким светом.

В сопровождении всей массы народа Владимир Ильич с Финляндского вокзала на броневике направился к дворцу Кшесинской, где тогда находились Центральный и Петроградский комитеты нашей партии. С балкона Владимир Ильич повторил свою речь перед громадной массой народа, собравшейся перед дворцом. И вновь громко прозвучал ленинский призыв, провозглашавший подъём революции на высшую ступень: «Да здравствует социалистическая революция!».

Помню, тогда враги революции, видевшие в Ленине признанного вождя рабочего класса и потому считавшие его своим самым опасным врагом, всячески старались очернить, оклеветать Владимира Ильича. Кадетская «Речь», эсеровское «Дело народа», вторя самым гнусным клеветническим выдумкам черносотенцев, возглавили в печати клеветническую кампанию против Ленина. Но этим подлым, трусливым людишкам было невдомёк, что нет такой силы в мире, которая могла бы оторвать массы от Ленина и Ленина от масс.

Рабочие и солдаты ответили клеветникам множеством резолюций гневного протеста, а затем, в день приезда Ленина, — демонстрацией солидарности со своим вождём.

Утром 4 апреля Владимир Ильич выступил с докладом о войне и революции на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. На это собрание отправился и я. На лестнице, ведущей во второй этаж, где в большой комнате должно было состояться совещание, я встретился с Владимиром Ильичём. Ленин сразу узнал меня, остановил и забросал вопросами: как перенёс ссылку, как здоровье, лечусь ли я и у кого? Как и тогда, в первую встречу в Кракове, Владимир Ильич участливо всматривался в меня своими внимательными пытливыми глазами, как бы ища на моём лице следы перенесённых лишений.

Я ответил Владимиру Ильичу, что перенёс ссылку неплохо, чувствую себя удовлетворительно и готов взяться за работу. Но Владимир Ильич, не дав договорить мне, сказал:

— Нет, нет, вам надо ещё основательно подлечиться. Мой совет вам, обратитесь к профессорам. Эти — специа-

листы, они всю жизнь учатся своему делу, следят за наукой, у них большая практика. Им, конечно, надо хорошо заплатить, но это пустяки. Они помогут вам наверняка.

Взволнованный и ободренный разговором с Владимиром Ильичём, я вместе с другими товарищами поднялся на второй этаж. Собрание было многолюдным.

Слово предоставили Владимиру Ильичу. Бурной овацией встретили большевики своего вождя. Затаив дыхание, вслушивались мы в каждое слово ленинской речи.

Эта речь Ленина, известная в истории под названием Апрельских тезисов, явилась для нас настоящим открытием. Мы, большевики-подпольщики, прошедшие под руководством Ленина и Сталина прекрасную школу борьбы за дело рабочего класса, и после Февральской революции в основном правильно ориентировались в обстановке: сразу в своём подавляющем большинстве заняли непримиримую позицию в отношении буржуазного Временного правительства и империалистической войны и считали революцию далеко не законченной. Но нам не была ясной конкретная перспектива дальнейшей борьбы.

Владимир Ильич в своём докладе решительно провозгласил переход от первого этапа революции (Февральской буржуазно-демократической) ко второму этапу — к революции социалистической, которая должна дать власть в руки пролетариата и бедняцких слоёв крестьянства.

Ленин предложил заменить устаревшее положение марксистской теории, гласившее, что лучшей формой государства переходного к социализму периода является парламентская республика. Он выдвинул тезис о Республике Советов как наиболее совершенной и целесообразной форме политической организации общества при переходе от капитализма к социализму.

Далее Владимир Ильич говорил о грабительском характере продолжавшейся войны, о том, что эту войну нельзя кончить истинно демократическим миром, не свергнув буржуазии. Ленин выдвинул требование: «Никакой поддержки Временному правительству», и призвал большевиков к терпеливой, систематической и настойчивой разъяснительной работе в массах.

Во время доклада Ленина к нам на совещание пришли несколько товарищей снизу и попросили Владимира Ильича повторить свой доклад в зале заседаний Думы, где собрались делегаты, приехавшие на Всероссийское совещание

Советов рабочих и солдатских депутатов. Среди делегатов были большевики и меньшевики. В. И. Ленин согласился. Когда Ленин говорил на этом новом собрании, со стороны меньшевиков слышались громкие реплики, иногда злобные выкрики. Ни на один миг не прерывая нити своего доклада, Владимир Ильич мимоходом парировал выкрики меньшевиков, и меньшевистские крикуны сразу умолкали, блекли, скошенные убийственной ленинской логикой.

Помню особо злобно меньшевики выкрикивали, когда Ленин говорил о необходимости переименовать нашу партию из социал-демократической в коммунистическую, о том, что социал-демократами себя называют и меньшевики и все западноевропейские социал-шовинисты, опозорившие и загрязнившие это название подлой изменой социализму. Пора сбросить «грязное бельё», говорил Владимир Ильич. Когда Ленин кончил свой доклад, с возражением ему выступили меньшевистские лидеры Церетели и Дан. Церетели лицемерно распинался за «единство» и, говоря о своём несогласии со всеми принципиальными положениями, выдвинутыми Лениным, «не терял надежду», что им, меньшевикам, удастся найти «общий язык» с Владимиром Ильичём. Выступивший затем Дан злопыхательски говорил о своём несогласии с Лениным и заявил, что с Лениным им не по пути, что дороги слишком разошлись.

Оба эти выступления — Церетели и Дана — одно блудливое, лицемерное, другое до цинизма откровенное — липший раз подтверждали, что путь империалистической буржуазии уже давно стал путём меньшевистской партии.

Все местные партийные организации на своих собраниях и конференциях одобрили тезисы Ленина и положили их в основу своей практической деятельности.

И только отдельные отщепенцы, вроде Каменева, Рыкова, Пятакова, не имевшие никакой поддержки в партии, продолжали говорить о своём «несогласии» с Лениным и тянуть в болото меньшевизма.

Апрельские тезисы Ленина сплотили и организовали большевиков в Питере и на местах для борьбы за дальнейшее развёртывание революции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие к первому изданию Ем. Ярославского</i>	3
<i>От автора</i>	10

ДЕРЕВНЯ И ГОРОД (1880—1890 гг.)

<i>Глава первая.</i> Деревня. Крестьянская семья. Детство. Рассказы о фабрике	11
<i>Глава вторая.</i> Крестьянский быт. Хозяйство. Деревенские кулаки — «фабриканты».	18
<i>Глава третья.</i> После раздела семьи. Моя работа дома и в поле. Нищета. Переезд в город	22
<i>Глава четвертая.</i> В гостинице. Хозяева, служащие, товарищи	26
<i>Глава пятая.</i> «Мальчик» в магазине. Господа торговцы. Хозяйский расчёт	30
<i>Глава шестая.</i> На фабрике. Нравы и обычаи. Тяжёлая жизнь. Книги	36
<i>Глава седьмая.</i> Первое знакомство с партийными работниками. Организационное собрание ивановских социал-демократов в мае 1903 г. Иваново-Вознесенская партийная организация. Работа в марксистских кружках.	41
<i>Глава восьмая.</i> Листовки и прокламации. Отношение к ним рабочих. Массовки в лесу. Первое столкновение с казаками.	47

1905 ГОД В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ

<i>Глава девятая.</i> Русско-японская война. Положение рабочих перед революцией 1905 г. Революционный подъём масс. Майёвка. Первые стачки ивановских рабочих	54
--	----

<i>Глава десятая.</i> Всеобщая стачка павлово-вознесенских рабочих. Совет рабочих депутатов. «Свободный университет» на Талке. Социал-демократическая организация в период стачки.	63
<i>Глава одиннадцатая.</i> Расстрел на Талке. Стачка продолжается	86
<i>Глава двенадцатая.</i> Первый арест. Допрос у полицеймейстера. Освобождение по требованию рабочих. На фабриках после стачки	105
<i>Глава тринадцатая.</i> Царский манифест. Наши демонстрации. Черносотенцы за «работой». Расстрел безработных . . .	114
<i>Глава четырнадцатая.</i> Иваново-Вознесенская окружная социал-демократическая организация. Первые крестьянские социал-демократические ячейки. Кампания бойкота I Государственной думы. Безработица	130
<i>Глава пятнадцатая.</i> Организации безработных. Возникновение профессиональных союзов текстильщиков	140
<i>Глава шестнадцатая.</i> Иваново-Вознесенский союз РСДРП. Арест М. В. Фрунзе. Выборы во II Государственную думу. Областная конференция профессиональных союзов	148

**ПАРТИЙНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РАБОТА
В ГОДЫ СТОЛЫНИНСКОЙ РЕАКЦИИ (1908—1912 гг.)**

<i>Глава семнадцатая.</i> Выборы в III Государственную думу .	158
<i>Глава восемнадцатая.</i> Массовые аресты. Разгром партийного руководства. Судебный процесс Иваново-Вознесенского союза РСДРП	170
<i>Глава девятнадцатая.</i> Поход против профессиональных союзов. Мой арест. Под гласным надзором полиции. Провал второй подпольной типографии	174
<i>Глава двадцатая.</i> Попытки восстановить организацию. В родной деревне. Новые допросы	186
<i>Глава двадцать первая.</i> Жандармские уловки. Суд. Разгром профсоюзов	191

В IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

<i>Глава двадцать вторая.</i> Новый подъём рабочего движения. Подготовка к избирательной кампании	199
<i>Глава двадцать третья.</i> Избирательная кампания в IV Государственную думу. Проводы депутата	203
<i>Глава двадцать четвертая.</i> Москва — Петербург. Социал-демократы в IV Государственной думе	212
<i>Глава двадцать пятая.</i> Открытие IV Государственной думы .	218
<i>Глава двадцать шестая.</i> IV Государственная дума. Наше отношение к так называемой «объединённой» оппозиции. Декларация правительства Коковцева. Наша декларация	220
<i>Глава двадцать седьмая.</i> Шестёрка и семёрка. Аресты Я. М. Свердлов и И. В. Сталина	230

<i>Глава двадцать восьмая.</i> Отношение властей к рабочему депутату	234
<i>Глава двадцать девятая.</i> Газета «Правда». Работа на местах. Шпики	241
<i>Глава тридцатая.</i> Аресты в Иваново-Вознесенске. Стачечное движение и ликвидаторы. Московская рабочая газета «Наш путь»	245
<i>Глава тридцать первая.</i> Раскол социал-демократической фракции IV Государственной думы. Травля большевиков ликвидаторами	250
<i>Глава тридцать вторая.</i> Страховая кампания. Снова в Иваново-Вознесенске. Поездка за границу и встреча с Владимиром Ильичём Лениным	259
<i>Глава тридцать третья.</i> Уход из Думы Малиновского. Стички бастующих рабочих с полицией в Петербурге. Закрытие рабочих газет. Объявление войны и наша военная декларация	266
<i>Глава тридцать четвертая.</i> Возвращение в Россию. Италия, Греция, Сербия, Болгария, Румыния	272
<i>Глава тридцать пятая.</i> Первое совещание социал-демократической рабочей фракции с партийными работниками в Финляндии	276
<i>Глава тридцать шестая.</i> Второе совещание фракции с представителями социал-демократических организаций в Озерках. Арест	278
<i>Глава тридцать седьмая.</i> В тюрьме. Первый допрос	287
<i>Глава тридцать восьмая.</i> Мои литературные опыты в одиночку	292
<i>Глава тридцать девятая.</i> Первое свидание с женой. Болезнь. Сожитель по камере	301
<i>Глава сороковая.</i> Окончание следствия	308
<i>Глава сорок первая.</i> Организация защиты. Ознакомление с делом. Наши главные показания. Неудачное обвинение в государственной измене	310
<i>Глава сорок вторая.</i> Суд и приговор	314
<i>Глава сорок третья.</i> Созыв Государственной думы и её отношение к нашему делу. Печать о нашем деле. Перевод в «Кресты»	325
<i>Глава сорок четвертая.</i> Снова в предварилке. В Сибирь	332

ФРАКЦИЯ ДУМСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ В ССЫЛКЕ

<i>Глава сорок пятая.</i> От Петрограда до Красноярска. Стоянка в Вологде. Красноярская тюрьма. Отправка на «место водворения»	336
<i>Глава сорок шестая.</i> От Красноярска до Енисейска. Енисейская пересыльная тюрьма. На лодках по Енисею	341
<i>Глава сорок седьмая.</i> Анциферовская тюрьма. В селе Ворогове. Монастырское. Наш доклад	347

<i>Глава сорок восьмая.</i> Обратный путь от Монастырского до Енисейска. В Енисейске. Наш доклад ссыльным. . .	354
<i>Глава сорок девятая.</i> Вести из Иваново-Вознесенска. Заседание фракции и обращение в Государственную думу	359
<i>Глава пятидесятая.</i> С «волчьим билетом» по Енисею. Жизнь в Минусинске	364

КОНЕЦ ССЫЛКИ. В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПЕТРОГРАДЕ

<i>Глава пятьдесят первая.</i> Февральские дни в Минусинске. Возвращение в Петроград	368
<i>Глава пятьдесят вторая.</i> Снова в Петрограде. Похороны жертв революции. На Финляндском вокзале. Встреча с В. И. Лениным. Доклад Ленина о войне и революции	372

Редактор *И. Ильина*

Художник издания *С. Сергеев*

Технический редактор *М. Пиотровиц*

Ответственные корректоры *Р. Кухаренко, И. Соболевская, Л. Морозова*
и *В. Смирнова*

Подписано к печати с матриц 17 мая 1954 г. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Физ. печ.
л. 12. Условн. печ. л. 7,665. Уч.-изд. л. 20,4. Тираж 75 000 экз. А-04237.
Заказ № 1301. Цена 6 р. 20 к.

Государственное издательство политической литературы
Москва, Б. Калужская, 15.

Набрано в первой образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома Главиздата Министерства культуры СССР. Москва, Валовая, 28.

Отпечатано с готовых матриц во 2-й типографии «Печатный Двор» имени
А. М. Горького Союзполиграфпрома Главиздата Министерства культуры СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.